

АНТРОПОЛОГИЯ ВА ЭТНОЛОГИЯИ
МАРДУМИ ТОЧИК: МУҲАҚҚИҚОН,
ЛОИҲАҲО, ЭКСПЕДИТСИЯҲО

АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ
ТАДЖИКСКОГО НАРОДА:
ИССЛЕДОВАТЕЛИ, ПРОЕКТЫ,
ЭКСПЕДИЦИИ

**АКАДЕМИЯИ МИЛЛИИ ИЛМҲОИ ТОҶИКИСТОН
ИНСТИТУТИ ТАЪРИХ, БОСТОНШИНОСӢ ВА МАРДУМШИНОСИИ БА
НОМИ А. ДОНИШ
НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКИСТАНА
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМ. А.ДОНИША**

**АНТРОПОЛОГИЯ ВА ЭТНОЛОГИЯИ МАРДУМИ
ТОҶИК: МУҲАКҚИҚОН, ЛОИҲАҲО,
ЭКСПЕДИТСИЯҲО**

**Маводи конфронси байналмилалӣ илмӣ
Душанбе, 23 июни соли 2023**

**АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ ТАДЖИКСКОГО
НАРОДА: ИССЛЕДОВАТЕЛИ, ПРОЕКТЫ,
ЭКСПЕДИЦИИ**

**Материалы международной научной конференции
Душанбе, 23 июня 2023г.**

Душанбе-2024

ББК 28.7+72 (2 тадж)
А-72

Зери назари/ Под общей редакцией
профессор Н.К.Убайдулло
Мухарир-мураттиб/ Редактор-составитель
д.и.т. Лариса Додхудоева
Мухаррири техники / Технический редактор
Шухратчон Козизода
Ороишгар/Дизайнер
Меҳроҷ Шоев

Маводи конфронси байналмилалии илмӣ «Антропология ва этнологияи халқи тоҷик: муҳаққиқон, лоиҳаҳо, экспедитсияҳо» Душанбе, 23 июни соли 2023. Душанбе: Дониш, 2024. — 295 с.

Конференсияи байналмилалии илмӣ «Антропология ва этнологияи халқи тоҷик: муҳаққиқон, лоиҳаҳо, экспедитсияҳо», ки 23 июни соли 2023 дар Осорхонаи мардумшиносии ба номи М. С. Андрееви Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А.Дониш баргузор гардид, бо мақсади арҷгузорӣ ва ҷамъбасти дастовардҳои пажӯҳишгарон дар самти этнология ва антропологияи халқи тоҷик маҳсуб меёфт. Бо нашри маҷмӯи маводи конференсия умедворем, ки бисёр далелу маълумоти тоза ба гардиши илмӣ мебарояд ва ҳам бо ин восита арҷгузорию худро ба хидмату заҳмати олимони соҳа изҳор гардад.

Международная научная конференция «Антропология и этнология таджикского народа: исследователи, проекты, экспедиции.» Душанбе, 23 июня 2023 г. Душанбе: Дониш, 2024. — 295 с.

Международная научная конференция “Антропология и этнология таджикского народа: исследователи, проекты, экспедиции,” состоявшаяся 23 июня 2023г. в Этнографическом музее им. М.С. Андреева Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана, была посвящена научному анализу достижений отечественных и зарубежных исследователей в изучении этнологии и антропологии таджикского народа. Авторы сборника надеются, что многие новые факты и сведения, впервые вводимые в научный оборот, вызовут интерес у специалистов, а сама публикация станет своего рода данью деяниям наших ученых-предшественников.

ISBN 978-99975-017-3

МУНДАРИЧА

Сухани ифтитохии директори ИТБМ ба номи А. Дониш профессор Убайдулло Н.К.	6
Такдирчунбон (Аз хотира)	
Усто Чаҳонов. <i>Хучанд</i>	10
Саҳми академик Нуъмон Нейматов дар инкишофи илми мардумшиносии тоҷик	
Усто Чаҳонов. <i>Хучанд</i>	15
Первая экспедиция этнографов Таджикистана	
Лариса Додхудоева, Нигора Джураева. <i>Душанбе</i>	26
Антонина Константиновна Писарчик ва нақши ӯ дар омӯзиши этнографияи Кӯҳистони Бадахшон	
Ҳанифа Дарвозиева. <i>Душанбе</i>	35
Научное наследие Н.А.Кислякова в фондах архива Музея антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера)	
Рузибек Бакиев. <i>Куляб</i>	42
Пажухишгори мумтози таърих ва мардумшиносии халқи тоҷик	
Қўрабек Исомиддинов. <i>Хучанд</i>	48
Известный исследователь этнографии народов Северного Таджикистана	
Б.Турсунов, М., Набизода, Дж. Маматкулов, Т Шарипова. <i>Худжанд ...</i>	56
Исследование Н.О. Турсунова «Сложение и пути развития городского и сельского населения северного Таджикистана XIX-начала XX вв.» и его значение для изучения истории ремесел и промыслов таджиков Верхнего Зарафшана	
Мадина Бакиева. <i>Душанбе</i>	62
Елена Михайловна Пещерева: рассказы от первого лица	
Лариса Додхудоева <i>Душанбе</i>	66
К истории изучения керамического производства: исследования Е.М.Пещеревой	
Набиджон Рахимов. <i>Худжанд</i>	76
Праздник весеннего равноденствия в Бадахшане	
Лейла Додыхудоева. <i>Москва</i>	85
Архивные исследования: «махак» и «пасхальная пальма»: об одном таджикско-польском параллельном этнографическом феномене	
Матеуш Клагиш. <i>Краков</i>	92
Эпиграфикаи маишии тоҷикон	
Абдувалӣ Шарифзода <i>Душанбе</i>	102
Вклад русских и советских этнографов в развитие	

этнографической науки Таджикистана	
Сафар Эркаев. <i>Худжанд</i> , Нигора Эркаева. <i>Мичиган</i>	115
Вклад профессора Икромиддина Мухиддинова в визуальную антропологию Таджикистана	
Лариса Додхудоева. <i>Душанбе</i>	119
М.Р.Рахимов и М.А.Хамиджанова - знатоки духовной и материальной культуры таджиков	
Зинатмо Юсуфбекова, Мумина Шовалиева. <i>Душанбе</i>	127
Вклад А.С. Давыдова в исследование народного творчества Верхнего Зарафшана	
Бакиева Мадина. <i>Душанбе</i>	133
Этнокультура таджиков Верхнего Зарафшана в экспедиционных документах отрядов под руководством М.Р. Рахимова	
Додхудоева Лариса. <i>Душанбе</i>	139
Н.Х. Нурджанов-исследователь памирской музыки	
Бахринисо Кабилова. <i>Душанбе</i>	148
Изучение этнографами советской России традиционного костюма таджиков по музейным экспонатам	
Муродали Иброхимов, Бека Ёгибекова. <i>Душанбе</i>	154
Нақши муҳаққиқзанони рус дар омӯзиши либосҳои миллии тоҷикон	
Шамсияи Тоирхон, Рӯзибек Боқиев. <i>Кӯлоб</i>	159
Описание головных уборов таджичек в исследованиях Зинаиды Александровны Широковой	
Содиқов Сомон. <i>Худжанд</i>	164
Документальное наследие профессора Н.Х. Нурджанова в этнографическом архиве Национальной академии наук Таджикистана	
Лариса Додхудоева. <i>Душанбе</i>	170
Навруз и особенности его празднования в исследованиях профессора Н.Х. Нурджанова	
Тоджиддин Раджабов. <i>Худжанд</i>	176
Национальное искусство куклоделия в творчестве таджикских этнографов	
Шахноза Сайфуллоева, Ганчина Каримова. <i>Душанбе</i>	183
Нақши усто Ҷаҳонов дар рушди илми мардумшиносии тоҷик	
Шафоат Ҳошимова. <i>Хучанд</i>	189
Муаррихи фарзона аз водии Фарғона	
Тимурҷон Набиев. <i>Хучанд</i>	196
Нигаҳбони мероси халқ	
Рухшона Ҷаҳонзода. <i>Хучанд</i>	199

Мардонова Азиза Рахимовна-исследователь семейной обрядности таджиков	
Зинатмо Юсуфбекова, Мумина Шовалиева. <i>Душанбе</i>	203
Этнограф ва осорхонашиноси номвар (нигоҳе ба ба ғаъолияти илмиву эҷодии Муҳиддинҷон Ғайзуллоев)	
<i>Ҷӯрабек Исомиддинов. Хучанд</i>	211
Николай Михалович Морозов – руководитель Государственного архива Согдийской области Таджикистана	
Махбуба Джураева. <i>Худжанд</i>	219
Таджикский след в культуре Восточного Казахстана (из опыта работы музея-заповедника)	
Бакыт Кумарова. <i>Усть-Каменогорск</i>	224
Формирование жилища Таджикистана в древности и средневековье	
Рустам Мукимов, Салия Мамаджанова, Сайёра Мукимова <i>Душанбе</i> ...	230
Архитектура традиционного жилища таджиков в трудах этнографов	
Шахноза Сайфуллаева, Бека Ёғибекова. <i>Душанбе</i>	237
Выдающийся этнолог Н.Н. Ершов о ремеслах Каратага и его последний мастер Боборахим Саидов	
Лариса Додхудоева. <i>Душанбе</i>	253
Вклад женщин-ремесленниц в экономическое и социально-культурное развитие Таджикистана в 70-80-е гг. XX в.	
Шафоат Хошимова <i>Худжанд</i>	261
Вазъи осорхонаҳои минтақаи Кӯлоби вилояти Хатлон дар замони истиқлол	
Шухрат Шарифзода. <i>Кӯлоб</i>	269
Рогунская этнографическая экспедиция 2023года	
Тутинисо Ашурмадова, Додхудоева, <i>Душанбе</i>	275
Газета «Туркестанские ведомости» - как источник освещения событий политической, культурной и экономической жизни Туркестанского края	
Нодира Афсахова. <i>Душанбе</i>	284

АНТРОПОЛОГИЯ ВА ЭТНОЛОГИЯИ ХАЛҚИ ТОЧИК: ДАСТОВАРДҶО ВА ДУРНАМО.

Конференсияи байналмилалии илмии «Антропология ва этнологияи халқи тоҷик: муҳаққиқон, лоихаҳо, экспедитсияҳо», ки 23 июни соли 2023 дар Осорхонаи мардумшиносии ба номи М. С. Андрееви Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи. А.Дониш баргузор гардид, бо мақсади арҷгузорӣ ва ҷамъбасти дастовардҳои пажӯҳишгарон дар самти этнология ва антропологияи халқи тоҷик маҳсуб меёфт. Таҳқиқоти мунтазами этнологӣ ва антропологияи халқи тоҷик дар баробари омӯзиши таърих, фарҳанг ва сарватҳои табиӣ минтақа дар нимаи дуюми асри XIX баъди ба империяи Россия ҳамроҳ шудани Осиёи Миёна оғоз ёфта буд. Маҳз аз ҳамин давра муҳаққиқони рус ва бархе аз ҳамтоёни хориҷии онҳо ба омӯзиши таъриху фарҳанги ин минтақа шуруъ намуда, аз худ мероси назарраси илмӣ боқӣ гузоштанд. Аз ном ба ном овардани ин муҳаққиқон истиҳола намуда, метавон таъкид намуд, ки ҳар кадоми онҳо дар таҳқиқи паҳлуҳои гуногуни таъриху фарҳанг ва этнографияи аҳолии бумии минтақа, яъне тоҷикон нақши намоён гузоштаанд. Аммо, хизматҳои шоёни шарқшиносони шинохта В.В. Бартолд, А. А. Семёнов ва М. С. Андреев, ки дар сафи пеши пажӯҳиши илмӣ таърихи халқи тоҷик меистоданд ва дар шинохти тоҷикон ҳамчун сокинони аслии минтақа ва соҳибтаъриху соҳибфарҳанг нақши бузург доранд, ба таври махсус бояд таъкид намуд.

Ташаққули мактаби сирф илмӣ омӯзиши таърихи халқи тоҷик, алалхусус этнология ва антропология, аз замони Шуравӣ, ки аввалин ташкилоту марказҳои илмӣ, пеш аз ҳама, пойгоҳи тоҷикистонӣ ва андаке дертар филиали Академияи илмҳои Иттиҳоди Шуравӣ ва дар ҳайати онҳо Институти таърих ташкил ёфт, рост меояд. Дар ин давра ҳудуди Тоҷикистон ҳамчун озмоишгоҳи табиӣ таърих, этнография ва антропология диққати бисёр олимони номдорро ба худ ҷалб намуда, экспедитсияҳои гуногуни ҳадафмандона гузаронда шуданд. Аз ин ҷост, ки пайдарпай экспедитсияҳои этнографии Н. Кисляков ба водии Ванҷ, Е.Пешерева ба Сталинобод ва Қаратоғ (1940), М. С. Андреев ба Панҷи Боло (1943) доир гардиданд ва соли 1948 бо ташаббуси М.С. Андреев як осорхонаи на он қадар калони мардумшиносӣ низ ташкил ёфт.

Дар солҳои минбаъда, махсусан баъди ташкил ёфтани Институти мустақили таърих (с.1951) ва сектори этнография таҳқиқоти этнологӣ боз ҳам вусъати тоза ёфт. Омӯзиши васеи ноҳияҳои ҷумҳурӣ оғоз гардиданд. Аз ҷумла, солҳои 1952-1957 экспедитсия бо сардории Н. Кисляков ва А. Писарчик ба ноҳияи Ғарм, ҳавзаи дарёи Сурхоб ва умуман минтақаи Қаротегину Дарвоз ташкил карда шуд. Охири солҳои 50-ум этнографҳо ба омӯзиши ноҳияҳои болооби Зарафшон - Матчо, Айнӣ ва Панҷакент шуруъ намуданд. Ҳаёти оилавӣ, фаъолият ва фарҳанги моддии сокинони ҳавзаи дарёи Варзобро этнограф Р.Л. Неменова, хунармандии Қаратоғро Н.Н. Ершов м авриди омӯзиш қарор доданд.

Яке аз самтҳои фаъолияти сектори мардумшиносии Институтро коркарди бойгонии илмӣ М.С. Андреев, ки дар бораи тоҷикон маводи нодири этнографӣ

дорад, ташкил меод. Бо ин роҳ чилди якуми монографияи М. С. Андреев «Точикони водии Хуф», ки соли 1946 навишта шуда буд, бо кӯшиши А. К. Писарчик соли 1953 ва чилди дувуми он соли 1958 нашр гардиданд. Академик Б.Ғафуров ба китоби М.С.Андреев «Точикони водии Хуф» баҳои баланд дода, онро яке аз таҳқиқоти бунёдии замони шуравӣ номид.

Солҳои минбаъда, махсусан дар замони соҳибистиклолӣ таҳқиқоти зиёди бунёдӣ дар самти этнология, ба вижа ҳаёти оилавии суннатии тоҷикони навоҳии кӯхистонии ҷумҳурӣ, минтақаҳои, ки дар он ҷо либосҳои тоҷикии охири асри XIX - ибтидои асри XX боқӣ монда буданд, ба миён омаданд. Ҷамзамон маводи зиёди этнографӣ, махсусан намунаҳои гуногуни ҳунароҳои мардумӣ ҷамъоварӣ карда шуданд. Кормандони Институт микдори зиёди маводи бойгониро оид ба этнографияи вилояти Хатлон ва Бадахшони Кухӣ таҳқиқ ва таҳрир намуда ба ҷоп пешниҳод карданд. Муваффақияти муҳимтарин дар ин самт анҷоми асари дучилдаи «Этногенез ва таърихи этникии халқи тоҷик» (соли 2021) мебошад. Ҷамзамон муҳаққиқони Институт дар омода ва наشري китоби муштаракӣ «Точикон» аз силсилаи «Халқҳо ва фарҳангҳо» (с.2021), ки онро Институти этнология ва антропологияи ба номи Н.Н. Миклухо-Маклаи АИ Россия тарҳрезӣ намуда буд, фаъолон ширкат намуданд.

Дар ин конференсия илмӣ маълумоти тоза ва нав доир ба муҳаққиқон, экспедитсияҳои этнографӣ антропология, хотираҳои гуногуни шогирдон доир ба устодон ва ё ҳамкорон ироа гардид. Дар ин самт метавон маърузаҳои илмиро, ки ҳаёт ва фаъолияти илмӣ академик Н.Неъматов, А.К. Писарчик, Н. Кисляков, Е.М. Пешерова, Н. Нурҷонов ва дигар таҳқиқотчиён, ки бевосита дар омӯзиши мардумшиносии тоҷику Тоҷикистон нақши бориз гузоштаанд, ба тарзи алоҳида таъкид намуд.

Дар конференсия мутахассисон аз шаҳру марказҳои гуногуни илмӣ, аз ҷумла, Душанбе, Хучанд, Кӯлоб, Москва, Гент, Краков, Мичиган, Уст-Каменогорск ва ғайра иштирок намуда, бо маърузаву гузоришҳои илмӣ худ маълумоти фаровонро пешкаш намуданд.

Бо наشري маҷмӯи маводи Конференсияи байналмилалӣ илмӣ «Антропология ва этнологияи халқи тоҷик: муҳаққиқон, лоихаҳо, экспедитсияҳо» умедворем, ки бисёр далелу маълумоти тоза ба гардиши илмӣ мебарояд ва ҳам бо ин восита арҷгузорию хурдо ба хидмату заҳмати олимони соҳа изҳор менамоем.

**Директори ИТБМ ба номи А. Дониши АМИТ
профессор Убайдулло Насрулло**

АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА: ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ.

Международная научная конференция “Антропология и этнология таджикского народа: исследователи, проекты, экспедиции”, которая происходила 23 июня 2023 года в Этнографическом музее им. М.С. Андреева ИИАЭ им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана, в целом была посвящена научному анализу достижений отечественных и зарубежных исследователей в изучении этнологии и антропологии таджикского народа. Более систематическое этнолого-антропологическое изучение таджикского народа наряду с исследованием истории, культуры и природных ресурсов началось еще во второй половине XIX века после присоединения центрально-азиатского региона к Российской империи. Именно, с этого периода российские и некоторые зарубежные исследователи начали заниматься изучением истории и культуры региона, оставив значительное научное наследие. Подробно не причисляя их фамилии, следует отметить, что каждый из них внес значительный вклад в изучение различных аспектов истории, культуры и этнографии коренного населения региона, т.е. таджиков. Но, мы должны особо отметить заслуги известных востоковедов В.В. Бартольда, А.А. Семенова и М.С. Андреева, которые, находясь на переднем крае научного изучения истории таджикского народа, сыграли существенную роль в признании таджиков исконными жителями региона и обладателями древней истории и богатой культуры.

Формирование сугубо научной школы изучения истории таджикского народа в целом, этнологии и археологии в частности, восходит к советским временам, когда появились первые отраслевые научные организации и центры, прежде всего таджикистанская база и чуть позже филиал АН СССР и в их составе Институт истории. В этот период территория Таджикистана, как естественная лаборатория истории, этнографии и антропологии, привлекала внимание многих признанных ученых, проводились целенаправленные экспедиции. Таким образом, состоялись этнографические экспедиции Н.А. Кислякова в Ванджскую долину, Е. Пещеревой в Сталинабад и Каратаг (1940), М.С. Андреева в Верхний Пяндж (1943 г.), а уже в 1948 г. по инициативе М. С. Андреева при Институте был создан небольшой этнографический музей.

В последующие годы, особенно после образования самостоятельного Института истории (1951г.) и сектора этнографии, этнологические исследования приобрели более масштабный характер. Началось повсеместное исследование районов республики. Так, в 1952–1957 годах экспедиция под руководством Н.А. Кислякова и А.К. Писарчик изучала Гармский район, бассейн реки Сурхоб, и в целом Каратегинский и Дарвазский районы. В конце 1950-х гг. этнографы приступили к изучению районов Верхнего Зарафшана - Матчи, Айни и Пенджикента. Семейный быт, деятельность и материальная культура жителей бассейна реки Варзоб исследовала этнограф Р.Л. Неменова, а ремесла Каратага изучил Н.Н. Ершов.

Одно из направлений деятельности сектора этнографии была обработка научного архива М.С. Андреева, располагающего уникальным этнографическим материалом о таджиках. Первый том монографии М.С. Андреева «Таджики долины Хуф», написанной в 1946 году, был издан в 1953 году, а второй том - в 1958 году, благодаря усилиям А.К. Писарчик. Академик Б. Гафуров высоко оценил книгу М. С. Андреева «Таджики долины Хуф», назвав ее одним из фундаментальных исследований советской эпохи.

В последующие годы, а также в период независимости ряд фундаментальных исследований был посвящен традиционному семейному быту таджиков горных районов республики, где в зависимости от местности сохранились костюмы конца XIX - начала XX вв., занимались сбором этнографических материалов, особенно различных образцов народных промыслов. Сотрудники Института исследовали, отредактировали и представили для публикации большое количество архивных материалов по этнографии Хатлона и Горного Бадахшана. Самым значительным достижением в этом направлении является завершение двухтомного труда «Этногенез и этническая история таджикского народа» (2021 г.). Ученые Института принимали активное участие в издании совместной книги «Таджики» из серии «Народы и культуры» (2021 г.), организованной Институтом этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Много новых сведений об исследователях, этнографических и антропологических экспедициях, разные воспоминания учеников об устодах, соратниках прозвучали и во время данной конференции. В частности, хотелось бы отметить научные доклады, которые были посвящены академику Н. Негматову, А.К. Писарчик, Н.А. Кислякову, Е.М. Пещеровой, Н.Х. Нурджанову и многим другим исследователям, которые непосредственно занимались этнографическим изучением таджиков и Таджикистана. В работе конференции участвовали специалисты из разных городов и научных центров, в частности из Душанбе, Худжанда, Куляба, Москвы, Гента, Кракова, Мичигана, Усть-Каменогорска и т.д.

Авторы сборника материалов международной научной конференции «Антропология и этнология таджикского народа: исследователи, проекты, экспедиции», надеются, что многие новые факты и сведения, впервые вводимые в научный оборот, вызовут интерес у специалистов, а сама публикация станет своего рода данью деяниям наших ученых-предшественников.

**Директор ИИАЭ им. Дониша АМИТ,
Профессор Убайдулло Насрулло**

ТАҚДИРЧУНБОН

(АЗ ХОТИРА)

Дар маъруза хотираҳои худро муаллиф оид ба нақшу макоми этнографҳои рус дар таёр намудани кадрҳои миллии тоҷик ва тарбияи онҳо нақл менамояд.

ДВИГАТЕЛЬ СУДЬБЫ

(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ)

В докладе автор излагает свои воспоминания о роли русских этнографов в становлении таджикских национальных кадров и их воспитании.

DESTINY CHANGE

(FROM MEMORIES)

In the report, the author notes from his memoirs the role and place of Russian ethnographers in the training of national Tajik ethnographers and their education.

Дар зиндагӣ ҳар кас Устод дорад. Яке зиёдтар, дигаре камтар дар дили шогирд нақш менамояд. Шахсоне, ки номи онҳоро ба забон мегирем, дар ташаккули шахсияти шогирдон роли ҳалкунанда бозиданд.

Ман бори аввал бо яке аз асосгузори мактаби мардумшиносии тоҷик Антонина Константиновна Писарчик 10 март соли 1970 дар баҳши собиқ этнографияи Институти таърих, археология ва этнография ба номи Аҳмади Дониш Академияи Илмҳои Тоҷикистон шинос шуда будам.

Он рӯз барои тасдиқи мавзӯи рисолаи номзадиам ба Душанбе рафта будам. Котиби илми баҳши этнография Т.Мизурнова ба мудир бахш Николай Николаевич Ершов муроҷиат карда гуфт, ки: «Ин ҷавон аз Хучанд, этнограф шуданӣ». Мудир бо табассум ба ман гарм-гарм нигоҳ карда, дар хусуси синну сол, ҷои таваллуд, шароити оилавӣ, ҷои қорам пурсон шуд. Дар тарафи чапи мизи ӯ зани тахмин 70 - солаи нуронӣ бо мӯи сафеди мавҷнок аз ман чашмашро намеканд. Дар тарафи ҷануби мизи ӯ, ки он кас Антонина Константиновна Писарчик буданд.

Николай Николаевич ҳамаи аъзоёни бахшро ба наздашон даъват намуда, мавзӯи тадқиқотии ояндаи манро муҳокима намуданд. Қариб ҳамаи аъзоёни бахш (Н.Ершов, А.Писарчик, З.Широкова, М.Ҳомидҷонова, Эшонқулов, А.Довидов, О.Муродов, И.Муҳиддинов, Н.Бобоева, А.Мардонова, Т.Мизурнова) ба тоҷикони ноҳияи Сӯх эътибор дода, бо саволҳои худ аз ман посух мегиританд. Бо пешниҳоди А.К.Писарчик зербоби якуми мавзӯи интихоб кардаи ман: «Машғулияти хоҷагии қишлоқи тоҷикони водии Сӯх дар охири асри XIX- аввали асри XX» бо номи «Земледелие таджиков бассейна реки Сох в конце XIX- начале XX вв. (Историко-этнографические исследования)», роҳбари илмӣ Н.Н.Ершов тасдиқ карда шуд.

Баъд аз ҷамъомад А.К.Писарчик ба ман як пиёла ҷой дароз карда, аз ман пурсиданд, ки «Домулло! [1] дар Сӯхи Шумо қирғизу ўзбекҳо омехта маскананд ё алоҳида?» Ман дар ҷавоб: Аҳолии ноҳия сад ғоиз тоҷиканд, - аз ҷор тараф бо Қирғизистон, ҳамсарҳад мебошем- гуфтам.

«Машғулияти чорводориро тоҷикон аз кадом халқ омӯхтанд?» - гуфта аз ман пурсиданд. Ман саросема: мо аз қирғизҳо омӯхтем» - гуфта ҷавоб додам. Антонина Константиновна ҷавоби соддалавҳонаи манро шунида, хомӯш истоданд. Абзоҳашон тағйир ёфта, ду кошашон қариб бо ҳам часпид.

Аз ин суҳбат зиёда аз 60 сол гузашта бошад, ҳам аз рӯҳи арбоҳи этнографи бузурги тоҷикшинос шарм дошта меистам. Он вақт этнография чист? этнограф кист?-ро намедонистам. Дар барномаи таълимии мо таълими фанни этнография набуд. Ба интихоби мавзӯи этнографии ман мутолиаи асари этнограф Николай Андреевич Кисляков «Брак и семья у народов Средней Азии и Казахстана» [2] роли муҳим бозид. Охири солҳои 60-уми асри XX ман барои омӯхтани китоби «Қуръон» дар тарҷумаи Л.Климович [3] ба утоқи кори мудири шуъбаи фарҳанги Комитети вилояти Ҳизби Коммунист Муродҷон Ғозиев рафтам. Он кас манро ба хубӣ қабул намуда, ба назди китобдори комитети ҳизбӣ фиристоданд. Ман, аз паҳлуи китоби «Қуръон», дигар китобро гирифта, каме варақгардон кардам.

Дар баъзе саҳифаҳои он китоб мафҳумҳои «Қинголбозӣ», «Нисбатбозӣ», «Ачина», «Албасти», «Шайтоношӣ», «Гаҳворабахш» ва амсоли онҳо ба ҷашм расид. Аз ин ҷо баромада, ба китобхонаи вилояти рафта, аз он ҷо ба рафиқи кориам этнографи ҷавон Назирҷон Турсунов, ки навақас ӯ рисолаи илмиашро дифо карда буд, занг зада пурсидам, ки «баъзе калимаҳои аҷоибро ғароибро аз фалон китоб хондам, ин кадом илм бошад?» - гуфта аз ӯ пурсидам. Вай гуфт, ки «ин этнография, як шохҳои илми таърихшиносӣ аст». «Ин тавр бошад, ман этнографияи ватанамро меомӯзам, Шумо чӣ маслиҳат медиҳед?» - гуфта муроҷиат кардам. «Хеле хуб мешавад» - гуфта руҳияи манро бардоштанд. Бо ҳамин ҳаёти ман ба маҷрои муқаррарии бебозгашт кашида шуд. Зиёда аз 60 сол мешавад, ки шуъбаи этнография ва антропология барои ман ҳамчун хонаи умед, маркази илму маърифат, қадамҳои бузургони илми этнографияи ватанӣ ва хоричӣ шуда мوند.

Аз он лаҳзаҳои хотирмон то соли 1991 ҳар сол ман дар ҳаёти дастаи экспедитсияи этнографии Тоҷикистони Шимолӣ иштирок мекардам, ки ба он Н.Н.Ершов, А.К.Писарчик, М.Ҳомидҷонова, З.Широкова, О.Муродов, А.Давидов, Н.Бобоева, Н.Тошматов ва дигарон шомил буданд.

Барои мо – этнографҳои ҷавон мавсими экспедитсияи этнографӣ дақиқаҳои дидорбинии устодону шогирдон, дӯстон, ёру бародаршавии этнографҳо бо сокинони маҳалли тадқиқшудаистода, мактаби хуби омӯзиш ва ҷамъоварии маводҳои «сахрой» ва экспонатҳои нодир барои осорхонаҳо буданд.

Яке аз экспедитсияҳои этнографӣ соли 1977 дар шаҳру ноҳияи Истаравшан гузашт, ки сардори он А.К.Писарчик буданд. Мо, дар ҳавлии мактаб- интернати шаҳр қарор гирифта будем. Ҳамамон, аз рӯи мавзӯи худ қор қор мебардем. З.А.Широкова аз рӯи мавзӯи сару либос Н.Бобоева, маросимҳои дафн, Т.Мизурнова аз рӯи асбобҳои мусиқӣ, аспирант Н.Тошматов аз рӯи маросимҳои тӯй, камина доир ба расму оинҳои зироаткорӣ маводҳои «сахрой» ҷамъ мекардем.

Рӯзе Антонина Константиновна дар вақти хӯроки нисфирӯзӣ ба ман муроҷиат намуда гуфтанд, ки: «Домулло! Шумо аз ҳамин рӯз сардори экспедитсия, ронанда

Аббос дар ихтиёри Шумо мешавад, мабодо не нагӯед, Шумо омӯзгоред, ба кучое равем, шогирдонатон «Салом муаллим!» - гуфта, ба пешвозатон мебароянд. Бо шумо кори мо пеш меравад» - гуфтанд. Ман, баъд аз шунидани супориши устод шарм дошта, якчанд дақиқа ором истодам. Масъалаҳои маишӣ, хариди хӯрока, пухту паз ва роҳбаландӣ ба зиммаи ман буд. Ин кор хеле масъулиятнок ва ифтихорӣ буда, онро бо шавқу ҳавас иҷро мекардем.

Рӯзе бо Антонина Константиновна ба коргоҳи устои кулолгар усто Ғафур рафта, тарзи танӯрсозии онро мушоҳида кардем. Дар рафти мушоҳида ман ба усто Ғафур: «Ин чӣ?», «Барои чӣ лозим?», «Чаро ин тавр не?» - гуфта саволҳои бечодадам. Сарамро аз болои танӯр бардошта, ба А.К.Писарчик нигоҳ карда, чунон шарм доштам, ки як ҳафта ба рӯи устод нигоҳ карда натавонистам. Худам ба худам мегуфтам, ки «Ту тирронча, иқа питир-питир мекуни, дар назди устод, маҳмадоноғӣ накуни!».

Дертар ман дарк намудам, ки этнограф акидаро, ки «илм аз ҳудаш сар мешавад ва дигар кас пеш аз ӯ коре накардааст.»-ро бояд амиқ дарк ё рад кунад. Худро ба «маризии ситора» мубтало накунад, бо ин роҳ метавонад осори пешгузаштагонро рад кунад ё маводи онҳоро тақрор кунад.

Дар чараёни корҳои «сахрой» дар шахсияти Антонина Константиновна мо ҷавонони камтаҷриба фидокорӣ, матонат, хайрхоҳӣ, ҳалолкорӣ, инсондӯстӣ, одоби муошират, ба ахборотдиҳанда унс гирифтанд, ба он воридшуда, ӯро «харф зада тавоништанро» омӯхтем. Аз ин лиҳоз, ба ҳар як этнограф дониши васеъ, маҳорат, шавқу ҳавас ба касби ҳеш, пуртоқатӣ, ахлоқи баланди илмӣ ва дониши равонӣ (психологӣ) лозим аст. Ҳеч гоҳ мавриди муошират сухани ҳамсухбатро буридан лозим нест. Ҳамсухбат ҳис кунад, ки Шумо одами худӣ, баъд ӯ олами зоҳирию ботинии худро зоҳир мекунад... Баъд аз як мо* ҳуччатҳоро таҳ карда, аъзоёни экспедитсияро соку саломат ба шаҳри Душанбе гусел намудам...»

Мавсими дигари экспедитсияи этнографии мо дар ноҳияи Исфара ва гирду атрофи он гузашт. Ҳайати гурӯҳи этнографӣ барои он ки ба тадқиқотҳои «сахрой» раванд, аввал дар хонаи мо ду-се рӯз истода, ба сафар тайёрӣ медиданд. Модарам Ойнисо Ҳочиева зане буд, ки қариб чил сол дар Хучанд зист намуда бошад ҳам, ягон калима лафзи Хучандиро намедонист. Вай дар худ: шеваи қадима, расму русум, тарзи либоспӯшӣ, интиҳоби ранги либос, тарзи вохӯрӣ (қаноргирӣ), муошират (чағ-чағ кардан), меҳмондорӣ, маросимҳои тӯй ва дафн, иримҳо, лақабҳо ва маданияти шифоҳии сӯҳиёнро хеле мустаҳкам нигоҳ дошта буд.

Ӯ зани хароби серҳаракат, зиндадилу хушчак-чак, нотик, хозирчавоб, тақлидкор буда, қобилияти ғайбдонӣ ва пешгӯӣ дошт. Дар дасту пояш кувваи биотокӣ дошт. Ба назди ӯ омӯзгорон-шиносҳои ман омада, «Хола як бор манро **сила/кина** кунед» - мегуфтанд. Ман, он вақт роҳбари ҳизбӣ будам, ба ин корҳо роҳ намедодам. Имрӯз фаҳмидам, ки ӯ беҳтарин осори нотақрори ниёгон, ҳамроҳи худ ба зери замин гирифта рафт.

Дониши ӯро Николай Николаевич, Антонина Константиновна ва Зинаида Широкова хуб дарк карда буданд.

Модарам барои занҳо аз рӯи синну солашон як ҷуфти кафшу (калӯш) маҳсӣ, курта, лозимӣ (**дар Сӯх - таъмон**) ва рӯймол тайёр карда монда буд. Либоси европоии онҳоро гирифта, либоси сӯҳиёнро мепӯшонид. Рӯймоли занҳоро бо тарзи сеқунча дуқад намуда, ба сар мегирифт ва ду нӯги онро бо ҳам гирех мекард. Чунин тарзи рӯймолбандиро **«Қашқарча»** меномиданд. Ин яке аз воситаи ба халқ воридшавӣ ҳисоб мешавад. Ба занҳои Сӯҳӣ монанд карда, баъд гусел мекард.

Вақте ки мо ба ноҳияҳо мерафтем, Антонина Константиновна аз ман қатъӣ хоҳиш мекарданд, ки ба назди ронанда нишинам, ман илтимос мекардам, ки он кас ё Николай Николаевич нишинад. Ман худро дар ин вазъият хуб ҳис намекардам.

Дар ноҳияи Исфара деҳаи Чорқӯҳро интиҳоб намудем. Вақте ки ба назди деҳа наздик шудем, Николай Николаевич аз ронанда хоҳиш карданд, ки мошинаро дар соҳили сойи Чорқӯҳ каме дорад. Николай Николаевич аз автомашина фаромада, ба сӯи пастии Соӣ тез-тез қадам зада рафтанд. Дигарҳо ўро хеле интизор шуда истоданд. Соат аз 14.00 гузашта буд, ҳама дар ҳайрат монда ба поёни Соӣ нигоҳ карданд. Дар ин маврид, Николай Николаевич дар ҳалқаи як гурӯҳ мӯйсафедон ба сӯи мо омаданд. Онҳо автомашинаи моро иҳота карда, ба мо салому алек карда, моро бо сардории Николай Николаевич ба меҳмонӣ таклиф карданд. Н.Н.Ершов ба онҳо хайру хуш намуда, ваъда доданд, ки мо албатта ба меҳмонӣ меравем. Баъд фаҳмидем, ки Н.Н.Ершов ба намози ҷумъа рафтанд. Мо, дар поёни соӣ Масҷид ҷойгир буданашро намедонистем. Он солҳо аҳолии деҳаҳо аз вазъи замон хавотир шуда, ба одамони бегона озодона суҳбат намекарданд. Онҳо хавотир мешуданд, ки боз мо «агент» набошем. Дар ин ҳолат, рафтори Николай Николаевич дуруст буд. Дар як намоз ба дили аҳолии деҳа роҳ ёфтанд.

Ронанда мошинаро ба сӯи идораи ҷамоати деҳот ронд. Он вақт падари шогирди ман –раиси ҷамоати Чорқӯҳ Мамачонов М. моро хуб истиқбол гирифта, аз мақсади мо огоҳ шуда, ба Н.Н.Ершов исму насаб ва суроғаи чанд нафар донандагони таърих ва расму оинҳои деҳаро навишта доданд. Шаби аввал мо меҳмони он кас будем.

Ман, дар китф сумкачаи сайёҳӣ ва фотоаппарат доштам. Вақте ки мо мисли ҷӯғиҳо куча ба куча мегаштем, гурӯҳи бачаҳо моро иҳота карда «Шумо артистҳо ҳастедмӣ, концерт кай ва дар кучо мешавад?» - гуфта мепурсиданд. Ман, ки омӯзгор ҳастам, характер, хулқу атвор ва ҳолати равонии (психологӣ) онҳоро бо тезӣ дарк мекардам. Бачаҳо манро иҳота карда, номи ҳамаи моро пурсон шуданд. Ман ба фикрам ҷӣ омада бошад, ҷавоб дода, дар охир ба бачаҳо гуфтам, ки «Мо, каме корд орем, онро иҷро кунем, баъд концерт намоиш медиҳем». «Мо, ба Шумо ёрӣ медиҳем», - гуфтанд бачаҳо. «Ба мо чизҳои кӯҳнаи қадима: сарпӯш, сару либос, палос, косою табақ лозим, онро ҷамъ кунем, баъд рақсу бозӣ мешавад»- гуфта, сари яке писарбачаро сила кардам. Баъд аз он бачаҳо исму шариф, суроға ва ҷойи мавҷуд будани чизҳои очаашонро бобояшонро ба ман гуфтанд. Ман ҳамаи суроғаю маҳаллаҳои бачаҳо гуфтаро навиштам. Бо ин роҳ ба воситаи кӯдакон ва «Артисти хеш» бисёр экспонатҳои ноёби асрҳо дар паногоҳ бударо барои осорхонаҳо харида мегирифтём. . .

Рӯзи якшанбе яке аз шогирдони ман Додораҳмон, моро ба ноҳияи тоҷикнишини Сӯҳи вилояти Фарғона (70 км аз Исфара ба сӯи Шарқ) таклиф намуд. Мо, чор нафар

А.Писарчик, Н.Ершов, З.Широкова ва ман ба кишвари афсонавӣ рафтём. Моро яке аз авлодони ман, раиси хочагии Сарикандаи Совхозии Сӯҳ Миринисо Ниёзова гарм пешвоз гирифт. (Расми 1) Ду шабонарӯз дар ин деҳа кор кардем.

Деҳаи Сариканда яке аз деҳаҳои бостонии сераҳоли буда, мисли осорхонаи кушод дар қаҳри асрҳо дар инҷо як силсила ёдгориҳои бостонии «Қалъаи Қаҳ-Қаҳа» (КайКубод), Муғтеппа, қабристонҳои табақавӣ, - «гӯри париён», «гӯри муллоён», «гӯри чилдухтарон*», «қабристони омма», «Қабристони гадоён», даҳмаи мулло Аҳмад, «Даҳмаи Мулло Исо», «Даҳмаи Хочӣ Олчин», «Даҳмаи Муллошер» ва дигарҳо мавзеҳои мудофияи Чордара, Дудбон, Дамбракхона, мадрасаи Ҳазрати Алӣ, галлачашмаҳои зулол – «Ҳавзи келинчак», «Ҳавзи морон», «Ҳавзи моҳиён», «Ҳавзи мингбошӣ», «Ҳавзи Чилдухтарон», гаҳвораи тиллоӣ дар мақбараи Ҳазрати Алӣ, Ситораи тобон дар қуллаи кӯҳи Обишир, галла осиеҳо, обчувозҳо, чувозхона, галламазорҳо: Хӯҷаи калон, Хӯҷаи Абулқосим, Хӯҷаи тӯй, Хӯҷаи Мурод, Хӯҷаи Кабуд, Хӯҷаи рушноӣ, Хӯҷаи Ориф, Хӯҷаи кулфу занҷиркушо ва бисёр қалъаҳою теппаҳо, ғорҳои одамони ибтидоӣ (мисли манзили хомоеректусҳои ғори Селункур) ҷойгир аст, ки онҳо дар қарни садсолаю ҳазорсолаҳо бе тағйирот нигоҳ дошта шуданд. Дар солҳои 60-70-уми асри ХХ кишваршиносии машҳури рус В.Р.Чейлитко дар инҷо зист карда, 80 ёдгориҳои археологиро ба қайд гирифта, харитаи онро тартиб дода буд. Афсӯс, ки имрӯз собиқ шогирдони камина, дар асарҳои худ, замонасозии намуда, осори ниёғони халқи тоҷикро ба халқҳои туркзабон мансуб дониста истодаанд.

Устодони ман, ду шабонарӯз аз даст рӯзномаашонро намонда, дар халқии аҳборотдиҳандагон буданд.

Устод Чахонов бо этнографҳои машҳури тоҷикшинос Николай Николаевич Ершов ва Зинаида Александровна Широкова дар ноҳияи Сӯҳ хангоми экспедитсияи этнографӣ (тирамоҳи соли 1977)

Хамин тавр, иштирок дар ду мавсими экспедитсияи этнографӣ зери роҳбарии А.К.Писарчик, Н.Н.Ершов ва З.А.Широкова дар ташаккули шахсияти камина, методикаи муошират, роҳху усулҳои омӯзиш ва ҷамъоварии маводҳои «сахрой», «эҳтироми маросиму расми оинҳои халқӣ, воридшавӣ ба олами берунию ботинии ҳамсӯхбат, кадршиносӣ ва бузургдошти осори илмии пешгузаштагон, нигоҳ доштани ахлоқи баланди илмӣ, бо роҳи созандагӣю бунёдкори хидоят намудани шогирдон беҳтарин мактаби этнографӣ буд. Бесабаб набуд, ки этнографи намоёни рус О.А.Сухарева дар тақризи худ ба китоби «Точикони Қаротегин ва Дарвоз» қайд карда буд, ки «этнографҳои тоҷик аз ҷиҳати самаранокии осори худ дар байни этнографҳои умумииттифоқӣ дар ҷойи аввал меистанд». Дар ҳақиқат, солҳои 70-80-уми асри гузашта давраи тиллоии этнографияи тоҷикон ба шумор мерафт.

Адабиёт

1. Дар Сӯх ва дигар ноҳияҳои водии Фарғона омӯзгорро «Домулло» мегӯянд.
2. Кисляков Н.А., Брак и семья у народов Средней Азии и Казахстана, Коран, М., -1964
3. В.Р.Чейлитко дӯсти оилаи моб уд; Муаллиф бо ӯ то Тароқ Давон сайёҳат намуда, бисёр ёдгориҳои археологӣю этнографиро ба қайд гирифта будем.

Усто Джаҳонов
Хучанд

САҲМИ АКАДЕМИК НҶҶМОН НЕҶМАТОВ ДАР ИНКИШОФИ ИЛМИ МАРДУМШИНОСИ ТОҶИКОН

Дар мақола дар асоси омӯзиш ва таҳлили асарҳои илмии академик Нӯҷмон Неҷматов саҳми эшонро дар инкишофи илми мардумшиносии тоҷикон ҳаллу фасл карда шудааст.

ВКЛАД АКАДЕМИКА НУМОНА НЕГМАТОВА В РАЗВИТИЕ ЭТНОГРАФИИ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА

В статье на основе изучения и анализа научного наследия академика Нумона Негматова, отмечен его вклад в развитии этнографической науки в Таджикистане.

CONTRIBUTION OF ACADEMICIAN NUMON NEGMATOV IN THE DEVELOPMENT OF TAJIK ETHNOGRAPHY

The article based on the study and analysis of the scientific heritage of Academician Numon Negmatov, his contribution to the development of ethnographic science in Tajikistan.

Академик Нӯҷмон Неҷматовро аҳли илму фарҳанги ҷаҳон ҳамчун бостоншиноси касбӣ, муаррих, тадқиқотчи боистеъдоди таърихи илму

фарҳанги Осиёи Марказӣ, ташкилотчии бомаҳорати илму маданият, муаллифи як зумра кашфиётҳои илмие, ки характери умумичаҳонӣ доранд, бо хубӣ мешиносанд.

Хувайдо шудани Искандарияи Аксо дар Хучанд, Курукадаи кӯҳан дар куҳандизи Муғтеппаи Истаравшан, умдатарин кашфиёти асрори харобаи шаҳри охири асри биринҷӣ ва аввали асри оҳан, Нуртеппа дар ноҳияи Истаравшан, кашфиёти бузург дар харобаҳои пойтахти Истаравшан-шаҳри Бунҷикат бо калъаҳои Қаҳқаҳа, маъбади пурҳашамати 90- сутуна, қасри Афшин бо девори толорҳои пурнақшу нигори сюжетнок ва лавҳаҳои кандакорӣ дар ҷӯб ва ё кӯшкҳои олиҷаноби Истаравшан ба монанди Чилхучра, ки бо се хуччат- тахтачаҳои арчагӣ, ки дар рӯяшон бо ранги сиёҳ катибаҳои суғдӣ дошанд ва онҳо баҳси тӯлонии олимонро роҷеъ ба забон ва хатти истаравшаниёни қадимӣ хотима доданд, бозёфтҳои «Бурчи сукунат»-и Чоршоҳатеппа дар ноҳияи Шахристон, «Оташкада»-и деҳаи Оқтеппаи ноҳияи Спитамен, ёдгории хеле пурарзиши аср модаргурги капитолӣ, таҳлили назариявии эҳёи тоҷикон аз Оли Сосон то оли Сомон ва бисёр дигар кашфиётҳои гаронбаҳои илми таърих, археология ва тамадуншиносӣ номи академик Нӯмон Неъматовро дар муҳити илмии чаҳон маълуму шӯҳратёр намуд.

Овози олимро аҳли илму фарҳанги чаҳон зиёда 120 маротиба дар конгрессу симпозиумҳо, конференсияҳои байналхалқӣ шунида ба шӯҳрати илми тоҷик қоил мешуданду ангушти ҳайрат мегазиданд. Вақте ки асарҳои олимро (воқеан шумораи умумии он аз 600 номгӯй мегузарад) мутолиа менамоем, дарк мекунем, ки осори илмии ӯ навоваронаву нотакрор буда, сухани тозае дар илми бостоншиносии тоҷик аст.

Дар шахсияти Нӯмон Неъматов ҳалқае миёни дирӯзу имрӯз, давомдиҳандаи мактаби илмии шарқшиносони машҳури чаҳон В.В.Бартольд, А.Ю.Якубовский, А.А.Семёнов, М.С.Андреев, Б.Г.Гафуровро мебинем, ки ба қавли академик А.П.Окладников дар омӯзиши таърих ва маданияти Тоҷикистон бе донишҷӯи асарҳои ягон муҳаққиқ қор бурда наметавонад. «Амалан - кайд мекунад А.П.Окладников, - муассиси мактаби нахустин ва ҳақиқии муаррихон ва бостоншиносони тоҷик аст. Ҷамон мактабе, ки маданият ва гузаштаи пурифтихори халқи тоҷик ва муборизаи қаҳрамононаи онро баҳри ҳифзи сарвати маънавиаш меомӯзад».

Академик Нӯмон Неъматов, олими забардаст буда, дар ҷабҳаҳои гуногуни илмҳои гуманитарӣ тадқиқот бурдааст. Асосгузори концепсияи концептуализм ва номинализм дар омӯзиши ҷуғрофияи таърихии Осиёи

Марказӣ аст. Муносибати байни кулу чузъро дуруст дарк намуда, оиди ин масъала аз пешгузаштагони худ (С.П.Толстов) қадаме ба пеш партофт.

Академик Нуъмон Неъматов омӯзиши тадқиқи этнологияи тоҷиконро дар маркази ҷустуҷӯҳои илмии худ гузошт. Яке аз масъалаҳои умдатарини илми этнология - омӯзиши этногенези халқҳо ба шумор меравад. Дар ин масъалаи хеле мураккабу душвор ва масъулиятноки илмию сиёсӣ- масъалаи этногенез ва таърихи этникии халқи тоҷик академик Нуъмон Неъматов кувваозмӯй намуда, нисбат ба пешгузаштагонаш В.В.Бартольд, Н.А.Кисляков, К.В.Тревер, А.Ю.Якубовский, А.М.Манделштам ва Б.Ғафуров фикрҳои ҷадидро баён намуд.

Дар натиҷаи омӯзишу таҳлили сарчашмаҳои ҳаттию бостоншиносӣ ва маводҳои этнографӣ, ҳануз соли 1956 мақолаи ӯ бо номи «Доир ба масъалаи мансубияти этникии аҳоли Истаравшан» дар он микроэтноси суғдӣ будани аҳолии қадимаи Истаравшанро бо санаду далелҳо исбот намуд[1,29-38]. Ин раванди нав дар муайян кардани ташаккули халқи тоҷик буд. Минбаъд дар асоси кашфиётҳои бостоншиносӣ этнологӣ ва сарчашмаҳои ҳаттӣ ба ин масъала рӯшани андохта, консепсияи нави тозаро оиди масъалаи этногенези халқи тоҷик пешниҳод мекунад, ки инъикоси онро мо дар монографияҳои олим: «Истаравшан дар қадим ва ибтидои асрҳои миёна» (1957), «Хучанд ва Истаравшан дар қадим ва асрҳои миёна» (1968), «Давлати Сомониён» (1977,1989), «Таърихи халқи тоҷик» (ҷ. 2, М.1964, 1998), «Энциклопедияи советии тоҷик» (1984, ҷ.4), «Этнологияи халқҳои ИДМ» [2] ва амсоли онҳо мушоҳида карда метавонем.

Ба олим муяссар шудааст, ки дар тадқиқи этногенези халқи тоҷик аз классификатсияи этнологӣ васеъ истифода барад. Ин тақсимотро дар ягонагӣ бо номҳои этникию аломатҳои хоҷагӣ, забонӣ, ҳудудию марзӣ, наҷодӣ, мадания-психологӣ, алоқаҳои зичи байни унсурҳои тоҷикон: суғдиҳою бохтариҳо, тоҳириён, хоразмиҳою фарғонагӣҳо, хатлонӣён, саку массагетҳо таҳлилу баррасӣ менамояд. Яке аз онҳо классификатсияи ҷуғрофӣ мебошад, ки ин услуби тадқиқотро моҳирона дар таҳлили ташаккули «социум»-у ҳудуди «Тоҷикистони таърихӣ» истифода мебарад. Бояд гуфт, ки ин мафҳумҳои илмиро бори аввал дар илми таърихшиносии тоҷик академик Нуъмон Неъматов истифода бурдааст. Зери мафҳумҳои илмии «социум»-у «Тоҷикистони таърихӣ» ягонагии ҳудудию марзи паҳншавии тоҷикон ва ниёгони онҳо дар силсилаҳои таърих дар тули се ҳазор сол фаҳмида мешавад[3].

Классификатсияи ҷуғрофӣ ба олим имконият дод, ки даврабандии пештараи ҷуғрофияи таърихии давраи қадимтарини Осиёи Марказиро дар асоси маводҳои навин аз нав дида барояд ва тасниф кунад. Алоқаҳои таърихию маданияи пешгузаштагони халқи тоҷикро мисли пештара на бо принсипи «ба қад»: Хоразм-Марғиён-Ҳирот (Маркварт. С.П.Толстов), балки ба «бар» Хоразм-Баҳри Аралу шимолии Каспий- ҳавзаи Сирдарё Олтой - дохили Осиёи Марказиро

дида меомӯзад, ки ин концепсияи нав мебошад[36]. Ин тезиси олим дар фаҳмиши чуғрофияи таърихии Осиёи Марказӣ ва марзи таърихии тоҷикон ҳарфи нав аст.

Бозёфтҳои тозае бостоншиносӣ ва маълумотҳои мардумшиносию хаттӣ ба олим имконият дод, ки се вилояти таърихиро худудии ибтидои асрҳои миёнаро муайян намояд, ки дар онҳо ҷараёни ташаккули халқи тоҷик сурат гирифта буд. Аввалини онҳо **чанубӣ** (-У.Ҷ.) мебошад, ки вай Тахористону Хуросон ва вилоятҳои хурд - хурди ба онҳо ҳамчаворро дарбар мегирифт, дуюм, **марказӣ**, ки Суғди Зарафшон ва Суғди Қашқадарё ва сеюм **шимолӣ**, ки вилоятҳои ҳавзаи Болооб ва Миёнаоби дарёи Сирро бо марзии асосиаш Истаравшан вилояти Хучанд ва Фарғонаро фаро мегирифтанд. Ба ақидаи академик Нӯмон Неъматов ҳанӯз дар ибтидои асрҳои миёна ҳавзаи Болооб ва Миёнаоби Сирдарё, Истаравшан, вилояти Хучанду Фарғонаи ғарбӣ, ки кулли аҳолии онро то ҳоло тоҷикон ташкил медиҳанд, вилояти шимолии ташаккули умумияти таърихиро худудӣ ва этникую маданӣ, ҳисоб мешуданд. Ин фикру ақидаҳо чӣ дар этнологияи тоҷикон ва чӣ дар таърихи халқи тоҷик фикри нав аст ва як қадам пеш нисбати М.С.Андреев ва Б.Ғафуров нисбати типологияю даврабандии марзӣ таърихии тоҷикон мебошад[4].

Дигар классификатсияи этнологӣ тақсимои забони (лингвистӣ) мебошад, ки ин услуби омӯзиши таърих ҳам дар тадқиқотҳои академик Нӯмон Неъматов мақоми махсус мебошад. Омӯзиши сарчашмаҳои забоншиносӣ ба олим имконият додааст, ки оиди ин масъала фикру андеша ронад. То ҳоло масъалаи ҷой ва замони ташаккули забони форсии тоҷикӣ-дарӣ баҳсталаб буд. Агар гурӯҳи олимон забони форсӣ- дарӣ (тоҷикӣ)-ро забони форсии нав ҳисобида асоси онро ба шеваи форс- Ҷанубу Ғарбии Эрон ташбеҳ диҳанд (В.В.Бартольд, А.А.Фрейман, И.М.Оранский, В. А.Лившиц, Н. А.Кисляков), ба ақидаи гурӯҳи дигари олимон забони тоҷикӣ дар ҷанубии Осиёи Миёна ва Хуросон ташаккул ёфта, тадриҷан ба Эрон паҳн шудааст. (Муҳаммад Такии Баҳор. Е.Э.Бертельс, А.Мирзоев, А.М.Мандельштам. З.Сафо А. Хромов).

Дар асоси бозёфтҳои боварибахши бостоншиносӣ, тадқиқотҳои шевашиносию мардумшиносӣ олим ба хулосае омада қайд мекунад, ки дар ташаккул ва тақмили минбаъдаи забони адабии тоҷик роли асосиро шеваҳои Хуросону Мовароуннаҳр бозида, он баъд ба Эрон паҳн шуд. Ибтидои интишори забони тоҷикиро дар Мовароуннаҳр муҳаққиқон аз асри VII милоди ҳисобанд, ба фикри академик Нӯмон Неъматов ҳанӯз аз замони салтанати Сосониён оғоз ёфта буд. [5]. Қайд карда шудааст, ки то ҳоло қариб чил забону шеваи зиндаи эронӣ, дар гуфтугӯ амал мекунад, ки онҳо худуди хеле васеъро аз Тигр дар Ғарб, то Ҳинду Туркистони Шарқӣ дар Шарқ, аз кӯҳҳои Кавказ дар шимол, то халиҷи форсу баҳри Араб дар ҷануб фаро гирифтаанд.

Ба назар гирифтани таснифоти антропологӣ ба олим имконият додааст, ки наҷоди илмӣ тоҷиконро чӣ дар ибтидо ва чӣ дар силсилаҳои таърих муайян созад. «Асоси типӣ антропологияи тоҷиконро,- қайд мекунад

академик Нӯмон Неъматов,- типии аврупоии сабзинаи брахикрании Мовароуннаҳри ташкил медиҳад».[6] Типии долихоцефалии (калладарозҳо) баҳри Миёназамини пештар - дар асри биринҷ ва ибтидои асри оҳан ташаккул ёфта, то ҳоло осори худро дар тоҷикони Хуросону Афғонистон нигоҳ доштанд.

Академик Нӯмон Неъматов дар вақти тадқиқу таҳлили ҳаёти иқтисодию иҷтимоии халқи тоҷик дар силсилаҳои таърихи классификатсияи хоҷагию маданияро ба назар гирифта асоси ташаккули халқи тоҷикро дар типу характери машғулияти он мебинад. Олим асоси зиндагӣ ва ҳаёти маънавии тоҷиконро дар машғулияти зироаткорӣ қайд намуда, ду типии он - лалмӣ ва обиро ёдоварӣ мекунад. Омӯзиши бозёфтҳои бостоншиносӣ, маводҳои этнологӣ ва ҳуҷҷатҳои хаттӣ ба олим имконият доданд, ки ташаккули типии ягонаи хоҷагию маданияро дар вилоятҳои Суғду Истаравшан муайян созад, умумияту яқинии хоҷагии онҳоро дар марҳилаҳои ташаккули халқи тоҷик нишон диҳад. [7] Афзалияти се- намуди хоҷагиро: хоҷагии қишлоқ, истехсолоти кӯҳӣ ва истехсолоти ҳунармандиро дар марзҳои таърихӣ тоҷикон қайд менамояд. Аз таълифоти олим бармеояд, ки агар дар Истаравшан истехсолоти кӯҳӣ афзалият дошта бошад, пас дар Суғд истехсолоти ҳунармандӣ бештар ривож доштааст.

Бояд гуфт, ки услуби таҳлилу баёни асноди таърихӣ дар навиштаҳои олим, аз дигар асарҳои таърихӣ тамоман фарқ мекунад. Чавҳаре ки асарҳо дар услуби рехтаю хотирнишини чунон чуқур мекунад, ки хонанда дар вақти мутолиаи онҳо ҳамроҳи муаллиф ба сайри таърих меравад ва иштирокчии ҳодисаю воқеаҳои таърихӣ мешавад. Чунончӣ, муҳаққиқ оиди истехсоли маъдан, рангорангии ва техникаи баланди коркарди он суҳан ронда қайд мекунад: «Маъданро бо роҳи кандани чоҳҳои амудӣ ва моил, нақб, инчунин бо усули кушод истихроҷ мекарданд. Чуқурии конҳо баъзан то 150 м ва аз он зиёд ҳам мерасид. Барои маъданкандӣ одатан «усули оташкан» васеъ истифода мешуд: бо ёрии оташ чинси кӯҳиро метафсонданд; сипас ба болояш якҷанд маротиба оби хунук мерехтанд, дар натиҷа он қафида мешуд... [8,81-83]. Баъд кӯҳкانون фонаҳои оҳанину чӯбин, пӯтқу болғаҳои оҳанӣ ва сангӣ... босконҳои сангӣ, зоғнулҳои сангию оҳанӣ каланд, бел ва дигар олатҳоро истифода мебарданд. Барои мустаҳкам кардани сакфи конҳо тирғаки чӯбин, танбаю болор, инчунин сутунҳои аз чинси кӯҳи боқимонда истифода мебарданд... Даруни конҳо бо чароғҳои гилин равшан карда шуда... тавассути корезҳо об аз даруни кон берун карда мешуд.

Маъданро баъди ба навъҳо ҷудо кардан ба воситаи сабад ва кавга (халтаи чармӣ) дастӣ тавассути поймонак ва нардбон ё ғарғара берун мекашиданд. Дар берун маъданро мегудохтанд. Шароити меҳнати кӯҳкانونи тоҷик... ниҳоят вазнин буда, ҳаёти онҳо ягон арзише надошт ва он дуруст муҳофизат карда намешуд... Дар натиҷа одамон зуд- зуд ҳалок ё маъҷуб мегардиданд. Маҳз дар истехсолоти кӯҳкорӣ натиҷаҳои шароити иқтисодию

ичтимоии чамъияти истисморгар баръало намудор мешуданд». [9] Чунин тарзи баён аз диди амиқу густурда ба нигоҳи бориксанчи олим дарак медихад ва нишонаи истеъдоди фитрии ўст.

То ҳол оиди типҳои кулолӣ (дастию чархи кулолӣ) ва ареалҳои он, касабҳои иттиҳодияҳои хунармандон дар асарҳои М.С.Андреев, Е.М.Пещерева, Н.Н.Ершов, доир ба истехсолоти хунарманди дар асарҳои О.А.Сухарева Н.Турсунов зимни маводҳои асрҳои XIX- XX маълумот ҳасту халос. Маълумотҳои қадимтаринро роҷеъ ба ҷудошавии хунармандон аз рӯи аломатҳои истехсолӣ: аз рӯи масолах; аз рӯи мураккабии ҳуди маснуот; аз рӯи зарурати оммавии ҳаррӯза ва аз рӯи санъати меҳнат ва ғоидаи амалии он дар марҳилаи ташаккули халқи тоҷик аз тадқиқоти академик Нӯъмон Неъматов дарёб кардан мумкин аст. [10, 88-90].

Омӯхтан ва муайян намудани мақоми чорводори дар тамаддуни тоҷикон яке аз мавзӯҳои этнологӣ буда оиди ин масъала ҳам аз асарҳои олим фикрҳои навро мушоҳида карданамон мумкин аст. Омӯзиши маводҳои хаттию мардумшиносӣ ва бозёфтҳои бостоншиносӣ роли машғулияти чорводории тоҷиконро дар мисоли Истаравшан дар зинаҳои таърихӣ тараққиёти халқи тоҷик муайян сохтааст. Мавқеи хуби шароити ҷуғрофи, анъанаи хочагидорӣ, ба чорво алоқаманд будани дигар соҳаҳои хочагӣ, имконият фароҳам овард, ки соҳаи мазкур тараққӣ намояд ва мавқеи ноҳияи таърихиву маданияро дар дигар мавзӯҳо марзи таърихӣ халқи тоҷик мустақкам намояд. Навъҳои чорводориро бори аввал В.С.Батраков ва Б.Х.Кармышева нишон дода буданд. Вале дар асарҳои таърихӣ аввал дар мисоли материали Истаравшани асримиёнагии барвақту муттарақӣ дида метавонем, ки онро олим чорводории «айлоқи- кӯҳӣ ё худ «лайлови-кӯҳӣ» номидааст. [11]. Ин типӣ хочагӣ, ҳанӯз аз замонҳои қадим то рӯзҳои мо дар таҷрибаи чорводорони тоҷик васеъ истифода бурда мешаванд. [12,86].

Академик Нӯъмон Неъматов материалҳои археологию этнографиро амиқ таҳлил намуда қайд мекунад, ки яке аз шартҳои инкишофи тамаддун-обёрии сунъӣ мебошад. Анҳоро ҷӯйборхое, ки дар замонҳои қадим сохта шуда буданд, то 50-100 киллометри квадратиро обшор мекард. Олим ҳануз соли 1957 дар монографияи худ «Истаравшан...» [13] аз замонҳои қадим истифода бурда шудани рудхонаҳо, корезҳо, дарготҳо, кушҳавзҳо, кубурҳо, чоҳҳои зеризаминӣ- обдуздҳо, новаҳо маълумот дода мавҷудияти осори онҳоро дар мисоли иншоотҳои обёрии деҳаҳои Басмандаю тағояк, Даҳкат ва амсоли онҳо хотирнишон мекунад. Ингуна комплекси иншоотҳои гидротехниқиро камина ҳам дар бисёр ноҳияҳои Фарғонаи чанубу ғарбӣ ва шимолу шарқӣ ба қайд гирифта буд. Таҳти роҳбарӣ, ва зери таҳрири академик Нӯъмон Неъматов монографияи А.Билолов «Аз таърихи ирригатсияи Истаравшан» нашр шуд. (Душанбе, 1980).

Яке аз омилҳои муҳими пешравии қори деҳқонӣ, ин донишҷуи системаи заминдорӣ мебошад. Академик Нӯъмон Неъматов дар асоси

омӯхтани сарчашмаҳо ба системаи киштгардони 3-5 қитъаи аҳамияти махсус медод, ки усули киштгардон ғайр аз майдони беда, дар дигар намудҳои растанӣ ҳам истифода бурда мешуданд.

Дар хоҷагии тоҷикон ду навъи омоч ба кор бурда мешуданд: омочи калон барои шудгори марзҳои саҳро, ки барзагов мекашид ва омочи хурд, ки барои шудгори полезӣ, онро ки онро ба хар мебастанд. Дар асарҳои этнографӣ харомочро бори аввал М.С.Андреев дар мисоли таҷрибаи деҳқонони Намангон дар ибтидои асри XX ва каминаи типӣ дигари онро «одамомочро дар тоҷикони Сух ба қайд гирифта будем. Таҳлили таърихӣ иҷтимоӣ онро дар асарҳои Б. Ғафуров ва Н.Неъматов мушоҳида кардан мумкин аст. Тоҷикон аз қадим кишоварзони касбӣ буданд, мегуяд олим. «Касе, ки ғалла мекорад, гуё тухми некӣ мепошад». Деҳқониро касби муқаддастарин ҳисобидани «Авесто» ҳам бе ҷо нест, мегуяд академик.

Аз назари мардумшиносӣ таҳлили анвон олатҳои меҳнат, таърихи пайдоиш ва таҳаввули онҳо, шаклҳои заминдорӣ - мулки султонӣ, мулки хусусӣ ва вақф, тарзи истифодаи замин ва ба табақаҳо ҷудо шудани аҳолии деҳот гуногунии шартҳои иҷора, шаклҳои пойдор гардидани деҳот, гуногунии истисмори феодалӣ, тасвири ҷамоаи деҳот дар асарҳои муҳаққиқ ҷолиби қайд аст. Бори аввал дар асари олим дар асоси материалҳои Истаравшан тавсифи муфассали қарияҳои деҳоти тоҷик дар асрҳои миёна дода шудааст, ки ин масъала аз назари этнологӣ то ҳол омӯхта нашудааст.

Дар тасвири маданияти моддӣ ва маънавии тоҷикон ҳам сайқалдиҳии этнографӣ ба ҷашм мерасад. Умумияти маданияти моддӣ дар давраи таракқиёти асрҳои миёна аз маълумотҳои муҳаққиқ ба ҳамаи вилоятҳои таърихию маданӣ дахл дорад. Тасвиру таҳлили шаҳру деҳаҳо, истиқоматгоҳҳо, сару либос ва рӯзгори тоҷикон дар тӯли садсолаҳо дар асарҳои академик Нуъмон Неъматов мақоми махсус дорад. Ӯ консепсияи шаҳру деҳотомӯзиро дар силсилаҳои таърихӣ асос гузоштааст.

Муҳаққиқ сохти биноҳои истиқоматгоҳҳои тоҷиконро дар марҳилаи аввали асрҳои миёна ин зайл тасвир мекунад: «Таҳкурсии умумӣ иморатҳо суфаи похсағиест, ки баландиаш 4,5 м. аст ва бо девори ғафси беруна ихота гардида дар он биноҳои давраи якуми ҳаёт бунёд гардида буданд... Онҳо аз хишти хоми чоркунҷа бино ёфта, бо коҳ- гил ғафс андова шудаанд, хонаҳо росткунҷа, дарозшакланд, қад-қадӣ деворҳо суфаҳо бардошта шудаанд. Девори берунаи хонаҳо похсағину ҷо ҷо ҷӯбқорӣ, деворҳои дохили похсағини хиштomez аст... Дар қисми ҷанубии он бурҷи девораш ғафси хиштин ҷойгир шудааст. Девори ғафси аз хишти калон бунёд гардида дар қисми ҷанубии теппаи асосии димна ҳафр шуд, ки ба давраи аввали сохтмон-асрҳои миёнаи барвақт мансуб аст. Муҳаққиқ дар назди ин димна боз 40 хонаи давраи дуҷоми сохтмонро кашф карда қайд мекунад, ки биноҳо дар болои таҳкурсияҳои сангқорӣ харобаи биноҳои пештара сохта шудаанд. Ӯ тахмин мекунад, ки маркази иншоот ҳавличаи кушод буд, хонаҳои

истиқомати ва хоҷагӣ гирдогирди он қатор ҷойгир шуда буданд. Хонаҳо мураббаъ ва росткунҷаи дарозшакл буда, ба воситаи даромадгоҳ ба қитъаҳои ҷудоғона муттаҳид мешуданд. Девори хонаҳои давраи дуҷуми сохтмон бо усули хиштчинии ба Осиёи Миёна хос буда... бунёд гардиданд. Девори хонаҳо бо кочгил андова шуда, фаршҳо гилианд... Дар ҳамаи хонаҳо ҷаҳор намуди оташдон: росткунҷа, гирда ё байзашакл, минкал, наълшакли рӯяш... нақшу нигордор». Бомӣ хонаҳо равоқӣ, баъзеашон ҷӯбинанд. Аз асбобҳои рӯзгор корди оҳанини якдамаи дастааш ҷӯбин, кафгири байзшакли дасташ дарозу печдор, қошуқи биринҷӣ, қайроқсанг, мизҳои гачӣ ва амсоли онҳоро, ки дар давраи феодализм истифода мебуданд, тасвир менамояд. Ҷомҳои сафолиро таҳқиқ намуда қайд мекунад, ки нақшунигори онҳо, бо усули харош ва релефбарорӣ, нақшақолаб ва бо роҳи нақшавор часпонидани пилтаҳои лойин анҷом дода мешуданд... Ҳангоми сохтани онҳо устоҳо сирҳои шаффоф ва хираро истифода мебуданд, зимнан сири шаффофро бо ангоб меандуданд: сатҳи ҷомро бо асбобҳои махсус харошида нақши морпече шикастаи мавҷпоқ мебароварданд» [15,159].

Муҳаққиқ дар хусуси рангорангии асбобҳои рӯзгор ҳарф зада қайд мекунад, ки асбобҳои ороиши хеле оддӣ буда, ду намуди аслиҳа: ханҷарҳо ва камону пайконҳо истифода мебуданд. Ханҷар дудам буд, ки чунин намудаш то ҳоло дар ёдгориҳои дигари Осиёи Марказӣ ба даст наомадааст. Пайконҳои оҳани се хел буданд: яке занбуруқи теғаш чапу неш дор, дигаре бедбарг ва сеюми- зирехқӯб, ки ғафси боқувват буд. Ингуна таҳлилу тасвириро дар ҳаёти шаҳри ҳам мушоҳида менамоем. Чунин таҳлили доманадори маданияти моддӣ ба академик Нӯмон Неъматов хос буда, услуби фардии тадқиқоти ӯст.

Масъалаи либоси тоҷикон дар тӯли қарнҳои XIX-XX аз тарафи мардумшиносон О.А.Сухарева, А.К.Писарчик, З.А.Широкова омӯхта шуда бошанд ҳам, вале онҳо характери иҷтимоӣ доштани онро қайд накардаанд. Академик Нӯмон Неъматов характери табақавӣ ва иҷтимоӣ доштани сару либосро ёдоварӣ намуда қайд мекунад: «Ғуломони турк рутбаи паст доштанд, аз матои арзони маҳаллӣ занданаги либос мепошиданд, дар соли панҷуми хизмат ба ғулом он либоси нимабрешимӣ, дар соли ҳафтум ҳангоми ба рутбаи сардори хайма расидан аз матои нисбатан қиматтар-ганҷи либос дода мешуд, ба амирлашқар аз матои қиматбаҳо либос медоданд. Ҳар як табақа мувофиқи рутбаи худ либос мепошид. [16].

Масъалаи омӯзиши расму оинҳо, ривоятҳо, равияҳои мазҳабӣ, маросимҳои ҷамъиятию оилавӣ яке аз равандҳои тадқиқотии олим қарор гирифтааст. Дар омӯзиши ин масъалаи муҳими этнографӣ муҳаққиқ дар сафи мардумшиносони тоҷик меистад.

Ҳанӯз, соли 1957 дар монографияи калонҳаҷми тадқиқотии «Истаравшан...» оиди расму оинҳои тоҷикон фасли махсусро бо номи «Эътиқодҳои динӣ» таълиф намуда буд. Дар ин фасли монография зимни

сарчашмаҳои хаттӣ ва маводҳои бостоншиносию мардумшиносӣ тасаввуроти пешазисломии ниёғони тоҷикон ҳаматарафа ба тарзи амудӣ таҳлил шуда, оиди парастии худоҳои маҳаллӣ, парастии оташ, офтоб, Моҳтоб, ситораҳо, ғорҳо, бухтонаю муғхонаҳо, сангҳои қиматбаҳо, растанию олами вухуш (сағ, гург, асп, шугур, гусфанд, хук) ва амсоли онҳо маълумоти хеле шавқовару диққатҷалбкунанда гирд оварда шудааст. Дар асар деу ачинаҳо, махлуқҳо ва муборизаи қувваҳои некӣ зидди қувваҳои бадӣ, аз ҷумла, бутхудои Истаравшаниҳо «Санам Дэси» мавриди муҳокимаю тадқиқ қарор гирифтааст.

Бино ба маълумоти Бейши ва Суйшу пайкари тиллоии «Санам Дэсӣ» 15 фут (4,65 м) бо қаду бар дошта ҳарруз ба он 5 шугур, 10 асп ва 10 гусфанд ва баъзан ҳазорҳо ҳайвонҳоро қурбонӣ мекарданд. Ин бутхонаи «Санам Дэсӣ» дар қисми шарқии шимолии Иштихон ҷойгир шуда буд. Чунин манзараи қурбоникуниро муҳаққиқ дар ибодатхонаҳои Панҷакент ҳам ба қайд гирифтааст, ки дар наққошиҳои рӯи деворӣ он манзараи қурбонӣ ба оташ тасвир ёфта дар тоҷаҳои толор муҷассамаи бутҳо акс ёфтаанд. Дар асар маъхазҳои сершумор оиди дар майдонҳои Самарқанд мавҷуд будани бутҳои ҷӯбин гирд оварда шудааст. Осори чунин бутхонаҳоро камина ҳам соли 1973 дар деҳаи Малбути ноҳияи Сӯх ба қайд гирифта будем. Чунин далелҳои қотей ба олим имконият медиҳад, ки дар гузашта дар Истаравшану Суғд мавҷуд будани оинҳои оташпарастӣ, бутпарастӣ ва тотемизм хулосаҳои илмӣ барорад.

Таҳлили расмӣ онҳо ва маросимҳо дар мисоли суди афшин Ҳайдар ва тарзи гӯронидан дар Истаравшан дафн дар хуму устодон, дар гӯрхонаҳои девораш бо санг ё ҷуб руйбастшуда (гӯри белахун бо «китфчаҳои хокӣ ва росткунча) ва дахмаҳои кӯҳӣ хонандаро бо санадҳои тоза шинос мекунад. Дахмаҳои кӯҳиро мо дар тоҷикони Косон, болооби дарёи Сӯх ва дар дараи Ғозиёни вилояти Ўш ба қайд гирифта будем. Дар гӯрҳо, майитҳо бо тахтапушт, сар ба шимол ё шимолу ғарб, руй ба ҷанубу ғарб ё ба боло мадфунанд. Атрофи майтро бо тахтасангҳо ё ғулапораҳои арча гирифта, болояшро бо болори арчагӣ мепушиданд. Дар дахмаи кӯҳие, ки мо бо ҳамроҳии В. Р.Чейлытко моҳи августи соли 1975 дар деҳаи Зардолуи болооби дарёи Сӯх мушоҳида карда будем майит дар даруни ҷӯби арча хобонда шуда, болояшро бо тахтасангҳои пилтагӣ пушида буданд, майит бо дасти рост руй ба тарафи Шарқ хобида буд. Ҳамаи ин мисолҳо аз зухуроти «таълимоти Зардушт маздония аст, ки мувофиқи талаботи он мебоист «мурдаи нопок» аз «замини пок» ҷудо бошад».

Солҳои 1965-1979 бо сарвари академик Нӯмон Неъматов қасри пурҳашамати афшинҳои Истаравшан ҳафриёт шуд, ки толори вай аз 230 метри мураббаъ иборат буда, бо мазмуну санъати тасвирии худ хеле ҷолиб буд ва ин бозёфти нодир номи олим ва Тоҷикистонро дар тамоми ҷаҳон машҳур гардонид. Деворҳои хонаҳои қаср бо санъати баланд наққошӣ карда шуданд, ки дар қатори расмҳои он, худо марди сесара, худозани чордаста, деви сечашма сарбози қанотдор, уқобу аждаҳор, аспӣ қанотдори парвоз карда истода ва рамзи машҳури модагурги капитолӣ» бо дугоникҳои бараҳна тасвир карда шудааст. 21, 189.

Этнографҳо бисёр нақлу ривоятҳоро оиди парастии ҳайвонҳо, аз ҷумла гург ба қайд гирифтаанд. Дар гузашта гурӯҳи қавму халқҳои туркӣ: угузҳо, кипчокҳо, бошқирҳо, уйғурҳо саравлоди худро ба гург мепайвастанд, кирғизҳо ба сағ (С.И.Абрамсон)... [22,71]. Бинобар ин дар парчами халқҳои номбаршуда расми каллаи гург буда, дружинаи худро «гург» меномиданд. Гагаузҳои уезди Бендер маросими «Иди гург»-ро мегузaronиданд. [23]. Дар тибби халқӣ истифода намудани равону хокистари сим, дандону нохун ва нути думи гургро тумор карда, ба он ҳамчун балоғардон ва омади қор парастии қарданро мо дар тоҷикони Қосону Учқургон, Варзику Сӯх ба қайд гирифта будем.

Композитсияи наққошии бисёррангаи Шаҳристон бо маҳорати баланд таҳия шуда, мавзӯи ғоҷиавии достони модаргург ва дугоникҳоро тасвир мекунад. Аз ҳамин сабаб дар санъати тасвирии ҷаҳон мақоми маҳсусе дорад. Тадқиқоти васеи ривоятҳои қаблаҳою халқҳои қадимаи Осиё Аврупо олимро ба ҳулосае овард, ки мувофиқи он ривояти модаргург ва кӯдакони бараҳна дар сарзамини қаблаҳои эронинажоди Осиёи Миёна ва Шарқи Миёна ҳанӯз дар замонҳои ҷамоаи ибтидоӣ (асрҳои биринҷӣ ва ибтидоӣ оҳан) пайдо шуда, дертар дар байни қаблаҳои бодиянишину муқимии мамлакатҳои Осиё ва Аврупо паҳн гардид. Мувофиқи ривоятҳои эронӣ қадим, ки дар сарчашмаҳои Юнони қадим акс ёфтааст, модаргург ҳатто асосгузори давлати Хахоманишиён- Куруши Кабирро дар вақти қудрати афғона буданаш парвариш кардааст. [24,141].

Бозёфтҳои археологӣи Шаҳристонро Панҷакент нишон дод, ки ин сюжет аз сарзамини Эрон аввалҳо дар байни этрускҳои Осиёи Хурд, дертар ҳичрати онҳо ба Италия (Геродот) дар ин сарзамин низ паҳн шуда, яке аз ривоятҳои дӯстдоштаи этрускҳо гардид. Мучассамаи тиллоии модагурги капитолӣ, ки этрускҳо дар асрҳои 6-5 то милод сохтаанд ва ҳоло дар музейи Ватикани Рим маҳфуз аст, далели фикрҳои олим мебошад. Дар дунёи қадим мубодилаи як сюжети равояти ба амал омадааст, ки аз иштироки пешгузаштагонӣ тоҷикон дар ташаккули маданияти Рими атиқа шаҳодат медиҳад. [25].

Академик Нӯъмон Неъматов оинаи рӯзгори хучандиён аст, ки ӯ дар омӯзиши расму оинҳо ва маросимҳои оилавӣ ва ҷамъиятии халқаш ҳиссаи сазовор гузоштааст. Зери роҳбарии устод монографияи этнограф Х.Эшонқулов таҳти унвони «Никоҳ ва туйи Хучандиён дар давраи нав (охири асри XIX-ибтидоӣ асри XX), омода ва нашр шуд, ки яке аз аввалин рисолаҳо роҷеъ ба мавзӯи мазкур буд. Дар асарҳои этнографӣ ақидае вучуд дорад, ки бино ба он дар ҳаёти зироаткорони Осиёи Миёна мақоми ҷамоаи иборат аз оилаҳои калон ниҳоят пойдор буд. Вале муҳаққиқ дар асоси омӯзиши сарчашмаҳои мухталиф ба ин ақида шубҳа намуда изҳор дошт, ки ҷамоае, ки бо оилаҳои калон асос ёфтааст, пойдор буда наметавонад. [27,117].

Якчанд асари этнографияи олим дар қомуси ҳаштҷилдаи шӯравии тоҷикӣ гирифтааст. Яке аз онҳо мақолаи Наврӯз[41,42] мебошад, ки дар он

муаллиф таърихи пайдоиш, ахамият, вусъати ҷуғрофийи он ва характери зироаткорӣ доштани ин иди солинавии тоҷикон ва дигар халқҳои эронинаҷодро нишон медиҳад. Таҳти назари академик Нуъмон Неъматов монографияи хеле шавқовари А.Неъматов бо номи чашнҳои тақвимии зироаткории қадимаи тоҷикон ва аҷдодони онҳо, аз чоп баромад, ки дар он муаллиф бори аввал дар илми таърихнигории тоҷикон оиди идҳои Наврӯз, Сада, Меҳргон ва бохтарию суғдӣ ва хоразмӣ- идҳои Фанҷӣ, Урдибиҳиштагон, Хурдадагон, Ҷашни Нилуфар, Фарвардагон, Баҳорчаши, Хуррамруз Баҳманчон, Обрезагон, Иди гули сурх ва амсоли онҳо мужда мерасонад. [29].

Асарҳои сершумори академик Нуъмон Неъматов: «Оид ба масъалаи мансуби этникии аҳолии Истаравшан» (1956) «Маълумотҳои нав доир ба этногенези халқи тоҷик» (1957), «Диққати ҷидди ба санъати амалии халқи Тоҷикистон» (1958), «Санъати Панҷакенти қадим» (1960), «Меҳроби Ашт ва ривоятҳо ба он» (1970), «Сайри ривояти қадима» (1970), «Тоҷикон яке аз қадимтарин халқи ҷаҳон» (1970), «Рамзи Рим дар наққошии Истаравшан ва анъанайи мифологияи асри миёнагӣ» (1973), «Модагурги капитолӣ дар Тоҷикистон ва ривоятҳои Евразия» (1975), «Тадқиқоти барҷаста доир ба этнографияи узбекон» (1975), «Трилогияи пураарзиш» (1976), «Наврӯз» ва амсоли онҳо, ки шумораи он аз 60 номгӯй меғузарад характери этнографӣ доранд ва дар онҳо масъалаю концепсияҳои нав баён карда шудааст. Ҳар яки онҳо дар илми таърихнигории тоҷик мақоми хосае доранд.

Адабиёт

1. Негматов Н.Н. К вопросу об этнической принадлежности населения Устрашани // Крат. сообщ. о докл. и полевых исслед. Ин-та истории материальной культуры АН СССР. 1956. – вып. 61. – С. 29-38
2. Фасли «Этногенези халқи тоҷик»-ро ба асари бисёрчилдаи «Этнологияи халқҳои тоҷик» Н.Н.Неъматов навиштааст.
- 3а. Доир ба ин масъала муфассал ниг. Н.Н.Неъматов. Таджики. Исторический Таджикистан. Современный Таджикистан. – Хисор. – 1992
- 3б. Негматов Н.Н. Таджикиский феномен. – Душанбе, 1997
4. Дар асари Бобоҷон Ғафуров ду марзи таърихӣ – маданӣ халқӣ.
5. Негматов Н.Н. Таджикиский феномен...
6. Дар ҳамон ҷо.
7. Дар ҳамон ҷо.
8. Неъматов Н. Давлати Сомониён. – Душанбе: ирфон 1989. С. 81-83
9. Дар ҳамон ҷо.
10. Дар ҳамон ҷо, сах. 88-90
11. Негматов Н.Н. Таджикиский феномен...
12. Неъматов Н.Н. Устрашана в древности и раннем средневековье. – Сталинабад, 1957. С.86
13. Дар ҳамон ҷо.

14. Гафуров Б. Тоҷикон, ҷ.2, с.105
15. Неъматов Н. Давлати Сомониён, с.159; инчунин: Низом ул-мулк, Сиёсатнома, с.110-111
- 15а. Дар ҳамон чо.
16. Дар ҳамон чо.
17. Майтдинова Г.М. Костюм раннесредневекового Тохиристана: история и связи. Душанбе, 1992, 174 с; Майтдинова Г.М. Генезис костюма таджиков: древность и раннее средневековье. АДД, 1997, 50с.
18. Неъматов Н.Н. Уструшана в древности и раннем средневековье. – 80
19. Негматов Н. О живописи дворца афшинов Устрашаны. – С. А. №3, с. 189-201
20. Воронина В.Л., Негматов Н. Открытие Устрашаны, - В кн: Наука и человечество. Международный ежегодник, Изд. «Знание», Москва, 1975, с.71
21. Дар ҳамон чо.
22. Энциклопедияи советии тоҷик. – Ҷ.4. с.441
23. Дар ҳамон чо. Негматов Н., Соколовский В.М. Капитаойская волчица а Таджикистанеи легенды Евразии. – Памятники культуры, Новые открытия. Ежегодник. 1974, М.,1975
24. Эшонқулов Х. Брак и свадьба у населения Ходжента в новое время (конец XIX – начало XX). – Душанбе, 1972.
25. Неъматов Н. Давлати Сомониён, с.117
26. Энциклопедияи советии тоҷик. – Душанбе, 1984, ҷ.4 – с.41-42.
27. Негмати А. Э. Земледельческие календарные праздники таджиков и их предков. Отв. ред. Н.Н.Негматов. Душанбе, Дониш, 1989

Лариса Додхудоева, Нигора Джураева
Душанбе

ПЕРВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ЭТНОГРАФОВ ТАДЖИКИСТАНА

В 40-50-х гг. XXв. основной задачей советской этнографии стала подготовка многотомного труда «Народы мира». В соответствии с этим Кабинет этнографии ИИЯЛ приступил к разработке большой темы «Сплошное этнографическое обследование Таджикистана». Кушлябская экспедиция под руководством А.К. Писарчик работала в течение двух сезонов (1948-49 гг.) и собрала различного рода материалы по расселению таджиков и малых этнических групп их религиозным верованиям, ремеслам и промыслам, социальному положению, коллекцию изделий ремесленного производства этого региона. Сохранившиеся в этнографическом архиве Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана документы представляют исключительный

научный интерес и важны для этнической идентификации народов Таджикистана.

ЯКУМИН ЭКСПЕДИТСИЯИ МАРДУМШИНОСОНИ ТОЧИКИСТОН

Дар солҳои 40-50 асри ХХ вазифаи асосии мардумшиносии советӣ тайёр кардани асари бисёрҷилдаи «Халқҳои ҷаҳон» буд. Мувофиқи ин, Кабинети мардумшиносии ИТЗА ба тартиб додани мавзӯи калони «Тадқиқоти мардумшиносии муғтасили Тоҷикистон» шурӯъ намуд. Экспедиция бо сардории А. Писарчик ду мавсим (1948-49) кор карда, дар бораи сукунати тоҷикон ва қавмҳои хурд, эътиқоди динии онҳо, хунару хунармандӣ, вазъи иҷтимоии онҳо, дар бораи хунаҳои дасти ин ноҳия маҷмӯа ва маводи гуногун гирд овард. Хуччатҳои маҳфуздоштаи бойгонии мардумшиносии Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А.Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон дорои таваҷҷӯҳи хоси илмӣ буда, барои шинохти этникии халқҳои Тоҷикистон аҳамияти хоса доранд.

THE FIRST EXPEDITION OF THE TAJIK ETHNOGRAPHERS

In the 40-50s of the 20th century the main task of Soviet ethnography was the preparation of the multi-volume work "Peoples of the World". In accordance with this, the Cabinet of Ethnography of the A. Donish Institute of history, archaeology and ethnography, Tajikistan National Academy of sciences began to develop a large topic "Entire ethnographic survey of Tajikistan". Kulyab expedition led by A.K. Pisarchik worked for two seasons (1948-49) and collected

various kinds of materials on the settlement of the Tajiks and small ethnic groups, their religious beliefs, crafts and crafts, social status, a collection of handicrafts from this region.

The documents preserved in the ethnographic archive of the Tajikistan National Academy of sciences are of exceptional scientific interest and important for the ethnic identification of the peoples of Tajikistan.

Кулябская этнографическая экспедиция 1948-1949 гг

В 1948-49 гг. сотрудниками вновь организованного Кабинета этнографии Института истории, языка и литературы Таджикского филиала

Академии наук СССР (ИИЯЛ ТФАН СССР) была проведена экспедиция в Кулябскую область под руководством выдающегося исследователя А.К. Писарчик. В 40-50-х гг. XXв. основной задачей советской этнографии стала подготовка многотомного труда «Народы мира». В соответствии с этим Кабинет этнографии ИИЯЛ приступил к разработке большой темы «Сплошное этнографическое обследование Таджикистана», материалы которой должны были помочь уточнить границы историко-культурных районов и микрорайонов, послужить основанием для составления подробной этнографической карты, а в будущем - и историко- этнографического атласа. Сама А.К. Писарчик так определила значение этой экспедиции: «...она была первой экспедицией таджикистанских этнографов, и в ней вырабатывался метод работ последующих лет, выявлялись и трудности, и достижения, отражались условия, в которых приходилось работать» [7,29-30].

Экспедиция под руководством А.К. Писарчик работала в течение двух сезонов (1948-49 гг.) и собрала различного рода материалы по расселению этнических групп (локайцев, карлуков, кунгратов, арабов, утабулоков-уртабулоков, шомари, обсарина и др.) их религиозным верованиям, ремеслам и промыслам, социальному положению, коллекцию изделий ремесленного производства этого региона. Среди сохранившихся материалов Кулябской экспедиции 1948-49 гг. в настоящее время в этнографическом архиве Института истории, археологии и этнографии находятся экспедиционные дневники в рукописном и машинописном варианте, заметки, документы эпистолярного характера (письма, телеграммы), фотоколлекция №2.

Все документы и фоторесурсы Кулябской экспедиции представляют исключительный научный интерес и важны для этнической идентификации народов Таджикистана. Архивные материалы в настоящее время подготовлены к печати. сотрудниками отдела этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана(ИИАЭ НАНТ). Вышла в свет лишь первая часть этой трилогии.[1].

Руководитель экспедиции А.К. Писарчик писала: «Ввиду того, что Кулябская область является одной из наименее изученных областей Таджикистана, ИИЯЛ ТФАН СССР решил начать свои работы по систематическому этнографическому изучению Таджикистана именно с этой области [5,36]. В своём отчёте другой участник экспедиции филолог Р.Л. Неменова так же отмечает, что «малая изученность говоров Кулябской области побудило ИИЯЛ ТФАН СССР направить в 1948 г. диалектологическую экспедицию в Кулябскую область, чтобы начать изучение говоров, распространенных на ее территории» [4, 2].

В «Предварительном отчёте о работах Кулябской этнографической экспедиции» А.К. Писарчик указывает, что основными задачами экспедиции были следующие:

- осуществление сплошного этнографического обследования области; продолжение стационарного изучения различных сторон быта таджиков Кулябской области, начатого во время работ 1948 года в северных и центральных районах области;

- осуществление опыта изучения быта современного передового колхоза; приобретение экспонатов для намеченного открытия к двадцатилетнему юбилею Республики Музея этнографии и археологии [6,56].

Диалектологическая экспедиция ставила перед собой собственные задачи в 1948 и 1949 гг. Так, в 1948 г. главной её целью было начать изучение говоров Кулябской области и за её пределами, прежде всего в Ховалинском районе, а в 1949г.- продолжить изучение говоров таджикского языка в других регионах области: Муминабадском, Сари-Хосорском, Бальджуанском, частично Кангуртском районах. В 1948 г. пунктом изучения говоров стал Ховалинский район, который был населён «исключительно таджиками и граничил с исконно таджикскими районами, находился в центре полосы сплошного таджикского населения» [4,8]. Маршрут основного ядра экспедиции под руководством А.К. Писарчик был следующим: Сталинабад - Куляб; Куляб - Муминабад - Кипчак - Лянгар; Куляб - Пархарский район (с выездами в пять кишлачных советов и в десять колхозов); Куляб - Шурабадский район (с выездами в пять кишлачных советов и в пять колхозов); Куляб - Колхозабадский район (с выездами в два кишлачных совета и в пять колхозов); Куляб - Кзылмазарский район (с выездами в пять кишлачных советов и в семь колхозов); Куляб - Дангаринский район (с выездами в три кишлачных совета и в пять колхозов) - Кангуртский район (с выездами в один кишлачный совет и в один колхоз) - Сарихасорский район - Бальджуан - Ховалинг - Куляб - Кулябский район (с выездами в шесть кишлачных советов и в шесть колхозов); Куляб - Кзылмазар (с выездами в два колхоза) - Кангурт - Сталинабад. Выполнением первой задачи - сплошного этнографического обследования - занято было основное ядро экспедиции, состоявшее из А.К. Писарчик, Б.Х. Кармышевой и фотографа Л.О. Минакова до его отъезда. Продолжение стационарного сбора материалов по быту кулябских таджиков осуществлялось аспирантом М.Н. Рахимовым на юге Дашти-Джумского района, в кишлачном совете Йол, и на севере Ховалинского района, в кишлачном совете Яхсу. Материалы по быту передового колхоза предварительно собирала лаборантка А.А. Лагута, а затем также А.К. Писарчик и Б.Х. Кармышева. В экспедиции начали свою научную деятельность разные исследователи, которые впоследствии стали крупными представителями таджикской науки. В основном составе работали иранисты-таджиковеды: А.К. Писарчик, тогда аспиранты Н.Х. Нурджанов и М.Р. Рахимов, впервые выехавшие на полевой сбор материалов, а также три студентки-иранистки Ленинградского госуниверситета, ученицы известного лингвиста и этнографа профессора И.И. Зарубина, командированные в Таджикистан на практику по таджикскому языку. Ф. Альтшулер собирала

материалы по фольклору, рождению и детству, Л. Антонова – по фольклору и жилищу, З. Широкова - по фольклору, костюму, архитектурным планам и утвари таджиков Кулябской области. Параллельно Б.Х. Кармышева отдельно от основного отряда, продолжала начатый ею в предыдущие годы сбор сведений о локайцах и других тюркоязычных группах в Кулябском, Кангуртском и Кзылмазарском районах области. По словам А.К. Писарчик, в Кулябе экспедиция работала в тесном контакте с аспирантами ИИЯЛИ ТФАН СССР диалектологом Р.Л. Неменовой и фолькористом Р.А. Амоновым. Сама же Р.Л. Неменова подробно описывает участников диалектологической экспедиции под руководством профессора И.И. Зарубина и В.С. Соколовой. В группу входили помимо неё аспирант Института языка АН СССР И. Богорад, а также преподаватель Сталинабадского педагогического института В.В. Яблонская, студент того же института Ш. Шарапов, студентка МГУ А. Алимова, аспирант ИЯЛИ ТФАН Р. Амонов.

Для сбора материалов по этнографии сотрудниками под руководством А.К. Писарчик был выработан опросник, который был составлен с учётом краткости экспедиции и небольшим составом исследователей. Он включал в себя следующие вопросы: название, происхождение и время появления данной группы на месте её нынешнего обитания, язык, родовые подразделения, эндогамные ограничения, калым и приданое, их соотношение, левират и сорорат, основное занятие в прошлом и настоящем (земледелие, скотоводство) и связанный с этим образ жизни, тип жилища, отопление, способ выпекания хлеба, способ сбивания масла, религия. Несмотря на краткость анкетных данных, считает А.К. Писарчик, исследование всё же дало, хотя и небольшой, но однородный сквозной материал по всем обследованным группам, который, благодаря сбору по единому плану, способен был служить базой для некоторых обобщений и выводов. При распределении тем среди участников экспедиции, учитывались и интересы каждого из них. Н.Х. Нурджанов особое внимание уделил теме народного театра, а также и развлечениям кулябских таджиков, в результате чего он впоследствии защитил диссертацию и опубликовал монографию «Таджикский народный театр» (по материалам Кулябской области)». М.Р. Рахимов избрал для исследования сельское хозяйство и пережитки древних верований в семейной обрядности. В результате многолетних полевых исследований Б.Х. Кармышевой был опубликован ряд статей и монографий, освещающих вопросы расселения, происхождения, а также быта и культуры тюркоязычных племён Южного Таджикистана, узбекской - дештикипчакской группы, появившейся здесь значительно позднее, в начале XVI в.

Р.Л. Неменова подробно пишет о подготовительной работе диалектологической экспедиции. В частности она отмечает, что подготовка в 1948 г. шла в два периода, которые она определила как «ленинградский» и «сталинабадский». Первый длился с декабря 1947 по апрель 1948 гг. и включал в себя участие в аспирантском семинаре Зарубина и Соколовой,

изучение таджикского языка. Второй, сталинабадский период, был сосредоточен на составлении основных вопросов, маршрутов. В 1949 г. в Ленинграде с 10 марта по 22 июня под руководством профессора Зарубина и Соколовой был составлен план работ [3, 24]. Итак, в 1948 г. экспедиция обследовала таджикское население Кулябской области, компактно заселявшее тогда северную, центральную и восточную её части. Обследованию подверглись г.Куляб, окрестные кишлаки, Муминабадский район и горные сельские советы Джавзодара и Лянгар, районный центр Ховалинг, высокогорные кишлаки Кшиндара Муминабадского и Гулистон Ховалингского района, а также Сари Хасор, сельские совета Дараи Калот, Амроу и Бальджуан. В 1949 г. намечено было осуществить стационарный сбор материалов на крайнем юго-востоке области, в Дашти-Джумском районе, и на северо-востоке, в северной части Ховалингского района (рис.1). Кулябская область с очень разнообразным составом населения имела наиболее пёстрые по национальному составу южные и западные районы, население же северных и восточных районов оставалось на тот период более однородным, «представляя собой в значительной части сплошной таджикский массив». В настоящее время многие западные учёные в отличие от Б.Х.Кармышевой уже не склонны идентифицировать такую группу как «узбеки-локайцы», считая их представителями монгольского племени, говорящих на узбекском языке [1]. В годы независимости в Таджикистане самосознание национальных меньшинств значительно выросло, о чем можно судить по публикациям в прессе, на страницах которой представители различных этнических групп пытаются определить особенности собственной этнической истории [3]. В официальных документах, например, в отчётах по переписи населения страны стали выделять отдельные узбекоговорящие группы (турки, локайцы, кунграты, катаганы, барласы и др.) из этнического состава узбеков, тем самым подчеркивая их особое этническое происхождение[8]. В первый полевой сезон (1948 г.) были выявлены главные особенности культуры и быта кулябских таджиков, формы эксплуатации безземельной и малоземельной части крестьянства в прошлом, агротехнические приемы, обычаи и обряды, пережитки в области различных верований локайцев, кунгратов, карлуков, шомари, ута-булоков (уртабулоков), арабов и других групп. Во втором полевом сезоне (1949 г.) участвовало ещё меньше сотрудников, которые были разделены на две группы. Отряд, состоявший из А.К. Писарчик, Б.Х. Кармышевой и фотографа-любителя Л.И. Минакова, обследовала пёстрое население южной части области. М.Р. Рахимов вёл самостоятельное изучение таджиков г.Куляба и оставшихся необследованными таджиков в сельсовете Йол на юго-востоке Дашти-Джума, в сельском совете Яхсу Ховалингского района на юге области.

Полевая работа 1948 г., касающаяся быта таджиков и тюркоязычных групп, позволили исследователям выявить характерные черты каждого

этносообщества: название, самоназвание и самоопределение, происхождение и время появления данной группы на месте её нынешнего обитания, родовые подразделения и принадлежность к ним, язык, основные занятия в настоящее время и в прошлом, формы жилища, способы его обогрева, а также конкретные данные повседневной жизни населения области.

В свою очередь членам диалектологической экспедиции за первый сезон (1948 г.) удалось определить специфику ховалингского говора, записать разговорную речь всех социальных групп, сказки, четверостишия, загадки, зафиксировать значительное количество текстов, их фонологическую транскрипцию - всего 1700 фраз и 15 народных сказок. В 1949 г. - было уже зафиксировано 3,5 тыс. разговорных фраз, 30 сказок, 12 повествовательных текстов, байты, загадки и пословицы [4,78].

Надо отметить, что условия, в которых собирался полевой материал, были не всегда благоприятны. Так, этнографам в первый сезон пришлось в отдельные места добираться пешком через горы, использовать гужевой транспорт, искать попутную машину. По этой причине намеченный маршрут экспедиции 1948 г. пришлось изменить в самом начале, при отправлении экспедиции. К счастью, в следующий полевой сезон отряд был обеспечен собственным транспортом. У экспедиции возникали трудности с приобретением экспонатов. К тому же сбор информации был значительно затруднён в связи с тем, что после проведения сплошной коллективизации основной общественной и хозяйственной единицей, в отличие от предыдущих лет, являлся уже не кишлак, а колхоз. В то время как раньше каждый человек определял своё происхождение и свою принадлежность по кишлаку, теперь эта принадлежность определялась по колхозу, а названия кишлаков, особенно среди молодежи и в местах с недавно переселенным населением, устанавливались порой с трудом. При таком положении для того, чтобы, с одной стороны, получить чёткую топографическую базу для работ по фиксации расселения различных этнических и родоплеменных групп на территории области, а, с другой, для того, чтобы иметь возможность увязать материалы экспедиции с данными, имеющимися в существующей научной литературе, необходимо было составлять на местах колхозно-кишлачные списки. На основе этих списков собирались возможно более подробные сведения о национальном и родоплеменном составе населения. Однако все эти трудности были преодолены, благодаря энтузиазму, интересу к работе всех членов экспедиции.

Сохранившиеся материалы Кулябской этнографической экспедиции в этнографическом архиве Национальной академии наук Таджикистана удивительно полно воспроизводят не только весь процесс проведения полевых исследований, но и историю их публикаций и апробации. Все это стало возможным благодаря бережному отношению А.К. Писарчик ко всем документам, связанным с Кулябской этнографической экспедицией 1948-49 гг., которая по количеству имеющихся в архиве материалов значительно превосходит

другие полевые изыскания. Среди них не только можно найти дневники членов отряда, но даже эпистолярное наследие, связанное с различными возможностями введения результатов исследования в научный оборот.

Так, здесь собраны несколько машинописных вариантов тезисов доклада А.К. Писарчик «Опыт сплошного этнографического обследования Кулябской области» 1948 г., 2 страницы помечены февралем 1951 г. На полях тезисов А.К. Писарчик сделала надпись «Доклад был прочитан 02.03.1951 г. на секции этногенеза». На полях самой статьи (17 страниц) автор написал «Переработать в статью для «Известий» №15. Как известно впоследствии она была опубликована в «Известиях» 1949 г. Сохранилась и переписка между дирекцией ИИЯЛ ТФАН СССР и самой А.К. Писарчик с Учёным секретарем Института этнографии им. Миклухо-Маклая Т.А. Жданко, в которых указывалось, что приезд таджикского этнографа желателен и необходимо срочно выслать тезисы к совещанию, которое откроется 23 февраля 1951г. После приезда из Москвы в своем отчёте «Информационное сообщение о работе этнографического совещания, состоявшегося в Москве в январе-феврале 1951г.» А.К. Писарчик подробно изложила программу заседаний, содержание отдельных докладов, указала количество участников (147 этнографов), особо подчеркнув, что подобная работа по изучению «малых народов» велась еще только в Азербайджане [6, 12].

*Члены экспедиции в Муминабаде
(в центре А.К. Писарчик, справа от нее Б.Х. Кармышева)*

катаганы, барласы и др.) из этнического состава узбеков, тем самым подчеркивая их особое этническое происхождение[9]. Важно, что А.К. Писарчик постаралась проецировать указанные в резолюции совещания задачи на ситуацию в таджикской этнографии. Она пришла к выводу, что начатое сплошное этнографическое обследование Таджикистана по областям является наиболее рациональной формой работы по сбору данных для этногенеза, этнографической карты, атласа и по сбору материалов о современном быте народов. Она считала, что в 1951 г. необходимо было провести подобное исследование в Гармской области, «откуда происходит массовое переселение на вновь осваиваемые земли Сталинабадской области». Она верила, что к концу пятилетки этнографы Таджикистана смогут закончить первый этап полевых работ в Сталинабадской и Ленинабадской областях.

Научные результаты экспедиции, с которыми ознакомились выдающиеся советские учёные М.С. Андреев и находившиеся в это время в Сталинабаде (Душанбе) А.А. Семёнов и Н.А. Кисляков, а также известный исследователь культуры и языков народов Средней Азии И.И. Зарубин, были одобрены. В предисловии к машинописному варианту «Предварительного отчета» А.К. Писарчик директор Института истории Академии наук Таджикистана академик А.А. Семёнов отмечал, что в ней зафиксированы миграции и расселение таджиков, арабов, тюрко-монгольских племен, неожиданно появляются из них даже те, которые мы знаем лишь из известного труда Рашидаддина «Тарихи Рашидаддин» (13-14 вв.), а так же те группы, которые пришли на эту территорию до узбеков и монголов [6,6].

Во время её проведения отрабатывались на практике методы сплошного этнографического изучения регионов, а с другой - проводилось воспитание и формирование ядра кадров этнографов, в том числе из таджиков. В частности, известный этнограф Б.Х. Кармышева считала, что участие в полевых изысканиях в Кулябе послужило для неё хорошей школой овладения методикой полевых этнографических исследований. Судя по тому, сколь подробно А.К. Писарчик в своей книге «Этнографическая наука в Таджикистане (1920-1990 гг.)» описывает данную экспедицию, можно предположить, что для неё она была, возможно, наиболее важной в её научной деятельности, хотя сама она провела немало других успешных полевых изысканий в различных районах Средней Азии. Основным выводом, сделанный А.К. Писарчик после обследования Кулябской области, гласит: «Кулябская область (ныне часть современной Хатлонской области Республики Таджикистан) представляет «сплошной таджикский массив» при наличии разнообразных этнических групп» [5, 85]. Этнические же меньшинства были достаточно разнообразны и включали в себя такие этнические группы, как карлуки, мугулы, хазора, барласы, локайцы, семизы и кесамиры, катаганы, миришкоры, казахи, кунграты, сарай, каучины,

баташи, белуджи, узбеки, арабы, лархоби, чинаки, обсарина, утабулоки, шомари, афганцы, индусы, татары, русские, украинцы и многие другие. Р.Л. Неменова особо отмечала, что в крупных центрах встречаются русские, которые в основном работают учителями, медресотниками и зоотехниками [4., 18].

Литература

1. Додхудоева Л. Хатлонская область Таджикистана в этнографических материалах XXв. LAP LAMBERT Academic Publishing . 2019
2. Кармышева Б.Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана/Отв. Ред. О.А. Сухарева - М. 1976.
3. Лолабоев Т. Ўзбекҳо баъд аз қаллугҳо шуданд// Тоҷикистон. 10 января 2013. №2 (993).
4. Неменова Р.Л. Куляб. Отчет. Этнографический архив Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Таджикистана. Фонд Р.Л. Неменовой. Папка №10.
5. Писарчик А.К. Кулябская этнографическая экспедиция 1948 г// Известия Таджикского филиала Академии наук СССР.- Сталинабад, 1949 , № 15.
6. Писарчик А. К. Предварительный отчет о работах Кулябской этнографической экспедиции ИИЯЛ ТФФАН СССР (3 экземпляра). ИИАЭ НАНТ Этнографический архив. Фонд А.К. Писарчик, папка Ед.хр.№28.
7. Писарчик А.К. Документы. ИИАЭ НАНТ Этнографический архив. Фонд А.К. Писарчик, Ф2., Оп.1, ед.хр.18.
8. Писарчик А. К. Этнографическая наука в Таджикистане (1920-1990 гг.)/Подготовка текста к печати Н. Бабаева. - Душанбе, 2002.
9. Республика Таджикистан. Перепись населения и жилищного фонда. 2010 г. - Душанбе, 2012.

Ҳанифа Дарвозиева
Душанбе

АНТОНИНА КОНСТАНТИНОВНА ПИСАРЧИК ВА НАҚШИ ВАӢ ДАР ОМУӢЗИШИ ЭТНОГРАФИЯИ КУӢХИСТОНИ БАДАӢШОН

Дар мақолаи мазкур оид ба фаъолияти илмии муҳаққиқи машҳур, этнографи номӣ, ходими хизматнишондодаи илмии ҶШС Тоҷикистон А. К. Писарчик баррасӣ гардидааст. Дар мақола қайд гардидааст, ки Писарчик Антонина Константиновна барои хизматҳояш дар соҳаи илм ба унвони ходими хизматнишондодаи илми ҶШС Тоҷикистон, аъзои фахрии ҷамъияти мардумшиносии Лаҳистон шарафёб гардидааст. А. К. Писарчик ҳанӯз аз давраи донишҷӯиаш дар як қатор эъзомияҳои илмӣ-тадқиқотӣ ширкат варзида, яке аз дӯстони наздик, ҳамкори беҳтарин ва ниҳоят ҳамсафари ҳаётии этнографи машҳур М. С. Андреев мегардад.

Муаллифи мақолаи мазкур дар асоси таҳқиқоти олимони соҳаи А.К. Писарчик дар омӯзиши этнографияи халқи тоҷик, хусусан тоҷикони Қӯҳистони Бадахшонро инъикос намудааст. Махсусан дар мақолаи нақши А.К. Писарчик дар аз нашр баровардани китоби этнографи машҳур М.С. Андреев «Тоҷикони водии Хуф» нишон дода шудааст.

АНТОНИНА КОНСТАНТИНОВНА ПИСАРЧИК И ЕЕ РОЛЬ В ИЗУЧЕНИИ ЭТНОГРАФИИ ГОРНОГО БАДАХШАНА

В данной статье освещаются основные этапы жизни и научной деятельности выдающегося этнографа, Заслуженного деятеля Таджикской ССР, почетного члена Польского этнографического общества А. К. Писарчик. В статье отмечается, что А.К.Писарчик еще в студенческие годы участвовала в деятельности ряда научно-исследовательских экспедиций, была одним из близких коллег, супругой знаменитого этнографа М. С. Андреева.

Автор статьи на основе ряда исследований показывает роль А. К. Писарчик в изучении этнографии таджикского народа Горного Бадахшана. В статье рассматривается вклад ученой в подготовку издания двухтомника знаменитого этнографа М. С. Андреева «Таджики долины Хуф».

ANTONINA KONSTANTINOVNA PISARCHIK AND HER ROLE IN THE ETHNOGRAPHICAL STUDY OF THE MOUNTAIN BADAKHSHAN

This article highlights the main stages in the life and scientific activities of the prominent ethnographer, an Honored Worker of Science of the Tajik SSR, an Honored member of the Polish Ethnographic Society. A.K. Pisarchik as a student participated in a number of research expeditions, she was one of her close comrade and spouse of the famous ethnographer M.S. Andreev.

The author of the article, based on a number of studies, shows the role of Ф.С.К. Pisarchik in the ethnographical study of the Tajik people of the Mountain Badakhshan. The article especially emphasizes the contribution of A. K. Pisarchik to the preparation of publication the two-volume book by the famous ethnographer M. S. Andreev «Tajiks of the Huf Valley».

Яке аз этнографҳои машҳури Тоҷикистони Шӯравӣ Писарчик Антонина Константиновна мебошад, ки барои хизматҳои дар ҷодаи илм ба унвони ходими хизматнишондодаи илми ҶШС Тоҷикистон ва ба аъзогии фахрии Ҷамъияти мардумшиносии Лаҳистон шарафӣ гардидааст.

Писарчик Антонина Константиновна 23 майи соли 1907 дар шаҳри Қӯқанди вилояти Фарғонаи генерал - губернатори Туркистони империяи Россия таваллуд ёфта,

соли 1929 шўъбаи этнологӣ-лингвистӣ (равияи эроншиносӣ)-и факултети шарқшиносии Донишгоҳи давлатии Осиёи Миёнаи шаҳри Тошкандро хатм намудааст [5]. А. К. Писарчик ҳанӯз аз давраи донишҷӯияш дар як қатор эъзомияҳои илмӣ-тадқиқотӣ ширкат варзида, яке аз дӯстони наздик, ҳамкори беҳтарин ва ниҳоят ҳамсафари ҳаётии этнографи машҳур М. С. Андреев мегардад [13].

А. К. Писарчик овони донишҷӯӣ соли 1928 дар ҳайати эъзомияи водии Фарғона, ки аз тарафи факултети иқтисодиёти Донишгоҳи давлатии Осиёи Миёна ташкил гардида буд, ширкат варзида, [10, с. 92]. солҳои 1930-1933 дар муассисаҳои мухталифи тадқиқотӣ-илмӣи Тоҷикистону Узбекистон ба ҳайси тарҷумон қору фаъолият намудааст [2].

Соли 1936 бошад мазкура бо роҳбарии М. С. Андреев дар эъзомияи Осорхонаи санъати ҶШС Узбекистон барои ҷамъоварии коллексия ва маълумот дар хусуси санъати халқии шаҳрҳои водии Фарғона ва Бухорову Хева ширкат варзидааст. Дар рафти эъзомия А. К. Писарчик бо бисёре аз хусусиятҳои мардумшиносии водии Фарғона ва Бухорову Хева шинос гардида, маводи бисёреро ҷамъоварӣ намудааст [7; 10].

Инчунин А. К. Писарчик иштирокчии эъзомияи солҳои 1938-1939 Нурато мебошад, ки барои ҷамъоварии маводҳои мардумшиносӣ ва коллексияи либосҳо барои осорхонаҳои Самарқанд ва Ленинград таъсис дода шуда буд. Ин эъзомия ба фаъолияти илмӣ-тадқиқотии А. К. Писарчик такони ҷиддӣ бахшид. Вай маводи зиёдеро оид ба сару либоси мардуми Нурато ҷамъоварӣ намуда, дар асоси он асарҳои алоҳидаро таълиф намудааст [9].

Дар минбаъда аз соли 1941 то 1948 А. К. Писарчик дар Институти санъатшиносии ҶШС Узбекистон ва Институти таърих, забон ва адабиёти Шўъбаи тоҷикистони Академияи фанҳои ИҶШС вазифаи ходими калони илмиро иҷро кардааст [12].

Муҳаққиқ солҳои 1944-1947 ба ҳайати эъзомияи илмӣ-тадқиқотӣ, ки аз тарафи Институти санъатшиносии ҶШС Узбекистон таъсис ёфта буд, шомил гардид, вазифаи эъзомияи мазкур аз ҷамъоварии маводу маълумот оид ба санъати бинокорию меъмории водии Фарғона иборат буд. Дар рафти эъзомия вай оид ба хусусиятҳои мардумшиносии тоҷикони минтақаи мазкур маводи фаровон ҷамъ намудааст [12, с. 11].

Солҳои 1948-1949 аз тарафи Институти таърих, забон ва адабиёти Шўъбаи тоҷикистони Академияи фанҳои ИҶШС барои ҷамъоварии мавод ва коллексия ба вилояти Кӯлоб эъзомияи илмӣ-тадқиқотӣ ташкил карда шуд, ки А. К. Писарчик дар он ширкат варзида буд. Ин эъзомия ба вай имкон дод, ки бо хусусиятҳои мардумшиносии вилояти Кӯлоб низ аз наздик ошно гардида, маълумот муфидеро ба даст дароварад, ки он низ ба тақмили таълифоти муҳаққиқ тақвият бахшид.

Минбаъд фаъолият олимаи мазкур дар самтҳои мухталифи илмии мардумшиносии кишвар густариш меёфт ва вазифаҳои пурмасъулияти илмиро иҷро менамуд.

Минҷумла вай аз соли 1951 то соли 1955 мудири шӯъбаи мардумшиносии Институти таърих, забон ва адабиёти Академияи фанҳои ҶШС Тоҷикистонро иҷро намудааст. Дар ин чода низ бо ташаббуси А. К. Писарчик корҳои зиёди илмӣ-тадқиқотӣ ба анҷом расидаанд. Тамоми меҳнату заҳмати муҳаққиқ дар таҳқиқи хусусиятҳои этнографияи халқи тоҷик дар шӯъбаи мазкур, аз тарафи ҳукумати ҶШС Тоҷикистон кадрдонӣ гардида, вайро соли 1967 ба унвони “Ходими хизматнишондодаи илми ҶШС Тоҷикистон” сарфароз гардонданд [12, с. 11].

Солҳои 1954, 1956 ва 1957 аз тарафи Академияи илмҳои ҶШС Тоҷикистон ба Дарвозу Қаротегин барои ҷамъоварии мавод ва коллексияи этнографӣ эъзомияҳо фиристонда шуданд, ки дар кори онҳо нақши А. К. Писарчик ҳамчун этнограф-тадқиқотчӣ бузург буд. Дар натиҷаи фаъолияти дарозмуддати эъзомия асарҳои муҳими илмӣ оид ба этнографияи тоҷикони Қаротегин ва Дарвоз аз нашр баромаданд [15; 16].

Азбаски Ёротеппа ҳамчун мулки кӯҳан ва таърихи бойи санъати тасвирию меъморӣ дорад, соли 1959 баҳри дастраси ниғораҳои санъати тасвирӣ ба ин шаҳр эъзомия равона шуда, А. К. Писарчик низ ба ҳайати он шомил гардида буд [14, с. 10 – 11].

Самарқанду Бухоро ҳамчун шаҳрҳои бузурги дорои таърихи бою ғанӣ маҳсуб ёфта, бо ин мақсад баҳри омӯзиши намунаи осори таърихӣ меъморию бинокорӣ он ва ҷамъоварии маҷмӯи мавод барои таъсиси албоми “Санъати тасвирии халқии тоҷикон” солҳои 1962 ва 1974 эъзомияҳо фириастода шуда буданд, ки А. К. Писарчик ба ҳайати онҳо шомил буд. Ҳамин тавр, хизматҳои А. К. Писарчик ҳамчун посдори ганҷи ниёғони тоҷик назаррас мебошад [11].

А. К. Писарчик иштироҷии Конгресси 7-уми Байналмилалӣ илмҳои антропология ва этнография дар шаҳри Москва буд, ки моҳи августи соли 1964 баргузор гардидааст [10, с. 93].

Бо ташаббуси Академияи илмҳои ҶШС Тоҷикистон соли 1972 барои ҷамъоварии маълумоту мавод оид ба таълифи рисолаи тадқиқотӣ “Санъати меъморӣ халқии Самарқанд” ба Самарқанд эъзомияи илмӣ-тадқиқотӣ фиристонда мешавад, ки нақши А. К. Писарчик дар он низ назаррас буд [11].

Албатта дар масъалаи тоҷикшиносӣ хусусан таърихи омӯзиши тоҷикони Бадахшон нақши А. К. Писарчик, арзанда аст. Хизмати вай маҳсусан дар аз нашр баровардани асари дучилдаи этнографи машҳур М. С. Андреев “Тоҷикони водии Хуф” хеле калон аст [2; 3].

Фаъолияти илмӣ-тадқиқотӣ Антонина Константиновна Писарчик дар Бадахшон аз соли 1943, баъди шомил шудан ба эъзомияе, ки бо роҳбарии М. С. Андреев аз тарафи Институти таърих, забон ва адабиёти Шӯъбаи

тоҷикистони Академияи фанҳои ИҶШС ба Помир сафарбар гардид, оғоз ёфтааст. Дар ҳаёти эҷодия будан ба А.К. Писарчик имконият дод, ки бо забони ва урфу одатҳои маҳалли тоҷикони Бадахшон шинос гардад [12]. Дар рафти эҷодияи мазкур А.К. Писарчик бо забони рушонӣ шинос гардид. Дар натиҷа китобро бо номи “Матнҳои рушонӣ” [8, с. 90] таълиф намуд. Асар дар деҳаи Баррушони ноҳияи Рушон таълиф ёфтааст. Аз муқаддимаи китоб бармеояд, ки дар вақти таълифи асар яке аз сокинони маҳалли Назришо Қосимшоев барои тарҷумаву таҳияи матн ба ӯ бисёр кӯмак намудааст [8, с. 90]. Инчунин вай натиҷаи таҳқиқоти худро дар мақолааш “Баъзе асосҳои мафҳумҳои муоширати байни зану мард дар водии Хуф” ҷой додааст. Ҳамин тавр, дар баробари забон муҳаққиқ доир ба хусусиятҳои этнографии сокинони минтақаи мазкур маълумоти маводҳои зиёд ҷамъоварӣ намудааст. Беҳуда нест, ки нақши А.К. Писарчиқро дар таҳқиқи хусусиятҳои мардумшиносии тоҷикони Кӯҳистони Бадахшон дар баробари хизматҳои М. С. Андреев мусбат арзёбӣ менамоянд [7].

Дар асари “Матнҳои рушонӣ” шаш афсона гирд оварда шудаанд, ки аз онҳо чор афсонаи кӯдакона мебошанд, ки дар байни тамоми тоҷикони Осиёи Миёна баҳри тарбияи насли наврас хеле маъмул буданд. Ду афсонаи дигари дар асар зикр ёфта, ба хусусият ва урфу одатҳои мардуми маҳалли Бадахшон бахшида шудааст. Матни ин афсонаҳо бо забони рушонӣ буда, дар он порчаҳои шеърӣ ба назар мерасанд. А.К. Писарчик қайд намудааст, ки афсонаҳо аз тарафи баъзе шахсони маъмули калонсол, ки маҳорати баланди афсонагӯӣ доштанд, нақл карда мешуданд ва сурудҳо бошанд бо оҳангҳои муайян аз тарафи афсонахонон хонда мешуданд [8, с. 5].

Дар навиштани асари мазкур А. К. Писарчик аз намунаи мақолаҳои И.И. Зарубин оид ба забонҳои бадахшонӣ аз луғату ҷадвали феъли ҳуфии тартиб додаи М.С. Андреев васеъ истифода намудааст [8]. “Матнҳои рушонӣ” - и А. К. Писарчик бештар хусусияти забоншиносӣ-лингвистӣ дошта, ҳамчун сарчашмаи мӯътамад роҷеъ ба омӯзиши забони рушонӣ маҳсуб меёбад, ки айни ҳол дастраси забоншиносону хонандагон мебошад. Дар баробари забон муҳаққиқ доир ба хусусиятҳои этнографии сокинони Рушон маводҳои зиёд ҷамъоварӣ намудааст.

А. К. Писарчик соли 1956 дар ҷаласаи дуҷуми бостоншиносон ва мардумшиносони Осиёи Миёна дар Сталинобод иштирок намуда, дар мавзӯи “Маданияти модии тоҷикон водии Хуф” маъруза намудааст. Дар маърузаи мазкур оид ба урфу одатҳо ва маданияти модии тоҷикони водии Хуфи ноҳияи Рушон маълумоти илмиро додааст [10].

Хизмати А. К. Писарчик дар омӯзиши хусусиятҳои мардумшиносии тоҷикони Бадахшон бузург аст. Муҳаққиқ тавонист, тавассути маводҳои шифоҳии ҷангоми сафарҳо ба даст оварда, дар хусуси этнографияи мардуми мазкур тадқиқоти пурмасъул анҷом диҳад.

А. К. Писарчик тибқи ривоятҳои тоҷикони Бадахшон, маҳсусан водии Хуф, қайд менамояд, ки дар замонҳои пеш мардуми минтақа ба касбу кори

гуногун шуғл меварзиданд. Масалан, занон ба бофандагӣ, аз ҷумла ресидани пашм, бофтани ҷӯроб, дастпӯшак шуғл меварзиданд. Мардуми водии Хуф лаҳзае бекор набуда, ба корҳои гуногун баҳри пешрафти хоҷагидорӣ даст мезаданд. Мардон низ ба касбу кори гуногун шуғл варзида, тамоми олоти кишту корро, ба монанди юғу сипор, олотҳои оҳанини меҳнат аз қабилӣ табар, теша, дос ва ғайраҳоро бо роҳи дастӣ дар корхонаҳои алоҳидаи оҳангарии дуредгарӣ, бо усули махсуси дастии оҳангарону дуредгарон тайёр мекарданд. Чунин рушду касбу кор дар шароити вазнини кӯҳистон албатта аз меҳнатдӯсту сахтирода будани мардуми минтақа шаҳодат медиҳад. Рушди чунин касбу кор дар таҳқиқоти бевоситаи М.С.Андреев оид ба этнографияи ишкошимӣ ва ваҳониҳо низ дучор меоянд [1, с. 3 – 4].

А. Писарчик қайд намудааст, ки тоҷикони Кӯҳистони Бадахшон асосан бо кишоварзӣ ва чорводорӣ машғуланд. Новобаста аз он ки мавқеи ҷуғрофии минтақа кӯҳистон ва масоҳати замини қорам дар он хеле кам аст, аммо ба кишти маҳсулоти кишоварзӣ вобаста ба иқлими минтақа тобовар, арзан, ҷуворимаққа, гандум, ҷав ва ғайра парвариш мекунад. Тоҷикони Бадахшон вобаста ба иқлим ва имконияту шароити минтақаҳои мухталиф инчунин бо боғдорӣ, аз ҷумла ба парвариши себ, зардолу, тут чормағз ва ғайра машғуланд.

Масъалаи сари он, ки оё бадахшонӣҳо мардуми бумии ин сарзаминанд ё не, А. К. Писарчик ба ҳамон умумиятҳо таъя намуда чунин мешуморад, ки тоҷикони Бадахшон дар маҳалли зисти аҷдодиашон ҳаёт ба сар мебаранд ва худро бо ифтихор тоҷик муаррифӣ менамоянд. А. К. Писарчик ва тоҷикшиноси машҳур М. С. Андреев дар яқоягӣ сари ин масъала тақрибан ним аср таҳқиқоти илмӣ гузаронида, ба хулосае омада буданд, ки «худмуайянкунии қуҳани соқинони болооби Панҷ, ҳамчун тоҷикро бояд ба эътибор гирифт ва бо он эътино кард. Дар ҳақиқат ва таърихан, аз нигоҳи забонӣ ҳам онҳо тоҷиканд» [4, с. 13].

А. К. Писарчик баробари М.С. Андреев бар асоси таҳлили амиқ, воқеъбинона ва ҳамаҷонибаи маълумот ва хулосаҳои таърихӣ, бостоншиносӣ, мардумшиносӣ ва забоншиносии беш аз 50 муҳаққиқ, ки вақтҳои гуногун дар Кӯҳистони Бадахшон таҳқиқот бурданд ба таври мӯътамад ва илмӣ собит намуданд, ки аз рӯи мансубияти наҷодӣ аҳолии Кӯҳистони Бадахшон (помириҳо) - тоҷикони асил буда, урфу анъанаҳои миллӣ, касбу кор, ҳунармандӣ, ҳайати этникӣ ва хусусиятҳои забонии тоҷикони бостон пурра дар онҳо боқӣ мондааст, ки баъзе анъанаҳои он дар баъзе қисматҳои ҷумҳурӣ ва ҳатто Осиёи Миёна ба назар намерасанд. Вай чунин меҳисобад, ки мавҷудияти намунаи касбу ҳунар, урфу одат, шеваҳо ва ғӯишҳои эронии шарқии кӯҳистониёни Бадахшон ва истифодаи васеи забони умумихалқӣ – тоҷикӣ (форсӣ), тафовути мазҳабӣ, хусусиятҳои анъанавии фарҳанги ориёӣ ва тафовутҳои зоҳирӣ имкон медиҳад онҳоро чун дигар тоҷикони кӯҳистонӣ нигоҳдорандагони покизагии антропологӣ ва наҷодии халқӣ тоҷик маҳсуб донем. Роҷеъ ба масъалаи мазкур этнограф А.С. Давидов ақидаҳои А. К. Писарчикро ҷонибдорӣ намудааст [4, с. 13].

Ҳамин тарик, тадқиқоти мардумшиносии А. К. Писарчик оид ба тоҷикони Бадахшон аз аҳамияти илмӣ ҳолӣ набуда, вай оид ба бисёр масъалаҳои этнографии минтақаи мазкур равшанӣ додааст. Асарҳои илмии А. К. Писарчик намунаи бехтари осори этнографӣ оид ба тоҷикон ба ҳисоб мераванд.

Чӣ тавре ки ба ҳаёту фаъолияти А. К. Писарчик аз наздик шинос гардидем, ба ҳулосае омадан мумкин аст, ки олимаи мазкур ҳаёти хешро танҳо ба тадқиқоту илмомӯзӣ сарф карда, қорҳои бузургро баҳри пешрафт ва такмили таъриху маданият, бостоншиносиву мардумшиносии халқи тоҷик анҷом додааст. Албатта, тамоми меҳнату кӯшиш ва ғайрати муҳаққиқро ба инобат гирифта, вай бо як қатор ордену медалҳо кадрдонӣ гардидааст. Аз ҷумла, ходими хизматнишондодаи илми ҶШС Тоҷикистон, бо медали “Меҳнати шоён дар солҳои Ҷанги Бузурги Ватанӣ (1941-1945)”, “30-солагии ғалабаи Ҷанги Бузурги Ватанӣ”, “40-солагии ғалабаи Ҷанги Бузурги Ватанӣ”, “Собикадори меҳнат”, “Барои меҳнати шоён” Ифтихорномаи Шӯрои Олии ҶШС Тоҷикистон ва Президиуми АИ ҶШС Тоҷикистон аз қабили онҳо мебошанд [10, с. 95].

Ҳамин тавр, А. К. Писарчик то охири ҳаёт ба таҳқиқоту омӯзиши тоҷикон машғул гардида, январӣ соли 1995 риштаи ҳаёти ӯ дар шаҳри Милановский Ҷумҳурии Лаҳистон қанда мешавад.

Адабиёт:

1. Андреев М. С, Половцов А. А. Материалы по этнографии иранских племен. Ишканим и Вахан. – СПб., 1911.
2. Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму - дарьи). – Выпуск. I. Сталинабад: АН Таджикской ССР, 1953. 247 с.
3. Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Амударьи). – Выпуск II. Сталинабад: АН Таджикской ССР, 1958.
4. Давыдов. А.С. Этническая принадлежность коренного населения Горного Бадахшана (Памира). Душанбе, 2005.
5. Ершов Н.Н. Науке, стране, людям (к 60-летию со дня рождения). Коммунист Таджикистан, 1967. 23 мая. № 11.
6. Ланскер О. Л., Решетов А. М., Шикорова З. А., Антонина Константиновна Пичарчик // этнографическое обозрение - № 14. М., 1995. С. 174 – 175.
7. Павлова А.Е. Ученая-энтузиаст // Коммунист Таджикистана, 1957.
8. Писарчик А.К. Рушанские тексты. Сталинабад, 1954.
9. Писарчик А.К. Одежда таджиков Нурата. Душанбе: Дониш, 2003.
10. Писарчик А.К. Этнографическая наука в Таджикистане (1920-1990 гг.). Душанбе, 2002.
11. Саидахмадова Р. Послори ганҷҳои ниёгон // Газетаи муаллимон. 4 январӣ соли 1982.
12. Сайнаков С. П. М. С. Андреев в исторической перспективе: обзор книги «Таджики долины Хуф». Отдел культурного наследия и гуманитарных наук УЦА. Научный доклад № 9. Бишкек, 2020. 24 с.

13.Турсунов Н. О. Бостоншиноси маъруф. Ба муносибати 75-солагии ходими хизматнишондодаи илми ҶШС Тоҷикистон А. К. Писарчик. // Маданияти Тоҷикистон, 23 июли соли 1982.

14.Ҳомидҷонова М. А. Олими шарқшинос // Занони Тоҷикистони Советӣ. Сталинобод, 1958. №8. С. 10 – 11.

15.Таджики Каратегина и Дарваза. Выпуск 1. Под редакцией Н.А Кислякова и А.К. Писарчик. Душанбе,1966. 380 с.

16. Таджики Каратегина и Дарваза. Выпуск 3. Под редакцией Н. А. Кислякова и А. К. Писарчик. Душанбе, 1976.

Рузибек Бакиев
Куляб

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ Н.А.КИСЛЯКОВА В ФОНДАХ АРХИВА МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ РАН (КУНСТКАМЕРА)

В статье указаны архивные материалы и научное наследие видного ученого, этнографа-таджиковеда Н.А.Кислякова, собранные им в полевых и стационарных условиях, его дневниковые записи, опубликованные и неопубликованные материалы, музейные коллекции, экспонаты и экспозиции представляющие историю, образ жизни, земледелие, традиции, обычаи, семью, брак, верования горных таджиков.

МЕРОСИ ИЛМИИ Н.А.КИСЛЯКОВ ДАР ФОНДИ БОЙГОНИИ ОСОРХОНаИ АНТРОПОЛОГИЯ ВА ЭТНОГРАФИЯИ РАН (КУНСТКАМЕРА)

Дар мақола маводҳои бойгонӣ ва мероси илмӣ омили маъруф, этнограф-тоҷикшинос Н.А.Кисляков, навиштаҳои рӯзномаҳои ӯ, маводҳои нашршуда ва нашрнашуда, коллексияҳои осорхонаҳо, экспонатҳо ва экспозицияҳои, ки таърих, тарзи ҳаёт, кишоварзӣ, анъанаҳо, расму оинҳо, оила, издивоҷ, эътиқоди тоҷикони кӯҳиро ифода мекунанд, нишон дода шудаанд.

THE SCIENTIFIC HERITAGE OF N.A.KISLJAKOV IN ARCHIVE FUNDS OF THE MUSEUM OF ANTHROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF RAS (KUSTCAMERA)

This article presents the archive's materials and the scientific heritage of the eminent ethnographer N.A.Kisljakov which were completed by him during the fields work, reflected in his diaries , published and unpublished materials, the museums collections, expositions on history, life , agriculture, traditions,customs, family, marriage, beliefs of the mountain Tajiks.

Жизнь и научная деятельность Николая Андреевича Кислякова (1901-1973) неразрывно связано с Музеем антропологии и этнографии Российской Академии наук (РАН) г. Санкт-Петербурга, где проработал долгие годы, начиная от младшего научного сотрудника до директора. За годы работы в Таджикистане, Н.А.Кисляков собрал огромный материал по этнографии таджиков, характеризующий хозяйственную жизнь, социальную историю, духовную культуру таджиков. Список опубликованных научных трудов Н.А.Кислякова включает более 200 наименований. Основой для проведения научных исследований, изучении этнографии таджиков послужили собранные им большое количество полевых материалов, большая часть из которых находятся в

Музее антропологии и этнографии (МАЭ) г. Санкт-Петербурга. Более 1500 наименований коллекций и экспонатов вывезенных ученым из Таджикистана, до сих пор хранятся в фондах МАЭ. Н.А.Кисляков в своих исследованиях основное внимание уделял изучению пережитков родового строя, истории семьи и брака, этногенеза, обычаев, нравов, традиций и верований горных таджиков. В частности об охоте, земледелии, сельском хозяйстве, скотоводстве, жилище, одежде и пище горных таджиков Каратегина, Дарваза и Припамирья, которые были написаны еще в 1930-1931 гг. и не опубликованы [1, с.32,45].

До поступления в архив научного фонда Н.А.Кислякова 1973 года, в фондах архива Института антропологии и этнографии РАН, г. Санкт-Петербурга, хранились следующие зарегистрировавшие полевые материалы ученого: дневниковые записи, записки и отчеты об экспедициях, начиная с 1932 по 1951 года, 2 отъезда на работу, 3 научные статьи, один тематический план, экспозиции отдела Средней Азии и одна методическая разработка, «Экскурсии по Ирану», всего 18 страниц хранения. Кроме того в личном фонде №20, Вяткина К.В. хранился один отзыв Н.А.Кислякова.

Фонд Н.А. Кислякова под №29 находящийся в настоящее время в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого г. Санкт-Петербурга, содержит одну опись, состоящую из 2-х разделов: «Полевые материалы» и «Научные труды». В первый раздел (под №№1-36), вошли полевые материалы, отчеты об экспедициях, программы этнографических исследований. Во второй раздел (№№37-64) включены неопубликованные статьи, отзывы фондообразования, которые расположены в алфавитном порядке, т-1, А-В, т-2, Л-П, т-3, П-Я. После них идут отзывы, на работы фондообразователя (7 единиц хранения), и затем биографический материал, копии удостоверения об окончании Ленинградского государственного университета и присуждения ему звания кандидата исторических наук, автобиография и другие документы (6 единиц

хранения). Всего фонд Н.А.Кислякова в архивах МАЭ РАН (Кунсткамера) под №29 содержит 64 единиц хранения.

Однако, в архиве Кунсткамеры, автором статьи были обнаружены еще два акта на 2-х листах, где комиссия в составе 7 человек (имеется их подпись, архивариус Жукова С.) уничтожила большую часть полевых необработанных и неопубликованных материалов Н.А.Кислякова, которые могли представить, возможно, ценные сведения об истории таджикского народа.

Примерно две-три больших папок фонда архива Кунсткамеры под №29 составляют полевые материалы Н.А.Кислякова, его дневниковые записи. Под №1. Об экспедиции в г.Гарм, Гармского района в период с 15.07.-15.11.1930 г., отчет на 54 листах. Под №2. Легенды, обряды, охота, приготовление свечей, дневниковые записи. Экспедиция в период с 19.12.- 07.01.1931г. Под №3. О сельском хозяйстве, охоте, жилище, утвари, одежде, верованиях, обрядах. Период с 12. 02.- 14.03.1931 г., (на 108 листах). Под №4, дневниковые записи о земледелии, скотоводстве, жилище, пище, одежде, свадебных обрядах, колдовстве, родах и обрядах жителей Тавильдаринского р-н, в период с 25.03.-05.09.1931 г., с 11.09.-07.10.1931г., с 25.06.-27.12.1932 г. 03.01.-04.03.1932 г., (всего на 90 листах).Под №5. Землепользование, ответственность, обряды. В Тавильдаринский р-н, с 04.03.-25.04.1933 г. Полевые записи, на 25 листах.Под №6. О заселении, землепользовании, домашнем хозяйстве, семье, обычаях, обрядах, на 190 листах. Полевые записи. Период отсутствует.Под № 7. Об истории заселения, жилище, землепользовании, с 20 –х годов XX в.. Полевые записи с.Язганд, Тавильдаринский р-н,с 27.05-05.07.1934 г., на 74 листах, полевые материалы. Под №8. О землепользовании, междоусобных войнах, быте, обрядах, обычаях. Тавильдаринский р-н,с 12.12.-31.12.1935 г.,08.01.-14.02.1935 г., на 116 листах, полевые материалы.Под №9. О землепользовании, скотоводстве, ткачестве, праздниках и др. Тавильдаринский р-н,1.02.-17.05.1935 г, Полевые материалы, на 96 листах.Под №10.О жилище, сельском хозяйстве. Яванский р-н.1938.Полевые записи, на 12 листах.Под №11. О свадебных обрядах, религии, играх, жилище, охоте,земледелии и др. Кулябская область, с 06.06.-15.06.1940 г. Полевые записи, на 40 листах.Под № 12. О семье , роде, свадебных обрядах, наследовании, религии, жилище. Полевые записи, на 50 листах.Под №14. О сельском хозяйстве, гончарному производству и др. Язганд, Язгулям, Дарваз, Сафедорон, Сталинабад, Пянджакент. С 15.08.-05.10.1950 г. Полевые записи на 48 листах.

Этот список включает более 40 дневниковых записей, полевых материалов, общее число которых составляет более 1200-1500 страниц, большая часть которых, возможно, необработанны и не напечатаны лежат на полках фонда архива Кунсткамеры, г.Санкт-Петербурга.

Диапазон научных исследований Н.А.Кислякова охватывает большую территорию, в связи с этим, он мог рецензировать огромное количество работ, которые отражают не только историю таджиков, но и других этносов. Н.А.Кисляков редактировал научные работы местных ученых таджикской национальности не только по этнографии, но и по другим направлениям истории, литературоведения,

лингвистики, переводы. Имеются отзывы на научные работы академика А. Мухтарова «Очерки по истории Ура-Тюбинского владения во второй половине XIX века» на 11 листах; Раджабова З.Ш. «Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во второй половине XIX- начало XX веков», на 8 листах[2,с.84]; Амонова Р. «Очерк устного народного творчества таджиков Кулябской области (Сарихосор), Фольклор таджиков Сарихосорского района», на 5-ти листах[6,с.67]; Искандарова Б.И. «Восточная Бухара и Памир в последней трети XIX века» на 8 листах[5,с.41]; Хамроева М. «К вопросу о феодальных отношениях в Хисарском бекстве Бухарского ханства в конце XIX-начало XX веков» на 9 листах[3,с.45]; Бобохонова М. «К вопросу о зарождении и развития капиталистических отношений в северных районах Таджикистана во второй половине XIX-начало XX веков» на 7 листах[7,с.56]; Рахимова М.Р. «Земледелие таджиков бассейна реки Хингоу в дореволюционный период(историко-этнографический очерк) на 7 листах; Саидова М.С. «Культурное строительство Таджикистана в борьбе за освоение Вахшской долины и создания в ней базы тонковолокнистого хлопка», на 7 листах; Турсунова Н. «Прошлое и настоящее текстильной промышленности» на 1 листе; Ниязова Х.Н. «Поэтическое творчество С.Айни», на 3 листах; Султонова Ш. «Культурное строительство Таджикистана в первой половине пятилетки (1945-1950 г.г.)» на 7 листах; Асророва В.М. «Советские четверостишие в советском фольклоре; на 6 листах.; Ходжаева Х.К. Таджикиский народ в борьбе за развитие хлопководства в Таджикистане (1917-1938 г.г.), на 5 листах Негматова; Н.Н. «Усрушана в У11-IX веках» (по материалам письменных и археологических источниках), на 3 листах; Наджафова Н. «Рисоля» А.Дониша как исторический источник и некоторые особенности творчества А.Дониша как историка», на 2 листах.

Характеризуя работу З.Ш.Раджабова, в будущем видного таджикского ученого, «Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во второй половине XIX –начало XX веков» Н.А. Кисляков отмечает, что работа представляет собой исследование еще малоизученного историками, философами и литературоведами вопроса об идейных взглядах и течениях Средней Азии в дореволюционный период[2,с.85].

В отзыве о работе М.Хамраева «К вопросу о феодальных отношениях в Хисарском бекстве Бухарского ханства в конце XIX- начало XX веков» оппонент отмечает, что эта она имеет огромное значение для создания в будущем капитального труда по истории таджиков и Таджикистана, лишь детальное изучение локальной истории, характерных особенностей социального устройства отдельных районов в прошлом, всего многообразия их исторических судеб, позволит восстановить картину исторического прошлого народа и его культуры. Н.А.Кисляков указывает М. Хамраеву на перспективу дальнейшего сбора совершенно новых материалов, как архивных, так и рукописных, полевого, чтобы довести прекрасную работу об истории таджикского народа до конца, либо пополнить ее материалами. Указывая на положительные моменты в работе диссертанта о произволе и бесчинствах самого Хисарского бека, чиновников и

судей, их наукаров, Н.А.Кисляков отмечает, что автор не посоветовавшись с ним, намного отошел от темы и уделил много времени разработке вопросам пище и жилища[3,46].

Помимо этого, Н.А.Кисляков писал отзывы на научные работы и монографии многих таджикистанцев и не таджиков, труды, которых связаны с таджикской проблематикой. Среди них публикации видных ученых-востоковедов, представителей отечественной истории и этнографии как: Моногаровой Л.Ф. «Язгулемць», на 16 листах; Ершова Н.Н. «Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района в дооктябрьский период(историко-этнографический очерк)», на 7 листах; Брагинского И.С. «Опыт исследования элементов народного творчества в памятниках древней и средневековой таджикской письменности», на 9 листах; Пещеровой Е.М. «Гончарное производство Средней Азии», на 7 листах Чехович О.Д. «Бухарские документы XIУ века», на 9 листах; Стеценко М.А. «Из истории народных движений в Таджикистане во второй половине XIХ- начало XX веков (1870-1917)», на 1 листе; Седловской А.Н. «Малые народы южной и восточной Бухары» (историко-этнографический очерк), на 5 листах; Ставиского Б.Я. «Пенджикентский некрополь, как памятник культуры У111-ХУ111 веков», на 5 листах и многие и многие другие.

В целом Н.А.Кисляков написал отзывы на научные труды и работы более 80-ти (по другим подсчетам более 156) диссертантам, общее количество страниц составляет около 900. Хранятся эти отзывы в фондах архива Музея антропологии и этнографии РАН(Кунсткамера), в г.Санкт-Петербурге, фонд №29.

Только за одну организованную полевую экспедицию Н.А.Кисляков собрал более 100-120 коллекций. Наиболее интересные из них до сих пор хранятся в фондах архива под №29, Музея антропологии и этнографии г.Санкт-Петербурга, Кунсткамера. Эти коллекции зарегистрированы в книге №45 поступлений и хранятся в фондах соответственно под №№ 6203 (1956), 6281 (1956), 6352 (1958), 6364 (1958), 6365 (1958), И-1708 (1957), И-1710 (1957), И-1717 (1957), И-1733 (1958), И-1741 (1958), И-1757 (1957), И-1758 (1958), И-1759 (1958), И-1776 (1958), И-1779 (1959), И-1812 (1959), И-1840 (1959), И-1891 (1958, 1959, 1960), 4210 (1930), 4778 (1947), 4983 (1948), 4984 (1948), 1985 (1948), 4986 (1948), 4987 (1948), 4988 (1948), 4989 (1948), 5144 (1934), 5372 (1936), 5424 (1936), 5441 (1936), 5582 (1938), 5677 (1938), 5827 (1947), 6200 (1956), 6662 (1971), И-870 (1938), И-911 (1939), И-1442 (1951). Там же под № 28 и 44 в «Книге поступлений МАЭ» коллекции, имеющие только номер, - вещевые; коллекции с индексом И номером - иллюстративные; в скобках - год поступления). Н.А.Кисляков публиковал свои научные исследования и статьи о горных таджиках в различные научных журналах не только в бывшем постсоветском пространстве, но и за рубежом. С докладами касающимися обычаев, обрядов, этногенеза, жилища, земледелия, скотоводства, охоты, диалекта и говора таджиков он выступал на различных международных конференциях не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и за рубежом.

В целом оригинальные материалы, которые рассматривал Н.А.Кисляков по различным видам этнографии, позволяет выделить сформировавшуюся историко-культурную и этнографическую концепцию Н.А.Кислякова в 30-70-е годы XX века. Она формировалась в процессе повышения уровня этнографических знаний, постоянного наблюдения за уровнем жизни таджиков и социальной среды, в которой он практически жил и находился непрерывно в течение сорока лет. В основе этой концепции лежит идея единства и свободолюбия горцев, их история, традиции и культура, целенаправленное изучение родовых отношений, семьи и быта таджикского народа, мировоззрение таджиков.

В конце необходимо отметить, что исследовательские материалы Н.А.Кислякова, хранящийся в МАЭ(Кунсткамере) г. Санкт-Петербурга, в целом содержат огромный материал по истории и этнографии не только горных таджиков, но и народов Среднеазиатского региона, часть которых до сих пор остаются неопубликованными.

Литература

1. Архив Музея антропологии и этнографии г.Санкт-Петербурга им. Петра Великого, фонд Н.А.Кислякова, д. № 29, оп. 1. лл.1-234.

2. Архив Музея антропологии и этнографии г.Санкт-Петербурга им. Петра Великого, фонд Н.А.Кислякова, д. № 29, оп. 1, №48. Отзыв на работу Раджабова З.Ш. лл.84-91.

3. Архив Музея антропологии и этнографии г.Санкт-Петербурга им.Петра Великого, фонд Н.А.Кислякова, №29 оп.1, № 23.Отзыв на работу Хамраева М., лл.45-54.

4. Архив Музея антропологии и этнографии г.Санкт-Петербурга им. Петра Великого, фонд Н.А.Кислякова, №29,оп.1 №49. Обсуждение работы к.и.н. Кислякова Н.А. «Брак и семья у таджиков» Протокол №6. Заседания сектора Средняя Азия, г.Ленинград, от 31.03.1951 г. С.108-110.

5. Архив Музея антропологии и этнографии г. Санкт-Петербурга им. Петра Великого, фонд Н.А.Кислякова, №29,оп.1, №32. Отзыв на работу Б. Искандарова, С. 41-49.

6. Архив Музея антропологии и этнографии г. Санкт-Петербурга им. Петра Великого, фонд Н.А.Кислякова, №29, оп.1.№47. Отзыв на работу Амонова Р., С.67-72.

7. Архив Музея антропологии и этнографии г.Санкт-Петербурга им. Петра Великого, фонд Н.А.Кислякова, №29,оп.1.№49. Отзыв на работу Бобохонова М., С. 56-63.

8. Гафферберг Э.Г., Н.А.Кисляков, И.И. Зарубин – этнограф и музейный работник. Иранский сборник. М-Л., 1948., С.17-21.

9. История, коллекции, исследования. Кунсткамера - 290 лет, Отдел Центральной Азии, СПб, 2008 . С.229-242.

ПАЖЌҲИШГОРИ МУМТОЗИ ТАЪРИХ ВА ЭТНОГРАФИЯИ ХАЛҚИ ТОҶИК

Дар мақола накши профессор, муаррих –мардумшиноси тоҷик Назирҷон Турсунов дар рушди илми этнография мавриди омӯзиш қарор гирифтааст. Кӯшиш ба харҷ дода шудааст, ки марҳила ба марҳила воридшавии Назирҷон Турсунов ба илми мардумшиносӣ, бо раҳнамоии роҳбари илмиаш О.А. Сухарева омӯхта шудани масъалаҳои ҳунарҳои мардумӣ (дар мисоли ҳунари бофандагии хучандиён дар охири асри XIX –ибтидои асри XX), ташаккулёбӣ ва рушди шаҳру деҳоти шимоли Тоҷикистон дар асрҳои XVIII- ибтидои XX баррасӣ гарданд. Таъкид мегардад, ки тадқиқотҳои илмии Н.О.Турсунов бо нав будани ақидаҳо, равишҳои оригиналӣ, моҳирона тартиб додан ва ҳалли ҷолиби масъалаҳои мураккабу камтаҳқиқи таъриху этнографияи тоҷикон фарқ мекунанд. Дар бораи дифоъ гаштани рисолаҳои номзадӣ докторӣ, ба таъбарасидани асарҳо-монографияву мақолаҳои илмӣ аз ҷониби профессор Н.О. Турсунов дар риштаи этнография таҳлил шудаанд.

ВЫДАЮЩИЙСЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА

В статье исследуется роль таджикского профессора, историка -этнографа Назирҷона Турсунова в развитии этнографической науки. Констатируется, что его научным руководителем О.А. Сухаревой были предприняты усилия по постепенному приобщению Назирҷона Турсунова к науке этнологии в плане изучения вопросов народных ремесел (на примере ткацкого промысла хужандцев в конце XIX - начала XX вв.), становления и развития городских и сельских поселений Северного Таджикистана в XVIII - начале XX вв. Подчеркивается, что научные исследования Н. О. Турсунова отличаются новизной идеей, оригинальными подходами, умелой постановкой и интересными решениями сложных и малоизученных вопросов таджикской истории и этнографии. Проанализированы сведения о защите кандидатских и докторских диссертаций, научных монографий и статей профессора Н.О. Турсунова.

OUTSTANDING RESEARCHER OF HISTORY AND ETHNOGRAPHY OF THE TAJIK PEOPLE

The article presents the role of the Tajik professor, historian-ethnographer Nazirjon Tursunov in the development of ethnographic science. It is stated that his supervisor O.A. Sukhareva introduced Nazirjon Tursunov to the study the folk crafts (on the example of the weaving craft of the Khujand people in the late 19th - early 20th centuries), the formation and development of urban and rural settlements in Northern Tajikistan in the 18th - early 20th centuries. The scientific research of N. O. Tursunov is distinguished by their novelty of ideas, original approaches, skillful formulation and interesting solutions of complex and little-

studied issues of Tajik history and ethnography. There is information on the defense of candidate and doctoral dissertations, the publication of scientific monographs and articles by Professor N.O. Tursunov.

Дар ҳар даври замон дар байни зиёиён пешвоёни илм зуҳур мекунад. Ғоя ва натиҷаҳои таҳқиқоти илмии онҳо манзараи интеллектуалии даврро муайян мекунад. Ба ин маънӣ, агар инкишофи илми таърих, амали гаштани концепсияҳои таърихнигорӣ, ҷанбаҳои муҳими амалишавии натиҷаҳои тадқиқотро мушоҳидаҳо намоем, пас маълум мегардад, ки дар он муаррих нақши муҳим мебозад.

Доктори илми таърих, профессор Назирҷон Турсунов, бо эҷодиёти худ, ғояҳои методологияшон дар риштаи этнографияи халқи тоҷик ва таърихнигории ватанӣ, дар муайян кардан ва амалӣ намудани самтҳои тадқиқоти таърихӣ нақши бориз дорад. Устод дар илми таърихи муосири ватанӣ бо пажӯҳишҳо, назарҳо, раванди пажӯҳишӣ -ташхисӣ, ҳамчун муайянкунандаи роҳи равиши илмии ҷамъияти муаррихон эътироф гаштааст.

Ҷаъолияти эҷодии Н.О. Турсунов аз овони донишҷӯияш (аз ибтидои солҳои 60-уми қарни гузашта) дар факултети таърих ва филологияи Донишқадаи омӯзгории Ленинобод шурӯъ шудааст. Худи ӯ бо ифтихор зикр мекунад, ки устои аввалини ӯ дотсент, бостоншинос ва кишваршиноси маъруф Саидҷон Марофиев будааст. Маҳз бо роҳбарии он кас аввалин мақолаҳои худро роҷеъ ба сохтори таърихи Хучанд эҷод кардааст.

Баъди хатми донишқада ҷаъолияти мустақили илмии Назирҷон Турсунов шурӯъ шуд. Ӯ дар таҳқиқоти илмӣ риштаи этнография (мардумшиносӣ)-ро интихоб намуд. Шавқу ҳавас ба таърихи қадимаи меҳан устодро бо мардумшиноси барҷаста Олга Александровна Сухарева- муҳаққиқи таърихи Бухорои куҳан, донандаи беҳамтои расму оин, анъана ва маросимҳои халқӣ ва ҳунарҳои мардумӣ рӯ ба рӯ намуд. О.А. Сухарева мураббии маънавӣ, машваратчии илмӣ, рафиқи гамхору сергалаби Н. Турсунов буд. О.А. Сухарева забонҳои тоҷикиву ўзбекиро хеле хуб медонист.

Дар давоми наздик шаст соли ҷаъолияти илмию эҷодӣ Н. Турсунов «самари афкори олиро такмил дода» (суханони А. С. Пушкин), тадриҷан дар марҳалаҳои омӯзиши таърих ба қуллаҳои баланди донишҳои илмӣ расид. Имони комил, парҳезгорӣ, адолатпарварӣ, фикри кирдори одилона ҳамеша дар инъикоси воқеияти таърихӣ барои Н.О. Турсунов мададгор буданд.

Назирҷон Турсунов бо маслиҳати устодаш аввал ба таҳқиқи таърихи ҳунарҳои мардумии Шимоли Тоҷикистон: дар мисоли ҳунари бофандагӣ (бахри навиштани рисолаи номзадӣ), сипас ба таҳқиқи таърихи ташаккул ва рушди ҳаёти шаҳрҳо ва деҳоти шимоли Тоҷикистон (бахри навиштани рисолаи докторӣ) машғул гашта,

харду таҳқиқотро бомуваффақият чамъбаст намуд. Сазовори дарачаҳои илмии номзадӣ ва докторӣ гаштааст.

Аз ҳамон лаҳзаҳо меҳру муҳаббати Н.О. Турсунов ба мардумшиносӣ (этнография) боло рафт ва ин ишқ то имрӯз хомӯш нагаштааст.

Назирҷон Турсунов ханӯз соли 1964 (овони донишҷӯӣ) дар маҷмӯаи асарҳои илмии олимони Донишқадаи давлатии омӯзгории Ленинобод ба номи С.М. Киров мақолаи калонҳаҷми худро дар ҳаммуаллифӣ бо Ғафурҷон Ҳайдаров ва Саидҷон Марофиев таҳти унвони “Оид ба таърихи истехсолоти хунармандии Хучанди тоинкилобӣ” дар ҳаҷми 3,3 ҷузъи чопӣ ба нашр расонид[26].

Назирҷон Турсунов рисолаи номзадиашро таҳти унвони “Аз таърихи хунарҳои шахрӣ дар Шимоли Тоҷикистон (хунарҳо ва истехсолоти бофандагии Хучанд ва атрофи он дар охири асри XIX – ибтидои асри XX)” санаи 25 ноябри соли 1969 дар шаҳри Ленинград (алҳол Санкт-Петербург) бомуваффақият дифоъ намуд[7]. Дар рисолаи мазкур якҷанд масъалаҳои таърихӣ фарҳанг мавриди тадқиқ қарор гирифтанд: Якум, муаммоҳои сохтори таърихии Хучанд дар давраи охири феодализм баррасӣ гаштанд. Шумора, таркиби этникӣ, иҷтимоӣ ва касбии аҳоли дар охири асри XIX - ибтидои асри XX инъикос шудаанд. Дуюм, таърихи техника ва технологияи истехсоли матоҳои пахтагӣ, нимабрешимӣ ва абрешимӣ (тораш абрешиму пудаш ресмони пахтагӣ) ва порчаҳои комилан абрешимӣ, тасвири илмии бофтани матоҳо, фаъолияти ихтирокорӣ ва навоарӣ тавсиф шудаанд. Намудҳои бадеии матоҳои коғазӣ, нимабрешимӣ ва абрешимӣ ҷузъи муҳими таърихи фарҳанги моддии халқ муайян гаштаанд. Сеюм, марҳилаҳои рушд ва инкишофи иҷтимоии косибон ва хунармандон, аз қабилӣ саноати хонагӣ, косибӣ ва хунармандии мувофиқи фармоиш, истехсолоти майдамолии кооператсияи капиталистӣ, мануфактура, макоми ҳамаи кишрҳои иҷтимоӣ, аз қабилӣ коргарони кироя-халифаҳо, шогирдон, шогирдони нимкор, соҳибкорони миёнаҳол ва устакорҳои сармоядор-капиталист дар рисолаи тавсиф ёфтанд[29,с.20-21].

Мазмуни асосии таҳқиқот оид ба омӯзиши ин се масъала дар мақолаҳо, кайдҳо, ахбору гузоришҳои илмии Н.О. Турсунов дар маҷаллаҳои марказӣ, нашриётҳои маҳаллии охири солҳои 60-ибтидои солҳои 70-уми асри XX ба таърифи расидаанд[6;8;11;15;20], инчунин дар аввалин асари монографии ӯ, ки соли 1974 ба нашр расид, инъикоси худро ёфтаанд[27].

Бояд тазаққур дод, ки ба рисолаи номзоди Н. О. Турсунов олимони варзидаи риштаи этнографияи рус Е.М. Пещерева, Р.Ф. Итс, А.А. Жданова, Д.А. Олдерогге, К. В. Чистов ва дигарон баҳои баланд додаанд.

Тадқиқоти минбаъдаи Н.О.Турсунов бо нав будани ақидаҳо, равишҳои оригиналӣ, моҳирона тартиб додан ва ҳалли ҷолиби масъалаҳои мураккабу камтаҳқиқӣ таърихӣ этнографияи тоҷикон фарқ мекунад[4,с.8]. Олими ҷавон бо ҳидояти О.А. Сухарева, бо мақсади таҳқиқи таърихи ташаккул ва рушди ҳаёти шахрҳо ва деҳоти шимоли Тоҷикистон (бахри навиштани рисолаи докторӣ) корҳои густурдаи илмиро идома дод. Чӣ тавре, ки маълум аст О.А. Сухарева асосгузори таҳқиқи масъалаҳои муҳими таърих ва этнографияи шаҳри феодалии охири асри

XIX — ибтидои асри XX-уми Мовароуннаҳри таърихӣ, муҳаққиқи фарҳангу зиндагии суннати тоҷикони Бухоро, Самарқанд, Қаршӣ, Шаҳрисабз ва дигар маҳалҳо мебошад. Н.О. Турсунов ҷанбаҳои фазову вақти (мақом ва замон)-и омӯзиши масъалаҳои аз ҷониби устои худ пешниҳодшударо афзун, бой ва хеле васеъ намуд.

Ба Назирҷон Турсунов муяссар гашт, ки бо маслиҳати О.А. Сухарева, олимони намоён — этнологҳо А. Писарчик, Т. Жданко, Б. Кармишева консепсияи нави омӯзиши таърих ва этнографияи ҳаёти шаҳрҳо ва маҳалҳои аҳолинишини Мовароуннаҳрро дар асри XVIII— ибтидои асри XX таҳия намояд. Баҳри амалӣ намудани ин консепсияи илмӣ ӯ дар давоми даҳ сол (солҳои 1971-1980) пажӯҳиши саҳроии этнографӣ, омӯзиши сарчашмаҳо, таҳлили асарҳои илмӣ марбут ба мавзӯи интиҳобгашта анҷом дод ва ба дарёфти далелҳои нодир оид ба таърихи қасабаҳои шаҳрӣ ва дехот дар ҳудуди водии Фарғона, Зарафшон, вилояти Истаравшан ба қомебиҳо ва қашфиятҳо назаррас ноил гашт. Дар фазои маҳалҳои тадқиқшуда воҳаҳои қалону хурди хоҷагии қишлоқ (*воҳа, вилоят*) бо марказҳои шаҳрӣ (*шаҳр, шаҳрак*) ва навъҳои гуногуни аҳолинишини дехот (*деҳа, қишлоқ*) муайян карда шудаанд; қанори аҳолии нимкӯчӣ (*атроф*) ва ноҳияҳои аҳолии кӯчманчӣ (*саҳро*); маҳаллаҳои «*овул*», «*қўрғон*», «*қўрғонча*» ва «*орта*», «*оба*» (дар байни туркманҳо) номида мешуданд, муайян гаштанд.

Дар рисолаи докторӣ типологияи маҳалҳои аҳолинишин ба вучуд оварда шуд, ки дар натиҷа маълумотҳо дар бораи сохт ва хусусияти маҳалҳои аҳолинишин ба низом дароварда шуданд. Муҳаққиқ ба шаклҳои ҳаёти ҷамъиятии Осиёи Миёна дар давраи ниҳонии феодализм баҳои воқеӣ додааст. Мувофиқи лоиҳаи таҳия ва татбиққардаи Н.Турсунов аз рӯи меъёрҳои пешниҳодшуда Хучанд, Уротеппа, Қонибодом, Исфара, инчунин Чуст, Қосон, Риштон, Панҷакент дар қатори шаҳрҳои қарор гирифтанд, ки аҳолии асосии онҳо тоҷикон мебошанд.

Маҳаллаҳои, ки дар онҳо қисми зиёди аҳоли ба ҳунармандӣ, савдо, кишоварзӣ ва чорводорӣ машғул буданд, шаҳрҳои хурд-*шаҳрак* номида мешаванд. Ба ин гурӯҳ Қистакӯз, Исписор, Нов, Ғулакандоз, Ғонҷӣ, Қушқак, Чорку, Ворух, Ашт, Понғоз, Шайдон, Қамишқўрғон, ки дар шимолӣ Тоҷикистон воқеъ аст, дохил мешаванд. Ба андешаи Н.О.Турсунов хусусиятҳои берунии шаҳракҳои хурд инҳоянд: мавҷудияти иншооти таърихӣ, аз қабилӣ: қалъа, қушқ, диз, ўрда; мавҷудияти муассисаҳои маъмурию савдо ва ҳунари — арк, бозор, қорвонсаройҳо, мазорҳо, силсилаи қабристонҳо, майдонҳо, манзилҳо, қитъаҳо; мавҷудияти алоқа, кӯчаҳо, тангкӯчаҳо, роҳҳо, сарбастаҳо, шоҳаҳои роҳҳо ва роҳҳои дорӣ аҳамияти маҳаллӣ ва ноҳиявӣ. Сеяки аҳолии шаҳрҳои хурд, ба гуфтаи Н. Турсунов, ба истехсоли маҳсули ҳунармандӣ, ҳосатан ҳунароҳои дорӣ аҳамияти маҳаллӣ машғул буданд. Чунончӣ, Чорку бо истехсоли маснуоти қуллолгарӣ, истехсоли қоғаз, шаҳраки Ворух бо ҳунари сохтмон (дуредгарӣ, гачқорӣ), шаҳраки Ашт ҳамчун маркази оҳангарон дар гардиши Фарғона, Тошқанд ва Хучанд, Шайдон бо истехсоли олоти меҳнати кишоварзон, пойафзол, матоҳои пахтагӣ муаррифӣ шудаанд.

Ба категорияи ҷойҳои савдо шаҳракҳои Шаҳристон, Панҷшанбе дар Чор Басманда, Исфони, Қаракчиқум, Маҳрам, Бободархон дохил карда шудаанд, ки дар

ин маҳалҳо табакаи тоҷирон ва косибон ғайолият бурда, бозорҳои маҳаллӣ вучуд доштанд. Муайян карда шудааст, ки деҳкадаҳои ҳунармандӣ, аз қабилӣ Сарахиён, Сандуқандак, Куйи рағнагарон, Далёни поёни вилояти Ўротеппа мутаносибан ба истеҳсоли маснуоти сафолӣ, наъли филизӣ барои пойафзол, матоъ ва гулдӯзӣ ихтисос ёфтаанд. Деҳаҳои Ашоба, Ғудос, Сари қамиш, Пискокот дар наздикии шаҳраки Ашт бо истеҳсоли қолинҳои пашмин, санги осиеб барои осиеб, инчунин нонпазӣ машҳур буданд.

Аз ҷониби Н.О. Турсунов ба сифати деҳаи кишоварзӣ маҳалҳои аҳолинишини минтақаҳои зироаткорӣ обӣ ва лалмӣ муайян карда шудаанд. Дар таҳқиқоти олим деҳаҳои наздишаҳрӣ, деҳаҳои нимсокин (нимкӯчӣ) ва кӯчманчӣ, овулҳо, юртаҳо, бошишгоҳҳои зимистонаву тобистона муайян ва тавсиф карда шудаанд. Таърихи ташаккул, инкишофи аҳоли, ташаккули маҳалҳои аҳолинишин шарҳу тавзеҳ гаштаанд.

Н.О. Турсунов ба категорияи нуқтаҳои аҳолинишини нимкӯчӣ овулҳоеро дохил кардааст, ки дар доманаи кӯҳҳои Мевағул, Курама ва соҳили рости Сирдарё, ки Шӯркӯл ном дорад, воқеъ гардидаанд.

Дар натиҷаи таҳқиқоти саҳроӣ профессор Н.О. Турсунов дар ноҳияи Ашт, дар соҳили дарёи Сир овулҳои қарақалпоқҳои нимсокин (нимкӯчӣ)-ро муайян намуд, ки онҳо Бештол, Ўрмонтол, Равот, Ергӯла, Ҷиринтол, Хоча ягона, Чука, Кӯкқурак ном доранд. Гуруҳҳои нимкӯчӣ ва кӯчманчӣи қирғизҳо ханӯз дар чоряки якуми асри XIX дар ҷануби вилояти Хучанд, дар болооби сойи Хоча Баҳорон (Хочабокӣрғон), инчунин дар ҷануби Конибодом ва Исфара, дар доманаи қаторкӯҳҳои Туркистону Олой овулҳо, юртаҳо, бошишгоҳҳои зимистонӣ тобистонӣ худро ташкил кардаанд.

Н.О. Турсунов, ба маълумотҳои А. Кушакевич (1872) [2, с.35-47] таъя намуда, дар натиҷаи тадқиқоти саҳроӣ собиқ маҳалҳои аҳолинишин ва зимистонгузаронӣ кӯчманчиёнро дар мавзеҳои Парчаюз (Навганда), Мингбирбулок, Қизили, Ховос, Тапқоқи вилояти Ўротеппа муайян кардааст.

Умуман, дар давоми тадқиқоти ҷандинсолаи худ Н. О. Турсунов дар бораи объекти асосӣ тадқиқот- ҷаёти шаҳру деҳоти замони охири феодалии Осиёи Миёна, таърихи ташаккули шаҳру деҳот, масъалаҳои ташаккули аҳоли, таркиб, касбу кор, фарҳанги шаҳрсозӣ (урбанизатсия), ҷаёти иқтисодӣ, иҷтимоӣ аҳолии шимоли Тоҷикистон ва таърихи этникии минтақа маълумоти мӯътамад пешниҳод кардааст. Тибқи равиши ретроспективӣ (бо истинод ба гузашта) Н.О. Турсунов масъалаҳои муҳими илмӣ таърих ва мардумшиносӣ- ба вучуд омадан ва ташаккули сохтор маҳалҳои аҳолинишин, этногенез, таърихи этникӣ, ҷаёти иҷтимоӣ, иқтисодӣ шаҳру деҳоти Хучанд, Ўротеппа, Конибодом, Исфара, Панҷакентро ҳамачониба таҳлил намудааст [1, с.35].

Аз ҷониби муҳаққиқ пеш аз ҳама, маҳзани бойи маълумотҳои таърихӣ гирд оварда шуданд. Маъхазҳои хаттӣ забонҳои русӣ, тоҷикӣ ва ўзбекӣ, маводҳои ҳуҷҷатӣ дар Бойгонӣ марказии давлатӣ шаҳрҳои Душанбе, Тошкент, Москва,

Ленинград гирдовардашуда, далелҳои дар давоми тадқиқоти чандинсолаи этнографии сахрой чамъоваришуда заминаи мустаҳкамаи эҷоди асари илмӣ гаштанд.

Натиҷаҳои тадқиқоти хешро профессор Назирҷон Турсунов дар шакли монографияҳо ба таъб расонидааст[9;16;18;22]. Ҳамзамон аз ҷониби олим доир ба мавзӯи тадқиқот мақолаҳои илмии сершумор нашр гаштаанд[5;6;10;12-14;17;19;21;23-25].

Таҳлили таърихи иҷтимоӣ-иқтисодӣ ва этникии шаҳру деҳоти давраи охири феодализм дар Осиёи Миёна дар асоси маводҳои вилоятҳои Хучанд, Ҷирғатпета, Фарғона Ғарбӣ ва вилояти Панҷакент имкон дод, ки Н. О.Турсунов чор марҳиларо дар он ҷудо кунад: марҳилаи якум — аз ибтидои асри XVII то миёнаи асри XVIII-замони таназзули шаҳру деҳот буд, ки бо харобихои иқтисодӣ ва нооромии сиёсӣ шадидтар мешуд; марҳилаи дуюм- нимаи дууми асри XVIII -ро дар бар гирифта, ҳамчун оғози таърихи нави минтақа, аз ободшавии шаҳрҳои кӯҳна ва нави музофотӣ ва барқарорсозии Самарқанд, Бухоро, Хива, пайдоиши аввалин нишонаҳои мануфактураи капиталистӣ, ба вучуд омадани воҳаҳои нав ва васеъ шудани воҳаи кӯҳнаи хочагии кишлоқ, сукунати узбекҳо, қазокҳо, қирғизҳо, туркманҳо, қарақалпоқҳо тавсиф мешавад; марҳилаи сеюм - нимаи аввали асри XIX-ро фаро гирифта, дар ин давр пеш аз ҳучуми ҳарбии Россияи подшоҳӣ ба ноҳияҳои шимолии Осиёи Миёна вусъат ёфтани корҳои ирригатсионӣ, ба анҷом расидани ташаккули як қатор воҳаҳои маданӣ, амал намудани бархе аз соҳаҳои ҳунармандӣ дар намуди мануфактураи пароканда мушоҳида мегардад[28,с.132]; марҳилаи чорум- марҳилаи муҳими ҳукмронии мустамликавии Россия дар Осиёи Миёнаро дар бар гирифта, бо афзоиши аҳоли, афзоиши истеҳсоли ашёи хоми саноатӣ, маъданҳои кӯҳӣ, тараққиёти саноати ҳунармандӣ, ки ба талаботи муносибатҳои бозории типии капиталистӣ мувофиқ буд фарқият дошт ва дар ин давр ба вучуд омадани корхонаҳои мутамаркази истеҳсолӣ, ба ҳаёти иҷтимоӣ-иқтисодӣ печидани тарзи ҳаёти буржуазӣ мушоҳида гардид[1,с.50].

О.А. Сухарева қори 15-солаи шогирдашро (солҳои 1965—1980) таҳлил намуда, қайд мекунад, ки «...Назирҷон Турсунов аз қори зиёди иловагӣ наметарсид, танҳо ӯ бо шавқу ҳаваси зиёд ҳамон қадар маҳалҳои аҳолинишинро меомӯخت, ки шумораи онҳо барои қори тадқиқотии тамоми отряди илмӣ кифоя мебуд. Боварӣ доштам, ки Назирҷон Турсунов қобилияти муҳаққиқи ҳақиқиро дорад»[3,с.79].

Н.О. Турсунов баъди дифоъи бонуваффақияти рисолаи докторӣ низ (аз соли 1983 то имрӯз) амалӣ намудани барномаи пажӯҳишҳои пайвастаи таърихӣ-этнологии тоҷикони водиву кӯҳистонро дар самти фарҳанг, рӯзгор, шуғл, расму оин ва анъанаву марсоимҳо идома медиҳад.

Дар баробари фаъолияти илмӣ-педагогӣ ва тарғиботиву ташвиқотӣ профессор Н.О. Турсунов дар барқарорсозии экологияи таърихӣ, фарҳанги ниёгон, ба вучуд овардани муҳити судманди илмӣ дар Хучанд ва минтақаи он фаълоне машғул аст.

6 ноябри соли 1990 бо ташаббус ва иштироки фаълонеи Назирҷон Турсунов Нигоришсарои дӯстдорони таърихи халқи тоҷик ва соли 1994 Осорхонаи

этнографии манзили истикоматии суннати тоҷикони Хучанд «Эргаш-бойбача» кушода шуд.

Н. О. Турсунов дар таҳияи барномаи илмии эҳёи қисматҳои таърихии (махалла, гузар, даҳа) шаҳрҳои Хучанд, Уротеппа (Истаравшан), Конибодом, Исфара, барқарорсозии ретроспективи қалъаи Муғтеппа дар Истаравшан, қалъаи Хучанд ва дигар ёдгориҳои таърихӣ- фарҳангии вилояти Суғд кори судмандро анҷом додааст.

Профессор Н.О. Турсунов ба масъалаи тайёр кардани кадрҳои илмию педагогӣ диққати махсус медиҳад. Тахти роҳбарии ӯ Муллошо Давлатов ва Бӯстон Турсунов рисолаи докторӣ, Ҷӯрабек Исомитдинов, Ҷамшед Ҷӯрабоев, Бӯстон Турсунов, Мунира Файзуллаева, Мирзоназар Соҳибназаров, Муҳаммадҷон Шарипов рисолаи номзади Ҳимоя кардаанд.

Тақрибан 60 сол инҷониб Н.О. Турсунов фаъолияти илмиро бо кори педагогӣ, таълимӣ ва методӣ бомуваффақият пайваст мекунад. Муаллифи даҳҳо китоби дарсӣ, нақшаву барномаҳои гуногуни таълимӣ, коркарди методи курсҳои «Таърихи халқи тоҷик» ва «Этнология» мебошад.

Агар мушаххастар баён кунем, профессор Назирҷон Турсунов ҳаёти пурсамари худро ба илми таърих, тадқиқоти мардумшиносӣ, этногенези халқи тоҷик, хусусиятҳои тарзи зиндагии мардум, омӯзиши сохтори таърихии шаҳрҳои шимолӣ Тоҷикистон, таҳқиқи масъалаҳои ҷуғрофиёи таърихӣ, таҳлили илмии таърихи тоҷикон аз вачҳи ҳаёти сиёсӣ, иқтисодӣ ва фарҳангӣ ва дигар масъалаҳои муҳими таърихшиносии ватанӣ, пешбурди корҳои педагогиву таълимӣ ва методӣ бахшидааст. Бо ин васила дар радиои муаррих-этнографҳои тавоноии кишварамон ҷой гирифтааст.

Адабиёт

1. Джуразода Д.Х., Исомитдинов Дж.Б., Турсунов Б.Р. Выдающийся знаток науки и мирового таджиковедения// Назирҷон Турсунов дар андешаи устодон, дӯстон, шогирдон ва мухлисон/ Мурадҷон: Исомитдинов Ҷ.Б., Турсунов Б.Р., Шарипов М.М.-Хучанд: Ношир, 2022.- С.25-57.

2. Кушакевич А.А. Кишлаки Ходжентского уезда // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. – СПб., 1872. – Вып. 1. – С.35-47.

3. Назирҷон Турсунов дар андешаи устодон, дӯстон, шогирдон ва мухлисон/ Мурадҷон: Исомитдинов Ҷ.Б., Турсунов Б.Р., Шарипов М.М.-Хучанд: Ношир, 2022.- 404 с.

4. Рачаббой Аҳмадзода. Назирҷон Турсунов-муаррихи номвар, донишманд, устоди соҳибмактаб// Назирҷон Турсунов дар андешаи устодон, дӯстон, шогирдон ва мухлисон/ Мурадҷон: Исомитдинов Ҷ.Б., Турсунов Б.Р., Шарипов М.М.-Хучанд: Ношир, 2022.- С.5-11.

5. Турсунов Н.О. Динамика городов и сельских районов Средней Азии в XVIII – начале XX вв. /Бартольдские чтения, - М., 1978. С.1-63.

6. Турсунов Н.О. Из истории возникновения и развития Ходжента// Сборник молодых ученых и аспирантов ЛПИ им. С.М. Кирова.-Ленинабад, 1971. –С.88-106.

7. Турсунов Н.О. Из истории городского ремесла Северного Таджикистана (Ткацкие ремесла и промыслы Худжанда и его пригородов в конце 19 - начале 20 века). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Ленинград, 1969. – 368 с.

8. Турсунов Н.О. Из истории ремесленных цехов Средней Азии /Советская этнография. – 1972. – №1. – С.110-117.

9. Турсунов Н.О. Истаравшан. – Душанбе: Ирфон, 1992.-208 с.

10. Турсунов Н.О. К вопросу об истории вхождения северного региона расселения таджиков в состав царской России // Материалы по истории таджикского народа, - Ленинабад, 1989. –С. 62-64.

11. Турсунов Н.О. К истории ремесленной техники Средней Азии /Известия отделения общ. наук АН Тадж. ССР. – 4 (58). – Душанбе, 1969. – с.38-47.

12. Турсунов Н.О. Ленинабад (Ходжент) в предколониальный период (50-е годы XVIII в. – 60-е годы XIX вв. /История Ленинабада, - Душабе «Ирфон»,1986. –С.124-156.

13. Турсунов Н.О. Народное гуляние «Сайри Шайхон» в Ходженте // Материалы по истории таджикского народа, - Ленинабад, 1989. –С.93-95.

14. Турсунов Н.О. Об исторических связях таджиков и киргизов Северного Таджикистана // Материалы по истории таджикского народа, - Ленинабад, 1989. –С.96-98.

15. Турсунов Н.О. Предприятия крупных ходжентских устокооров -текстильщиков в конце XIX – начале XX вв. (К вопросу генезиса капитализма в районах Северного Таджикистана /Сила ленинских идей (Материалы к истории северного Таджикистана). Ученые записки ЛГПИ, вып. XXXIII. – Ленинабад, 1969. – С. 183-201.

16. Турсунов Н.О. Развитие городских и сельских поселений Северного Таджикистана в XVIII – начала XX вв., - Душанбе: Ирфон, 1991.- 540 с.

17. Турсунов Н.О. Роль горной Матчи и ее населения в истории и культуре таджиков и других народов Средней Азии //Материалы по истории таджикского народа, - Ленинабад, 1989.- С.57-59.

18. Турсунов Н.О. Сложение и пути развития городского и сельского населения Северного Таджикистана XIX – начала XX вв., - Душанбе: Ирфон, 1976. - 302 с.

19. Турсунов Н.О. Типы исторически сложившихся районов Средней Азии в конце XIX – начале XX вв. /Бартольдские чтения. - М., 1976-С.80-83.

20. Турсунов Н.О. Ходжент и его население (конец XIX – начало XX вв.) /Очерки истории северных районов Таджикистана. Ученые записки ЛГПИ им. С.М. Кирова, вып. XXX. – Ленинабад, 1968. – С. 17-49.

21. Турсунов Н.О. Хребет Мевагул в истории, хозяйственной жизни, быту и культуре населения Ходжента и его области // Материалы по истории таджикского народа, - Ленинабад, 1989. –С.96-98.

22. Турсунов Н.О. Шахри офтобӣ (Таърихи мухтасари Хучанд аз қадимулайём то рӯзҳои мо). –Душанбе: Ирфон, 1989. -160 с.

23. Турсунов Н.О. Этнические процессы в Северном Таджикистане в XIX – начале XX вв. /Тезисы докладов на сессии, посвященной итогам полевых и этнографических исследований в 1974-1975 гг., - Душанбе, «Дониш», 1976 - С. 44-46.

24. Турсунов Н.О., Раджабов З.Ш. Ленинабад (Ходжент) в колониальный период (1866-1917 гг.) /История Ленинабада. Душанбе: Ирфон, 1986. –С.157-196.

25. Турсунов Н.О., Сухарева О.А. Из истории городских и сельских поселений Средней Азии второй половины XIX – начала XX в./ Жилище народов Средней Азии. - М., «Наука», 1982. С.10-47.

26. Турсунов Н.О., Хайдаров Г., Марофиев С. Об истории ремесленного производства дореволюционного Худжента// Ученые записки ЛГПИ им. С.М. Кирова. Сборник статей членов кафедры истории СССР. Вып.20. –Ленинабад, 1964. –С.66-119.

27. Турсунов Н.О. Из истории городского ремесла Северного Таджикистана. – Душанбе: «Дониш», 1974. – 204 с.

28. Турсунова Г.Н. История возникновения и развития капиталистической мануфактуры в Средней Азии, «Ирфон». – Душанбе, 2009.-176 с.

29. Усмонзода А.И. Муаррихи сохибфазилат //Назирчон Турсунов дар андешаи устодон, дӯстон, шогирдон ва мухлисон/ Мураттибон: Исомитдинов Ҷ.Б., Турсунов Б.Р., Шарипов М.М.-Хучанд: Ношир, 2022.-С.19-24

Турсунов Б.Р., Набизода М., Маматкулов Дж.А., Шарипова Т.
Худжанд

ИЗВЕСТНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО ТАДЖИКИСТАНА

В научной среде современных ученых – этнографов Таджикистана профессор Назиржон Очилович Турсунов выделяется редкой эрудицией, начитанностью, глубокими и обширными энциклопедическими познаниями в области этнологии народов Центральной Азии, Ирана и Евразии. Он имеет особый метод этнографического исследования, названный фронтальным методом исследования и по мастерски проводит полевые научные изыскания.

Первые научные изыскания Н.О. Турсунов произвел в родном городе древнем и вечно молодом Худжанде в 1960 г., изучая процесс сложения его исторической структуры. Он локализовал триаду строений Худжанда - древнюю цитадель с арком – кремлем, называемую «кухандиз», позднее «урда», собственно первоначальный дофеодальный город – «шахристан» и торгово-ремесленный, посад – «рабад». Исследователь установил этапы возникновения и развития Худжанда, проследил процесс складывания феодального города в пределах Пандж-шанбе – вокруг крупнейшего базара и ансамбля Шайха Маслихатдина.

Он оценил значение пригородных поселений как четвертый компонент в структурном построении города под названием «Берун». В «Берун» входили поселения Пуличукур, Румон, Шайх Бурхон, Унджи, Ява, Курук и многочисленные сезонные загородные кварталы, весенне-летние населенные дачные места с парками, садами, виноградниками, называемые «маҳалла, замин, майдон, боғ, чорбоғ» в качестве структурной части большого Худжанда. Таким образом, Н.О. Турсунов на примере Худжанда разработал новую концепцию о четырехчленной исторической структуре (кухандиз, шахристан, рабад, берун) в системе средневекового города Средней Азии.

Более того, он выявил идущую из глубокой древности традицию разделения дофеодалного и феодального города на две половины – «даха», генезис которой, согласно С.П.Толстову восходит к архаичному обычаю дуального членения поселений¹. В этом аспекте Н.О. Турсунов вник глубже и определил промежуточную структурную ступень – «микрорайоны», называемые «тараф» (букв. “сторона”), такие как «Тарафи Урда», «Тарафи Чоршанбе», «Тарафи Панчшанбе», «Тарафи Сари баландй», «Тарафи Қўшхавз», «Тарафи Таги Тути Калон», «Тарафи Дарвозаи Қўқанд», «Тарафи Масчиди Сарв», «Тарафи Масчиди Сурх», «Тарафи Раззоқ»². Всего в пределах позднефеодалного Худжанда установлено десять «микрорайонов» – «тараф».

В 60-е годы прошлого века Н.О. Турсунов осуществил сплошное историко-этнографическое исследование внутреннего (дарун) и внешнего (берун) старого Худжанда (Кўхна Худжанд). Во внутригородской черте было выявлено 144 жилых квартала, в пригородах учтено около 100 единиц: «кўча», «махалла», «гузар». Жилые кварталы классифицированы на ремесленно-промышленные, промысловые, торговые, земледельческие. Определены категории населения по демографическому, этническому, профессиональному и социальному составу. Изучение жилых кварталов позволило осветить вопросы генезиса и этнической истории, экономической, социальной, культурной жизни населения Худжанда. Без преувеличения можно сказать, что воссоздание исторической картины и ландшафта Большого Худжанда (Дарун и Берун) от местности Танги на западе до Чамбили Унджи на востоке, от берегов Сыр-Дарьи на севере до горки Рухаки Дехмой и Рухаки Исфисор на юге и юго-востоке было веским открытием и весомым вкладом Н.О. Турсунова в исследование многовековой истории известного среднеазиатского города. Важнейшим наглядным итогом выполненного Н.О. Турсуновым многолетнего сплошного историко-этнографического исследования Худжанда следует считать составленный учёным “Схематический план исторической топографии позднефеодалного города XVIII – начала XX вв”. В нем отражены все элементы – составные построения исторической структуры Большого Худжанда: двухрядные и однорядные городские стены, с восемью воротами, окружавшие Худжанд; Сыр-Дарья, с речной пристанью, представлявшая естественный оборонительный рубеж, с четырьмя островами, в том числе остров Тиллокон (или Ёва-арал), с которого худжандцы под предводительством Темурмалика в течение четырех месяцев, с декабря 1219 г. и по конец марта 1220 г., оказывали героическое сопротивление монгольским полчищам Чингизхана, его сыновей Чагатая и Уктая³; поселения и жилые кварталы, дачные места во внешней части (Берун); цитадель –

¹ Толстов С.П. Древний Хорезм, – М., 1948. – С. 282, 285 и др.

² В.И. Даль слово «сторона» толковал как «направление» в смысле “край”, область, местность, округа, “сторона”./ Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля, том четвертый, Р-V. – М., 1980, – С. 331.

³ Турсунов Н.О. Семь подвигов Темурмалика. Научные исследования, Худжанд: «Хуросон», 2003, – С. 211-231.

«урда» с арком – кремлем; дофеодальный город – «шахристан»; феодальный город – «рабад» с древними и средневековыми торгово-ремесленными центрами – рынками Чоршанбе и Панджшанбе, караван-сарай, межквартальные базарчики – «гузар»; главные, ведущие, малые улицы, переулки, тупики с воротами; жилые кварталы, административные части, мечети, медресе, мазары, кладбища; размещение ремесел, промыслов, расселение мастеровых людей – текстильщиков, металлистов (чугунолитейщиков, бронзолитейщиков, кузнецов, ковальщиков, слесарей, жестянщиков, ножовщиков, медников, ювелиров), кожевников, обувщиков, портных, специалистов, изготавливавших одежду и ее детали, гончаров, керамистов, выделывавших поливные и фаянсовые изделия, пищевики (производящие размол муки, очистку риса от шелухи, отжимание растительных масел, убой скота, выпечку, кондитерские изделия).

В кандидатской диссертации на тему «Из истории городского ремесла Северного Таджикистана (ткацкие ремесла и промыслы Худжанда и его пригородов в конце XIX – начале XX вв.), защищенной Н.О. Турсуновым 25 ноября 1969 года в Ленинграде раскрыты и освещены три актуальные смежные взаимосвязанные проблемы: во-первых, историческая структура позднефеодального города Худжанда и формирование его населения; во-вторых, история техники и технологии текстильного бумажного, полупелкового, шелкового производства, совокупность производственных процессов ткачества, научное описание способов выделки тканей, характеристика ширпотребных и художественных материи; изобретательская и новаторская деятельность мастеров в области обработки волокна; в-третьих, история этапов среднеазиатского ремесла на материалах ткацкого производства Худжанда (домашняя промышленность, ремесло на заказ, мелкотоварное кустарное производство, капиталистическая кооперация и мануфактура), эволюция типов мастерских, социальных групп ткачей, их корпорации, культы, формирование наемных работников–«халифа» и предпринимателей-капиталистов–«устокорхо»⁴. Рассмотрение упомянутых проблем способствовало решению кардинальных вопросов истории Отечества, а также содействовало раскрытию аспектов, экономической истории, исторической географии, истории техники и естествознания и, конечно, этнологии.

С 1970 г. Н.О. Турсунов приступил к исследованию малоизученного в отечественной истории и этнологии направления, целью которого явилось установление периода эволюций трех категорий населения позднефеодального общества Средней Азии – оседлых, полуоседлых жителей и кочевников. Разрабатывалась история городской и сельской оседло-полуоседло-кочевой жизни населения на пространстве Худжанда, Ферганы, Уструшаны и Пенджикента, в Верхнем Зеравшане в период XVIII – начала XX в. Десятилетние (1971-1980 гг.)

⁴ Турсунов Н.О. Из истории городского ремесла Северного Таджикистана. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Ленинград, 1969. – 368 с.

научные изыскания Н.О. Турсунова по истории городских и сельских (оседлого, полуоседлого и кочевого населения) поселений в областях Худжанда, Уструшаны, Ферганы и Верхнего Зеравшана в XVIII – начале XX вв. ознаменовались важными достижениями и открытиями.

Была создана типология населенных пунктов, позволившая оценить формы общественного бытия в позднефеодальной Средней Азии, систематизировать накопившиеся сведения о структуре и характере поселений. Согласно разработанным и примененным Н.О. Турсуновым критериям, в пределах изученных регионов к городам с основным таджикским населением были причислены Худжанд, Ура-Тюбе, Канибадам, Исфара, а также Чуст, Касан, Риштан, Пенджикент. Местечки, в которых значительная часть населения занималась ремесленной промышленностью, торговлей, торговым земледелием и скотоводством, названы малыми городами–городками. К этой категории отнесены Костакоз, Исписор, Нау, Гулакандоз, Ганчи, Кушкак, Чорку, Ворух, Ашт, Пангаз, Шайдан, Камышкурган, расположенные на севере Таджикистана. Городок Ашт представлен как центр мастеров кузнечных дел на рубеже Ферганы, Ташкента и Худжанда. Поселения с прослойкой торговцев и ремесленников, местным базаром приписан к категории торговых местечек, такие как Шахристан, Панджшанбе в Чор Басманда, Исфана, Каракчикум, Махрам, Бободархон. Был выделен тип ремесленного селения, как, например, Сарахсиён, Сандукандак, Кўйи равгангарон, Далёни поён в районе Ура-Тюбе, специализировавшиеся, соответственно, на производстве керамических изделий, металлических подковок для обуви, ткани и вышивок. Селения Ашаба, Гудас, Сари камыш, Пискокат в районе городка Ашт были известны производством шерстяных паласов, каменных жерновов для мельниц, а также отхожим пекарным ремеслом. В качестве земледельческого селения выдвинут тип населенного пункта в зонах орошаемого и богарного земледелия. В разряд поселений полуоседлого населения включены аулы, расположенные в предгорьях Мевагула, Курамы и правобережном урочище Сыр-Дарьи, называемое Шуркул, в области Худжанда.

В районе Ашта, в прибрежной полосе Сыр-Дарьи, обнаружены аулы полуоседлых каракалпаков, называвшиеся Бештол, Урмонтол, Рават, Ертула, Джиринтаг, Ходжа Ягона, Джука, Куккурок. Полуоседлые и кочевые группы киргизов еще в первой четверти XIX в. на юге области Худжанда, в верховьях речки Ходжа Бахорон, а также к югу от Канибадама и Исфары в предгорьях Туркестанского и Алайского хребтов образовали свои аулы, юрты, стойбища и летовки. Н.О. Турсунов, ориентируясь на данные А.А. Кушакевича (1872 год), осуществил полевое исследование и локализовал бывшие полуоседлые поселения и места зимовки кочевников в урочищах Парчаюз (Навганда), Минг бир булак, Кизили, Хавас, Тапкак области Ура-Тюбе.

Основное содержание десятилетних (1970-1980 гг.) историко-этнографических исследований, посвященных городским и сельским поселениям позднефеодальной Средней Азии, обобщены в докторской диссертации Н.О. Турсунова, защита которой состоялась 4 марта 1980 г. на специализированном совете Института

этнографии АН Союза ССР в Москве, в нескольких монографических работах, десятках статей и заметках, опубликованных в Душанбе, Москве, Ленинграде, Ташкенте⁵.

Профессор Назирджон Очилович верен своему девизу о том, что труженик науки подобен ныряльщику, достающему со дна океана знаний заветный жемчуг истины. Он постоянно призывает своих учеников и молодых искателей познания самозабвенно заниматься фундаментальными исследованиями, что перед исследователями лежит необъятная целина науки, ожидающая своих первооткрывателей и покорителей.

Литература:

1. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля, том четвертый, Р-V. – М., 1980, – С. 331.
2. Толстов С.П. Древний Хорезм. – М., 1948. – С. 282, 285 и др.
3. Турсунов Н. О. Развитие городской и сельской жизни Северного Таджикистана в XVIII – начале XX вв. (Историко-этнографическое исследование): Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. – М., 1979. - 44 с.
4. Турсунов Н.О. Асосҳои этнологияи халқи тоҷик. - Хучанд, 1992. - 75 с.
5. Турсунов Н.О. Динамика городов и сельских районов Средней Азии в XVIII – начале XX вв. /Бартольдские чтения. - М., 1978. – С.61-63.
6. Турсунов Н.О. Из истории городского ремесла Северного Таджикистана. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ленинград, 1969. – 368 с.

⁵ Турсунов Н.О. Развитие городской и сельской жизни Северного Таджикистана в XVIII – начале XX вв. (историко-этнографическое исследование): Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук, – М., 1979, 590 с.; Его же.. Развитие городской и сельской жизни Северного Таджикистана в XVIII – начале XX вв. (Историко-этнографическое исследование): Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук, – М., 1979, 44 с.; Его же. Сложение и пути развития городского и сельского населения Северного Таджикистана XIX – начала XX вв., - Душанбе: «Ирфон», 1976, 302 с.; Его же. Шаҳри офтобӣ (Таърихи мухтасари Хучанд аз қадимулайём то рӯзҳои мо), Душанбе, «Ирфон», 1989, 160 с.; Шохроҳи абрешим – роҳи сулҳу дӯстӣ – Великий шелковый путь – путь дружбы и мира, - Ленинобод, 23 с.; Его же. Развитие городских и сельских поселений Северного Таджикистана в XVIII – начала XX вв., - Душанбе, «Ирфон», 1991, 540 с.; Его же. Истаравшан (шарҳи мухтасари таърихи ва маданияти халқ), - Душанбе, «Ирфон», 1992, 208 с.; Его же. Асосҳои этнологияи халқи тоҷик; - Хучанд, 75 сах.; Его же. Этнические процессы в Северном Таджикистане в XIX – начале XX вв. /Тезисы докладов на сессии, посвященной итогам полевых и этнографических исследований в 1974-1975 гг., - Душанбе, «Дониш», 1976, - с. 44-46; Его же. Типы исторически сложившихся районов Средней Азии в конце XIX – начале XX вв. /Бартольдские чтения. - М., 1976, с.80-83 и др.

7. Турсунов Н.О. Из истории Хивы по восточным источникам /Тезисы докладов международного симпозиума, посвященного 2500-летию Бухары и Хивы. – Ташкент: Узбекистан, 1987. - С. 196-197.

8. Турсунов Н.О. Истаравшан (шархи мухтасари таърих ва маданияти халк). - Душанбе: Ирфон, 1992. - 208 с.

9. Турсунов Н.О. К вопросу об истории вхождения северного региона расселения таджиков в состав царской России /Научное и культурное наследие человечества - третьему тысячелетию /Тезисы докладов международного симпозиума, посвященного 2500-летию Бухары и Хивы. – Ташкент: Узбекистан, 1987. – С.62-64.

10. Турсунов Н.О. Ленинабад (Ходжент) в предколониальный период (50-е годы XVIII в. – 60-е годы XIX вв. /История Ленинабада. - Душанбе: Ирфон, 1986. – С. 124-156.

11. Турсунов Н.О. Развитие городских и сельских поселений Северного Таджикистана в XVIII – начала XX вв. - Душанбе: Ирфон, 1991, 540 с.

12. Турсунов Н.О. Развитие городской и сельской жизни Северного Таджикистана в XVIII – начале XX вв. (историко-этнографическое исследование): Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. – М., 1979, 590 с.

13. Турсунов Н.О. Роль горной Матчи и ее населения в истории и культуре таджиков и других народов Средней Азии /Материалы по истории таджикского народа. - Ленинабад, 1989. – С.57-59.

14. Турсунов Н.О. Семь подвигов Темурмалика. Научные исследования. Худжанд: «Хуросон», 2003, – С. 211-231.

15. Турсунов Н.О. Сложение и пути развития городского и сельского населения Северного Таджикистана XIX – начала XX вв. - Душанбе: Ирфон, 1976. - 302 с.

16. Турсунов Н.О. Типы исторически сложившихся районов Средней Азии в конце XIX – начале XX вв. /Бартольдские чтения. - М., 1976. – С.80-83.

17. Турсунов Н.О. Участие бухарцев в формировании населения восточной части позднефеодального Мавереннахра /Научное и культурное наследие человечества - третьему тысячелетию /Тезисы докладов международного симпозиума, посвященного 2500-летию Бухары и Хивы. – Ташкент: Узбекистан, 1987. - С.24-26.

18. Турсунов Н.О. Шахри офтобӣ (Таърихи мухтасари Хучанд аз кадимулайём то рӯзҳои мо). – Душанбе: Ирфон, 1989. - 160 с.

19. Турсунов Н.О. Шохроҳи абрешим – роҳи сулҳу дӯстӣ – Великий шелковый путь – путь дружбы и мира. - 4Ленинобод, 1989. - 23 с.

20. Турсунов Н.О. Этнические процессы в Северном Таджикистане в XIX – начале XX вв. /Тезисы докладов на сессии, посвященной итогам полевых и этнографических исследований в 1974-1975 гг. - Душанбе: Дониш, 1976. - с. 44-46.

21. Турсунов Н.О., Раджабов З.Ш. Ленинабад (Ходжент) в колониальный период (1866-1917 гг.) /История Ленинабада. - Душанбе: Ирфон, 1986. – С.157-196.

22. Турсунов Н.О., Сухарева О.А. Из истории городских и сельских поселений Средней Азии второй половины XIX – начала XX в./ Жилище народов Средней Азии. - М.: Наука, 1982. - С. 10-47.

23. Tursunov N.O. From the history and ethnography of the cities of Ustrushan, Khujand and Fergana under Temur and Temurids /Materials of the international scientific conference «Amir Temur and his place in world history» 23-26 October, 1996, Tashkent-Tashkent, Uzbekiston, 1996, p.60-61.

Мадина Бакиева
Душанбе

**ИССЛЕДОВАНИЕ Н.О. ТУРСУНОВА «СЛОЖЕНИЕ И ПУТИ
РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОГО И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО
ТАДЖИКИСТАНА XIX-НАЧАЛА XX ВВ.» И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ
ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РЕМЕСЕЛ И ПРОМЫСЛОВ ТАДЖИКОВ
ВЕРХНЕГО ЗАРАФШАНА**

Научное наследие известного таджикского этнографа Назирджона Очиловича Турсунова богато и разнообразно. Ему принадлежат многочисленные труды, посвященные этнокультуре таджиков северного Таджикистана. Его исследование «Сложение и пути развития городского и сельского населения северного Таджикистана XIX-начала XX веков.» 1976г. является важным информационным источником по развитию промыслов и ремесел всей современной Согдийской области и в частности Верхнего Зарафшана

**ТАДЖИКОТИ Н. О. ТУРСУНОВ "ТАШАККУЛ ВА РОҲҲОИ РУШДИ
АҲОЛИИ ШАҲРАК ВА ДЕҲОТИ ШИМОЛИ ТОҶИКИСТОН XIX
ИБТИДОИ АСРИ XX" ВА АҲАМИЯТИ ОН БАРОИ ОМУЗИШИ ТАЪРИХИ
ХУНАР ВА САНОАТИ ТОҶИКони БОЛОБИ ЗАРАФШОН**

Мероси илмии этнографи маъруфи тоҷик Турсунов Назирҷон Очилович бой ва гуногун аст. Ба ӯ асарҳои зиёде бахшида ба этнофарҳанги тоҷикони Шимоли Тоҷикистон тааллуқ доранд. таджикоти Ў Ташаккул ва роҳҳои рушди аҳолии шаҳрак ва деҳоти Шимоли Тоҷикистон XIX ибтидои асри XX. "Соли 1976 манбаи муҳими иттилоотӣ оид ба рушди касбу ҳунароҳои тамоми вилояти суғди муосир ва хусусан Болоби Зарафшон мебошад

**THE MONOGRAPH BY N.O. TURSUNOV "THE CREATION AND
WAYS OF DEVELOPMENT OF THE URBAN AND RURAL POPULATION OF
NORTHERN TAJIKISTAN IN THE 19TH -EARLY 20TH CENTURIES" AND ITS
SIGNIFICANCE FOR THE STUDY OF HISTORY OF CRAFTS AND TRADES
OF THE TAJIKS OF THE UPPER ZARAFSHAN**

The scientific heritage of the famous Tajik ethnographer Nazirjon Ochilovich Tursunov is rich and diverse. He owns numerous works devoted to the ethnic culture of the

Tajiks of northern Tajikistan. His research "The composition and ways of development of the urban and rural population of northern Tajikistan in the 19th and early 20th centuries." 1976 is an important information source on the development of crafts and crafts throughout the modern Sughd region and in particular Upper Zarafshan

Научное наследие известного таджикского этнографа Турсунова Назирджона Очиловича богато и разнообразно. Ему принадлежат многочисленные труды, посвященные этнокультуре таджиков северного Таджикистана. [3, 110-102,155-158] Его исследование «Сложение и пути развития городского и сельского населения северного Таджикистана XIX-начала XX веков.»1976г. [4] является важным информационным источником по развитию промыслов и ремесел всей современной Согдийской области и в частности Верхнего Зарафшана. В публикации ученого приведены не только отдельные данные, касающиеся конкретных характеристик производства, но и даны широкие обобщения происходящих исторических процессов в этот временной период. Так, автор проследил изменения, происходившие в содержании городской жизни Северного Таджикистана, что позволило ему прийти к заключению, что период конца XIX-начала XXвеков стал новым историческим этапом в истории возникновения и развития оседлых поселений региона. Более того ученый пришел к выводу, что это историческое время стало основой развития капиталистического уклада социума, его экономической основы, максимального экономического развития, а, следовательно, во многом меняется характер производственной деятельности ремесленников региона. [4, 269]

В 80-х годах XIX века подготовка к Туркестанской выставки 1886 г. в Ташкенте активизировала изучение ремесленно-кустарного производства таджиков. С середины 90-х годов XIX века началось специальное систематическое исследование ремесленного и кустарного производства Центральной Азии научно-просветительской общественностью Туркестанского края, которая считала, что «...область кустарных промыслов края остается почти неизведанной» и наметила первоочередные задачи и круг узловых вопросов, подлежащих специальному изучению. По итогам работы официальной комиссии была издана книга «Отчеты и исследования по кустарной промышленности России» в нескольких томах. [2, 211]

Н.О. Турсунов указывает, что домашнюю промышленность в северном Таджикистане называли *касби худ бар худ «сам по себе»*. Сельские ремесленники, работавшие по заказу, считались в северном Таджикистане *хунармади нуг* «ремесленник, получающий долю». Кузнецы, сапожники плотники и брадобрееи, в отличие от других мастеров, содержались общиной земледельцев сообща. Их вознаграждал каждый земледелец. Такая оплата называлась *кафсан*.

Разделение труда существовало по полу и возрастному цензу.Так, например, существовали разнообразные виды работ: обработка кожи, дерева, пищевая отрасль, сапожничество, подготовка бумажного волокна, ковроделии. Из них два последних вида являлись женским промыслом, а мужским- все остальные. [4, 240,252, 264]

В конце XIX-начале XX века уровень ремесел и промыслов, как и многие другие отрасли местной промышленности, вследствие сокращения спроса, кризисной ситуации и других условий, сильно упал. В этот период, согласно историко-этнографическим данным, Пенджикент переживал процесс градообразования. Производившиеся в городе сельхозпродукция и ремесленные товары удовлетворяли потребности населения района. Но из ремесленных товаров лишь одежда выходила за пределы региона. [4, 245]

Достаточно сказать, что в городе Пенджикенте в 1877г. работало всего 10 плотников, а в 1897г.- 14, которые были заняты в основном строительными работами. [4, 241] Мужское гончарное производство существовало лишь в г. Пенджикенте и деха Урметан, оно имело небольшие размеры в городе. Им занимались всего несколько семей В 1877г. в городе работали 4 мастера, в 1897г.- всего 3. В основном они изготавливали чашки, блюда, сосуды крупных размеров, кувшины. [4, 241]

О малочисленности мастеров и небольшом объеме производимой ими продукции свидетельствует таблица ремесел Пенджикента, подготовленная Н.О.Турсуновым. Она свидетельствует о весьма слабом развитии, например, в Пенджикенте ремесленного производства.

Статистические данные о динамике развития ремесленных заведений г.Пенджикента.

Ремесленники	1882—1884 гг.		Ремесленные заведения	1900 г.		
	число	выручка в год		число заведений	число работников	сумма производства
Кузнецы	8	75 руб.	Кузнечные	4	8	450 руб.
Медники	2	60 руб.	Жестяночные	1	2	150 руб.
Кожевники	1	50 руб.				
Сапожники	4	40 руб.	Сапожные	5	7	450 руб.
Алочабофы	16	875 руб.	Шорные	1	1	70 руб.
Ткачи бязи	11	50 руб.				
Мастера, выделявав шне прядки	3	30 руб.	Мельницы	2	4	400 руб.
Маслобойщики	10	600 руб.	Маслобойни	7	7	1310 руб.
Пекари	6	75 руб.	Хлебопекарни	6	12	600 руб.
Кондитеры	2	60 руб.	Толчен	4	12	1200 руб.
Плотники	2	45 руб.	Плотничные	5	5	1200 руб.
Гончары	2	60 руб.	Гончарные	2	6	255 руб.
Всего:	67	2480 руб.		37	44	6055 руб.

Источник: [4, 24 2]

Торговля, как и ремесло, было слабо развито, хотя в город Пенджикенте служил торговым центром для Магиянского, Кшгутского и Офтобруинского районов. Население названных районов привозили на пенджикентский базар прода-

вать лес, древесный уголь, грубую бумажную материю, шерстяные ткани для халатов, мешки, гвозди для подбивки местной обуви. В Пенджикенте они приобретали хлеб и хлопок. Число постоянных торговцев не превышало 200 человек, а приезжих торговцев на пенджикентском рынке было не более 20—30 человек. [4, 24 2] Пригородные селения Пенджикента представляли малые земледельческие поселения. Разница между городом и селениями проявлялось больше в степени товарности ремесленного производства в сельском хозяйстве.

Кризисная ситуация в ремесле также была связана с мизерными потребностями земледельческого и скотоводческого населения в ремесленных товарах. Продукция домашних промыслов, прежде всего, готовилась для нужд семьи, но иногда и родственников и знакомых.

В ремесленном производстве северного Таджикистана с начала каменного века ведущее место занимала обработка металла, о чем свидетельствуют памятники Саразма, где литье бронзы *рихтагари* составляло самостоятельную и весьма развитую отрасль. В силу особенности производства кузнечное дело никогда не существовало в форме домашнего производства, т.е. промысла, ограниченного потреблением в рамках отдельных хозяйств. В 1877г. в Пенджикенте было 8 кузниц, две чугунолитейные мастерские, одна по ковке медных изделий, две другие были заняты пиротехникой. [4, 241]

Хлопчатобумажное и шерстяное ткачество широко было развито в Верхнем Зарафшане, кроме Пенджикента, где, как и в других городах Центральной Азии, оно отсутствовало. Однако в окрестных селениях Пенджикента был распространен женский промысел по обработке шерсти, которые изготавливали для себя и продажи ткани, платья, попоны, тесьму, пряжу, мешки, арканы, ковры, паласы, кошмы. На Всероссийской мануфактурной выставке 1870г. были представлены образцы шерстяных изделий пенджикентских мастериц. В 1877г., 1897г. в городе занимались ткачеством всего лишь 11 человек, которые ткали такие материи, как *карбос*, *суси*, *калами*, бумажный *адрас*, делали набойку. [4, 241]

Н.О. Турсунов проследил и процесс переселения ремесленников из центральных наиболее развитых районов на окраины и образование в старых ремесленных центрах северного Таджикистана новых мелких промыслов, расширение тех, которые существовали здесь раньше. С конца XIX- начале XX веков отдельные шелкоткачи, ткачи, мастера по выделке полупуховых тканей, кузнецы, гончары и другие начали переселяться из Ходжента, Истаравшана, Канибадама в городки и селения, тем самым квалифицированным трудом совершенствуя и расширяя местную ремесленную сеть. [4, 266]

Следует вспомнить замечания А.С. Давыдова, который в своих заметках о развитии ремесел Зарафшана, также не раз указывал, что весьма часто то или иное производство возникало в селениях благодаря приезжим мастерам (мужское гончарство в Урметане, *косатороши* в деха Вору , пошив обуви и др.) К тому же

после присоединения Центральной Азии к России многие жители стали ходить в города обучаться ремеслу, организовать у себя тот или иной промысел. [1, 35]

Исследование проблем изменений, происходивших в содержании городской жизни северного Таджикистана позволило известному этнографу Н.О. Турсуну прийти к заключению, что период конца XIX-начала XX веков стал новым историческим этапом в истории возникновения и развития оседлых поселений региона. Более того автор особо подчеркивает, что это историческое время стало основой развития капиталистического уклада, максимального экономического развития. [4,269]

Литература

1. Давыдов А.С. Домашние промыслы и ремесла таджиков Верхнего Зеравшана. Архив ИИАЭ НАНТ. Личный фонд А.С. Давыдова. опись №1, Ед. хр. №15.Л. 35.

2. Исамитдинов, Дж.Б. Роль дореволюционных русских исследователей в изучении ремесел и промыслов по обработке дерева в Северном Таджикистане // Вклад российской науки в изучение уникального историко-культурного и природного богатства Таджикистана: Сб. материалов междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию российского востоковедения (г.Худжанд, 23 ноября 2018 г.). – Оренбург, 2019. – С.210. – (Серия: Евразийский перекресток. Вып.11).

3. Писарчик А.К. Этнографическая наука в Таджикистане(1920-1990гг.)/Под. к печати Н-Бабаева.- Душанбе, 2002

4. Турсун Н.О. Сложение и пути развития городского и сельского населения Северного Таджикистана XIX начала XX вв . Душанбе: «Ирфон»,1976 .

Лариса Додхудоева
Душанбе

ТАДЖИКОВЕД ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА ПЕЩЕРЕВА: РАССКАЗЫ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

В1966г. в издательстве Ирфон в Душанбе вышла в свет книга Людмилы Сеницыной «Звезды светят все», которая включала в себя документальную повесть «Табарук». Она полностью посвящена встрече с таджикскими этнографами, археологами и лингвистами XX века. Однако основную часть книги составляют воспоминания известного таджиковеда Елены Михайловны Пещеревой. Вряд ли можно найти другой источник, который бы так подробно представил биографию известного этнолога да еще от первого лица. Известный этнолог не только привела много биографических фактов, но, судя по указаниям Л. Сеницыной, показала автору и немало образцов фотоматериала и рисунков. Этот весьма ценный материал

позволяет с большой полнотой восстановить многие эпизоды полевых работ ученой, отдельные эпизоды из истории Таджикистана через события ее личной жизни.

ТОЧИКШИНОС ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА ПЕЩЕРЕВА ВА ҲИКОЯТҲОИ Ӯ

Дар нашриёти «Ирфон»-и Душанбе соли 1966 китоби Людмила Синицина «Ситораҳо ҳама медурахшанд» аз чоп баромад, ки дар он повести хуччати «Табаррук» ворид карда шудааст. Он комилан ба вохӯрӣ бо этнографҳо, бостоншиносон ва забоншиносони асри 20-и тоҷик бахшида шудааст. Вале қисми асосии китобро ёддоштҳои олими машҳури тоҷикшинос Е. М. Пещерева ташкил медиҳад. Манбаи дигареро пайдо кардан душвор аст, ки биографияи як этнологи маъруфро ба ин андоза муфассал пешниҳод намуда бошад. Е. М. Пещерева на танҳо бисёр фактҳои биографӣ овардааст, балки аз руи навиштаҳои Л. Синицина бисёр намунаи маводҳои фотографӣ ва расмҳои нишон додааст. Ин маводҳои арзишманд ба мо имкон медиҳад, ки бо бисёр қорҳои сахрии олим ва воқеаҳои алоҳидаи таърихи Тоҷикистон дар мисоли воқеаҳои ҳаёти шахсии ӯ бо камолӣ том шинос шавем.

THE TAJIK EXPERT ELENA MIKHAYLOVNA PESHCHEREVA: HER STORIES

In 1966 In the Irfon publishing house in Dushanbe the book by Lyudmila Sinitsyna "The Stars Shine All" was published, which included the documentary story "Tabarruk". It is entirely dedicated to the meetings of author with Tajik ethnographers, archaeologists and linguists of the 20th century. However, the main part of this book is the memoirs of the eminent Tajik expert Elena Mikhailovna Peshchereva. It is hardly possible to find another source that would present the biography of a famous ethnologist, and even in her own memories. The well-known ethnologist not only provided a lot of biographical facts, but, judging by the information of L. Sinitsyna, she also showed the author many samples of photographic material and drawings. This very valuable material allows us to restore with great completeness many episodes of the scientist's field work, individual episodes from the history of Tajikistan through the events of her personal life.

В издательстве Ирфон в Душанбе в 1966г. вышла в свет книга Людмилы Синициной «Звезды светят все», которая включала документальную повесть «Табаррук» (*тадж.* благословенность, почитаемость).[21] Она полностью посвящена встрече автора с таджикскими этнографами, археологами и лингвистами XX века М.С. Андреевым, А.К. Писарчик, В. А. Лившицем, Е. А. Давидович, Б. А. Литвинским, Б. Х. Кармышевой, Р. Л. Неменовой, О.Сухаревой, Л.В. Усто Джахоновым, М.А. Хамиджановой и другими. Однако основную часть книги составляют воспоминания известного таджиковеда Елены Михайловны Пещеревой. Вряд ли можно найти другой источник, который бы так подробно представил биографию известного этнолога от первого лица. Известная исследовательница не

только привела много биографических фактов, но, судя по замечаниям Л. Синицыной, показала автору повести различные фотографии и свои рисунки. Этот весьма ценный материал позволяет с достаточной полнотой восстановить многие эпизоды полевых изысканий ученой, а также узнать отдельные события истории Таджикистана сквозь призму событий личной жизни Е.М. Пещеревой.

Следует сказать, что в этнографическом архиве Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана (ИИАЭ НАНТ) также сохранились отдельные документы Е.М. Пещеревой, в которых зафиксирована ее совместная работа с выдающимся этнологом М.С. Андреевым над

материалами по Ягнобу, а также полевые работы в различных регионах страны.[3]

Е.М. Пещерева. родилась в дворянской семье русского генерала 26 мая 1897г. в Петроалександровске (ныне Турткуль Каракалпакской АССР), который после окончания службы не желал никуда уезжать, а обосновался с семьей в Ташкенте. Ее отец прекрасно владел латынью, таджикским, узбекским, турецким языками. Как признается сама Е.М.Пещерева, отец приучил ее читать книги с картой в руках. Когда она впервые оказалась в Ленинграде, она шла по улицам так, словно всю жизнь прожила там, именно благодаря картам. [21,40-41]

После окончания курсов сестер милосердия она работала в 1916-1917гг. медсестрой во время Первой Мировой войны, а в 1917-1918 – педагогом в детском доме в Ташкенте. [21,70] В 1918г. она поступила на этнолого-лингвистическое отделение (иранское отделение) Туркестанского восточного института (далее ТВИ) в г. Ташкенте, которое окончила в 1923, но защитила диплом в 1924г. В этом же году Е. М. Пещерева стала заведующей Отделом этнографии Главного Среднеазиатского **Елена Михайловна Пещерева(1897 — 1985)/ Источник:[14**музея в Ташкенте.

ТВИ был первым высшим востоковедным учебным заведением в Центральной Азии, созданным для научного исследования Туркестана, его истории, быта, культуры и языков. Преподавателями Е.М. Пещеревой являлись крупнейшие ученые, представители блестящей российской школы востоковедов XX века: А. Э. Шмидт, А. А. Семенов, Е. Д. Поливанов, М.С. Андреев и другие.

В то время интерес к Востоку был огромен, хотя этнография не входила в число модных наук. Существовала важная причина, согласно которой Е.М. Пещерева поступила в данный Институт. В то время неохотно принимали детей

бывших российских служащих и военных, но в сфере востоковедения им разрешалось получать образование. На Е.М. Пещереву долго косились, упрекали в том, что она дочь генерала и имела какие-то преференции, пока она не доказала всем свою компетентность. [21,47]

В ТВИ вступительные экзамены поступающие не сдавали, а только проходили собеседование по этнографии, языку и другим предметам. На первый курс подали документы более 200 человек, среди которых, было много тех, кто мечтал стать дипломатами. К концу второго года обучения на курсе осталось не более десяти человек, и преподавателей уже было больше, чем студентов. [21,46] По воспоминаниям Е.М. Пещеревой, во время учебы требования были нещадные. Из-за ее врожденной способности к языкам ее вместе с Н.Н. Ершовым всячески агитировали заняться лингвистикой, но, как она сама признавалась, ее больше привлекала работа с людьми.

Первая практика студентов ТВИ была нацелена не только на изучение разговорной лексики, усвоение фраз, но и установление живых связей с людьми, что было важно для этнографов. Вместе с другим в будущем известным этнологом А.Л. Троицкой она прошла практику в Ургуте в доме ишана Тиллохона, где помимо языка они обучались этикету, поведению за дастарханом, ношению на голове подносов и многим другим восточным ритуалам и традициям. Специально для них готовили такую еду, которую в это время года обычно не готовили, чтобы они знали, как её подавать и вкушать. [21,55] На следующий год они уже проходили практику в Сойи Гус. Поездка была несколько омрачена сообщением о беглых из Джизакской тюрьмы, которые намеревались похитить русских девушек. Но, к счастью, опасность миновала.

В этот год же год студенты ТВИ были задействованы в первой всеобщей переписи населения в Ташкенте и Самарканде. К ней привлекли студентов восточного факультета. Е.М. Пещерева, которая уже свободно говорила на таджикском, признается, что, если в первый день она нуждалась в помощи переводчика узбекского языка, то на второй она уже обходилась без его услуг, т.к. свободно владела необходимым словарным запасом. [21,57]

Феноменальная способность Е.М. Пещеревой к языкам выручала ее много раз в тех или иных случаях. Ее ученица, известный таджикский этнограф М.А. Хамиджанова рассказывала, что в 1924 г. вместе с М.С. Андреевым ученоя должна была вести полевые исследования в Ягнобе, но языка еще не знала. Местные женщины не говорили по-таджикски, а руководитель экспедиции задерживался. Когда же он, наконец, приехал, она уже свободно говорила по-ягнобски и со многими жителями подружилась. [21,114]

В первой половине XXвека исследователи Центральной Азии столкнулись с тремя основными трудностями при проведении полевых работ. Это прежде плохие дороги, угроза нападения басмачей и бандитов на экспедиции, а также вспышки различных эпидемий. Со всеми эти проблемами Е.М. Пещерева столкнулась во время своих полевых исследований.

Ей самой придется не раз встречаться с бандитами и басмачами. При поездке в Ягноб за Анзобским перевалом в них целился отряд басмачей, но красноармейцы прибыли вовремя. С бандитами же она сталкивалась в Гулянкане, Памбачи, Кызылсу, о чем подробно рассказала автору книги. [21,77]

В 1926 г. она участвовала в Среднеазиатской этнологической экспедиции АН СССР под руководством В. В. Бартольда, при участии И. И. Зарубина, которая четыре года вела изучение различных сфер материальной жизни и духовной культуры таджикского населения Верховьев реки Зеравшана и долины рек Искандердарьи и Ягноба,

В гостях у Бонч-Осмоловских. Ленинград, 1931 г.
Слева направо: Ф.А. Фельдтруп, Е.М. Пещерева, О. Г. Бонч-Осмоловская, А.Н. Генко, Л.Б.Панек с дочерью на руках, сыновья Бонч-Осмоловских Георгий и Андрей, Г.А.Бонч-Осмоловский

малоизученных ираноязычных кочевых и полукочевых народов. Востоковед Г. Г. Гульбин изучал жилище таджиков долины р. Зеравшан, ремесленное производство, А. Л. Троицкая собирала этнографические и фольклорные материалы в Фальгарской и Матчинской волостях Таджикистана, преимущественно по духовной культуре ираноязычного населения, Е. М. Пещерева - этнографические и диалектологические материалы в Верховьях Зеравшана.[15]

В 1929— 1932 гг. она работала старшим научным сотрудником Государственной Академии истории материальной культуры в Ленинграде под руководством академика В. В. Бартольда, куда была принята по его личной рекомендации, и одновременно преподавала персидский, таджикский языки, этнографию Средней Азии в университете(1929-1949гг.)

Обвал балкона на Пяндже. Куль-Парии.1925г.
Личный фонд М.С. Андреева №27-194.

Контакт с животными у Е.М. Пещеревой был особый. Ее отец, М.С. Андреев, как

и она сама, были настоящими кошачниками, любили собак. Но особенный контакт у нее был с лошадьми, благодаря чему они спасали ее во время прохождения по самым крутым горным тропам *оврингам* в Ягнобе, на Памире. Иногда овринги рушились, и даже местные жители, сопровождавшие экспедицию, падали вместе с лошадьми прямо в реку и нередко течение уносило их. На Бартанге и на Пяндже, на р. Кафарниган, где не было мостов, багаж часто приходилось переносить на руках, а лошадей пускали вплавь мимо обрушившихся троп. Когда все мосты и все овринги оказывались сорванными, они развьючивали лошадей и пускали их вплавь, а люди на *турсуках*, но не кожаных, а сделанных из солдатских брезентовых мешков, плыли рядом. Когда утром члены экспедиций смотрели на то место, где проходили, то просто ужасались и не могли поверить, что там прошли — такой это был и опасный подъем.

Архивные документы Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана (далее ИИАЭ НАНТ) свидетельствуют о сложных обстоятельствах, в которых велись полевые исследования в труднодоступных регионах Ягноба и Памира. В акте 1927г., подписанном членами экспедиции М.С. Андреевым, Е.М. Пещеревой и Н.В. Мещеряковой сообщается, что «на переходе перевала Оббурдон один осел сорвался с балкона и, весь багаж вместе с записями погиб». [1;4,88;5]

В архиве ИИАЭ НАНТ хранятся отдельные документы, связанные с деятельностью Е.М. Пещеревой в Таджикистане. Основную часть информационного блока составляют материалы по Ягнобу, что совершенно закономерно, т.к. она участвовала в экспедициях под руководством выдающегося этнографа М.С. Андреева в этот регион в 1924-1927гг. Об этих поездках сохранилось немало дневниковых записей, а также фотографий. Е.М. Пещерева сопровождала М.С. Андреева и в других экспедициях, в том числе в Гиссар, Ховалинг, на Памир. В архиве также сохранились две фотографии, которые она сделала в ГБАО в 1925г. :изображение Рушана и коллективный портрет его жителей. [3,4,32-33]

Ягнобу, который М.С. Андреев называл «своего рода человеческой «Беловежской пушей»», [1;9] посвящены материалы, касающиеся языка, этнографических особенностей жилища, плана селений, утвари, орудий труда. Ученым были также приведены таблицы ягнобских глаголов, в подготовке которых большую помощь оказали ему его ученицы Е.М. Пещерева, Н.В. Мещерякова и Н.В. Русинова в 1927г. [1;5]

М.С. Андреев продолжал вести стационарную работу над записями по ягнобскому языку и быту в Ташкенте в сотрудничестве с ягноб»[2], цем Маргтумайн Мулло Ниёзом. В этом ему немалую помощь оказала и Е.М. Пещерева. Сохранились отдельные ее заметки о Ягнобе, которые она сделала в деха Хшартоб 14-16 июня 1925г. [1,5;4,103], а также таблицы глаголов ягнобского языка на латинице, подготовленные ею в 1927г. [3;8,4]

На основе огромного материала, собранного во время полевых изысканий в Ягнобе, ученая подготовила несколько фундаментальных монографий, которые

сразу же были высоко оценены академическим сообществом и стали библиографической редкостью. В 1957 году Академия наук СССР издала ее совместный с М. С. Андреевым труд «Ягнобские тексты»[2], а в 1976 г.- в Душанбе вышла в свет ее монография «Ягнобские этнографические материалы».[20] В данный сборник включены также три сказки, один текст этнографического содержания, образцы юмора, загадки и поэтические отрывки, обнаруженные среди полевых записей в архиве М. С. Андреева. Эти тексты перетранскрибированы и снабжены переводами.

Меньше известно о ее других совместных с М.С. Андреевым экспедициях 20-х гг. XXвека. В Таджикистане. В частности в этнографическом архиве сохранился документ о посещении им и Е.М. Пещеревой деха Вистан в Гиссаре 21 августа 1924г., где исследовательница «со слов 13- летнегоАзиза» записала местную сказку [8] В деха Пчэф 22 августа 1924г. она вместе с М.С. Андреевым зафиксировала местные сказки и стихи.[13] Ею также были собраны сведения о Ховалинге на таджикском и русском языках, корректуру которых провел М.С. Андреев. [4,116;11] Здесь же она зафиксировала информацию, которую сообщил ей местный учитель Мулло Одина в 1925г. [12] В Ташкенте в 1927г. вместе со своим учителем она вела записи со слов информанта Камола о деха Вардуч в Каратегине.[11]

Помимо дорог и встреч с басмачами нередко члены экспедиций становились жертвами различных эпидемий, со многими из которых ученой пришлось бороться и прежде всего с малярией и сыпным тифом (возвратным или персидским). С рождения у нее были слабые легкие, как и у ее талантливых сестры и брата, которые рано ушли из жизни этой причине. В 1923г. у Е.М. Пещеревой была болезнь легких, позже [21,57] в Хороге - персидский тиф. Она довольно подробно описывает последний эпизод. Ее сажали на лошадь, и каждый день снимали для ночлега в каком-либо селении, а на следующее утро вновь сажали верхом. Когда привезли ее домой, мать заплакала:так она была худа[21,85] В 1933г. Е.М. Пещерева осталась без мужа Ф.А. Фиельструпа, известного этнографа, который был репрессирован и умер в заключении. Когда ушла из жизни ее мать, она призналась, что уже ничего не боялась и сказала: «я запретила себе умирать». [21,106] Во время блокады Ленинграда в 1942г. ее вывезли в Ташкент, где она заболела тифом.

Переменяющаяся лихорадка *терциана*, настигла ее в Каратегине в 1945г., а на пути из Душанбе в Кулисуфиен в 1947г.-вновь персидский тиф. Однако Е.М. Пещерева заметила счастливое свойство своей натуры — как только она меняла место проживания, болезнь отступала. Эта особенность, вероятно, характерна для истинных этнографов, поскольку в своих воспоминаниях исследовательница привела подобный случай, связанный с М. С. Андреевым. Он подхватил в экспедиции амёбную дизентерию, но вновь с обирался в поездку. Когда она вместе с известным врачом Крюковым пришла навестить его, он выглядел ужасно. Но врач сказал: «Пусть едет, как и собирается. Если в городе останется, умрет обязательно, а экспедиция может помочь, так настроен». М.С. Андреев действительно выздоровел. [21,117]

Е.М. Пещерева пользовалась своей особой методикой проведения полевых работ и советовала первые три дня во время экспедиции ничего не предпринимать, а присмотрится к окружающим, вызвать к себе их доверие. Она считала, что во время интервью, надо стараться слушать то, что говорят спиной этнографа, т.к. эти разговоры весьма информативны. У Е.М. Пещеревой никогда не было денег на покупку магнитофона для записи полевых материалов, поэтому она в основном их записывала арабским письмом, поскольку считала, что оно удобно как скоропись. [21,116]

Вот как она рассказывала об одном из эпизодов своих полевых работ в деха Сары-Шухоп (около Гарма) в 1945г. [21,125] Однажды она оказалась в мастерской местных гончарниц, которые рассказывали ей о своей работе без особой охоты и не хотели показывать процесс изготовления сосудов. Последовательность работы над ними состоял в том, что одна мастерица начинала лепить посуду, вторая продолжала ее работу, следующая придавала изделию окончательный вид. Мастерицы боялись, что из-за присутствия Е.М. Пещеревой в мастерской могут возникнуть неприятности: или налог заставят платить или же чужой человек сглазит их работу. Со временем все смирились с ее присутствием кроме одной старухи, которая завершала процесс изготовления кувшинов и придавала им последние штрихи.

Все обедали за толстыми колотыми досками, на которых в обычное время размещивали глину и лепили посуду- ведь глина считалась ритуально чистой. Старуха стала в адрес Е.М. Пещеревой отпускать шпильки, на что та ей ответила: «Как же это вы не боитесь такие слова произносить. Мы сидим за едой, вы молитву читали, чтобы покровительница содействовала вам в работе... А если она разгневется?» После приема пищи все повернулись к своим работам и оказалось, что последний сосуд старуха плохо доделала, и он скособочился. Мастерицы все до одной пали ниц и некоторое время лежали, не двигаясь, -решив, что покровительница и на самом деле разгневалась. Это событие развязало языки гончарницам, и Е.М. Пещерева собрала много материала, который вошел в ее

Е. М. Пещерева

знаменитую публикацию «Гончарное производство Средней Азии». [16]

Другой случай был не менее удивительным. Е.М. Пещерева собиралась записать проведение народного весеннего праздника *лолазор*, который в то время запретили проводить. Но у нее была официальная бумага из Ташкента. Когда районное начальство увидело золотые буквы, портреты вождей, печати, подписи, то решило, что она

очень важная птица и кинулось выполнять поручение, разрешили проводить народный праздник. От мала до велика все жители селения с большим

воодушевлением участвовали в нем, много рассказывали Е.М. Пещеревой об его обычаях и ритуалах, были благодарны ей за то, что любимый праздник состоялся. [21, 132] Здесь она записала стихи «благословенного исфаринского поэта Бобо Галиба». Эти материалы, как известно, нашли отражение в ее знаменитой публикации «Праздник тюльпана (лола) в селении Исфара» 1927г., дополненной ею в 1963г. [18,19]

Фундаментальным научным трудом Е.М. Пещеревой, как известно, является монография, посвященная молочному хозяйству Средней Азии. М.С. Андреев, когда читал ее записи, которые она сделала в Ягнобе по молочному хозяйству женщин, он страшно удивился, что не заметил этого сам. «Как же это я проглядел?!» — сказа он».

Е. М. Пещерева обладала многими талантами, например, сама делала рисунки к своим публикациям, хорошо играла на скрипке. Поскольку она была опытным «экспедиционщиком», И.И.Зарубин брал ее, как сам говорил, «на мужские роли»: покупать лошадей, провиант, договариваться с возчиками.

На защите диссертации многие выступавшие особо благодарили ее «за прекрасный русский язык», которым написана работа. [21, 136] О первой части кандидатской диссертации Елены Михайловны «Гончарное производство» выдающийся ученый А. Ю. Якубовский написал: «Мне неизвестно, в какой степени можно обойти кандидатскую степень и присудить докторскую, однако считаю своим долгом сказать, что представленное исследование является настоящей докторской диссертацией, заслуживающей самой высокой оценки». В свою очередь другой известный исследователь М. Дьяконов отмечал: «Работа Е. М. Пещеревой является в полном смысле этого слова энциклопедией уходящей, в значительной мере и совсем ушедшей Средней Азии. Это сочинение значительно шире своего названия. В нем мы можем найти много интереснейших страниц, не имеющих прямого отношения к теме, но затрагивающих много вопросов: об общине, о ремесленных организациях. Автор поразительно щедро делится с читателями обширными и глубокими сведениями в области этнографии и истории Средней Азии». [21, 152]

Е. М. Пещерева была невероятно харизматичной. М.А. Хамиджанова сохранила о своей наставнице следующие воспоминания. Прежде всего она удивлялась тому, что в ее учителе было такого, что заставляло всю экспедицию подтянуться как только она просто посмотрит! В полевых условиях исследовательница носила армейские брюки и блузку. Роскошные длинные волосы, заплетенные в косу, заправляла под простую мужскую кепку. В таком виде ее часто принимали за юношу.

У Е. М. Пещеревой были толстые косы до пят. Когда она их мыла, ей приходилось полдня стоять на солнце и сушить их. Она всегда сердилась и говорила, что косы надо обрезать. А М.А. Хамиджанова признавалась «А я так ей завидовала!» [21, 132]

Рассказы выдающегося таджиковеда Е.М. Пещеревой - это не просто биография ученого, а в некотором роде история личного героизма, представителя особого поколения людей той эпохи, которая породила

блестящую плеяду истинных ученых. Материалы полевых работ в Центральной Азии легли в основу будущих выдающихся исследований этого этнолога, в которых беспристрастно, убедительно и объективно исследованы исторические, культурные и этнические процессы в Таджикистане. И сейчас они не утратили своего научного значения для современных исследователей, которые занимаются разработкой сложных проблем, связанных с этнокультурой таджикского народа.

Литература

1. Андреев М.С. О собранном мною в разное время(начиная с конца XIXст. по 1942г.) материале по языку и быту народов Средней Азии, до сих пор еще не изданном и б.ч. не подготовленном к изданию. ИИАЭ НАНТ. Опись №1, Ед.хр. 81/
2. Андреев М.С., Пещерева Е.И. Ягнобские тексты с приложением ягнобско-русского словаря, составленного М.С.Андреевым, В.А.Лившицем и А.К.Писарчик. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР. 1957.
3. Додхудоева Л. Документы таджиковеда Е.М. Пещеревой в этнографическом архиве Национальной академии наук Таджикистана.// Маводҳои конференсияи илмӣ-назаравӣ зери унвони “ Нақши ДДСТДТ дар ташаккули санъати тасвирӣ(Бахшида ба 10ғасолагии ДДСТДТ).Душанбе, 2022. С. 8-13.
4. Додхудоева Л.Научное наследие А.А. Семенова и М.С. Андреева(архивные документы)/Общ.ред Р.М. Масова.Душанбе, 2013.
5. ИИАЭ НАНТ. Фонд М.С. Андреева.Опись №1,Ед.хр. 29.
6. ИИАЭ НАНТ.Фонд М.С. Андреева. Опись №1, ед.хр. № 17,28,29,45,46,58,100,101 и др.
7. ИИАЭ НАНТ.Фонд М.С. Андреева. Опись №1, ед.хр. № 14,27,70,71,
8. ИИАЭ НАН РТ. Фонд М.С. Андреева.Опись №1,Ед.хр. 28№4
9. ИИАЭ НАНТ. Фонд М.С. Андреева.Опись №1,Ед.хр.91 №1.
10. ИИАЭ НАНТ. Фонд М.С. Андреева. Опись№1, ед.хр18,30,52,58 и др. Фотоколлекции №№ 1, (быв.№27), №2(бывш.99) и стеклянные негативы..
11. ИИАЭ НАНТ. Фонд М.С. Андреева.Опись №1,Ед.хр. 53№17..
12. ИИАЭ НАНТ. Фонд М.С. Андреева.Опись №1,Ед.хр. 42№1
13. .ИИАЭ НАНТ. Фонд М.С. Андреева.Опись №1,Ед.хр. 52№18.
14. Кунсткамера. Архив. Фонд №30. Е.М.Пещерева. :https://www.kunstkamera.ru/files/Archive_KK/opisi/f_30_op_1_polevye_materialy_nauchnye_trudy_dokumenty_po_deyatel_nosti_i_trudy_drugih_lic.pdf
15. Кунсткамера. Музей антропологии и этнографии. Календарь Кунсткамеры 18 июл 2021- <http://www.kunstkamera.ru/events-calendar>
16. Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 396 с. (Труды Института этнографии, нов. сер., Т. 42).
17. Пещерева, Е. М. Молочное хозяйство горных таджиков и некоторые, связанные с ним, обычаи по Таджикистану. – Ташкент, 1927. – Вып. 1.
18. Пещерева Е.М.Некоторые дополнения к описанию праздника тюльпана (лола) в Ферганской долине.//Иранский сборник.-М.,1963
19. Пещерева Е.М. Праздник тюльпана (лола) в селении Исфара Кокандского уезда.// В.В. Бартольд туркестанские друзья, ученики и почитатели.-Ташкент, 1927 С. 374-384.

20. Пещерева Е.М. Ягнобские этнографические материалы / Е.М. Пещерева ; Отв. ред. Н.Н. Ершов. Ин-т истории им. А. Дониша. Душанбе : Дониш, 1976.
21. Синицына Л. Звезды светят всем- Душанбе: Ирфон, 1966.

Набичон Рахимов
Худжанд

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ КЕРАМИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА: ИССЛЕДОВАНИЯ Е.М.ПЕЩЕРЕВОЙ

В статье представлен краткий обзор научной деятельности известного советского этнографа Е.М.Пещеревой. Автор высоко оценивает вклад ученой в становление и развитие исторической науки в Таджикистане. Отмечается, что приоритетным направлением исследований Е.М.Пещеревой было изучение истории ремесла, особенно гончарного производства. Итогом многолетних исследований Е.М.Пещеревой по гончарному ремеслу стала книга «Гончарное производство Средней Азии».

В книге представлен богатый и ценный материал по гончарному производству. Е.М.Пещерева описывает весь процесс работы гончара от поиска глины до сушки и обжига сосудов. В статье указывается, что в книге богато представлена терминология гончарного производства. Предлагается практическое использование материалов Е.М.Пещеревой. Это исследование стало настольной книгой для археологов Средней Азии.

РОҶЕЪ БА ТАЪРИХИ ОМУЪЗИШИ КУЛОЛГАРӢ: ТАҲҚИҚОТИ Е.М.ПЕЩЕРОВА

Дар мақола шарҳи мухтасари фаъолияти илмии мардумшиноси маъруфи шӯравӣ Е.М.Пещерева оварда шудааст. Муаллиф ба сахми Пещерева Е.М. дар ташаккул ва инкишофи илми таърих дар Тоҷикистон баҳои баланд додааст. Қайд карда мешавад, ки самти афзалиятноки тадқиқоти Е.М.Пещерева омузиши таърихи ҳунар, бахусус кулолгарӣ буд. Натиҷаи тадқиқоти чандинсолаи Е.М.Пещерева оид ба кулолгарии сиёи Миёна дар китоби «Истеҳсоли кулолгарӣ дар Осиёи Миёна» инъикос шуд.

Дар китоб доир ба истеҳсоли кулолгарӣ маводи бой ва пурқимат гирд оварда шудаанд. Е.М.Пещерева тамоми раванди кори кулолгарро оғоз аз ҷустуҷӯи гил то хушккунӣ ва пазондани зарфҳо тасвир мекунад. Дар мақола гуфта мешавад, ки истилоҳоти истеҳсоли кулолӣ дар китоб хеле фаровон оварда шудааст. Истифодаи амалии маводи Е.М.Пещерева пешниҳод шудааст. Ин тадқиқот барои бостоншиносони Осиёи Миёна китоби маълумотнома гардид.

TO THE HISTORY OF THE CERAMIC PRODUCTION STUDY : RESEARCH OF E.M. PESHEREVA

The article presents a brief overview of the scientific activities of the famous Soviet ethnographer E.M. Peschereva. The author highly appreciates her contribution to the

formation and development of historical science in Tajikistan. It is noted that the priority research direction of E.M.Peshchereva was the study of the history of the craft, especially pottery. The result of many years of research on pottery by E.M. Peshchereva was the book "Pottery production in Central Asia".

The book contains rich and valuable material on pottery production. E.M. Peshchereva describes the entire process of the potter's work from the search for clay to drying and firing vessels. The terminology of pottery production is richly presented in the book. The practical use of the materials of E.M.Peshchereva is proposed. This study has become a reference book for archaeologists of Central Asia.

История гончарного дела уходит вглубь веков. Это одно из самых древних видов занятий древнего человека. Принято считать, что человек начал изготавливать изделия из глины в неолите. Новые археологические открытия позволяют пересмотреть эту дату: после находки глиняных изделий в Хорватии, возраст которых 17-18 тыс. лет, история начала использования глины и изготовления глиняных изделий значительно удревнилась. Но, при этом, время изготовления посуды из глины и её использование по-прежнему остаются признаками неолита.

Гончарные изделия широко использовались во все исторические периоды. Именно поэтому, керамика – самая распространённая и многочисленная категория находок во время раскопок археологических памятников. И, хотя, большую её часть составляют большие, средние или маленькие фрагменты изделий, для археологов керамика является очень информативной находкой, позволяющей датировать культурный слой и сам памятник, а также решить многие сложные вопросы истории и культуры оставивших глиняные изделия этнических групп [5, 328; 8; 9,462; 10;12,23]. Часто, решение этих вопросов лежат в плоскости этнографии, в силу чего исследования этнографов и археологов дополняют друг друга. Одним из важных направлений в этнографии Центральной Азии было и остается изучение традиционного ремесла. Многие среднеазиатские этнографы обращались к изучению тех или иных аспектов проблемы. В их число входит этнограф Елена Михайловна Пещерева. Как видно по публикациям, Е.М.Пещерева преимущественное внимание уделила тем видам народного художественного творчества, которые неразрывно связаны с материальной культурой и обладают не только эстетическими, но и утилитарно-бытовыми свойствами (гончарное мастерство, художественная обработка металла и дерева, ткачество, вышивка и т.п.). Центральное место в этом круге занимало гончарное производство. На протяжении многих лет Е.М.Пещерева занималась изучением этого ремесла. Результатом исследований стала публикация монографии «Гончарное производство Средней Азии» (М., 1959 г.), которая стала настольной книгой для всех археологов Центральной Азии, в той или иной мере находящих и изучающих керамику и гончарные изделия.

Среди выдающихся этнографов особое место занимает Е.М.Пещерева (13.05.1897-22.01.1985). Елена Михайловна Пещерева относится к первому

поколению этнографов-таджиковедов и внесла огромный вклад в развитие этнографической науки в Средней Азии и Таджикистане. Несмотря на это, до сих пор нет полных и объективных сведений о её более чем 60-летней научной деятельности. В коротких библиографических очерках Б.В.Лунина и С.Д.Милибанд и энциклопедических статьях представлены общего характера биографические данные [6;11, 23; 21, 433; 22, 531-532].

Биографы Е.М.Пещерева сообщают, что интерес к изучению жизни и быта народов Средней Азии проявился у будущего учёного в юные годы – она родилась в Петроалександровске (совр. г. Турткуль, Каракалпакстан) и провела юность в Ташкенте. Этот интерес привел Елену Михайловну в Среднеазиатский университет (САГУ), на этнолого-лингвистическое отделение, где она занялась изучением иранских языков. Е.М.Пещерева одновременно с учёбой работала в канцелярии Туркестанского восточного института. Наставниками Е.М.Пещеревой были корифеи этнографической науки А.Э.Шмидт, А.А.Семёнов, К.К.Юдахин, И.И.Зарубин, Н.Г.Маллицкий и др. Особую роль в студенческие годы Е.М.Пещеревой и в дальнейшей её жизни сыграл будущий член-корр.АН СССР М.С.Андреев, заведующий кафедрой этнографии, читавший курс лекции по этнографии таджиков и таджикскому языку. Со студенческой скамьи Е.М.Пещерева принимала участие в экспедициях М.С.Андреева и была его помощницей.

Первый опыт этнографической работы Е.М.Пещерева получила в 1921 году, когда она, будучи ещё студенткой, была приглашена на должность научного сотрудника Комиссии по изучению коренного населения Туркестана при Совете Народных комиссаров Туркестанской АССР [11, 23]. Тогда, в июне 1921 г. Комиссия, которую возглавлял В.В.Бартольд, организовала под руководством М.С.Андреева, этнографическую экспедицию в Самаркандскую область для сбора материалов для создания этнографической карты Туркестана [1, 121-140]. Полевая работа по сбору данных очень увлекла Е.М.Пещереву, тогда же проявились её исследовательские склонности и способность к научной работе. Материалы, собранные Е.М.Пещеревой стали её вкладом в отчёты Комиссии по изучению быта коренного населения Туркестана [7].

По окончании этнолого-лингвистического отделения САГУ в 1924 году начала работать, сначала младшим научным сотрудником, затем старшим научным сотрудником и заведующей отделом Главного Среднеазиатского музея в Ташкенте. Полевые работы и их результаты, начиная с 1921 года, стали для Е.М.Пещеревой главным источником для этнографических исследований. В 1924-1927 гг. Е.М.Пещерева в составе экспедиции под руководством М.С.Андреева посещает верховья Зарафшана – Фальгар, Матчу, Ягноб, далее – Гиссар и Каратегин, Вахиё, Вандж, Язгулем, Хорог и Ош. Каждая поездка завершалась сбором большого объёма бесценного этнографического материала. В 1927 году Е.М.Пещерева стала участницей этнографической экспедиции в Ягноб. Е.М.Пещерева, вместе с М.С.Андреевым собрала очень богатый материал по ягнобскому языку [2, 162-171; 3]. Материалы Е.М.Пещеревой были опубликованы совместно с М.С.Андреевым в

отдельной совместной монографии [4, 390]. Следует отметить, что в экспедициях по горным регионам Таджикистана полевая работа Е.М.Пещеревой не ограничивалась сбором материалов по лингвистике, члены экспедиции собирали материалы по фольклору, фиксировали реликтовые обычаи и традиции, по истории народного хозяйства, в частности ремесленного производства.

В 1929 году Е.М.Пещерева начала и преподавательскую деятельность: сначала старшим преподавателем персидского и таджикского языков и курса по этнографии оседлого населения Средней Азии в Ленинградском государственном университете (1929-1930 гг.) и Ленинградском институте истории, философии и лингвистики (до 1937 года), затем работала старшим преподавателем ЛГУ (1937-1942 гг.) [11, 23]. С 1942 года и вплоть до ухода на пенсию в 1966 году Е.М.Пещерева занимала должность старшего научного сотрудника Института этнографии АН СССР им. Миклухо Маклая

Несмотря на работу и проживание в Ленинграде, Е.М.Пещерева была тесно связана с Таджикистаном, её часто приглашали для полевых работ и написания статей по этнографии таджиков: так, в 1939-1940 гг. историко-лингвистический сектор Таджикостанской (позднее Таджикской базы АН СССР (Сталинабад) совместно с Институтом этнографии АН СССР организовал составление монографии «Таджики» в которой, в качестве приглашенного автора принимала участие и Е.М.Пещерева. Ею была написана глава «Напитки и наркотики таджиков» (в силу известных причин, подготовленная книга не была опубликована). А в 1940 году историко-лингвистический сектор Таджикской Базы АН СССР командировал этнографа Е.М.Пещерева в Каратаг (Кариия таг) для сбора материалов по ремеслу.

В 1945 году Институт истории, языка и литературы ТФАН СССР организовал поездку Е.М.Пещеревой в селение Сари Шухон для сбора материалов по женскому гончарному делу. Позднее, в 1947 она по приглашению ИИЯЛ ТФАН СССР выехала на полевые работы в Ховалинг, а затем Е.М.Пещерева провела полевой сезон в Пенджикенте, участвуя в составе Согдийско-таджикской археологической экспедиции (СТАЭ, с 1953 г. – ТАЭ), работавшей под руководством известного востоковеда А.Ю.Якубовского. Итогом исследований по истории женского гончарного дела стала подготовка и защита кандидатской диссертации («Женское гончарное производство Средней Азии», 1947 г.). Это ещё больше закрепило за Е.М.Пещеревой славу крупнейшего специалиста по истории гончарного дела в Центральной Азии. Поэтому в 1948 году её пригласили занять должность старшего научного сотрудника в Таджикском филиале АН СССР. Е.М.Пещерева в составе Кулябской этнографической экспедиции участвовала в сплошном этнографическом исследовании южных районов Таджикистана. Так, в горном селении Амроу был изучен центр производства очень своеобразной и высокохудожественной женской керамики и собрана большая коллекция изделий [23, 30]. Дополнительный материал позволил Е.М.Пещеревой завершить большую работу по истории керамики и гончарства – в 1960 году она успешно защитила докторскую диссертацию на тему «Гончарное производство Средней Азии».

Когда возникает вопрос о вкладе советских учёных в становление и развитие этнографической науки в Таджикистане, невозможно не отметить вклад Е.М.Пещеревой. Кроме научных исследований, Е.М.Пещерева оказывала всестороннюю помощь этнографам Таджикистана, в том числе в подготовке молодых кадров. В 1945 г., когда для работы в ИИЯЛИ был выделен штат для этнографа, Е.М.Пещерева вместе с М.С.Андреевым рекомендовала на это место молодого этнографа, специалиста-тюрколога Бэлыхис Халиловну Кармышеву. Но и после этого, Е.М.Пещерева постоянно опекала Б.Х.Кармышеву, помогая ей советами, практическими делами.. Об этом хорошо помнила и Б.Х. Кармышева, написавшая в письме к Н.О.Турсунову: «Я считаю себя счастливейшим человеком и благодарна судьбе за то, что встретились мне на жизненном пути такие удивительные люди как Е.М.Пещерева, О.А.Сухарева, А.К.Писарчик, А.А.Семёнов, В.Г.Машкова. Все они «старые туркестанцы» - это люди особого склада» [13, 100]. Говоря о подготовке кадров, следует отметить, что под научным руководством Е.М.Кармышевой подготовили и защитили диссертации известные таджикские этнографы Хамиджанова М.А. («Материальная культура матчинсцев до и после переселения на вновь орошенные земли». 1966 г.) и Юсуфбекова З.Ю. («Семья и семейный быт шугнанцев (конец XIX-начало XX вв.», 1987 г.).

Диапазон научных интересов Е.М.Пещеревой был очень широким, но все же она отдавала предпочтение гончарному делу. Керамика как объект исследования привлекла внимание Е.М.Пещеревой еще в самом начале её научной деятельности. Ещё в 1924 году, в нескольких селениях Каратегина, Рамита, Ягноба Е.М.Пещерева собрала интересный полевой материал о примитивном гончарстве, находящемся в женских руках. В период полевых работ в составе этнографической экспедиции Е.М.Пещерева вместе с М.С.Андреевым собрала богатый материал по керамике мастеров-гончаров Ферганской долины. Особая коллекция была собрана летом 1925 г. в Уратюбе, материал включал также сведения о мастерах гончарного производства, сведения о цеховых организациях и специализации мастеров. В 1927 году Е.М.Пещерева записала полный процесс производства гончарной посуды и связанные с ним обряды. Особенно интересными оказались материалы по ранней форме гончарства – женское ручное гончарное производство. Как показали наблюдения Е.М.Пещеревой, в горных районах Таджикистана женщины изготавливали гончарную посуду без использования гончарного круга. Публикация исследования стала первой научной работой Е.М.Пещеревой по истории гончарного производства Средней Азии [14]. В последующем, изучение истории гончарного производства оставалась для Е.М.Пещеревой приоритетной во всех сезонах полевой работы. Для изучения гончарного производства Е.М.Пещерева собрала огромный этнографический и исторический материал, впервые собранный и мобилизованный автором для раскрытия особенностей гончарного производства Средней Азии. В 20-х годах XX столетия Е.М.Пещерева жила в Ташкенте и собирала опросный материал по истории и состоянию гончарного производства. Материалы для исследования

собирались Е.М.Пещеревой на протяжении более 30 лет. Она работала в Кухистане, в селах Ягноба, в Каратегине и Дарвазе, Варзобе, Каратаге и Рамите

Весь собранный лично Е.М.Пещеревой полевой материал лёг в основу научных статей, стал темой выступлений и докладов на конференциях и симпозиумах [15, 331-339; 16, 34-39; 17, 37-39; 19, 39-46; 20, 12], кандидатской и докторской диссертаций и двухтомного исследования по гончарному производству в Средней Азии [18, 398].

Книга «Гончарное производство Средней Азии» Е.М.Пещеревой [18, 398] является настольной книгой для археологов Средней Азии и широко используется при работе с найденными фрагментами керамики и их камеральной обработке. Практическое значение книги Е.М.Пещеревой заключается в том, что её материалы оказывают помощь при осмыслении археологических материалов раскопок, помогают найти решение при изучении форм и орнаментов сосудов, а также их бытового назначения, помогают пролить свет на историю религиозных взглядов и осмыслить идеологические представления, связанные с культовыми сосудами.

Исследование Е.М.Пещеровой «Гончарное производство Средней Азии» состоит из 2-х частей: первая часть называется «Женское гончарное производство», вторая – «Городское гончарное производство». Таким образом, отдельно рассмотрены ручное, женское производство, сохранившееся в отдалённых горных районах и мужское, станковое, организованное в городах. Несмотря на выделение двух видов, в целом, работа представляет собой логически единое и завершённое исследование. Е.М.Пещерева, на основе большого объёма материала наблюдений, расспросных сведений Е.М.Пещерева и изучение письменных источников раскрывает историю гончарного промысла в Средней Азии, рабочий процесс, выделяет типы изделий, описывает формы сосудов, изучает технику изготовления разных, изделий исследует пути развития гончарства.

В первой части рассмотрены ареал распространения женского гончарного производства и условия его бытования. Е.М.Пещерева отмечает, что одним из важных условий для развития гончарного производства является наличие вблизи селения хорошей, пригодной для изготовления изделий гончарной глины, так как основным сырьём для лепной и гончарной керамики являются пластичные глины природного происхождения. Это установившаяся традиция подтверждается археологическими работами. Так, археолог П.Т.Самойлик провёл спектральный анализ теста найденных на городище Мугтепа фрагментов гончарных изделий, и путём сопоставления физико-химического состава глины, отобранных в разных местах вокруг Уратбе (совр.Истаравшан) и образцов керамики, выявил карьеры исходного материала гончаров.

При обзоре посуды местного населения Е.М.Пещерева указывает на разное значение изделий, изготовленных из разных видов сырья: из дерева, металла и глины. Соответственно, изделия из разных видов занимало разное положение в хозяйстве. Отношение к глине и глиняной посуде в Средней Азии было особенное. Считалось, что изделия создаются из того же сырья, что и человек.

Касательно медных изделий, этнографы отмечают, что в хозяйстве средних и бедных семей, в основном использовалась глиняная посуда, а изделия из меди берегли, содержали отдельно как богатство, как капитал. В случае острой необходимости, медная посуда направлялась в монетный двор для чеканки из меди новых монет. По этому поводу Е.М.Пещерева пишет следующее: «Медную посуду определили понятием «бисот» (арабск) под которым понимается все, чем человек владеет – его имущество, движимое и недвижимое, в отличие от «рӯзгор» (тадж)- домашняя утварь, а также «дегу тавок» (тадж), «чемичу қазон» (узб)- ложки – плошки, т.е все предметы домашней утвари, которые находятся в постоянном употреблении» [18, 49].

При анализе керамики, найденной при раскопках, для археолога важно не только определение формы сосуда, но и техники его изготовления. Е.М.Пещерева, посетившая многие районы гончарного производства, в отдельной главе рассматривает технику изготовления посуды. Здесь представлены последовательность этапов изготовления посуды и технические приёмы долины Хуфа, Каратегина, Дарваза и др. регионов.

Е.М.Пещерева рассматривает все основные вопросы, связанные с гончарным производством от изобретения гончарства до особенностей и технических приёмов, используемых современными этнографу (середина XX в.) гончарами. Обращает внимание на глину, как основное исходное сырьё, даёт описание состава глиняной массы (теста) с выделением примесей (органических и неорганических), описывает различные способы формовки гончарных изделий. Для археологов важной информацией является и то, что Е.М.Пещерева обращает внимание на формы сосудов и его элементов, на орнаментацию и технику нанесения орнамента, заглаживание и лощение.

Во второй части исследования Е.М.Пещерева рассматривает отдельные центры городского гончарного производства (Каратаг, Ташкент, Гиждуван, Риштан, Самарканд, Пенджикент и др.), в которых ею был собран материал. Интересен материал о мастерских гончаров и цеховых организациях. Ценными являются материалы по инструментам гончаров, используемых в процессе гончарного производства.

В книге представлен большой объём фольклорного материала, связанного с гончарным промыслом. Так, согласно Е.М.Пещеревой, в некоторых областях Средней Азии, где гончарное дело представляет сугубо женское занятие, считается, что горшечница обладает сверхъестественными способностями, потому что она обрабатывает «живую глину» — землю. Горшечница может вступить в брак только с кузнецом, изготавливающим при помощи огня орудия, культовые предметы, магические снадобья. Часто горшечница и кузнец выступают в роли жрицы и жреца во время обрядов, призванных обеспечить плодородие земли.

Очень много сделано Е.М.Пещеревой для сохранения традиций гончарного ремесла Средней Азии. К началу работы Е.М.Пещеревой традиционное ремесло, в том числе и гончарное, продолжало сохранять свои позиции. Но, в течении XX века

произошли большие изменения. Её этнографические исследования стали хранилищем бесценной информации, зафиксированной во времени. За сто лет со времени её сборов, ушли из жизни не одно поколение мастеров, менялись среда, потребности и др. Но в работах Е.М.Пещеровой вся богатая информация сохранена. Например, мы сейчас знаем имена многих ризганских гончаров первой половины XX века, в совершенстве владевших тайнами глазури и талантом кистевой росписи, благодаря тому, что эта информация была зафиксирована Е.М.Пещеровой и другими учёными.

Не обошла вниманием Е.М.Пещерева и вопрос о ремесленных организациях гончаров Средней Азии. Она отмечает очень чёткую организацию гончарного производства. Интересно то, что занимались ремеслом часто члены одной семьи, иногда в помощники брались молодые ребята извне рода. Положение последнего было несколько иным. Структура объединения гончаров, называемых «касаба». Организация производства, подготовка (обучение) учеников, посвящение в мастера также хорошо описаны Е.М.Пещеровой [24, 88]. Определяющим было воспитание подмастерья в мастера в цехе гончаров на основе жизненных правил ремесленников (рисола).

Ещё одной ценной особенностью книги Е.М.Пещеровой является использование и воспроизведение всех названий и терминов, связанных с гончарным производством, на таджикском языке и местных диалектах. Здесь есть термины для всех этапов гончарного производства – выбор глины, составление формовочных масс и теста, формовка сосудов и название каждого вида изделий, орнаментация и виды орнамента, сушка и обжиг продукции, гончарный круг, использование керамической посуды и связанные с гончарством обряды, традиции и мифология. Приведённый в книге материал служит не только подтверждением богатства таджикского языка по ремесленному производству, но и может быть использован на практике. В настоящее время современные таджикские археологи в своих публикациях на таджикском языке используют разные варианты названий керамических изделий, что создаёт некоторую путаницу. На наш взгляд, использование опыта Е.М.Пещеровой позволит создать единый словарный фонд археологических названий видов керамики и всего процесса гончарного производства. Для практического использования можно подготовить словарь терминов, приведённых в книге Е.М.Пещеровой «Гончарное производство Средней Азии».

Книга Пещеровой – значительный вклад в историческую науку. По своей методологии, методике исследования, широте охвата проблемы и глубине исторического обоснования выводов книга не имеет себе равных. Хотя книга Е.М.Пещеровой «Гончарное производство Средней Азии» было издано более полувека, работа не потеряла своё значение. И, думается, ещё не одно поколение исследователей в будущем будет обращаться к этой и другим работам Е.М.Пещеровой по истории гончарного производства и, в целом, по этнографии Центральной Азии.

Литература:

1. Андреев М.С. Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандскую область в 1921 году//Известия Туркестанского отделения Русского Географического общества. – Т.XVII. Ташкент, 1924. – С.121-140.

2. Андреев М.С. Экспедиция в Ягноб 1927 г. под руководством М.С.Андреева // Бюллетень САГУ. - № 17. – Ташкент, 1928. – С.162-171;
3. Андреев М.С. Материалы по этнографии Ягноба (Записи 1927-1928 гг.). – Душанбе, 1970.
4. Андреев М.С., Пещерева Е.М. Ягнобские тексты с приложением Ягнобско-русского словаря, составленного М.С.Андреевым, В.А.Лившицем и А.К.Писарчик. Л., 1957
5. Глушков И.Г. Керамика как исторический источник. – Новосибирск, 1996.
6. Е.М.Пещерева//Этнография. М.1927. № 2.
7. Зарубин И.И. Население Самаркандской области. Его численность, этнографический состав и территориальное распределение //Труды Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. 10. Л., 1926.
8. Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А. Анализ археологического источника. - М., 1975
9. Керамика как исторический источник. Материалы конференции. – Томск, 1996. –
10. Клейн Л.С. Археологические источники. - Л., 1978.
11. Лунин Б.В. Биобиблиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана. – Ч.2. – Ташкент, 1977.
12. Мыльникова Л.Н. Керамика как археологический источник. УМК. – Новосибирск, 2018.
13. Назирджон Турсунов в мыслях наставников, друзей, учеников и почитателей. – Худжанд: Ношир, 2022.
14. Пещерева Е.М. Гончарное производство у горных таджиков//Известия Среднеазиатского географического общества. – Т.ХІХ. – Ташкент, 1929.
15. Пещерева Е.М. Гончарное производство Каратага //Тр. Второго Всесоюзного географического съезда. - Т.ІІІ. М., 1949. С.331-339;
16. Пещерева Е.М. Из истории цеховых организаций в Средней Азии//КСИЭ, 4. М., 1949. С. 34-39.
17. Пещерева Е.М. Цех гончаров у народов Средней Азии в конце ХІХ –начале ХХ вв.// КСИЭ. Т. ХХVІ. М., 1957. С.37-39;
18. Пещерева Е.М. Гончарное производство Средней Азии. М.-Л., 1959.
19. Пещерева Е.М. О ремесленных организациях Средней Азии в конце ХІХ-начале ХХ вв. //КСИЭ. Т. ХХХІІІ. М., 1960. С.39-46;
20. Пещерева Е.М. Ремесленные организации Средней Азии в конце ХІХ-начале ХХ вв. // ХV Международный конгресс востоковедов. М., 1960.
21. Пещерева Елена Михайловна//Милицанд С.Д. Биобиблиографический словарь советских востоковедов. М,1975.
22. Пещерева Елена Михайловна//Узбекская Советская энциклопедия. Т.8. Ташкент, 1976. С.531-532.
23. Писарчик А.К. Этнографическая наука в Таджикистане (1920-1990 гг.). – Душанбе, 2002.
24. Сафаралиев Б.С. Ремесленные цеха в структуре социально- культурной жизни таджиков //Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2011.№1. С.16-21.

ПРАЗДНИК ВЕСЕННЕГО РАВНОДЕНСТВИЯ В БАДАХШАНЕ

В статье дается описание обычаев Навруза, того как этот праздник отмечали в первой половине и середине XX века Бадахшане, в Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) в Таджикистане, а также в конце XX века в ряде районов провинции Бадахшан Афганистана, в частности в долине Санглич.

Материалы, анализируемые в данной статье, собраны и сохранены в культуре усилиями плеяды выдающихся этнографов и лингвистов, специалистов по этнолингвистике и иранистов широкого профиля, которые без усталы вели полевые исследования, описывали и анализировали этнолингвистические и др. данные этого региона.

САҲМИ МУТАХАССИСОНИ ШУРАВӢ ОИД БА СОҲАИ ЭТНОГРАФИЯ ВА ЗАБОНШИНОСӢ ДАР ТОҶИКИСТОН: ЧАШНИ НАВРӢЗ ДАР БАДАХШОН

Дар мақола расму оинҳои Наврӯз, ки ин ҷашн дар нимаи аввал ва миёнаҳои қарни XX дар Бадахшон - Вилояти Мухтори Кӯҳистони Бадахшон (ВМКБ) ва ҳамзамон дар дигар минтақаҳои Тоҷикистон ва як қатор ноҳияҳои вилояти Бадахшони Афғонистон, аз ҷумла дар водии Санглич ҷӣ гуна таҷлил шуда буд, баён шудааст.

Маводҳои дар ин мақола мавриди таҳлил қарордошта бо заҳмати горуҳи мардумшиносону забоншиносони барҷастаи соҳаи этнолингвистика ва эроншиносӣ, ки пайваста пажӯҳишҳои саҳроӣ анҷом дода, маълумотҳои этнологӣ ва дигар маълумотҳои ин минтақаро тавсиф ва таҷлил намудаанд, ҷамъоварӣ ва дар фарҳанг хифз шудаанд.

THE CONTRIBUTION OF SOVIET ETHNOGRAPHERS AND LINGUISTS TO THE DEVELOPMENT OF ETHNOGRAPHY IN TAJIKISTAN: FESTIVAL OF THE SPRING EQUINOX NAWRUZ IN BADAKHSHAN

The article describes the customs of Nowruz as it was celebrated in the first half and the middle of the 20th century in Badakhshan, in the Mountainous Badakhshan Autonomous Region (GBAO) in Tajikistan, and also at the end of the 20th century in a number of regions of the Badakhshan province of Afghanistan, in particular in Sanglich valley.

The analysed data have been collected and documented by the group of remarkable ethnographers and linguists, specialising in ethno linguistics and Iranian Studies in general, who diligently conducted field research, described and analysed ethno linguistic and other data of this region.

Статья посвящена памяти И. И. Зарубина, А. З. Розенфельд, Р. Х. Додыхудоева, И. М. Мухиддинова, Д. Карамшоева, А. Л. Грюнберга, И. М. Стеблин-

Каменского и многих других, прошедших школу Санкт-Петербургского/Ленинградского университета и институтов АН СССР.

Еще в начале XX века благодаря деятельности И.И. Зарубина было сформировано новое комплексное научное направление, представители которого занимались сбором и обработкой этнографических и лингвистических материалов народов, проживающих на территории Таджикистана и Афганистана, в частности Бадахшана. Результатом работы И.И. Зарубина и его учеников, трудами которых было положено начало собраниям рукописей и рукотворных предметов для научных музеев и фондов Санкт-Петербурга/Ленинграда, явились музейные коллекции и фонды, описания редких иранских народов, которые на то время были практически неизвестны научной общественности, и их языков, а также публикации уникальных текстов, которые стали уникальными документами, отразившими культуру и традиции этих народов того периода.

Многие иранисты XX века, изучавшие живые иранские языки, являются учениками И.И. Зарубина или учениками его учеников. Как отмечают ученые, «Зарубин проявил себя не только как исследователь, но и как администратор, непосредственно принимавший участие в управлении Памирским районом. Был Зарубин также и участником переписей населения в Средней Азии, которые оказали большое влияние на процесс становления наций в современных центральноазиатских республиках. Особое внимание автор обращает на два аспекта деятельности Зарубина. Первый связан с обособлением памирских народов и процессами конструирования национальных идентичностей на Памире» [16, 141; 11; 12].

В настоящей статье мы коснемся только одного фрагмента традиционной культуры, описания обычаев Навруза, того как этот праздник отмечали в XX века в Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) в Таджикистане и ряде районов провинции Бадахшан Афганистана, в частности в долине Санглич.

Праздничные обычаи Нового года – Навруза – приведены в том виде, в каком он представлен в работах исследователей того времени. Как отмечает А.З. Розенфельд, «знаменательно, что празднование Навруза – древнего народного праздника таджиков и других иранских народов – к концу 1980-х гг. мало где сохранилось в Таджикистане, однако в Бадахшане у припамирских таджиков, на Вандже и в кишлаке Ёгид Калайхумбского района (Дарваз) этот праздник отмечали неизменно [14, 269]. В ее и других российских исследователей трудах отмечено, что наступление Навруза, который носил разные названия и отмечался в разное время, определяют по заранее установленным на основе окружающего местные рельефа меткам религиозные руководители общины – *халифа́* или *мур*. По преданию, начало такому календарному вычислению положил мыслитель XI века, руководитель общины исмаилитов Западного Памира, Насир Хусрав. К концу предшествующего Новому году месяца халифа начинал отслеживать время и место восхода и захода солнца и определял момент, когда заканчивался месяц Хут и наступал месяц (Х)амаль – День Равноденствия, момент вхождения солнца в созвездие Овна [1, 152; 20, 176]. Во многих селениях для этого существовал специальный знак – камень,

указывающий на начало месяца Амаль, известный как тадж. *хамал*, ш. *амал*; см. об этом в рассказе на ваханском языке [3, 233–236].

Праздник, в настоящее время известный как Навруз, раньше назывался по-разному. В персидском и таджикском языках он известен как *jašni buzūrg*, шугнанское *Xidīr ayīm* «Великий праздник». Ряд названий этого праздника в Бадахшане у таджикоязычного населения упоминает А.З. Розенфельд: *aydi b(a)or*, местная диалектная форма таджикского *иди баҳор* ‘праздник весны’, или *шогуни бор* ‘весенний шогун’, а также *кулбабарорӣ* (от тадж. диал. *кулба* ‘пахота’, так как в эти дни начинается пахота) [13, 115]. В Афганистане Навруз носит еще название «День крестьянина» (*Руз-е деҳқāн*) или по одному из обычаев, связанному с возрождением к жизни – «День посадки саженцев» (*Руз-е ниҳāлнишиāни*).

Сегодня Навруз широко называют по всему Бадахшану – Шогун. Это название отражено в поздравительном приветствии *Šoguni nav tuborak, Šhoguni b(a)or tuborak* ‘Да будет благословен новый Шогун, да будет благословен весенний Шогун!’. Это название этого праздника широко употреблялось в таджикоязычных районах Бадахшана, а также в Ишкашуме и Вахане [10; 3, 232–236]. Так же именуется этот праздник и в афганском Вахане, Ишкашуме и Сангличе: Весенний шогун (*šogūn-i buor*) [20, 175–176].

В таджикской части Бадахшана до настоящего времени сохранился обычай заготавливать особым образом обструганные зеленые веточки (тадж. бад. *гимча*), которые вносили в дом, сохраняя под потолком до следующей весны [13, 115].

В Вахане были зафиксированы слова следующей новогодней благопожелательной молитвы, произносимой по-таджикски: *fatā-yi kor, fatā-yi ruzgor, tuborakā-yi šogun-i bahor!*... ‘Мы благословляем (нашу) работу, благословляем (нашу) жизнь, (желаем вам) благословения/счастья весеннего шогуна! ...’, и новогоднее поздравление хозяевам дома *Los, los, šogun-i bahor tuborak bod!* ‘Лось, лось, да благословит весенний шогун!’ [3, 232–236]. Ср. сходные выражения на языке дари, принятые в долине Санглич [20, 177].

Таджикоязычное население Бадахшана использует термин *шогуни* также для обозначения новогоднего ритуального хлеба, который выпекается особым образом – *кумоч-и шогуни*; кроме того, он использовался для обозначения деятельности по украшению внутренних покоев дома разного рода орнаментами, что считалось «добрым предзнаменованием» – *шогун* [13, 115], то же обозначение применялось при нанесении щепотки муки на плечо членов семьи и гостей, ср. тадж. *шугун* ‘доброе предзнаменование’ [18].

В Гороне, Ишкашуме и Вахане имена Шогун(бек), Шогунӣ дают мальчикам, родившимся в праздничный период, которые, по поверью, несут благословение семье.

В Шугнани и Рушани праздник, в настоящее время известный как Навруз, раньше назывался «Бат айом», то есть «Дни бата» (от ш. *bāt* ‘праздничное блюдо из муки’ и заимствованного из арабского через таджикско-персидский *ayīm* ‘дни’). К

таджикскому «Великий праздник» (*jašni buzūrg*) восходит и шугнанское «Хидир айом», букв. «Великое время» (ш. *xidīr ayūm*).

По записям И.И. Зарубина в Рушане и Бартанге, ГБАО, празднование Нового года или *Bāt ayōm* начиналось 22 февраля; праздник длился три дня, каждый день имел свое особое название. Первый день назывался *xōna-safēd*, букв. ‘побелка дома’, второй день был посвящен приготовлению праздничного кушанья бат (*bāt-δēd*, from *δād-* : *δūd* ‘бить’), а название третьего дня отражало взаимные визиты *salōm-salōm* ‘приветствия друг другу’. В Рушане, где не было извести, и хозяевам приходилось отправляться на ее поиски, этот обряд назывался «кража извести» (*sit-cift*, *sit* ‘земля’, *cift* ‘кража’). После приведения дома в порядок и его побелки совершали праздничный обряд *kilō yūz-yūz* (*kilō* ‘тыква’, *yūz* ‘орех’), когда кто-то из молодежи поднимался на крышу дома и через светодымовое отверстие (*rūz*) спускал на веревке вниз тыкву, раскачивая ее и распевая ритуальные стихи; ее наполняли орехами или чем-то съестным [6 № 274: 56–57; № 274: 54–55]. В этой связи можно упомянуть и осетинский свадебный обычай: во время свадьбы молодежь опускала длинный шест с крестообразным концом (*фарныхъил*), через светодымовое отверстие (*ердо/сæйраг*) в крыше дома. Юноши крутили шест до тех пор, пока на его конец не насаживали кушанья с праздничного стола. В этой забаве переданы представления древних иранцев о ритуальном назначении данных кушаний [17]. Ср. отмеченный и у таджикоязычного населения Бадахшана обычай, когда в начале праздника мальчики ходили по домам и забрасывали через отверстие в крыше ведро на веревке, распевая песни, а хозяйка складывала туда угощение для детей. В этот праздничный период ученики обходили дома селения с цветами и, распевая песни, собирали милостыню для себя и учителя. В своих песнях они славил приход весны [13, 115; 14, 269].

На второй день праздника торжественно готовили ритуальные новогодние блюда: род пшеничной каши (*bāt*) и кашеобразную похлебку из толченых зерен пшеницы (*bāj*), которую готовили всю ночь. Когда ритуальное угощение было готово, накладывалось запрещение (*pečerumj*) на вход и выход из дома, и всем запрещалось входить и выходить из жилища. Третий день праздника был посвящен посещению родных, процессии, жители селений, собравшись группами, навещали старших родственников, получая от них подарки и награждая дарами сами [6, № 274: 56–58].

Приготовление новогоднего кушанья было столь важно, что в Шугнанае, а также в соседних районах Рушане и Бартанге, новогодний праздник называли по имени ритуального блюда, которое готовилось в его честь. В 1943 году М.С. Андреев зафиксировал в Хуфской долине термин *Bāt ayōm* для обозначения Нового года. При одной из форм счета, который начинается с осеннего равноденствия, шестой месяц, приходящийся на весеннее равноденствие, называется *Nawruzinc* или *Bāt-myst* [1, 320, 169].

Неотъемлемой частью праздника было обильное застолье и торжественная трапеза. Варили *бат*, *кочи*, *бодж*, яйца, жарили яичницу, готовили хлеб и халву из *суманака*.

В Шугнанае главным блюдом был *bāt* ‘вид сладкой пшеничной каши из поджаренной муки с маслом’, а также *bātak* ‘пшеничная каша на молоке’. Тот же

термин отмечали И.И. Зарубин в рошорвском языке (1930), Т.Н. Пахалина в ишкашимском [10] и И.М. Стеблин-Каменский в ваханском [17]. Он также был документирован в сангличском и ормури Моргенштейне (PFL II, 1938). В мунджанском языке находим близкую разновидность блюда, обозначенную как *bātāk* ‘род каши или киселя из пшеничной муки’ [2].

Подробно о приготовлении этого блюда в Шугнана рассказывает Д. Карамшоев: «В наших местностях бат готовят так: в казан кладут одну миску масла, затем смешивают с ним одну миску муки, и все это жареный; мало-помалу туда наливают воду, (кладут) еще и соль; когда масло начинает отделяться (значит) оно готово» (*bāt-ta māš jōy-and ik-dis pīzēn: yi čīni rūyan kinēn ar dēk, wi-ti yi čīni yōj tēwēn, dad yu sitafct-at, dūs-dūs xac kinēn, namak mis, ik-u rūyan tō vaj dōd-at, pēxt bāsōb*) [8 1, 211].

То же название ритуального новогоднего угощения отмечено и в таджикоязычных районах Бадахшана. Так А.З. Розенфельд пишет: бад. тадж. *bat* ‘обрядовый пшеничный кисель с маслом’, а также *ширбат* – ‘вид сладкого мучного киселя из поджаренной муки с молоком и маслом’ [14], термин, заимствованный во все памирские языки.

Существуют и другие разновидности этого блюда из муки с добавлением различных ингредиентов, ш. *alwō-i šīr, alwōšīr*, хуф. *alwō-i šīr*; вах., бад. тадж. *alwošīr* ‘мучное киселеобразное блюдо с молоком’, вах. *tarbat* ‘вид пшеничного киселеобразного блюда с мясом’, бад. тадж., вах. *qalyabat* ‘вид пшеничного киселеобразного блюда со шкварками’, бад. тадж. *qalyabat ‘id’*, ср. вах. *zičbat* ‘бат из масла, собранного со всей деревни для приготовления коллективной ритуальной трапезы’ [17].

С раннего утра праздничного дня пекут праздничный хлеб из проросшего зерна (*саману*). Таджикоязычное население Бадахшана раньше называло такой новогодний ритуальный хлеб, который выпекается особым образом на поду – *қумоч-и шогунӣ*. Сейчас праздничный хлеб называют чаще *нони наврузӣ* или *нони саману* или просто *қумоч*, но пекут его так же из проросшего зерна (*саману*) по старому рецепту.

В Сангличе, как и во всем Бадахшане, с утра праздничного дня пекут праздничный хлеб из муки, приготовленной из проросшего зерна, а потом едят его с маслом [20, 176]. Ср. также тадж. бад. *суманакрууан* ‘солодовые лепешки с маслом’ [14].

Сегодня во время праздника Навруз в Бадахшане, как и во всем Таджикистане, из солода также готовится разновидность халвы, называемая в ш. *sumanak* ‘солод из проросших зерен пшеницы; род каши с добавлением муки из проросших зерен пшеницы, которую готовят во время Навруза’. См. тадж. *суманак/сумалак* ‘традиционное сладкое блюдо, сваренное из солода, проросшей пшеницы и муки; обычно готовят весной’ [18], а также в каратегинском диалекте таджикского *сумалак/самалак/суманак* ‘солод, солодовая похлебка’ [14].

В сангличском тексте «Семанак», данном ниже, приводится описание подготовки проросшей пшеницы и блюда из нее (*səmanak*) [20, 177].

Другие новогодние угощения в Бадахшане включают особый ритуальный хлеб (*qatōč*), приготовленный с добавлением солода и орехов: ш. *bāt-indi yūz-at xōč xēhēn*

xu dað pīzēn ‘на праздник Бата смешивают муку с орехами и пекут’ [8 3, 477]. Этот хлеб выпекают на углях в нижней части духовки, где он остается на ночь. См. в сангличском тексте «Семанак» ниже: *nawrūz qumōčt-məs nūvīn-ət... wa xēsta-yi nūvīn-ət rī-yi tāvə racān* ‘Новогодний хлеб тоже пекут [букв. ставят]. Тот хлеб ставят на поднос, пекут’ [20, 177].

В последний день проводится народное гуляние, жители селений все вместе приветствуют весну, проводя этот день на свежем воздухе с музыкой, танцами и играми. Обычно в каждом селе есть специально отведенное место для таких выездных гуляний (ш.-руш *sayl(gō)*), сангл. *sayr*), а сам процесс выездного пикника обычно называется *bōy-naχtīdow* ‘выход (на прогулку) в сад, на природу’.

Раньше женщины играли на местных бубнах-*даф* с крыш своих домов (ш. *ŷinikēn dišadēn ti dāf diyēn*) [5], а теперь они выходят в сады, места народных гуляний.

Мужчины собираются в установленном месте для праздничных игр и состязаний. Они проводят состязания по стрельбе по цели (сангл. *tīrzani*) и борьбе (ш. *qastīn*, сангл. *qastīngīri*), устраивали козлодрание (тадж. *бузкашӣ*, ш. *guj-tīzd*, сангл. *vəzkavək*), скачки (сангл. *pōyga-dawāni*).

Дети особенно любят праздники и всегда готовы к играм на свежем воздухе. В шугнанском тексте говорится о том, как они соревнуются в битье и катании яиц. Два игрока ударяют острыми концами яиц друг о друга. Счастливым год ожидает того, чье яйцо останется целым, поскольку считается, что бой яиц олицетворяет борьбу между добром и злом. Эти состязания продолжаются, пока не будут разбиты яйца всех участников игры. В шугнанском бой яиц известен как *tarmurx-déd* ‘бой яиц’, букв. ‘яичный бой’, в баджувском *tarmurx χicēfīz* ‘разбивание яиц’ [8 3, 275; 5]. В рушанском языке эта игра была зафиксирована И. И. Зарубиным в начале XX века под названием *taxmury-tardēnt* ‘яич битва’ (*tardēntōw* ‘подстрекать (к драке) (собак, петухов)’) [6 № 274: 56–58, № 337: 7], ср. таджикское *тухмбозӣ*.

Вот как описывает праздничные игры детей Р.Х. Додыхудоев в шугнанском описании праздника весеннего равноденствия Бат аём: *atā as fuk-aθ bēχ-dī ta tarmurx-déd wēdēn. ōdam yast idē ayūm mēθ sad tarmurx yēst* ‘А самое лучшее – это соревнование «бой на яйцах» (когда их бьют друг о друга или катают). Есть люди, которые в праздничный день выигрывают до ста яиц’ [5].

Помимо боя яиц, мальчики играют во всевозможные народные игры, в игру с мячом (ш. *giy-bēχt*), в различные игры с битой и мячом (*lāš-bēχt*); они также стреляют по мишеням (*nīχūna-dēdak*) и соревнуются в метании камней (*qīmb-dēdak*), а девочки играют с камешками (*kōl-bēχt*) или качаются на качелях.

Литература

1. Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Вып. I–II. Сталинабад, 1953; Душанбе, 1958.
2. Грюнберг А.Л. Языки Восточного Гиндукуша. Мунджанский язык (тексты, словарь, грамматический очерк). Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1972.

3. Грюнберг А.Л., Стеблин-Каменский И. М. Языки Восточного Гиндукуша. Ваханский язык (тексты, словарь, грамматический очерк). Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1976.

4. Додхудоева Л., Юсуфбекова З., Шовалиева М. Развитие этнографии Таджикистана в годы независимости (на примере Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан) // Историк/Муаррих. 2016. С. 49-53.

5. Додхудоев Р.Х. Вāt auṯm/Бат Аём. Праздник весеннего равноденствия // Dodykhudoev R. Kh. Xuṯnūni Alifbō [Букварь шугнанского языка для детей]. Рукопись. Душанбе, 1989. (на шугн. яз.)

6. Зарубин И.И. Архивные этнолингвистические материалы, собранные И.И. Зарубиным. Фонд И. И. Зарубина № 121. Архив Института восточных рукописей РАН. Санкт-Петербург.

7. Зарубин И.И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Барганга // Сборник Музея по антропологии и этнографии при Императорской Академии наук. Т. 5. Пг.: Типография

Императорской Академии наук, 1917. С. 97–148.

8. Карамшоев Д. Шугнанско-русский словарь. Т. I (1988), II (1991), III (1999). М.: Наука, Главная редакция восточной литературы.

9. Мадамиджанова З.М. Становление и развитие этнографической школы в Таджикистане // Историк/Муаррих. 2022. С. 143-155.

10. Пахалина Т.Н. Ишкашимский язык. Очерки фонетики и грамматики, текстов и словарей. Очерк фонетики и грамматики, текстов и лексики. Москва, 1959.

11. Расторгуева В.С. И.И. Зарубин — лингвист // Иранский сборник. К 75-летию профессора И.И. Зарубина. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. С. 3–16.

12. Рахимов Р.Р. Иван Иванович Зарубин (1887–1964) // Советская этнография. 1989. № 1. С. 111–121.

13. Розенфельд А.З. Материалы по этнографии и пережиткам древних верований таджикоязычного населения советского Бадахшана // Советская этнография. 1970, 3. С. 114–119.

14. Розенфельд А.З. Дарвазско-ванджский фольклор // Страны и народы Востока. Вып. 22. Средняя и Центральная Азия. География, этнография, история. Книга 2. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. С. 263–273.

15. Саркоров С.А. Этнолингвистическая характеристика рушанцев: по материалам архива И.И. Зарубина: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006.

16. Соболев В.Г. Роль И.И. Зарубина в процессах национального размежевания в Средней Азии в 1920-е годы // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2015. Вып. 2. С. 141-151.

17. Стеблин-Каменский И.М. Этимологический словарь ваханского языка. СПб., 1999.

18. Таджикско-русский словарь. Фарханги тоҷикӣ ба русӣ. Под ред. Д. Саймиддинова, С.Д. Холматовой, С. Каримова. Институт языка и литературы им. А. Рудаки. Изд. 2-е, доп. Душанбе, 2006.

19. Чибиров Л.А. Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвали, 1976.

20. Юсуфбеков Ш.П. Сангличский язык в синхронном и историческом освещении. Отв. ред. Д.И. Эдельман. Рец.: Л.Р. Додхудоева, С.П. Виноградова. М., 1999. С. 175–177.

АРХИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: «МАХАК» И «ПАСХАЛЬНАЯ ПАЛЬМА»: ОБ ОДНОМ ТАДЖИКСКО-ПОЛЬСКОМ ПАРАЛЛЕЛЬНОМ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ФЕНОМЕНЕ

Статья посвящена единому этнографическому феномену в двух его географически удаленных вариантах – таджикскому махаку и польской пасхальной пальме. Оба, связанные с сельскохозяйственными ритуалами, служат магическими предметами, которые позволяют крестьянину стимулировать наступающий вегетационный период и увеличивать будущие урожаи, чтобы обеспечить счастье и здоровье животных, а также членов семьи. Выводы, собранные в тексте, подтверждаются публикациями АК Писарчик, а также собственными авторскими исследованиями проблемы. Статья, однако, не исчерпывает проблему, она требует развития дискуссии о сравнительном исследовании данного вопроса в этнографии.

Ключевые слова: таджикская традиция, польская традиция, махак, пасхальная пальма, вегетационный период, стимуляция, ритуал

ТАДЖИКОТИ БОЙГОНИ "МАХАК" ВА "УАХЛИ ПИСХО. ДАР БОРАИ ЯК ПАДИДАИ ЭТНОГРАФИИ ПАРАЛЛЕЛИ ТОЧИКӢ ВА ПОЛЯКӢ

Мақола ба як падидаи этнографӣ дар ду варианти аз ҷиҳати ҷуғрофӣ дури он — маҳаки тоҷикӣ ва нахли писҳои полякӣ баҳшида шудааст. Ҳардуи марбут ба расму оинҳои кишоварзӣ ҳамчун ашёи ҷодугарӣ хидмат мекунад ва ба деҳқон имкон медиҳанд, ки мавсими парвариши дарпешистодаро ҳавасманд кунанд ва ҳосили ояндаро дар заминаи васеътар барои хушбахтӣ ва саломатии аъзоёни оила ва ҳайвонот таъмин кунанд. Хулосаҳои дар матн ҷамъбастишуда аз ҷониби тадқиқоти АК Писарчик тасдиқ карда мешаванд ва инчунин ҳуқуқи муаллифии худро ҳимоя мекунад. Аммо мақола масъаларо тамом накардааст, он таҳияи баҳсро оид ба омӯзиши муқоисавии ин масъала дар этнография талаб мекунад.

ARCHIVAL RESEARCH: "MAKHAK" AND "EASTER PALM": ABOUT THE TAJIK-POLISH PARALLEL ETHNOGRAPHIC PHENOMENON

The article is devoted to a single ethnographic phenomenon in its two geographically distant variants – the Tajik *mahak* and the Polish *Easter palm*. Both, being associated with agricultural rituals, serve as magical items that allow the peasant to stimulate the coming growing season and to increase future crops, in a broader context, to ensure the happiness and health of animals as well as household members. The conclusions gathered in the text are supported, *inter alia*, by Antonina Pisarchik's research, as well as the author's own. The article, however, does not exhaust the issue, on the contrary, it serves as a voice in the discussion on comparative research in ethnography.

i rwor tar mis śagənbənd góxən, rəčən, a-yá rwor řuřp kátən.

'За день до шогуна заготовливают прутья, в этот день варят шун'
[3:232, 234].

Nie ja biję, wierzba biję / Za tydzień wielki dzień / Za sześć noc Wielkanoc [19:82].

Не я бью, бьет ива; Через неделю будет великий день / Пасха через шесть ночей' [перевод – ММПК].

Эта статья не была бы написана, если бы не исследования предыдущих поколений этнографов - как в Таджикистане, так и в Польше. Собранные ими этнографические данные, часто уже исторические, дают представление о верованиях прошлых поколений. Поэтому трудно представить развитие современной науки без материалов, собранных, сохраненных, каталогизированных и предоставленных в архивах.

Среди различных архивных документов А.К. Писарчик (1907–1995), хранящимся на Кафедре иранистики Института востоковедения Ягеллонского университета в Кракове (Польша) мы находим два исследования: а) «К вопросу о припамирско-кавказских параллелях» (1980), и б) «Ива в новогодних и других весенних обрядах таджиков» (1989). Первая статья является обширным дополнением к исследованию памирских новогодних обрядов и их связи с традиционным земледелием, проведенного М.С. Андреевым (1873–1948). В ней А.К. Писарчик предлагает расширить аналитическую перспективу, включив в сравнительных целях параллельные феномены, наблюдаемые на Кавказе. Вторая статья – это продолжением ее статьи «О пережитках культа ивы у таджиков» (1987) с анализ и подробным описанием значением ивы в таджикской народной культуре.

Ни пятнадцатистраничная статья о памирско-кавказских параллелях, ни двадцатистраничная статья об иве и ее культурном значении не были бы созданы, если бы один из крупнейших исследователей среднеазиатского фольклора М.С. Андреев не оставил после себя богатого научного наследия в виде собственного архива.

Настоящая статья представляет собой комментарий к комментариям А.К. Писарчик, изданным в 1980 и 1989 годах.

Проблема, на которой я акцентирую внимание, это единое явление народной культуры в двух ее региональных разновидностях: а) таджикской и б) польской, для которых характерно функциональное сходство. Речь идет о «махак» и «пасхальной пальме». В своей работе я не исчерпываю всего вопроса, а наоборот указываю как много побочных сюжетов требуют доработки. Обозначенная мною проблема – еще одна тема, которая в будущем должна стать предметом изучения польских и таджикских этнографов.⁶

«Махак (*mahak*)», также известный как: а) «кажак (*każak*)», б)–г) «шогын (*şogən*)», «шогынбанд (*şogənbənd*)», «шогыншын (*şogəňşən*)» или д) «калклок (*kalklok*)», в зависимости от региона Таджикистана, представляет собой ивовую палку любой длины, обычно от нескольких десятков сантиметров до метра, иногда чуть длиннее, наверху которой срезаны тонкие, продольные пряди коры, создающие что-то вроде причудливых бликов. [3:232, 234, 236, 461]; [8]; [10]. Нижняя часть палочки, обычно составляющая около 1/4 ее общей длины, остается неразрезанной,

⁶ Благодарим Анжелу Каюмову за корректировку русской версии настоящего текста

так как в дальнейшем она используется для удержания подготовленного таким образом предмета. В зависимости от региона техника изготовления «махаков» остается разной, например, иногда срезают фрагмент без коры, оставляя только черенок и бахрому. Иногда разрезы делаются короче, группируются в нескольких местах палочки.

Хотя доступные нам сегодня этнографические данные однозначно доказывают существование нескольких местных вариантов «махаков», речь идет, прежде всего, о приемах резания коры ивы. А.К. Писарчик считает, что использование ивы в производстве «махаков» связано с народной классификацией этого дерева, как полезного, с точки зрения человека: «[с]реди таджиков и других оседлых земледельческих народов Средней Азии в прошлом было широко распространено представление о том, что некоторые растения и деревья обладают хорошими свойствами, считаются чистыми, легкими и безопасными для людей, другие, наоборот, считаются тяжелыми, несчастливыми, могущими причинить людям вред» [9:252]. Однако представленное ею обоснование можно расширить, поскольку ива является одним из первых деревьев, оживающих весной после зимнего покоя. Растения, деревья отличающиеся например пышностью цветов, или, в данном случае, ранним цветением, считаются воплощением жизненной силы, и поэтому наделены соответствующей символикой [24:II(1) 533]. С прагматической точки зрения использование ивы оправдывается гибкостью легко поддающегося обработке материала, с символической точки зрения использование ивы можно интерпретировать как стремление к живительным силам, проявляющимся в ее циклическом обновлении и всей природы.

«Махак» срезают непосредственно перед Наврӯзом, чтобы в Новый год хозяин мог торжественно принести его в предварительно убранный дом. На связь «махака» и Нового года указывает ваханский вариант его названия: «шогынбанд», «шогыншын», или просто, «шогын», что означает 'Новый год (Наврӯз)'. Один из информаторов М.С. Андреева объясняет этот обычай действующим в Шугнани и Вахане абсолютным запретом на посещение домов с пустыми руками: «[с]читается, что входить человеку впервые в дом, после того как он очищен от копоти и пр., с пустыми руками не полагается. Нужно иметь в это время в руках что-нибудь такое, что можно было бы поднести находящимся в доме. В этом случае принято было поднести толстые ветви ивы, обрезанные от боковых веток и срезанные поперек сверху и внизу. На получившемся отрезке надрезали полосами кору и отдирали ее, спуская вниз» [8:265].

Церемония внесения ивы в помещение на последующее ее хранение в нем и окончательное сожжение «махаков» имеют глубокое ритуальное обоснование. «Махак» изготавливается для каждого дома отдельно, и жители, напр., молодежь, не ходят с ним по деревне, хотя пример такого действия отмечен этнографами. Прекрасное сравнительное исследование предмета, украшенного палочками, переносимых между домами в районе Коканда, принадлежит Е.М. Пещеревой [6; 7]. Интересно, что мы находим следы подобного ритуала в славянском фольклоре, напр.

в польском, в виде зеленых веточек, называемых «гайиками (*gaiki*)», которые мальчики и девочки носят по селению, а также в виде «майского дерева», вокруг которого происходят танцы [24: II(1) 517, 530].

Этнографические записи снова показывают разные способы обращения с «махакими» в зависимости от региона. Хозяин, приносящий «махак» в комнату, обращается к остальным домочадцам со стереотипной формулой, на которую получает столь же стереотипный ответ. И приветствие, и ответ принимают форму пожелания, т. е. такого речевого акта, который направлен на намеренное и положительное изменение текущего положения дел. Хозяин подвешивает «махак» бахромой вниз так, чтобы они падали вдоль одной из опор, поддерживающих крышу. «Махаки» приносят мальчики или мужчины, хотя в некоторых районах Бадахшана это делают и женщины. Если их приносят мальчики, они передают их взрослому, который подвешивает их к потолку. «Махаки» содержатся в комнате до тех пор, пока не начнутся полевые работы. Тогда они сжигаются под котлом, в котором хозяйка готовит ритуальную мучную еду, которую затем делят между остальными домочадцами. Ею скармливают животных, что следует интерпретировать как часть большего комплекса аграрных ритуалов. В этом выражена форма благодарности домашним животным от имени владельца и признание их усилий в предстоящем сельскохозяйственном сезоне. Наконец, этот обмен дарами между человеком и животным соответствует результатам исследований М. Мосса [35]. Меньшие «махакими» сжигают только тогда, когда корова телится. Из таких «махаков» на костре готовят еще одно ритуальное блюдо, на этот раз с молозивом.

Хотя основная символика «махака» связана с выращиванием бобовых, прежде всего фасоли, некоторые информанты подчеркивают, что за разные растения отвечают разные «махакими» — одни отвечают за хороший урожай бобовых, другие — за хороший урожай зерновых, третьи — за еще другие виды [8:272]. Данные, полученные этнографами, наглядно доказывают, что «махак» представляет собой магический предмет и служит для стимулирования сил природы, достижения высоких сельскохозяйственных урожаев и здоровья животных. [8:274].

«Пасхальная пальма (*palma wielkanocna*)» или просто «пальма (*palma*)» (различные местные названия) — это ритуальный предмет, состоящий из нескольких (или дюжины) тонких веточек, чаще всего ивовых, иногда кизильных, ясневых, лещинных, липовых, тростниковых и даже вишневых веточек, различной длины. Длиной от нескольких сантиметров или метров она украшена живыми или засушенными цветами и травами, перевязана цветными лентами. [1]; [11:274]; [12:131–132]; [13:65]; [14:48–49]; [15:100]; [16:130–131]; [17: 75–76]; [18:125]; [19:82–83]; [20:134]; [21:146–147]; [22:77]; [23:155] Цветы и другие украшения иногда делают из цветной креповой бумаги, а порой веточки перевязываются только лентой. «Пальмы» готовятся перед Пасхой (первое воскресенье после первого весеннего полнолуния) в память о торжественном въезде Иисуса в Иерусалим, когда встречавшие его бросали пальмовые ветви к его ногам в знак приветствия: «[и] когда

приблизилась к Иерусалиму и пришли в Виффагию к горе Елеонской, тогда Иисус послал двух учеников, сказав им: пойдите в селение, которое прямо перед вами; и тотчас найдете ослицу привязанную и молодого осла с нею; отвязав, приведите ко Мне; и если кто скажет вам что-нибудь, отвечайте, что они надобны Господу; и тотчас пошлет их. Все же сие было, да сбудется реченное через пророка, который говорит: «Скажите дочери Сионовой: се, Царь твой грядет к тебе кроткий, сидя на ослице и молодом осле, сыне подъяремной». Ученики пошли и поступили так, как повелел им Иисус: привели ослицу и молодого осла и положили на них одежды свои, и Он сел поверх их. Множество же народа постилало свои одежды по дороге, а другие резали ветви с дерев и постилало по дороге; народ же, предшествовавший и сопровождавший, восклицал: осанна Сыну Давидову! благословен Грядущий во имя Господне! осанна в вышних! И когда вошел Он в Иерусалим, весь город пришел в движение и говорил: кто Сей? Народ же говорил: Сей есть Иисус, Пророк из Назарета Галилейского» [2; Евангелие от Матфея 21:1–11].

Палочки освящают во время празднования Вербного воскресенья (за семь дней до Пасхи), также известного как «Цветущее воскресенье (*Kwietna niedziela*)» или «Ивовые воскресенье (*Wierzbna niedziela*)», сжигают в Великую субботу, чтобы использовать полученный таким образом пепел в следующем богослужебном году, когда в Пепельную среду священник помечает им головы верующих. Этот обычай является не только славянским, но и христианским, поскольку, например, иранские ассирийцы также используют ветки ивы во время Вербного воскресенья в знак входа Христа в Иерусалим [36].

Символика пасхальной «пальмы» остается исключительно богатой и связана с двумя вопросами: а) с жизненными силами самой природы и циклическим возрождением жизни в новом литургическом круговороте, а шире — и с растительностью, и б) со здоровьем и его охраной. В этом случае выбор ивы не случаен, ведь она является одним из первых деревьев, оживающих весной после зимнего покоя. Более того, в религиозной, христианской символике она олицетворяет воскресение и бессмертие души. В свою очередь сила «пальмы» проистекает не из ее торжественного освящения во время богослужения, а из более глубоких пластов культурного восприятия мира. Жертвоприношение только усиливает эту изначальную причинную силу.

Иногда более длинные символы, украшенные только веревкой, или перевязанные плетью, после благословения в костеле, используются мальчишками для выпаса скота. Удар (или прикосновение) такой «пальмой» по животным является символическим актом передачи им положительной энергии, в данном случае процветания, накопленной в ней. В зависимости от региона освященной «пальмой» для благополучия били по бокам животных при первом выпасе, так как считалось, что она защитит коров и лошадей от болезней и сохранит им здоровье; повысит уровень надоев молока.

Причем целью ритуального вербохлёста были не только животные, но и люди. Обычно, вскоре после возвращения из костела с освященной «пальмой», хозяйки

похлёстывали домочадцев, чаще детей; встречавшихся на улице. Девочки и мальчики ходили по домам и похлопывали ею домочадцев. Ритуальные удары сопровождалась короткой рифмовкой в двух отмеченных мной вариантах: а) «Nie ja biję, wierzba bije / Za tydzień wielki dzień / Za sześć noc Wielkanoc (Не я бью, бьет ива / Через неделю будет великий день / Пасха через шесть ночей)» [АК, 70 лет, академический преподаватель, Краков, южная Польша], а также б) «Wierzba bije, nie zabije / Za tydzień wielki dzień / Za sześć noc Wielkanoc (Ива бьет, не убьет / Через неделю будет большой день / Пасха за шесть ночей)» [ВП, 75 лет, учитель, Сувалки, северо-восточная Польша]. Обряд сопровождался пожеланиями-заклинаниями, чтобы «битые «пальмой» люди были здоровы и богаты.

Эта передача положительной энергии принимает и другие формы, в некоторых регионах Польши. Например, на юге страны хозяева делают кресты из «пальм», которые втыкают в землю на своих полях после Пасхи с тем, чтобы обеспечить им адекватную защиту от наводнения, града или засухи, а прорастающие и созревающие растения - от засухи, вредителей или болезней. Это означает, что «пальмы» становятся талисманами. О лечебных свойствах «пальмы» свидетельствует поверье, что проглатывание серёжек такого из священного хвороста защищает от головных болей или заболеваний горла. Некоторые исследователи считают, что первоначальное значение этого лечения было магическим и было связано с мероприятиями, повышающими воспроизведение человека. Многочисленные примеры использования ивы в медицине, в том числе народной, встречаются и в иранской культуре [34].

Функциональное сходство таджикского «махака» и польской «пасхальной пальмы» - можно свести к их происхождению, т.е. материалам, из которых они изготовлены, и, что более важно, к символическому значению, придаваемому им человеком. Это сближение, является результатом убеждения двух народов в том, что оба артефакта обладают магическими свойствами и относятся к благотворному воздействию людей, животных и растений.

Обряды, связанные с артефактами растительного происхождения «махакком» и «пасхальной пальмой», позволяют перенести накопленную в природе живительную энергию в близкое человеку пространство: космос → человек. Такое представление основано на убеждении, что среда обитания человека и окружающее пространство неразрывны. Вслед за А. Верчинским [А. Wierciński] называю эту веру анимистической парадигмой. Прилагательное «анимистический» следует понимать шире, чем его этнографическое определение, потому что в этой парадигме человек объясняет действительность только через познание самого себя. Он расширяет это самопознание, включая тщательные наблюдения за миром растений и животных, которые он интерпретирует, ссылаясь на свое собственное поведение. Неотъемлемым элементом анимистической парадигмы является убеждение в том, что в пространстве происходит постоянная игра, где действующими лицами являются, как люди, так и духовные силы. На ход этой игры человек может влиять

посредством процедур и ритуалов, имеющих магический и религиозный статус, непосредственно воздействуя на окружающую среду [26:92].

Примером анимистического мышления о природе является мысль арабского ученого Аль-Кисрави (IX в.), который описывает обычай подношения сасанидскому шаху семи веточек по случаю Нового года, в т. ч. ивы. Обычай являлся частью обряда, который, как можно заключить из сохранившегося описания, протекал по заранее определенному сценарию: «[и] ставилъ (тотъ человѣкъ) передъ нимъ серебряный столъ, по краямъ котораго были разложены лепешки, спеченныя изъ различныхъ зеренъ: пшеницы, ячменя, проса, дурры, гороха, чечевицы, риса, кунжусута, бобовъ и фасоли. И бралось семь зеренъ каждаго изъ этихъ сортовъ, и клались (они) по краямъ стола. И по срединѣ его клали семь вѣтвей (тѣхъ) деревьевъ, по которымъ и по именамъ которыхъ предсказывали и видъ которыхъ считали хорошимъ знакомъ, какъ-то: ива, маслина, айва, граната, срѣзанныя въ одинъ, два и три сустава. И каждая вѣтвь клалась во имя одной изъ областей» [4:88]. Семь веточек, как и семь зернышек, можно интерпретировать через призму семи предметов, составляющих современный новогодний стол под названием «хафтсин (*haftsin*)». Другим примером магической роли растений, в том числе деревьев, в культурах Центральной Азии может служить согдийский храм в Панджинте [37].

Накопленную в природе животворную энергию весной целесообразно направить на ближайшее окружение хозяина, т. е. на его семью, чтобы она была здорова и на животных, чтобы они хорошо росли работали; и на землю, чтобы растения росли в новом вегетационном периоде. Эти соображения, которые я изложил, согласуются с установками И.Мухиддинова, который считает, что зеленые ветки ивы используемые в различных ритуалах, сопровождающих начало весны в таджикском фольклоре, символизируют пробуждение природы и приносят здоровье, благополучие и счастье всем членам семьи: «[н]а рассвете первого дня Нового года старший в семье выходил из дома, стараясь, чтобы его затылок был обращен к созвездию Скорпиона, срывал несколько веток желтой ивы — зартнук (Вахан), зардбед (Ишкашим) и, вернувшись домой, засовывал их за балки. Зеленые ветки ивы символизировали пробуждение природы и наступление весны, начало земледельческих работ, а также, по поверью, должны были при нести здоровье, успехи и счастье всем членам семьи» [5:94–95].

У «махака» и «пасхальной пальмы» этот процесс происходит в ключевой момент новой вегетации, в начале сезона, когда хозяин старается обеспечить его благополучное течение и завершение в виде обильного урожая, гарантирующего безопасное прохождение периода временного вымирания мира, то есть зимнего периода. Этот безопасный ход вегетационного периода означает минимизацию всех угроз, т. е. засухи или ее семиотической обратной стороны — наводнения. Эти угрозы также включают активность вредителей, таких как мыши, уничтожающие посевы, или рост сорняков. В случае польской традиции также четко можно выделить магическое действие, направленное на защиту домашних животных, в основном крупного рогатого скота. Можно предположить, что такое же назначение

характерно для «махаков», находящихся дома или сжигаемых с целью приготовления ритуальных блюд, также подаваемых животным, но эта мысль требует дальнейшего анализа.

Говоря о символическом значении «махака» и «пасхальной пальмы», здесь стоит добавить, что одним из важнейших способов распоряжения хранящейся в них живительной энергии может быть удар по животным и людям обоими артефактами. Удар или прикосновение — одно из древнейших магических действий. Оно означает перенос определенного магического свойства с одного предмета на другой [24:II(1) 278]. Речь идет не о наказании, а о награждении - спорный вопрос, не означает ли это нанесение ударов еще и прогон дурных сил. (Возможно, обе интерпретации дарования процветания и отражения зла находятся на одном уровне). К сожалению, в доступном мне таджикском материале я не встретил тему удара «махаком». Возможно, это та часть ритуализованного поведения, которая была забыта или существенно перетрансформировалась. Иначе обстоит дело с польским материалом. Здесь мы находим множество примеров удара животных и людей «пасхальной пальмой»: «[w] niedzielę palmową u nas praktykowała go moja mama: Jak przychodziła z kościoła z poświęconą palmą, to nas nią biła symbolicznie ([в] воскресенье моя мама практиковала это с нами: Придя из костела с освященной «пальмой», она символически била нас ею)» [АК], или: «[p]o kościele mama wchodziła do domu i okładała nas wierzbową witką. Ta wierzbowa witka, ścięta z drzewa rosnącego pod lasem, była naszą palmą wielkanocną. Chodziło o to, że przed Wielkanocą wierzba zawsze już kwitła. Nawet jeśli w nocy spadł śnieg, po drodze do kościoła ścinało się gałązkę i otrzepywało ze śniegu ([п]осле костела мама заходила в дом и била нас ивой. Эта веточка ивы, срезанная с дерева, растущего рядом с лесом, была нашей «пасхальной пальмой». Дело в том, что перед Пасхой всегда цвела ива. Даже если ночью шел снег, по пути к костелу срезали веточку и стряхивали снег)» [ВП].

Некоторые сходства с польским обычаем наносить удары «пасхальной пальмой» можно найти в материалах северного Ирана, в том числе в виде осеннего обряда «лалбази (*lālbāzi*)» (другие названия: а) «лалшу (*lālsū*)», б) «лалшиш (*lālsiš*)» и в) «лалшуш (*lālsūš*)») упомянутый, в частности, в рассказе «Мури (*Muri*; Скорбь)» А. Ма'руфи [29]. В нем сказано, что группы из детей и молодежи молча посещают дома и бьют домочадцев ветками или палками, желая им таким образом счастья или благополучия. Они получают обязательные подарки за свои молчаливые пожелания [27; 29; 30; 31; 32; 33]. Важно отметить, что во время визита бьют ветками или палками бездетных женщин; девушек, которые еще не вышли замуж; животных, у которых еще нет потомства; а иногда и деревья, которые не приносят плодов. Особенно следует обратить внимание на последний обычай, поскольку он имеет свою форму в виде обряда отпугивания деревьев, известного, опять же, из польской и иранской традиций [28]. Таджикским эквивалентом ударов «пасхальными пальмами» следует считать обычай метания ивовых прутьев через балки, как упоминал И. Мухиддинов, и привязывания «махаков» к потолку.

Артефакт:	Срок:	Актер:	Действие:	Цели:
«махак»	весна; начало полевых работ	хозяин; сыновья хозяина; реже хозяйка	приведение домой; размещение под потолком; хранилище; сжигание под котлом с ритуальной едой	удачный урожай
«лалбази»	осень; конец полевых работ	дети; молодежь	нанесение ударов по домочадцам, животным и деревьям	здоровье; стимуляция воспроизведени я; удачный урожай в следующем сезоне
«пальма»	весна; начало полевых работ	каждый из домочадцев; соседи; дети; молодежь	жертвоприношение в костеле; приведение домой; домашнее хранение; размещение на поле; сжигание	удачный урожай; здоровье членов семьи; здоровье животных

Функциональное сходство между «махаком» и «пасхальной пальмой» имеет более древние источники, чем современные религиозные традиции в Таджикистане или Польше, то есть ислам и христианство. В последнем, польском случае, мы имеем дело с более молодым религиозным нарративом в форме истории о торжественном въезде Иисуса в Иерусалим, накладывающийся на более старый аграрный обряд. У этого более древнего обряда есть аналоги и в обычае хождения по деревне с зеленым деревом «гайкем».

В первый вторник после Пасхи, или в Пятидесятницу, иногда и в начале мая, молодые девушки (реже мальчики) украшают сосновые веточки лентами или цветами и проносят украшенное таким образом дерево по улицам, напевая о встрече весны. Именно в земледельческой культуре следует искать зачатки интересующих нас обычаев. Нельзя не согласиться с утверждением, что это функциональное сближение «махака» и «пасхальной пальмы» является логическим следствием развития человеческих культур.

Данная статья ни в коем случае не исчерпывает интересующий вопрос, а напротив ставит много вопросов, чем решений. Одной из проблем, требующих, как мне кажется, дальнейшей разработки, является вопрос о причинах, по которым кору ивы нарезают в виде полос для создания причудливой бахромы. Не потому ли, как пояснял К. Мошинский, [K. Moszyński] стереометрические конструкции причудливой формы, подобные, в частности, паутине, остаются более тесно связанными с религиозной или ритуальной жизнью и чаще используются в связи с магическими практиками, культом мертвых и т. п. [24:II(2) 185].

Литература

На русском:

- [1] Агапкина Т.А., Усачева В.В., Пальма, [в:] Толстой Н.И. (ред.), *Славянские древности: Этнолингвистический словарь* том V, Москва, Международные отношения, 1995: 623–625.
- [2] *Библия: Книга священного писания ветхого и нового завета: Канонические: В русском переводе: С параллельными местами*, Москва Издание Всесоюзного Совета Евангельских Христиан – Паютистов 1968.
- [3] Грюнберг А.Л., Стеблин-Каменский И.М., *Ваханский язык: Тексты, словарь, грамматический очерк*, Москва, Издательство Наука 1976.
- [4] Иностранцев К.А., *Сасанидские этюды*, Петербургъ: Типография В.Ф. Киршбаума 1909.
- [5] Мухиддинов И., *Земледелие памирских таджиков Вахана и Иикашима в XIX – начале XX в.: Историко-этнографический очерк*, Москва, Издательство Наука 1975.
- [6] Пещерева Е.М., *Праздник тюльпана (лола) в селении Исфара Кокандского уезда*, [в:] Шмидт А.Э., Бетгер Е.К. (ред.), *В.В. Бартольд: Туркестанские друзья и почитатели*, Ташкент, Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами, 1927: 374–384.
- [7] Пещерева Е.М., *Некоторые дополнения к описанию праздника тюльпана в Ферганской долине*, [в:] *Иранский сборник: К семидесятилетия профессора И.И. Зарубина*, Москва: Издательство восточной литературы 1963: 214–218.
- [8] Писарчик А.К., *К вопросу о припамирско-кавказских параллелях*, [в:] *Памяти Александра Александровича Семенова: Сборник статей по истории, археологии, этнографии и искусству Средней Азии*, Душанбе, Издательство Дониш 1980: 261–276.
- [9] Писарчик А.К., *О пережитках культа ивы у таджиков: Материалы*, [в:] Ранов В.А. (ред.), *Прошлое Средней Азии: Архология, нумизматика и эпиграфика, этнография*, Душанбе, Издательство Дониш 1987: 251–260.
- [10] Писарчик А.К., *Ива в новогодних и других весенних обрядах таджиков*, [в:] Давыдов А.С. (ред.), *Этнография в Таджикистане*, Душанбе, Издательство Дониш 1989: 18–38.

На польском:

- [11] Kolberg O., *Dziela wszystkie* том V, Wrocław-Poznań 1962.
- [12] Kolberg O., *Dziela wszystkie* том IX, Wrocław-Poznań 1963a.
- [13] Kolberg O., *Dziela wszystkie* том X, Wrocław-Poznań 1963b.
- [14] Kolberg O., *Dziela wszystkie* том XVIII, Wrocław-Poznań 1963c.
- [15] Kolberg O., *Dziela wszystkie* том XX, Wrocław-Poznań 1964a.
- [16] Kolberg O., *Dziela wszystkie* том XXIV, Wrocław-Poznań 1964b.
- [17] Kolberg O., *Dziela wszystkie* том XXVI, Wrocław-Poznań 1964c.
- [18] Kolberg O., *Dziela wszystkie* том XXVII, Wrocław-Poznań 1964d.
- [19] Kolberg O., *Dziela wszystkie* том XXVIII, Wrocław-Poznań 1964e.
- [20] Kolberg O., *Dziela wszystkie* том XXXIII, Wrocław-Poznań 1964f.
- [21] Kolberg O., *Dziela wszystkie* том LIII, Wrocław-Poznań 1966.
- [22] Kolberg O., *Dziela wszystkie* том XLVII, Wrocław-Poznań 1967.
- [23] Kolberg O., *Dziela wszystkie* том XLI, Wrocław-Poznań 1969.
- [24] Moszyński K., *Kultura ludowa Słowian* том I–II(1)/(2), Warszawa 1968.

[25] Szadura J., *Palma wierzbowa*, [w:] Bartmiński J., Niebrzegowska-Bartmińska S. (red.), *Słownik stereotypów i symboli ludowych* том II: *Rośliny zeszyt 6: Drzewa liściaste*, Lublin, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej 2021, 384-289.

[26] Wierciński A., *Magia i religia: Szkice z antropologii religii*, Kraków 1997.

На персидском:

[27] Ahmadi A.-M., *Lālšiš, čub-e balāgardān, tir-e Āraš*, [в:] *Adabiyāt-e erfāni va osturešenāxti* 16, 1388: 9–24.

[28] Kerāsnovālskā A. [Krasnowolska A.], *Afsune-e deraxt-e mive dar Orupā va Irān*, [в:] *Ġostārḥā-ye novin-e adabi* 200, 1397: 285-294.

[29] Ma'rufi A., *Muri*, [в:] Ma'rufi A., *Daryāravandegān-e ġazire-ye ābitar*, Tehrān, Enteshārāt-e Qoqnus, 1389: 233–243.

[30] Mirniyā S.-A., *Farhang-e mardom: Folklor-e Irān*, Tehrān, Našr-e Pārsā 1369.

[31] Moširi Ž., *Motāle'e-ye āyinnamāyeši-ye šušihā dar ġonub va lālšūshā dar šomāl-e Irān*, [в:] *Farhang-e mardom* 61, 1399: 39–56.

[32] Sattāri R., *Ertebāt-e ġašn-e «Tirmāsizzeszu» bā barxi osturehā-ye kohan*, [в:] *Motāle'āt-e melli* 34(2), 1387: 161–172.

[33] Sattāri R., Haqiqi M., *Barresi-ye kār kardhā-ye «lālšiš» dar ġašn-e «tirmāsizdešu» va tahlil-e zaminehā-ye osture'i-ye ān*, [в:] *Adabiyāt-e erfāni va osturešenāxti* 26, 1391: 65–95.

На английском или французском языке:

[34] Eilers W., A'lam H., *Bīd*, [в:] *Encyclopædia Iranica* том IV(3), 1989: 236–240.

[35] Mauss M., *Essai sur le don. Forme et raison de l'échange dans les sociétés archaïques*, [в:] *L'Année Sociologique* 1, 1923–1924: 30–186.

[36] Piroyan W., Naby E., *Festivals ix: Assyrians*, [в:] *Encyclopædia Iranica* том IX(6), 1999: 561–563.

[37] Shkoda V.G., *The Sogdian Temple: Structure and Rituals*, [в:] *Bulletin of the Asia Institute* 10, 1996: 195–206.

**Абдували Шарифзода
Душанбе**

ЭПИГРАФИКАИ МАИШИИ ТОЧИКОН

Муаллиф катибаҳои зарфҳои мисӣ, табақҳои мрамарӣ ва дигар ашёи рӯзгорро, ки дар умум эпиграфики маишӣ номида мешаванд, ҳамчун сарчашмаи муҳимми таърихӣ ва фарҳангӣ баррасӣ намудааст. Ҳунармандони тоҷик аз замони қадим то имрӯз ашёи рӯзгорро бо нақшҳои наботӣ, геометрӣ, ҷонварӣ (зооморфӣ) ва эпиграфӣ зебу зинат медиҳанд. Асоси нақшҳои эпиграфиро катибаҳо ташкил медиҳанд, ки онҳо бо роҳҳои гуногун, аз ҷумла ҳаққокӣ, кубидан ва духтан эҷод мешуданд. Катибаҳои маишӣ ифодагари олами пурғановати маонӣ, зебопрастӣ ва баъзе анъанаҳои мардумӣ мебошанд. Дар катибаҳои гулдӯзиҳо анъанаи қадимаи тоҷикона – духтани абёти лирикии баландмазмун ва тухфаи гулдузӣ ба маҳбуби худ таҷассум ёфтааст. Инчунин муаллиф аз гулдӯзиҳои Тоҷикистон ва Узбекистон ду ғазали Абдурахмони Ҷомӣ ва матни мухтасари як ғазалии туркии Алишер Навоиро хонда, баррасӣ намудааст. Баъзе катибаҳо бори нахуст баррасӣ шудаанд.

БЫТОВАЯ ЭПИГРАФИКА ТАДЖИКОВ

Надписи на медной посуде, мраморных блюдах и других предметах домашнего обихода, обычно называемых бытовой эпиграфикой, рассматриваются автором как важные исторические и культурные источники. Таджикские ремесленники с древних времен до наших дней украшают предметы домашнего обихода растительными, геометрическими, животными (зооморфными) и эпиграфическими мотивами. Основу эпиграфических рисунков составляют надписи, которые создавались по-разному, в том числе хаккоки, кубидан и дахт. Бытовые надписи представляют собой богатый духовный мир, красоту и некоторые народные традиции. В надписях на вышивках воплощена древняя таджикская традиция – представлять значимые лирические стихи и дарить вышитые подарки любимому человеку. Автор прочитал и рассмотрел две Газели Абдурахмана Джамии на вышивке из Таджикистана, Узбекистана и краткий текст одной турецкой газели Алишера Навои. Некоторые надписи исследуются впервые.

HOUSEHOLD EPIGRAPHY OF THE TAJIKS

Inscriptions on copper dishes, marble dishes and other household items, commonly referred to as household epigraphy, are considered by the author as important historical and cultural sources. Tajik artisans from ancient times to the present day decorate household items with plant, geometric, animal (zoomorphic) and epigraphic motifs. The basis of the epigraphic drawings are inscriptions that were created in different ways, including hakkoki, cupid and daht. Household inscriptions represent a rich spiritual world, beauty and some folk traditions. The inscriptions on the embroideries embody the ancient Tajik tradition of presenting significant lyrical poems and giving embroidered gifts to a loved one. The author read and reviewed two Gazelles of Abdurakhman Jami on embroidery from Tajikistan, Uzbekistan and a short text of one Turkish gazelle by Alisher Navoi. Some inscriptions are examined for the first time.

Як баҳши муҳимми ёдгориҳои эпиграфиро катибаҳои асбоби рӯзгори бештар аз гилу сафол ва мис сохташуда ба монанди чому пиёла, дегу табақ, тосу коса, кафча, кӯзаю лаъли, сурмадону қаламдон ва ғ.) ва гулдӯзиҳои анъанавӣ ташкил медиҳад. Ниёғони тоҷикон аз гузаштаҳои дур асбоби рӯзгори худро бо тасвири мавҷудоти зинда, образҳои асотирӣ, нақшҳои ҳандасӣ, наботӣ ва эпиграфӣ оро медиҳанд. Хунармандони чирадаст чизи оддии рӯзгор, масалан пиёла, коса, кафча ё як рӯймолчаи оддиро ба як нодираи ҷолибу ҷаззоб мубаддал менамуданд. Дар байни асбоби рӯзгор зарфҳои мисӣ кам нестанд [1, 158]. Бо ташкили коллексияҳо ва осорхонаҳо ҳифз ва таҳқиқи ин хунар ранги дигар гирифта, дар замони шӯравӣ ба авҷи аълои худ расид. Дар таҳқиқи ин мавзӯ Ю.П. Крачковский [2], Л.Т. Гюзелян [3], А.А. Иванов [4], А.А. Семенов, В.П. Даркевич [5], Б.И. Маршак [6] ва дигарон саҳми назаррас гузоштаанд.

Пушида нест, ки инсон бори нахуст дар асри санг бо мис шинос шуд. Дар он вақт инсон бо фӣқри такмили додани олотӣ сангин тасодуфан бо миси табиӣ

бархурд ва пиндошт, ки он ҳам як намуди санг аст. Ҳангоме ӯ хост, ки бо усули сохтани асбоби сангӣ аз миси табиӣ олот созад, маълум шуд, ки мис мисли санг пора нашуда, аз он олоти қираҳои тездори бурранда тайёр нашуда, он ёзиш меёбад. Ёзиши миси табиӣ инсонро водор сохт, ки вай бо усули қўфтани сард зебу зинат, аслиҳа ва олоти меҳнат созад. Сипас ин давраи гузариш аз неолити баъдина ба асри биринҷ ва оғози истифодабарии миси табиӣ дар таърих энеолит – асри мису санг номида шуд. Бо сабаби хеле мулоим будани миси табиӣ, аз он тайёр кардани олотҳои саҳт имконнопазир буд. Бинобар ин, олотҳои мисӣ олотҳои сангиро иваз карда натавонистанд. Баъдтар инсон тавассути гудозиш аз маъдан барқарор кардани мисро аз худ кард. Мис дар ҳарорати 1083 градус гудохта мешуд. Барои чунин гудозиш шӯълаи гулхан ё оташдони оддӣ кофӣ буд. Ҳамин тавр кураҳои маъдангудозӣ пайдо шуданд. Истеҳсоли чизҳои мисӣ ба тариқи гудозиши маъдани мис дар ҳазораҳои VII-VI пеш аз милод оғоз ёфт. Ихтирои фулуз дар таърихи инсоният инқилоbero мемонад.

Дар ҳудуди Осиёи Миёна қадимтарин гудозиши мисро бостоншиносон аз ёдгориҳои энеолитии Туркманистони Ҷанубӣ кашф намуданд. Аз охири ҳазорсолаи IV пеш аз милод Саразми Панҷакант ба яке аз марказҳои бузурги фулузгудозии қадими Осиёи Марказӣ табдил меёбад. Аз қонҳои болооби Зарафшон тилло, нуқра, мис, сурб, қалъагӣ ва фирӯза истеҳсол карда мешуд. Аз ин ҷост, ки аз Саразм кураҳои фулузгудозӣ ва ороишоти мисиро кашф намуданд. Баъдтар инсон ба мис қалъагиро омезиш дод ва дар натиҷаи ин фулузи нисбатан мустақкам биринҷиро ихтироъ кард. Бо ихтирои биринҷӣ санг ҳамчун воситаи асосии олотсозӣ мавқеи худро гум кард. Доир ба истеҳсол ва истифодаи мис аз ҷониби аҷдоди тоҷикон Ҳеродот (асри VI то милод), Страбон (асри I то милод) ва баъдтар чуғрофинависони асрҳои IX-XI маълумоти арзишманд додаанд. Масалан, Ҳеродот навиштааст, ки форсҳо дар сохтани найза, пайкон, зиреҳи асп ва табарзин аз мис истифода мекарданд. Ибни Хурдодбех, Истаҳрӣ, Мақдисӣ ва дигар таърихнигорону чуғрофинависони асрҳои IX-XI ва минбаъда доир ба қонҳои фулуз ва фулузгудозии тоҷикони Хуросону Мовароуннаҳр маълумот медиҳанд.

То давари исломӣ аз мис ниёғони тоҷикон зиёдтар зебу зинати мардонаю занон- дастпона, ангуштарӣ ва гушвор, месохтанд. Истеҳсоли зарфҳои мисӣ истисно набуд. Аммо зарфҳои мисӣ дар ин давра кам ва начандон мунаққаш сохта мешуданд. Масалан, аз ёдгории Ҳалқачари Хатлон, ки ба давраи юнонӣ-бохтарӣ ва кушонӣ мансуб аст, ороишот ва сиккаҳои зиёди тиллоӣ, нуқрагӣ ва мисӣ кашф шудааст ва чунин кашфиёт идома хоҳад ёфт. Аз дар давраи Кушониён (асри II то милод- асри IV милодӣ) то асри XV аз ҳама бештар мис истеҳсол карда мешуд ва аз он ба тариқи зарб сиккаҳои мунаққаш мебароварданд. Аксари маҳсулоти ороишии мисии аз Осиёи Миёна ёфтшуда ба давраи императории Кушониён мансубанд. Дар асрҳои аввали мелодӣ истеҳсоли зарфҳои мисӣ чандон роиҷ набуд. Баъди асри III мелодӣ истеҳсоли зарфҳои мунаққаш ва мусаввари нуқрагӣ ривоч меёбад.

Шаҳрҳои Балх, Ҳаловард (Вахш), Бухоро, Исфохон, Самарқанд, Нишопур, Шаҳрисабз, Истаравшан, Фарғона, Ҳисор, Тошканд, Хева ва даҳҳо шаҳрҳои дигар марказҳои қадимаи мисгарии тоҷикон мебошанд.

Беҳуда нест, ки номи яке аз давлатҳои дар асри IX ташкилкардаи ниёғони тоҷикон-Давлати Саффорӣён ба касби мисгарии асосгузори он марбут аст. Авҷи аълои мисгарии тоҷикон ба давраи Сомониён рост меояд. Акнун дар ин давра дар шаҳрҳои марказии тоҷикон аввал раста ва дуконҳои ҷудогона ва баъдтар маҳалҳои мисгарӣ ташаккул меёбанд. Бостоншиносон аз боқимондаи шаҳри Ҳаловарди Хатлон дафинаи зарфҳои мисию биринҷии давраи сомонӣ- куза, коса ва шамъдонхоро кашф карданд, ки дар онҳо нақшҳои ислимӣ, зооморфӣ ва эпиграфӣ ба назар мерасад. Ганчинаҳои Узун аз Хатлон, Қалъаи баланд аз Истаравшан ва Шол аз Ҳисор муҳимтарин ганчинаи зарфҳои мисӣ-биринҷии Тоҷикистон буда, ба асрҳои X-XI мансубанд. Аз ин зарфҳо маълум мешавад, ки ҳунармандони мумтози тоҷик тавонистанд дар ороиши зарфҳо нақшҳои рустанӣ, эпиграфӣ ва зооморфию геометриро бо роҳии буриш ва қандакорию кубииш омезиш дода, онҳоро зебою назаррабо омода намоянд. Мисол, дар яке аз зермонҳои истаравшанӣ тасвири сағи шикорӣ, заргуш, шерҳои афсонавӣ, нақшҳои мудаввар ва катибаи куфӣ ба хубӣ қандакорӣ шудааст. Навъҳои гуногуни хати куфӣ асоси нақшҳои эпиграфии даврони сомониро ташкил медиҳанд. Мо зебоии ҳатти куфиро дар сандуқчаи ҷубии замони Сомониён, ки дар осорхонаи Метрополитен маҳфуз аст, ба хубӣ мушоҳида карда метавонем (Акси 1). Дар асрҳои XIV-XV низ ҳунари мисгарӣ раванқ меёбад. Дар ин давра истехсоли деғҳои қалон- лангарҳо ва қандилҳои мунаққаш афзоиш ёфта, зарфҳоро бо нақшҳои эпиграфии иборат аз оёти қуръонӣ, абёти классикони форсу тоҷик- Хайём, Ҳофиз, Саъдӣ, Бедил ва Ҷомӣ дар шакли катибаҳои куфӣ, насх, настаълик ва сулс зебу зинат меоданд. Дар давраи ҳуқумронии Шайбониён ҳунари мисгарӣ нисбатан инқироз меёбад. Ҳатто дар асри XVI зарфҳои мисиро об карда, аз онҳо сиккаҳои мисӣ зарб мезананд. Мисгарии тоҷикон дар асрҳои XIX-XX бо ниғадошти анъанаҳои қадимаи тоҷикӣ дар Осиёи Миёна боз рушду нумӯ меёбад.

Мисгарони чирадаст аз мис офтоба, куза, коса, шохкоса, лаълӣ, чойчӯш, чойнак, сурмадон, шамъдон, дастшӯ, туфдон, чилим, носкаду, усмаҷӯшак, харбузатарошак, рангдон, қаламдон, ва ороишоти занонаю мардона тайёр мекарданд. Бо сабаби мулоим буданаш мис барои мунаққашсозӣ хеле мусоид аст.

Нақшҳои зарфҳои мисиро ба чор гурӯҳи асосӣ - ислимӣ, хандасӣ, зооморфӣ ва эпиграфӣ тақсим кардан мумкин аст. Хусусияти хос ва хеле муҳими нақши тоҷиконаи зарфҳои мисӣ аз он иборат аст, ки ҳар як нақш номи алоҳидаи худро дорад. Барги бед, барги мачнун, бодом, бодоми садбаргӣ, бодоми сармадохил, бодоми пушти моҳӣ, бута, гулдона, гули ғуза, мадохили дурафтора, мадохили якрафтора, гулизори ироқ, ислими бодом, ислими қаламфур, ислими муғча, ислими нимхишт, мехроби барги бед, баргак, баргаки қалон (шохбарг), себарга, гули ихтиёр, гули нав, ҳаштгул, мачнунбарг, гули машғал, чорбарга машхуртарин нақшҳои навъи ислимӣ зарфҳои мисӣ мебошанд. Нақшу нигори зарфҳои мисӣ дар зарфҳои сафолӣ, сангӣ, тиллоӣ, нуқрагӣ, биринҷӣ, ҷубӣ ва ёдгориҳои меъморӣ низ ба назар мерасанд.

Зарфҳои мисӣ аз рӯи техникаи иҷроиш ба ду гурӯҳ - табнок (гудозиш) ва хоискорӣ (куфтан, кубидан) ҷудо мешавад. Мисгарон коркарди маҳсулоти мисиро дастӣ иҷро менамуданд. Кубииш асоси ҳунари мисгариро ташкил меод ва олоти

асосӣ, ки дар он кубидан анҷом меёфт, сангдон ном дошт. Дар вақти куфтан фулуз бетанафус тафсон мешуд. Кубидани мис ва пайвандсозии пораҳои алоҳида аз мисгар маҳорати баландро талаб мекард. Зарфҳои калони мисиро дар аввал ҷудо-ҷудо омода сохта, баъд онҳоро бо усули кубидан бо ҳам васл мекарданд. Пас аз пайванд кардан зарф пурра тоза карда мешуд. Сипас кандакорон, ки онҳоро наққош меномиданд, ба кандани нақшҳо шуруъ мекарданд. Дар рафти гулпардозии зарфҳо мисгарон ба таври ҳатми аз муми сиёҳ истифода мекарданд. Муми сиёхро аз растанӣ, ки он аз Ҳиндустон ва Эрон оварда мешуд, омода менамуданд. Ин растанӣро муддати дароз ҷӯшонидани қиёми нисбатан саҳт ҳосил карда онро болои тахтаи мисгарӣ-хонтахта мерехтанд. Мисгар дар болои ҳамин қабати ғафси муми сиёҳ зарфро гузошта бо истифода аз паргол, пулодқалам, обсанг ва чакуш нақшҳои гуногунро ҳаққоқӣ мекард. Нақшпардозии зарфҳои мисӣ бо се роҳ – кандакорӣ, буриш ва кубидан анҷом меёфт. Мисгарони моҳири бухорӣ нусхаи нақшҳоро истифода накарда нақши дар хотир будаашонро тавассути пулодқалам тасвир менамуданд. Аммо ҳангоми истифодаи усули кубидани нақшҳо аз қолибҳои ҷӯбӣ истифода мекарданд, ки дар онҳо нақшоҳи гуногун қанда шуда буд. Дар аввал пораҳои мисро гирифта болои ҷӯбҳои мунаққаш гузошта онро бо чакиши ҷӯбӣ куфта нақшо аз ҷӯб ба мис мегузaronданд. Барои ороиши зарфҳои мисӣ онҳоро хотамкорӣ (инкрустатсия) низ менамуданд. Дар хотамкории зарфҳои мисӣ аз нуқра, эмал ва сангҳои қимату нимқимат ва шишаи ранга истифода бурда мешуд.

Бояд қайд кард, ки катибаи аксари зарфҳои сафолӣ ва филизии замони Сомониён арабист ва дар ин мақола мо аз мисол овардани намунаҳои онҳо худдорӣ менамоем. Катибанигорӣ тоҷикӣ-форсӣ дар мисгарии асрҳои XIV-XV бештар ривож меёбад. Ин вижагии катибанигорӣ ба зарфҳои сафолӣ низ хос аст. Аммо катибанигорӣ форсӣ-тоҷикӣ дар зарфҳои сафолӣ пеш аз зуҳури Темурланг ба вучуд омада буд. Чун нақшу зарфҳои сафолӣ дар поён мавриди баррасӣ қарор мегирад, дар ин ҷо ба ёдоварии нуқтаи боло иктифо мекунем.

Катибаҳои зарфҳои мисӣ, ки дар ин мақола баррасӣ мешаванд, онҳо дар рафти экспедитсияҳои илмӣ ва фаъолияти эпиграфии муаллиф ҷамъоварӣ шудаанд.

Соли 2015 дар рафти экспедитсияи эпиграфӣ ва нумизмати Осорхонаи миллии Тоҷикистон дар осорхонаи макбати №3-и н. Б. Ғафуров лаъли мавриди таҳқиқи мо қарор гирифт, ки матни катибаи настаълиқаш чунин аст (Акси 2):

Эй рӯи гул бар руҳи ту гулгул шуда чун гул,
Гулгул шуда чун гул дили ман чун дили булбул.
Чону дили ман чун дили булбул шуда садоғ,
З-он оташи шамъ руҳи он гул шуда булбул.

Дар маркази лаълӣ “Санаи 1323. Яҳё” ҳақ шудааст ва маълум мешавад, ки устои мисгар Яҳё ном дошта лаълиро соли 1906 сохтааст. Ҳарчанд дар ҳоли ҳозир лаълӣ ба чашм назарногир расад ҳам, абёти боло аз завқи баланди усто ё фармоишгари лаълӣ дарак медиҳад. Соли 2015 дар шаҳри Хучанд як коллексияи шахсии мисгарӣ аз назар гузаронида худ, ки дар зарфҳои он катибаҳои арабӣ, форсӣ-

точикӣ ва туркӣ ба назар мерасид. Аз ҷумла дар дораи дохилии яке аз лаълиҳо чунин абёт ба хатти настаълиқ ҳаққокӣ шудааст:

Ба бустон меравад ду дилбаре бо ноз ваҳ- ваҳ
Лабаш қаҳ – қаҳ, рухаш маҳ-маҳ, қадаш чун сарве лаҳ-лаҳ- лаҳ
Хиромонвор кавкаб каб вале дар ними шаб шаб-шаб
Давидам дар талаби лаби лабшакар, лаб гуфт: Ваҳ, ваҳ, ваҳ.

Дар маркази лаълӣ “Санаи 1323” ва дар паҳноӣ вожаи “санаи” номи соҳиби он – Абдул... Маҳдум... ва номи усто - Алиназар Қориӣ Хуқандӣ дарҷ ёфтааст.

Дар рафти таҳқиқот лаълии дигаре ба даст омад, ки катибааш мисли лаълии Хучанд буда, танҳо катибааш нисбатан калон ҳаққокӣ шуда, соли 1317 х.қ. сохта шуда, беҳтар ҳифз шудааст (Акси 3).

Дар сеюми августи соли 2016 аз ҷониби сокини Панҷакат Ҷ. Баёнов барои баррасӣ ба муаллиф як лаълӣ пешниҳод шуда буд (Акси 4). Баъди таҳқиқи эпиграфӣ маълум шуд, ки дар доираи дохилии он чор сатри ҷудогона ва дар гирдоғирди паҳноӣ бораи лаълӣ, ки 7см паҳно ва 1 см баландӣ (ғафсӣ) дорад, 12 катибаи яқсатра дар давоми якдигар дар даврдаври бора кандакорӣ шудаанд.

Катибаи доираи дохилӣ фарогири абёти зерин аст:

Шабе гар ба кӯи ту мақом кунам,
Баҳона кунам худро сағи ту ном кунам.
Ба орзуи дили хеш агар қарор (фирор) кунам,
Зи оламе гузарам зиндагӣ ҳаром кунам.

Катибаи бораи лаълӣ:

Малоҳат мечакат аз ҷашми шаҳлои нигори ман,
Камонаш тирбаста мефиристад ба ҳар кори ман.
Лаби лаъли дурахшонаш ба монанди маҳи анвар,
Ба гирди оразаш хатте дамида гулғизори ман.
Агар васфаш баён созам наменгунҷад дар ин дафтар.
Лабаш шакар, рухаш анвар гули ҳардам баҳори ман.
Агар аз ҳоли зори ман напурсад дилбарам ҳар дам,
Намедонам ҷӣ сон созад ба тан ин ҷони зори ман (?),
Насибаш кун худовандо ту илми ҳоли қолатро,
Ба матлубаш расон ё раб ту ин матлуби ҷони ман.
Ҷӣ хоҳам шуд намедонам Илоҳо худ бидеҳ тавфиқ,
Бикун руҳи азизонро тараҳҳумгар ба ҳоли ман.

Соҳибаху Маъруф

Ҷи тавре маълум мешавад катибаҳои лаълиҳои дар боло тавсифшуда мазмуни лирикӣ дошта, дар маркази дугоаш тибқи анъанаи нимаи дуюми асри XIX ва ибтидои асри XX санаи сохти зарфҳо, номи усто ва соҳиби зарф сабт гаштааст.

Аммо на ҳамаи катибаҳои зарфҳои мисӣ лирикӣ мебошанд. Дар баъзе зарфҳои мисӣ мисгар маҳсули хунари худро тавассути абёт васф кардааст (Акси 5):

Лаълӣ ба сифат ҷу дури ноб аст,
Дар равшани ҳамчу офтоб аст.

Хуршед, ки дошт дар навоҳӣ,
Мино ба каф, ба лаб суроҳӣ.
Мутриб ба тарона дар ниёзаш,
Ҷон масти садои дилнавоҳаш.
Фӣ шаҳри Бухорои шариф

Амали Мулло Муқаддами Махдум, 1315

Ҳамин мазмунро мо дар катибаи лаълии Осорхонаи МТФ “Ҳулбук” мушоҳида менамоем (Акси 6):

Хушо ин лаълии зебо нигорин,
Ба ҳар атрофи ӯ гулҳои нақшин,
Зарфи болатофат буду нозук,
Ба ин санъат натонад шаҳри Мочин.

Баъзан зарфҳои мисӣ барои хондани матни катиба ва таърихашон пешниҳод мешуданд. Дар яке аз чунин лаълиҳои санаи 1317 ҳ.қ. сохташуда, мисли лаълии Хучанд абёти зерин ҳақ шудааст:

Ба бустон меравад ду дилбаре нозук қаҳ, қаҳ, қаҳ,
Лабаш қаҳ, қаҳ, руҳаш маҳ, маҳ қадаш чун сарве лаҳ, лаҳ, лаҳ.
Хиромонвор кавқаб қаб вале дар ними шаб шаб-шаб,
Давидам дар талаб лаб-лаб шакарлаб гуфт ваҳ, ваҳ, ваҳ.

Гуфтем, ки дар зарфҳои мисӣ абёти ашъори шоирони классик ҳаққоқӣ мешавад ва ин аз як тараф аз мақому манзалати баланди онҳо гувоҳӣ диҳад, аз тарафи дигар далели завқи баланди хунармандон ва муштарихони онҳо мебошад. Масалан дар баъзе коса ва ҷомҳои асрҳои XIX-XV абёти риндонаи Ҳофизӣ Шерозӣ ба мисли байти зерин ҳақ шудаанд:

Соқӣ ба нӯри бода барафрӯз ҷоми мо,
Мутриб бигӯ, ки кори ҷаҳон шуд ба коми мо.

Табақҳои мармари асрҳои XIX-XX, ки аксари онҳоро хунармандони Бухоро истеҳсол менамуданд, намунаи олии зарфсозӣ ва катибанигории маишии тоҷикон мебошанд:

1. Табақи мармари соли 1314 ҳ.қ. аз Осорхонаи миллии Тоҷикистон (Акси 7):

На чандон бихур, к-аз даҳонат барояд,
На чандон заъф, ки ҷонат барояд.

2. Табақчаи мармарӣ аз осорхонаи марказии Урумчии ҚХХ:

Ло фато илло Алӣ, ло сайф илло зулфикор,
Ҳар балое пеш ояд дафъ кун парвардигор.

3. Табақчаи мармарӣ аз осорхонаи марказии Урумчии ҚХХ (Акси 8):

Соҳиби ин табақро ё раб,
Давлати бахту ғиззи ҷонаш дех,
Ман надонам, ки чист мақсудаш,
Ҳар чӣ мақсуди ӯст онаш дех.

4. Табақи калони мармарии соли 1325 ҳ.қ. аз Осорхонаи мардумшиносии ба номи М.С. Андреев:

Табаррук ин табақи санги мармар,
Ки бехтар аз табақи лаъли аз зар
Табаррук буданаш аз баҳри он аст,
Ки асли конаш аз дарбори Ҳайдар
Ба ихлосаш хурад ҳар кас дар ин ош
Бидех ризқи касир эй бандапарвар
Илоҳо ҳурмати он шоҳи меъроҷ,
Ҳисоби мо магир дар явми маҳшар.
Илоҳо ҳазрати султони моро,
Бигардонаш зи офатҳои ин даҳр.

5. Табақи калони мармарӣ аз осорхонаи мардумшиносии ба номи М.С. Андреев:

Бисмиллоҳи-р-рахмони-р-рахим. Аллоҳу ло илоҳа илло ҳува-л-ҳайю-л-қаюм, ло таъхузуҳу синату-в-ва ло навм, лаҳу мо фӣ-с-самовоти ва мо фӣ-л-арзи, ман за-л-лазӣ яшфаъу ғиндаху илло биизниҳи, яъламу мо байна айдихим ва мо халфаҳум ва ло юҳитуна би шайъин мин ғилмиҳи илло би мо шоа васиъа курсийюҳу-с-самовоти ва-л-арза ва ло яъудуҳу ҳифзуҳумо ва ҳува-л-ғалию-л-ғазим. Матни мазкур ояти 255-и сураи дуюми Куръони карим буда, бо номи “Оятулкурси” машҳур аст ва матни он дар ёдгориҳои меъморӣ, сиккаҳо ва ғ. ба назар мерасад.

Дар доираи дигари табақи мазкур абёти форсӣ-тоҷикии зерин ҳақ шуда:

Табаррук ин табақи санги мармар,
Чу бехтар аз табақи Чину Кошғар.
Табаррук буданаш аз баҳри он аст,
Ки асли конаш аз дарбори Ҳайдар.
Ба ихлосаш хурад ҳар кас дар он ош
Бидех ризқи касир эй бандапарвар
Раҳимо, ҳурмати оёту-л-курси,
Ҳисоби мо магир дар явми маҳшар.

6. Табақи калони мармарии соли 1323 ҳ.қ. аз осорхонаи шаҳри Хоруғ (Акси 9):

Оқибат султони мо карданд аз ин дор интиқол,
Чаннату-л-фирдавс созад манзилаш вочиб таъол
Баъд аз фавти ҳазратам он носирӣ дини расул,
Молики мулки падар гардид ширингӯ ҳисол.
Умру давлат, фатҳ (у) нусрат рӯзӣ кун ё раб ба ӯ,
Бар сарири салтанат дор эй худованд дер сол.
Ин чаҳони пирзол аз адли доди ин амир,
Ёфт умри тоза гардид бо зеби чамол.
Мекунам васфи шаҳи олампаҳо дар ҳар табак,
Мешавад хурсанд дилам аз васфи ин юсуфчамол.

Доиё зарф кун ризки арзақ аз дари холиқ талаб,
Шоҳи ҳақ рӯзӣ расонад бар ту аз вачҳи ҳалол.

Чи тавре мушоҳида мешавад, дар катибаи табақҳои мраммари моҳияти асосии онҳо – барои истеъмоли оши палав истеҳсол шудан, таърихи истеҳсол ва абёти баландмазмунӣ ифодакунандаи завқи баланд ва зебопарастии тоҷикон дарҷ шудааст. Мо ҳамин зебопарастӣ, маърифати баланд ва лирикаӣ олии тоҷиконаро дар катибаҳои қолабии читгарӣҳо ва асбоби чӯбӣ низ мушоҳида карда метавонем:

Шукр кун банда бад-ин дастрас,
К-аз сари хони ту хурад чанд кас.
Катибаи кафчаи чӯбӣ:
Зарбаҳо дар сар дорам аз наччор,
То чашам ман лаззати лабҳои ёр.

Катибадӯзӣ яке аз ҳунароҳои пешинаи тоҷикон мебошад. Доир ба анъанаи катибадӯзии тоҷикон дар шаҳри Бухоро дар нимаи аввали асри XIX Мейендорф Е.К. иттилоъ дода буд. Тибқи навишта ӯ дар байни тоҷикон чунин анъанае мавҷуд буд, ки арусшаванда дар гулдӯзӣҳо ашъори Ҳофизӣ Шерозиро дӯхта ба домод ҳада менамуд. Дар поён дида мебароем, ки катибадӯзии тоҷикон танҳо ба ашъори Ҳоҷа Ҳофиз маҳдуд набуд, ин анъана то имрӯз боқӣ мондааст. Мо дар рӯймолчаи солҳои 80-уми асри XX дар деҳаи Навободи Кӯлоб аз ҷониби Рухсора ном гулдӯз духташуда мушоҳида менамоем (Акси 10):

Нишони аҳди ёрони вафодор,
Бувад рӯймолчаи зебои гулдор.
Ҳаминро ман ба дастат месупорам,
Дар ин сирри муҳаббат мегузорам.

Акнун мебинем, ки то замони шуравӣ дар гулдӯзӣҳо ба мазмуни абёти боло катиба духта мешуд ё не? Мо посухи ин пурсишро аз катибаи гулдӯзӣ -миёнбанди Осорхонаи марказии шаҳри Самарқанд, ки ба асри XIX мансуб аст, меёбем (Акси 11):

Аҷоиб рӯймоле менависам,
Ба он юсуфҷамоле менависам.
Нависам ман ба он дурри яғона,
Нависам ман ба он моҳи замона.

Бояд таъкид намуд, ки аз мавқеи эпиграфикаи маишӣ ва умуман аз нигоҳи катибашиносӣ гулдӯзӣҳои тоҷикии мазкур яке аз нодираҳои ҷаҳон мебошад. Ҳаҷми он 120x90 см буда, идомаи матни катибаҳо яш чунин аст [7]:

Сарве чу қадӣ ту дар чаман нест,
Мушке чу хати ту дар Хутан нест.
Ҳар пираҳан, ки медарад гул,
Бӯи ту ба ҳеч пираҳане нест.
Доим суҳан аз лаби ту гӯям,
Ширинтар аз ин суҳан суҳан нест...

Ғазали якум:

Эй тураи ту хам-хаму гесӯ гиреҳ-гиреҳ,
 Аз ҷаъди печ-печи ту ҳар мӯ гиреҳ-гиреҳ.
 Хохӣ зи паҳлуи ту кушояд дилам зи банд
 Банди қабо кушой зи паҳлу гиреҳ-гиреҳ
 Он зулфро ба мушк чи нисбат, к-аз ин матоъ,
 Дар Чин ба бод медиҳад оҳу гиреҳ-гиреҳ.
 Шуд умрҳо, ки ҳамчу санавбар бувад маро
 Дар дил зи шавки он қади дилчӯ гиреҳ-гиреҳ.
 Зулфи ту бар узори ту гӯё фитодааст,
 Ҷаъди бунафша бар гули худрӯ гиреҳ-гиреҳ.
 Чашмат ба ишва ба раги чон яке гиреҳ,
 Бандад ба ришта мардуми ҷоду гиреҳ-гиреҳ...

Ғазали дуоҷум:

Эй даҳонат зи лабу лаб зи даҳон ширинтар,
 Ханда ширину сухан гуфтан аз он ширинтар.
 Нарасад бо лаби ту лофи сухан тутиро,
 Гарчи ҳаст аз ҳама ширинсуханон ширинтар.
 Дар дили танги лабат ҳамчу шакар ширин аст,
 Лек дар дидаи хунобафишон ширинтар.
 Килки тасвир агар худ зи наи қанд бувад,
 Сурате аз ту кашидан натавон ширинтар
 Найшақр гарчи зи сар то ба қадам ширин аст,
 Нест аз қади ту эй сарви равон ширинтар.

Шоистаи ёдоварист, ки ин ду ғазали олий фармуздаҳои Нуриддин Абдурахмони Ҷомӣ буда, бори нахуст онҳо соли ... хонда ва чоп шуда буданд. Бояд ба назар гирифт, ки миёнбандро гиреҳ карда мебанданд ва дар яке аз ғазалҳои вожаи гиреҳ зиёд истифода шудааст ва аз тарафи дигар дар рӯймолча нақши гиреҳ мавҷуд аст. Дар ягон халқи дигари дунё ба мисли гулдӯзии тоҷикӣ чунин омехташавии муносиби ашъоори баландмазмун ва шакли истифодабарии гулдӯзӣ вучуд надорад.

Маълум аст, ки зери таъсири гулдӯзии тоҷикӣ гулдӯзии туркӣ ташаккул ёфтааст. Дар пайравӣ ба катибадӯзии тоҷикӣ хунармандони турк ҳам ашъори классикони ҳешро дар гулдӯзиҳо медӯхтанд. Чунончи дар гулдӯзии Осорхонаи миллии Тоҷикистон, ки аз Шаҳристон ҷамъоварӣ шудааст, матни мухтасари ғазали туркии Алишери Навоӣ аз ҷониби муаллифи ин сатрҳо чунин хонда шуд буд (Акси 12):

Сихҳатим озурда чон(он)имда булғой кошкӣ,
 Дарди онинг тинмағур ҷонимдан булғой кошкӣ.
 Нотавон кургунча бистардан синоник (дек) коматин,
 Юз синон бу чашми гирёнимда булғой кошкӣ.
 Булғуча ашки равоним сайли ҳар ён чилвагар,
 Чилва ул сарви хиромонимда булғой кошкӣ.
 Нолам ул ойға етиб чон васлидин маҳрум эзур,
 Ҷон дағи пайваста афғонимда булғой кошкӣ.

Ул аёқ озурда булғунча буллуб бошим фидо,
Заҳмати боштин аёқ чонимда булғой кошкӣ.
Эй Навой, дема(сан) розӣ сенму умрунг истаса,
Юз менинг умрумча султонимда булғой кошкӣ.

Дар баъзе гулдӯзиҳо номи гулдӯзӣ зикр мешавад, ки ин барои таснифи онҳо муҳим мебошад, Мо инро дар яке аз гулдӯзиҳои Осорхонаи мардумшиносии ба номи М.С. Андреев мушоҳида менамоем, ки гулдӯзӣ рупокча номида шудааст (Акси 13):

Ачаб рупокча хушранги аъло,
Муносиб бо ҳамон домоди мулло.
Ачаб домод ки ӯ Юсуф мисол аст,
Ду абрӯ моҳи нав ҳамчу хилол аст.
Рухаш чун офтоби моҳи тобон,
Лабаш чун мағзай сероби хандон.
Бубахшо умри човидон ба домод,
Шавад бодавлату иқбол домод.
Ки ин келину домоди чу гулро
Ки яъне кушапир кун ин ду гулро.

Дар умум эпиграфикаи маишӣ ё катибанигорӣ хонагии тоҷикон сарчашмаи муҳими таърихӣ ва фарҳангӣ буда, таҳқиқи комил, феҳристнигорӣ илмӣ ва муаррифии шоистаи он тақозои замон мебошад.

Адабиёт

1. Sharipov A. The ornamentation of tajik copper works// Мероси ниёгон – Душанбе, нашри дуюм, 2022 – р. 154-163
2. Крачковский И.Ю. Об одном эпитете а надписи бронзового таза Лӯлӯ// Эпиграфика Востока – М.-Л., II, 1948. - С. 3-8
3. Гюзальян Л.Т. Надпись с именами Бадр ад-дйна Лӯлӯ на бронзовом подсвечнике Государственного Эрмитажа// Эпиграфика Востока – М.-Л., II, 1948. - С. 76-82
4. Иванов А.А. Бронзовый тазик середины X IV в.//Средняя Азия и Иран. – Ленинград, 1972.- С. 114-135.
5. Даркевич В.П. Художественный металл Востока. – Москва, 1976.- 199 с.
6. Маршак Б.И. Бронзовый кувшин из Самарканда.// Средняя Азия и Иран. – Ленинград, 1972.- С.114-135
7. Шарифзода А.К. Эпиграфический орнамент в таджикской народной вышивке (XIX-XX вв.)// Орнаментальные ритмы Евразии. Знаки. Символы. Смыслы. – Москва, 2018. – С. 49-54

1. Сандукчай замони Сомониён 2. Лаъли аз н. Б. Гафуров

3. Лаъли аз Хучанд 4. Лаъли аз Панчакат. Баёнов

5. Лаълии Мулло Муқаддам 6. Лаъли аз осорхонаи Хулбук

7. Табақи мармарӣ аз ОМТ 9. Табақ аз осорхонаи Хоруғ

8-9. Табақчаҳо аз Урумчӣ 10. Рӯмолча аз Кӯлоб

11. Гулдӯзӣ аз Самарқанд

12. Гулдӯзӣ бо ғазали Навоӣ 13. Рӯпокча бо катибадӯзӣ

Сафар Эркаев
Худжанд
Нигора Эркаева
Мичиган

ВКЛАД РУССКИХ, СОВЕТСКИХ ЭТНОГРАФОВ В РАЗВИТИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ ТАДЖИКИСТАНА

В данной статье обсуждается вклад русских, советских этнографов в изучение истории и этнографии Таджикистана, их роль в развитии этнографической науки и подготовке таджикских учёных, роль музеев и архивов в пропаганде этнокультуры таджиков.

НАҚШИ МАРДУМШИНОСОНИ РУС ВА ШҶҶРАВӢ ДАР РУШДИ ИЛМҶОИ МАРДУМШИНОСИИ ТОҶИКИСТОН

Дар ин мақола саҳми этнографҳои рус, советӣ дар омузиши таърих ва этнографияи Тоҷикистон, роли этнографҳои советӣ дар таърихи мардумшиносии Тоҷикистон мавриди муҳокима қарор гирифтааст. Инкишофи илмҳои этнографияи Тоҷикистон ва тайёр кардани этнографҳои тоҷик, роли осорхонаҳо ва архивҳо дар пропагандаи маданияти этникии тоҷикон ва ғайра.

CONTRIBUTION OF RUSSIAN, SOVIET ETHNOGRAPHERS IN DEVELOPMENT OF ETHNOGRAPHIC KNOWLEDGE OF TAJIKISTAN

This article discusses the contribution of Russian, Soviet ethnographers to the study of the history and ethnography of Tajikistan, their role in the

development of the ethnographic science and the training of Tajik ethnographers, the role of museums and archives in propaganda of ethnoculture of the Tajiks.

Учитывая, что наука и образование являются ключевыми областями социальной политики государства, мы продолжим реформы в этой сфере с целью укрепления материально-технической базы этих направлений, а также будем поднимать статус учителя в обществе.»

Эмомали Рахмон.[1, 3]

Русские этнографы, ученые, специалисты внесли большой вклад в изучение истории и культуры, этнография Таджикистана. Например, труды Б.Л.Громбчевского, И.И.Зарубина, В.В.Бартольд, А.А.Семенова, А.Серебренникова, А.Е.Снесарева, М.С.Андреева, К.Г.Залемана, В.Л.Комарова, Г.А.Арандаренко, А.И.Райковой, Д.Л.Иванова, К.И.Богдановича, С.П.Михайловского, З.А.Широкова, Р.Ф.Итса, Е.М.Пещеревой, Т.А.Жданко, Б.Х.Кармышевой, А.Шишова, О.А.Сухаревой, А.К.Писарчик, Н.Н.Ершова и других, посвященные исследованию истории, культуры, этнографии, ремесла Таджикистана не потеряли своей ценности и по сей день.[2, 5]. Заметки, статьи и труды русских специалисты является фундаментальным источниками по изучению истории и культуры Таджикистана.

Значительный интерес вызвали работы археолога В.Л.Вяткина, открывшего в 1908 г. остатки знаменитой обсерватории Мирза Улутбека вблизи Самарканда на древнем Афрасиабе. Публикации А.А.Бобринского «Горцы верховьев Пянджа», А.А.Семенова «Этнографический очерк Зарафшана, Каратегина и Дарваза», А.Серебренникова «Очерк Памира», А.Шишова «Таджики». В.В.Бартольда «Таджики», первые этнографические исследования М.С.Андреева, А.Куна, А.Половцева, И.Зарубина раскрыли перед читателями новые страницы истории и культуры таджикского народа конца XIX – начале XX веков. Среди них имеют особый интерес представляют труды известного этнографа Зинаиды Александровны Широковой «Традиционная и современная одежда женщин Таджикистана», «Этнографические коллекции Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР», «Таджикской костюм конца XIX-XX вв.» и другие.

Надо отметить, что отдельные любители старины местного населения принимали участие в качестве проводников экспедиций, организуемых русскими и советскими востоковедами, путешественниками, археологами, **этнографами**, историками, географами, биологами экспедиции. В 1871 г. было создано Среднеазиатское научное общество, ставившее целью сбор и публикацию данных по истории и этнографии края. П.С.Савельев и П.И.Лерх собирали материалы по нумизматике, В.В.Григорьев издал ряд трудов по древнейшей истории края, академик В.В.Вельяминов-Зернов изучал историю Бухарского эмирата и Хивинского ханства, русские путешественники по Средней Азии В.Л. Вяткин, М.С.Андреев, И.В.Мушкетов, Б.А. Федченко, В.Н.Наливкин, М.И.Чайкин, Б.А.Кирхгоф, Д.Л.Иванов, З.А.Широкова и другие вели регистрацию археологических памятников, изучали древние города, собирали этнографические,

собирали данные по археологии, истории, культуре, географии, скотоводчеству, земледелию, ремеслу, экономике в Центральной Азии и Таджикистане.

Велика роль русских и советских ученых историков и этнографов в создании первых научных обществ. В начале 1897 года по инициативе В.Ф.Ошанина и С.И.Жилинского было организовано Туркестанское отделение Русского географического общества, которое проводило работу по научному изучению края. Кроме того, в Средней Азии были созданы отделения Русского технического общества и многие другие. Большое значение в изучении истории края и для развития астрономии в Средней Азии имело основание в 1873 г. Ташкентской астрономической обсерватории. Крупную роль в научной жизни края сыграли созданные тогда же метеорологическая станция, биологический, этнографический, исторический и археологический музеи.

Ученые-энтузиасты создали и другие научные общества: Комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях, Туркестанское медицинское общество, Общество естествоиспытателей и врачей Туркестанского края и многие другие. Русскими учеными был опубликован целый ряд научных трудов: в области естественных наук ботанические исследования В.Л.Каморова и И.А.Райковой, работы геологов Д.Л.Иванова, К.И.Богдановича, С.Н.Михайловского и Д.В.Наливкина, выявившие некоторые особенности рельефа и геологии Памира и Центрального Таджикистана, труды М.А.Менабира «Зоологические участки Туркестанского края» и Л.С.Берга «Рыбы Туркестана» и др. Надо отмечать, что по истории края вышли труды историка А.Шишова «Таджики», крупного востоковеда В.В.Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», «К истории орошения Туркестана» и ряд других. В них очень удобно использованы этнографические материалы по истории таджикского народа.

Велика роль русских и советских учёных в подготовке первых научных изданий по этнографии Таджикистана. В разное время были изданы первые монографии по этнографии таджиков: «Горцы верховья Пянджа» и «Орнамент горных таджиков» А.А.Бобринского, написанные на основе большого полевого материала, собранного автором. Крупный историк А.А.Семенов публикует два тома «Материалов для изучения наречий таджиков Центральной Азии», «Туркестанский сборник» 48-й том и «Этнографические очерки Зеравшанских гор, Каратегина и Дарваза», «Материальные памятники иранских культуры в Средней Азии» и др. Появляются работы будущих известных этнографов М.С.Андреева «Руководство для первоначального обучения сартовскому языку в Ташкентском реальном училище», «Деревянная колонна в Матче», «Таджики долины Хуф» «Материалы по этнографии Ягноба», М.С.Андреева и А.А.Половцева «Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии» [3, 8, 20], И.И.Зарубина «Сказание о первом кузнеце в Шугнанах», «Рождение шугнанского ребенка и его первые шаги», «Орашарские тексты», «Бартанские и рушанские тексты и словарь», «Список народностей Туркестанского края», «Очерк разговорного языка самаркандских евреев»,

А.Е.Снесарева «Краткий очерк Памира», «Памиры», «Североиндийский театр». Б.Д.Громчевский участвует в экспедициях и исследует Кашгар, Тянь-Шань, Памир, Тибет, Гиндукуш и определяет 14 астрономических пунктов, 158 высот, готовит сотни фотографий, собирает коллекции, ведет этнографические наблюдения[4, 117]

Большой вклад в изучение этнографии таджикского народа внесли ученые этнографы А.Е.Снесарев, Е.М.Пещерева, Т.А.Жданко, Б.Х.Кармышева, О.А.Сухарева, А.К.Писарчик, Н.Н.Ершов. Основной задачей русских и советских учёных этнографов во время изучения истории таджиков Памира, Хатлона, Зеравшанский, Ферганской долины было изучение традиционных черт повседневной, бытовой культуры народов Центральной Азии, образующие в совокупности вместе с языком из специфической, этнической облик. Они исследовали все стороны жизни этнических групп. [5, 195]

Велика роль советских этнографов А.Б.Бромля, О.А.Сухаревой, А.К.Писарчик, Н.Н.Ершова и других в подготовке этнографов Таджикистана И.М.Мухиддинова, Н.Х.Нурджанова, М.А. Хамиджановой, Н.О.Турсунова, У.Джахонова, А.Мардоновой, О.Муродова, Дж.Х.Джурабоева, М.Файзуллоева и др. Советские этнографы сосредоточили свое внимание на сферах повседневной жизни. Они изучали не только сохранившиеся явления далекого прошлого, но и установившиеся сравнительно недавно. Долгое время задачи этнографов ограничивались изучением только сельского, крестьянского населения, поскольку здесь дольше сохранялась традиционная культура.

Полевая работа советских и таджикских этнографов включала прямые наблюдения быта населения разных долины Средней Азии (непосредственное участие его в жизни, производстве, развлечениях, обрядах, обычаях и т.д.), опрос информаторов, анкетирование, ответ на вопросы, беседы. Весь материал фиксировался в виде записей, полевых дневников, а также зарисовок, чертежей, фотоснимков, киносъемок, магнитофонных записей. Они собирали вещественные коллекции (предметы утвари, одежды, украшений, народные искусства и прочие), которые затем поступали в этнографические музеи.

В числе этих проблем этнографической науки XXвека важнейшими были: а) изучение этнического состава населения отдельного региона, особенно – территорий со смешанным населением; б) этногенез (происхождение народов) и этническая история отдельных народов и их групп; в) реконструкция древнейших форм общественной жизни и культуры (первобытнообщинного строя) по пережиткам этих форм, сохранившимся у современных отставших в своем развитии народа: г) изучение современного состояния тех же пережитков, оценки их положительной или отрицательной роли в жизни людей, борьба с вредными пережитками прошлого; д) изучение положительных народных (этнических) традиций в области обычаев, культурных ценностей, народного искусства, меры поощрения и возрождения этих традиций; е) изучение этнические аспекты современной перестройки быта и культуры в особенности в наших странах; ё) изучение современные этнические

процессов, преимущество в развитых странах и в бывших колониальных странах, формирования новых наций, их взаимоотношения.

Таким образом, русские и советские ученые внесли большой вклад в изучение истории и этнографии таджикского народа ,в подготовку этнографов Таджикистана И.М.Мухиддинова, Н.Х.Нурджанова, М.А. Хамиджановой, Н.О.Турсунова, У.Джахонова, А.Мардоновой, О.Муродова, Дж.Х.Джурабоева, М.Файзуллоева и многих других. Прекрасное владение ими классическим языком фарси-таджикским, безукоризненное знание ими великорусского и тюркские языков послужили стимулами для создания солидных трудов.

Мы как специалисты- историки и этнографы- предлагаем создать дом-музей таджикских этнографов. Наши дорогие этнографы Таджикистана верны своему девизу о том, что труженик науки подобен ныряльщику, достающему со dna океана знаний заветный жемчуг истины

Литература

1.Посвящу свои знания и опыт во благо Таджикистана. Речь Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона по случаю инаугурации. 30 октября 2020 года. «Народная газета» № 46 (20276) 4 ноября 2020 года.

2.Раджабов З.Ш.Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во второй половине XIX и в начале XX вв.-Таджикгосиздат, Сталинабад,1957.

3.Додхудоева Л. Научное наследия А.А.Семенова и М.С.Андреева(архивные документы).-Душанбе.2013. – С.8,20. Эркаев С.А. Саразм - один из центров мировой цивилизации.-«Согдийская правда», №70 (16676), 18 августа 2018.

4.Махмудова Н.С.Культура и быт населения Памира и Припамирья в последней четверти XIX – начале XX вв.(По материалам русских востоковедов).- Худжанд, 2010.-С.117. «Согдийская правда», 21 июня 2016г.(С.А. и А.С Эркаев).

5.Широкова З.А.Проявление траура в одежде таджиков Соха.//Таърих ва этнографияи тоҷикон.-Хучанд:Наргиз, 2011.-

6. Таърих ва этнографияи тоҷикон.-Хучанд:Наргиз, 2011.

Лариса Додхудоева
Душанбе

ВКЛАД ПРОФЕССОРА ИКРОМИДДИНА МУХИДДИНОВА В ВИЗУАЛЬНУЮ АНТРОПОЛОГИЮ ТАДЖИКИСТАНА

Для профессора Икромиддина Мухиддинова фотография всегда оставалась инструментом этнографического исследования. Он снимал и документировал жизнь, быт жителей различных регионов Таджикистана, рассматривая этно-фотографию не столько в качестве вспомогательной информации полевых исследований, но и как самостоятельную информационную область, о чем свидетельствует его

документальное наследие в этнографическом архиве Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана.

САҲМИ ПРОФЕССОР ИКРОМИДДИН МУХИДДИНОВ БА АНТРОПОЛОГИЯИ ВИЗУАЛИИ ТОҶИКИСТОН

Барои профессор Икромиддин Мухиддинов суратгирӣ ҳамеша асбоби тадқиқоти этнографӣ буд. Ӯ рӯзгор ва зиндагии сокинони манотиқи мухталифи Тоҷикистонро ба навор гирифта, сабт намуда, этнофотографияро на танҳо ҳамчун як маълумоти ёрирасон барои тадқиқоти сахрой, балки ҳамчун як соҳаи мустақили иттилоотӣ дониствааст, ки мероси хуччатии ӯ дар бойгонии этнографии Институти таърих, бостоншиносии ва мардумшиносии ба номи А. Дониши АИМ Тоҷикистон мавҷуд аст.

CONTRIBUTION OF PROFESSOR IKROMIDDIN MUKHIDDINOV TO THE VISUAL ANTHROPOLOGY OF TAJIKISTAN

For Professor Ikromiddin Mukhiddinov photography has always been an instrument of ethnographic research. He filmed and documented the life of the inhabitants from various regions of Tajikistan, considering ethno-photography not only as auxiliary information for field research, but also as an independent information area. This is evidenced by his documentary heritage in the ethnographic archive of the A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography. of the National Academy of Sciences.

Keywords: Tajikistan, archive, ethno photography, research, document

Чтобы получить уверенность в работе в научных поездках, нужно освоиться с положением, что область тем, возможных фотографическому фиксированию, почти так же широка, как и область рисовальщика-художника

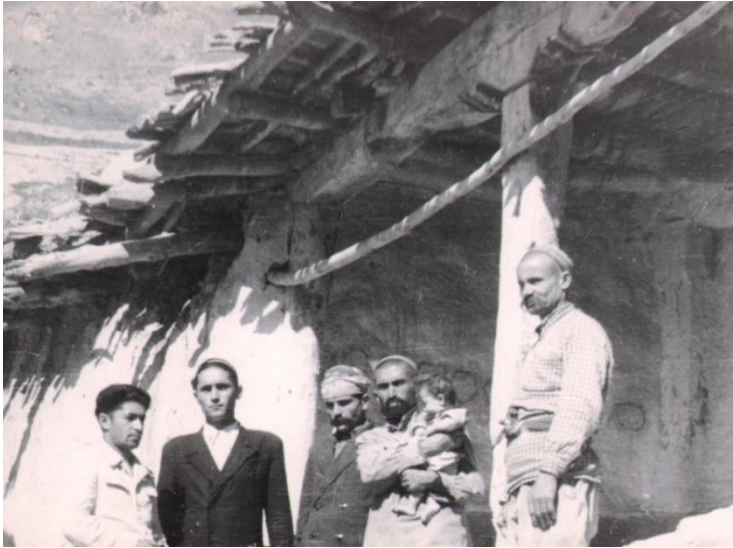
М.С.Дудин

Как известно, визуальная антропология как часть социальной антропологии, непосредственно связана с изучением и производством этнографической фотографии, кино и новых СМИ. В свою очередь этно-фотография способна фиксировать и представлять для изучения реальное состояние известных и малоизвестных или исчезающих культур, их духовные, бытовые, природные, исторические и другие характеристики. Она имеет самостоятельную научную ценность как источник важных знаний по повседневной истории народа, вопросам национальной идентичности.

Для профессора Икромиддина Мухиддинова (1933- 2010гг.). фотография всегда оставалась инструментом этнографического исследования. Он снимал и документировал жизнь, быт жителей различных регионов Таджикистана, рассматривая этно-фотографию не только в качестве вспомогательной информации полевых исследований, но и как самостоятельную информационную область, о чем свидетельствует его документальное наследие в этнографическом архиве Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук

Таджикистана(ИИАЭ НАНТ). Настоящее сообщение основано на тех, к сожалению, малочисленных фотоколлекциях И. Мухиддинова, которые сохранились в этнографическом архиве ИИАЭНАНТ.

Среди них коллекция № 28, созданная Н.Х. Нурджановым, И. Мухиддиновым и М. Рахимовым. Вместе они посетили Калайхумб, деха Пшихарф и Висхарв в 1954г. Поскольку Н.Х. Нурджанов очень интересовался театром и впоследствии стал выдающимся таджикским театроведом, он много внимания уделял именно

зрелищным акциям, местным исполнителям песен и танцев. В свою очередь М. Рахимов и И. Мухиддинов сосредоточили свое внимание на сельскохозяйственных работах, характеристике жилища, особенностях одежды и быта сельчан. В этой коллекции немало снимков с портретами трех членов экспедиции.

Слева направо: М.Рахимов, И.Мухиддинов среди жителей деха Узр Калайхумбского района.1954г.(№28-2)Фотограф Н.Х. Нурджанов

В 1955г. И. Мухиддинов стал руководителем и фотографом Кургантюбинской этнографической экспедиции. Коллекция, посвященная изучению жилища, поминально- похоронных обрядов и праздничных мероприятий в сельской местности, до настоящего времени оставалась малоизвестной исследователям. А.К. Писарчик указала, что в 1957-1958гг. И. Мухиддинов стационарно проводил полевые исследования в колхозе им. Ленина Коммунистического района, в котором жили переселенцы из других районов Таджикистана, относящиеся к различным этническим группам.[9,82-83] Возможно, она просто неверно указала дату экспедиции, поскольку начало его полевых работ в колхозе им. Ленина приходится на 1955г., что указано на обороте фотографий.

К своим экспедициям И. Мухиддинов тщательно готовился и нередко проводил стационарные изыскания на местах в течение длительного времени. Никто из таджикских исследователей XXвека, даже выдающийся этнограф М.С. Андреев, не проводил такие длительные стационарные исследования в определенном селении, как И. Мухиддинов в дарвазском селении Ёгед (Ягид). Здесь он прожил около года с 15 августа1958г. по 1

июля 1959г. среди местных жителей, ежедневно общался с ними. Его присутствие не отвлекало их от привычной для них повседневной жизни, не прерывало естественного хода событий в деха.

*Женщины и дети
слушают кон-
церт на туи
хатна.*

*Кургантюрбинска
я область, 1955г.
(№64-40)*

Обширная фотоколлекция И. Мухиддинова № 65 в самом начале состояла из 536 снимков. К настоящему времени она утратила около трети всего материала, но и имеющиеся в наличии отпечатки дают весьма полное впечатление о жизни селения. Исследователь собирал полевые материалы в колхозе им. Куйбышева, деха Егед Калаихумбского района ГБАО, где до настоящего времени проживают исмаилиты, по следующим темам: население, топонимика, селение и жилище, духовная культура, семейный быт, ономастика.[10,23] Впоследствии он еще несколько раз посещал Дарваз: в 1960 г., с Додаром Мирзоевым, в 1961г. и во время Памирской экспедиции в 1972г. (Калаихумб, деха Пшихарв).

Следует отметить, что семья И. Мухиддинова вела свое происхождение из Дарваза, вследствие чего он великолепно владел таджикским языком с его локальными характеристиками, легко ориентировался в повседневной практике сельчан, их ритуалах, коллективных представлениях, хотя шиитский деха Егед, где проживали исмаилиты и имамиты, все же значительно отличался от своих соседей-суннитов рядом характеристик и в силу своей изолированности.[6,109] Его основными задачами являлось изучение населения, топонимики, жилища, духовной культуры, семейного быта, семейных отношений, ономастики, хозяйства, локальной культуры, в том числе ремесла.

Много снимков фотоколлекции №65 посвящено хозяйственной деятельности сельчан: работа на колхозном поле, обработка земли, коконов, плотничество, обмолот зерна, покос и прочее. Этнографом была запечатлена и гендерная история, антропология женской домашней повседневности и т.п. Особое место в коллекции занимают снимки, посвященные различным ритуалам и обычаям, связанным с рождением ребенка, похоронным циклом, приемом пищи,

Фундаментальная фотоколлекция № 65 является свидетельством его важных полевых изысканий в данном регионе. Ее материалы позволили их автору впоследствии опубликовать ряд исследований, в которые вошли материалы, собранные им во время полевых исследований в деха Ёгед. Хотя, как пишет А.К. Писарчик, начало его деятельности, как фотографа, приходится на 60-е гг. [9,48] данный и предшествующий фотоблок (№ 64) являются яркими свидетельством того, что в 50-е годы он уже умело владел камерой, верно и точно фиксировал главные детали происходящего.

В фотоколлекции №69 Нурекской этнографической экспедиции собраны снимки, сделанные И.Мухиддиновым в 1963г. В основном фотографии подготовлены лично им, руководителем экспедиции, за исключением нескольких снимков, относящихся к 1964г., которые принадлежат З.А. Широковой и Д. Исмоилову, что отмечено в комментариях на оборотной стороне отпечатков. Объектами фотографирования для И. Мухиддинова в основном являлись традиционные для него темы: сельское хозяйство, быт, обряды и обычаи, ремесла, жилище и т.д.

Внимание же З.А. Широковой было сосредоточено в основном на изучении костюма местного населения, что соответствовало ее научным интересам. Д. Исмоилов, о котором не удалось найти никакой информации, вероятно, был членом экспедиции в 1964г. или же местным жителем, который помогал вести полевые работы. Он снимал в основном детские игры и святые места *мазары*, которых было немало в зоне затопления Нурекской ГЭС.

Старинный способ приветствия женщин.д. Ёгед, 1958г. № 65-209

Усто Махмад Мурод за изготовлением ложек Нурек, 1964 д. Сари-Джу.

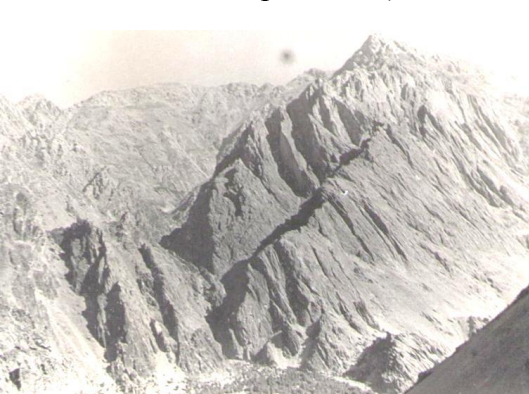
Коллекция № 96 представляет результаты полевых работ Памирской этнографической экспедиции 1972г. под руководством И. Мухиддинова, который и в этом случае являлся фотографом. Этно- исследования им велись в Рошткалье, в

Шохдаре(деха Калъа и Сижд, Бижур),в Вахане(деха Вранг, Рын, Лянгар, Ямч, Джаушангоз), в Рушане, а также Калаихумбе, Пшихарве и Хороге.

Во всех этих селениях объектом его изучения стали в основном земледелие и ирригация. В связи с этим среди фотодокументов много снимков, отображающих уборку зерна и его обмолот волами, укладывание снопов колосьями внутрь, сбор бобовых, люцерны, подготовку оросительных арыков и каналов, водосливов, акведуков, водосбросов. Практически все материалы, собранные И. Мухиддиновым в процессе полевых работ, стали основой его дальнейших публикаций о традиционном ведении хозяйства горными таджиками.[7;8]

Известный художник, этнограф, путешественник, фотограф, коллекционер, исследователь искусства Востока, С. М. Дудин-Марцинкевич (1863–1929) предлагал начинать изучение края с более общих характеристик, с фотофиксации окружающих пейзажей, путей сообщения, способов перевозки, дорог, выючных троп, мостов, защитных сооружений и лишь затем переходить к конкретным вопросам.[11,92]

Для И. Мухиддинова это было также чрезвычайно важно, о чем свидетельствуют его многочисленные фото-пейзажи в разных ракурсах в любой из его фотоколлекции. К примеру, он представлял как фантастические овринги горных цепей, так территории, предназначенные для затопления при строительстве Нурекской ГЭС , расположение мазаров и святых мест в конкретном ландшафте. Среди снимков встречаются и пейзажи тех, мест, где И. Мухиддинов проводил свое исследование (панорамы деха Сипондж, Ровид,Рошткальы, Вранг и т.п.).

Панорама деха Кули Суфиён. Нурек.1963г.№69-77 Вид на деха Ёгед .1958г.65-290

И. Мухиддинов создал множество портретов сельчан. Его точные и яркие фотоработы воссоздают антропологию женской домашней повседневности разных регионов страны в XX в.

Особый интерес вызывает фотоблок И. Мухиддинова, посвященный оформлению стен в летних помещениях *пекама*, *пештока* домов в деха Егид. Традиции этого живописно-скульптурного дизайна местные жители связывают с глубокой древностью. Обычно их наносили тремя способами: налепом на стены,

посредством красочного рисунка, а также в виде рельефа из увлажненной глины белой глины *арза*. [6,110]

К настоящему времени сложилось мнение, что в горных регионах Таджикистана оформление внутренних помещений жилищ сводилось в основном к обработке деревянных конструкций, а живописный дизайн не использовался совсем. Фото-исследование И. Мухиддинова (коллекция №65) наряду с изысканиями М.С. Андреева, Н.А. Кислякова [1;4;5] и других доказывает, что здесь экстерьеры и интерьеры также украшались живописным и рельефным глиняным декором. Заметим, что среди сохранившихся снимков дизайна стен в деха Ёгед в фотоколлекции отсутствуют те, которые он привел в своей известной статье, посвященной данной проблеме. [6]

В отдельных случаях И Мухиддинов и сам становился объектом фотографирования. Особое место в деятельности этнолога занимает его участие в качестве модели для иллюстраций «Альбома одежды таджиков» Н.Н. Ершова и З.А.

Широковой. [3] Его составление было начато сектором этнографии в 1960г.

Эта фотосессия была проведена с целью создания не только визуального фотоматериала. На его основе впоследствии художницы альбома Ю.П. Гремячинская, Х.А. Жаба (автор только нескольких гуашей) позднее подготовили свои иллюстрации, вошедшие в альбом Н.Н. Ершова и З.А. Широковой.

Настенные рисунки вокруг окна в деха Ёгед. № 65-336

Фотоколлекция №50 из этнографического архива ИИАЭ НАНТ представляет фотосессию музея этнографии (снимки З.А. Широковой). Поиски моделей для демонстрации уникальных костюмов были недолгими. Ими стали сами сотрудники сектора этнографии ИИАЭ НАНТ, студенты, а также жители Сталинабада, каратегинцы, проживавшие в деха Хаджаамбиё Сталинабадского района, о чем свидетельствует опись. В показе костюмов помимо И. Мухиддинова принимали участие ведущие сотрудники сектора этнографии: Н. Ершов, А. Давыдов, М. Хамиджанова, Л. Бахтоваршоева, сотрудник сектора искусства М. Рузиев и другие. [2]

Несмотря на малочисленность сохранившихся фотоколлекций И. Мухиддинова (всего 5 фотоблоков) в этнографическом архиве ИИАЭ НАНТ, в целом его визуальное наследие настолько содержательно, что невозможно ограничиться характеристикой всех его фото-исследований в одной статье. В силу

этих причин в данном сообщении приводятся только отдельные визуальные репрезентации ученого, связанные с визуальной антропологией Таджикистана XXвека.

Особенно важно, что в его фото-наследии прослеживается этическая ответственность автора перед героями снимков. И Мухиддинов не увлекался какой-то одной темой в ущерб другим, а тем более не производил съемку в спешке. В целом можно было бы сказать, что визуальные методы исследователь использовал с разными целями согласно классической методике: как средство «поймать момент», собрать и сохранить данные, а также проанализировать их, показать результаты, обсудив их с другими, а также катализировать изменения, как личные, так и социальные. [12]

В целом архивные фотодокументы И. Мухиддинова из собрания ИИАЭ НАНТ, весьма разнообразны по своей тематике, географическим особенностям, временному диапазону. Все сохранившиеся коллекции отличны друг от друга по способу зафиксированного им материала, тематике, методу визуальной репрезентации, но каждая из них является уникальным научным источником. Без сомнения, все они представляют ценнейший материал по истории, духовной и материальной культуре таджиков в рамках отечественной этнографической традиции XXвека. Благодаря вкладу И.Мухиддинова визуальная антропология Таджикистана XX века значительно обогатилась новыми материалами, которые следует детально и серьезно изучить в будущем.

Литература

1. Андреев М.С. Орнамент горных таджиков верховьев Аму-Дарьи и киргизов Памира. Ташкент, 1928;
2. Додхудоева Л. Ресурсы визуальной репрезентации полевых материалов (на примере «Альбома одежды таджиков» Н.Н. Ершова и З.А. Широковой)// Мероси илмии З.А. Широкова ва масъалаҳои омузиши эҷодиёти халк. //Маводҳои конференсияи байналмилалӣ илми. Душанбе, 27 ноябри соли 2020.- Душанбе, 2022.,с.184-196
3. Ершов Н.Н., Широкова З.А. Альбом одежды таджиков. Художники Ю.П. Гремячинская, Х.А. Жаба., отв. ред. А.К. Писарчик. Душанбе, 1969
4. Иванов М.С. В. К вопросу об изучении стеновых росписей горных таджиков //Краткие сообщения института этнографии АН СССР т.1, 1947, с. 80-83
5. Кисляков Н.А. Бурх-горный козел//Советская этнография, 1937, №4, с. 104.
6. Мухиддинов И. Стенные росписи жилищ в селении Ягид(Дарваз) и связанные с ними поверья и представления.// Советская этнография, М. 1964. –С. 109.
7. Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима в XIX-начале XXв(ист.-этног. очерк). / Отв. ред. Л.Ф. Моногарова.-Москва, 1975;
8. Мухиддинов И. Особенности традиционного земледельческого хозяйства припамирских народностей.//Отв. ред. Б.И. Искандаров, Л.Ф. Моногарова.- Душанбе, 1984г.

9.Писарчик А.К.Этнографическая наука в Таджикистане(1920-1990гг.)/Под. к печати Н-Бабаева.- Душанбе, 2002

10.Полная опись дел 1948-1963гг. сектора этнографии Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша.

11. Прищепова В.А. С.М. Дудин и визуальная антропология в России.// Лавровский сборник. Материалы XL Среднеазиатско Кавказских чтений 2016 г. Этнология, история, археология, культурология / Отв. ред. М.С-Г. Албогачиева, М.Е. Резван. — СПб.:МАЭ РАН, 2017. — С. 91-104 — [Электронное издание]. Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-150-4/© МАЭ РАН

12.Христофорова О.Б. Полевые методы в визуальной антропологии

Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика: <https://www.ruthenia.ru/folklore/hristoforova3.htm>

Зинатмо Юсуфбекова, Мумина Шовалиева

Душанбе

М.Р.РАХИМОВ И М.А.ХАМИДЖАНОВА - ЗНАТОКИ ДУХОВНОЙ И МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ТАДЖИКОВ

Известно, что до 60-х годов XXв. этнографическим изучением Таджикистана в основном занимались русские учёные-этнографы как И.И.Зарубин, М.С.Андреев, Н.А.Кисляков, Е.М.Пещерева, О.А.Сухарева, А.К.Писарчик и т.д. В 70-е годы меняется само отношение к этнографическим исследованиям потому, что изучение этнографии таджиков в рассматриваемый период становится одной из наиболее актуальных проблем отечественной исторической науки. В этот период под руководством русских учёных старшего поколения в этнографической науке становится весомым вклад таджикской научной молодёжи, которые точнее и полнее фиксируют жизнь, быт, обычаи, обряды и верования своего народа. Одними из таких учёных, в будущем знатоками таджикской этнографии, являлись М.Р.Рахимов,ученик Н.А.Кислякова и М.А.Хамиджанова, ученица Е.М.Пещеревой .

М.Р.РАҲИМОВ ВА М.А.ХОМИДҶОНОВА — МУТАХАССИСОНИ ФАРҲАНГИ МАЪНАВИ ВА МОДДИИ ТОЧИКОН

Маълум аст, ки то солҳои 60-уми асри XX ба омӯзиши этнографии мардуми Тоҷикистон асосан этнографҳои рус И.И.Зарубин, М.С.Андреев, Н.А.Кисляков, Е.М. Пещерева, О.А.Сухарева, А.К.Писарчик ва ғайраҳо машғул буданд. Дар солҳои 70-уми асри XX муносибат ба таджикоти этнографӣ тағйир меёбад, зеро омӯзиши этнографияи тоҷикон дар ин давра ба яке аз проблемаҳои муҳимтарини илми таърихшиносии ватанӣ табдил меёбад. Дар ин давра бо роҳбарии олимони машҳури рус дар илми этнография сахми ҷавонони болаёқати тоҷик назаррас мегардад, ки

хаёт, тарзи зиндагӣ, расму оин, маросимҳо ва эътиқодҳои мардуми худро дурусттар ва пурратар инъикос менамоянд. Ба зумраи чунин олимон, дар оянда мутахассисони намоёни илми мардумшиносӣ – Рахимов М.Р. ва Ҳомидҷонова М.А. дохил мешуданд.

M.R.RAKHIMOV AND M.A.KHAMIDZHANOVA - EXPERTS IN THE SPIRITUAL AND MATERIAL CULTURE OF THE TAJIKS

It is known that until the 60s of the 20th century Ethnographic study of Tajikistan was mainly carried out by Russian ethnographers such as I.I. Zarubin, M.S. Andreev, N.A. Kislyakov, E.M. Pechereva, O.A. Sukhareva, A.K. Pisarchik, etc. In the 70s, the attitude to ethnographic research itself changed because the study of the ethnography of the Tajiks in the period under review became one of the most pressing problems of domestic historical science. During this period, under the guidance of Russian scientists of the older generation, the contribution of the Tajik young scientists became significant in ethnographic science, who more accurately and more fully record the life, way of life, customs, rites and beliefs of their people. Such well-known scientists, in the future good scientists in the field of Tajik ethnography, were M.R. Rakhimov, a student of N.A. Kislyakov, and M.A. Khamidzhanova, a student of E.M. Peshereva.

Известно, что до 60-х годов XXв. этнографическим изучением Таджикистана в основном занимались русские учёные-этнографы такие как И.И.Зарубин, М.С.Андреев, Н.А.Кисляков, Е.М.Пещерева, О.А.Сухарева, А.К.Писарчик и т.д. В 70-е годы меняется само отношение к этнографическим исследованиям потому, что изучение этнографии таджиков в рассматриваемый период становится одной из наиболее актуальных проблем отечественной исторической науки. В этот период под руководством русских учёных старшего поколения в этнографической науке становится весомым вклад таджикской научной молодёжи, которые точнее и полнее фиксируют жизнь, быт, обычаи, обряды и верования своего народа. Одними из таких учёных, в будущем знатоками таджикской этнографии, являлись М.Р.Рахимов, ученик Н.А.Кислякова, и М.А.Хамиджанова, ученица Е.М.Пещеревой .

Рахимов Махманайм Рахимович родился 15 апреля 1922 года в селении Сафедорон Калайхумбского района Республики Таджикистан (в то время Таджикской ССР). По окончании школы в 1938 году работал культармейцем в кишлаке Калайхумби Боло в Сагърдаште учителем. В декабре 1941 года был призван в ряды Красной Армии, участвовал в боях на Сталинградском фронте, был тяжело ранен и после лечения в марте 1943 года демобилизован. С апреля 1943 года преподавал русский язык в средней школе в Сафедороне. В 1947 году окончил Душанбинский пединститут по специальности таджикская филология. Ближайшими учителями в вузе были Носирджон Маъсуми и Боки Рахим.

В 1948 году он поступает в аспирантуру ТФАН СССР, где его научными руководителями были сначала М.С.Андреев, а после его смерти с ноября 1948 года А.К.Писарчик, позднее Н.А.Кисляков. [2].

Сразу же по поступлению, М.Р.Рахимов активно участвовал во всех экспедициях, организованных то время Институтом истории для изучения различных пережитков и обрядов в быту у таджиков. Так, он участвовал в Кулябской этнографической экспедиции 1948-1949гг. в Кулябскую область Таджикистана, в 1952-1954годах – в Каратегин и Дарваз, в 1958, 1960, 1961 годах в Верховья Зеравшана, в 1968-1971гг. в Вахдат (Орджоникидзеобадский район) для конкретного социологического исследования религиозности населения.

В начале своей этнографической деятельности он участвовал в работе Кулябской этнографической экспедиции 1948-1949гг. во втором полевом сезоне обследования южных его районов. В этой экспедиции М.Р.Рахимов занимался более или менее стационарно сбором сведений среди таджиков г.Куляба и необследованных в 1948году таджиков в сельском совете Йол на самом юго-востоке тогдашнего Дашти Джумского района в сельском совете Яхсу Ховалингского района на северо-востоке области.

Во время сбора своего полевого материала в 1948 году он хорошо освоил методику сбора полевого этнографического материала, а его тесный контакт с информаторами долины р.Хингоу позволил ему собрать богатый и ценный материал как по долине р.Хингоу, так и по Кулябу. Весь этот материал, включая многочисленные командировки в этот район, лёг в основу его кандидатской диссертации, защищенной в 1951 году под названием «Земледелие таджиков бассейна Р.Хингоу в дореволюционный период», а затем уже монографии.[3]. Данная монография являлась первым исследованием в области сельского хозяйства горных районов Таджикистана, в нем мы видим много нового материала.

В сельском совете Йол М.Р.Рахимовым были выявлены и записаны сведения об обычае «шахтутмол»- букв. обмазывающие (себя) соком плодов черного тута-пережитки древнейших форм отношений между полями при переходе к парной семье. Позднее по Кулябу сведения о шахтутмол, независимо от М.Р.Рахимова и друг от друга были повторно выявлены этнографами Д.Г.Резником (личное сообщение) и Н.С.Бабаевой (сообщение на заседании отдела этнографии).

Следующей, после Кулябской области, была обследована методом сплошного этнографического обследования Гармская область (Каратегин и Дарваз), что было связано с массовым плановым переселением горных таджиков на равнины, на земли нового орошения, в хлопкосоющие районы. В результате этого население Дарваза, и особенно Каратегина находилось в эти годы в постоянном движении. Каждый год все новые и новые кишлаки направлялись вниз. Это диктовало этнографам необходимость срочного сбора материалов, так как Каратегин и Дарваз с прилегающими горными районами – один из основных массивов компактного расселения таджиков в республике. Сбор материала, вместе с выездами для проверки и дополнения собранного, продолжался здесь в течении 6 лет, до 1957г. включительно.

Результатом этих экспедиций были разделы, написанные М.Р.Рахимовым для первого выпуска «Сельское хозяйство» [4], и для третьего выпуска – «Рождение и

воспитание ребенка» [5]. Редактором же всех трех выпусков являлись Н.А.Кисляков и А.К.Писарчик .

16 июня 1951г., после организации сектора этнографии Академии наук Таджикистана, М.Р.Рахимов был принят на работу в качестве научного сотрудника, наряду с Б.Х.Кармышевой, Н.Х.Нурджановым, Н.Н.Ершовым и З.А.Широковой. С 1951г. он работал сначала младшим научным сотрудником сектора этнографии Института истории Академии наук Таджикской ССР, с 1955 года – старшим научным сотрудником данного отдела.

В 1954 году он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Земледелие таджиков бассейна реки Хингоу в дореволюционный период» под руководством Н.А.Кислякова. Сам он хорошо знал Хингоу, поскольку сам был выходцем из этих мест. Земледелие до революции было основным занятием населения бассейна реки Хингоу. Н.А.Кисляков написал рецензию [1] на кандидатскую диссертацию М.Р.Рахимова, внимательно прочитав и проанализировав 370 печатных страниц его кандидатской диссертации.

В своей работе М.Р.Рахимов описал различные процессы в земледелии, разнообразные сохранившиеся пережитки в них, обычаи и обряды, связанные с земледелием, которые непосредственно были взаимосвязаны с беспомощностью человека перед силами природы и окружающей среды. Тем не менее, как отмечает М.Р.Рахимов, горные таджики обладали старинными навыками обработки земледельческого труда, имели богатый опыт своих предков по практической работе в этой области, которые впоследствии помогли им выработать новые методы обработки земли, в то же время, использование в земледелии опыта предков помогло им выжить в трудных горных условиях.

С 1963 года он работает зав.сектором научного атеизма Отдела философии АН Таджикской ССР, а с 1971 года – он доцент кафедры истории СССР Таджикского Государственного Университета им.В.И.Ленина (сейчас ТНУ). Вплоть до последних лет своей жизни он проработал в Таджикском Госуниверситете на кафедре Древней и средневековой истории, подготовив многочисленные кадры историков.

В 70-80-е годы XXв. он вёл курс «Этнография» на исторического факультете. Однако этнографией на факультете интересовались не все, поскольку эта наука была особой, связанной с экспедициями и т.д. Несмотря на это, по воспоминаниям кандидата исторических наук, этнографа Шовалиевой М. она заинтересовалась этнографией именно благодаря захватывающим и интересным лекциям М.Р.Рахимова. Ещё на первом курсе он посоветовал ей заниматься этнографией и предложил ей в качестве курсовой работы «Вклад Н.А.Кислякова в изучение семьи, брака и семейных отношений у таджиков». Следует отметить, что впоследствии эта тема стала дипломной работой М. Шовалиевой . Далее, вспоминает Шовалиева М., М.Р.Рахимов руководил всеми её курсовыми работами в течении 4-х лет, и на пятый год – дипломной работы) , которые были посвящены указанной проблеме. Он привил ей любовь к этнографии. Следует оговориться, что он являлся очень строгим научным руководителем, требовал использовать большое число как полевых, так и

архивных материалов, и работы в Центральном Государственном Архиве РТ, отделе «Личные фонды».

Известно, что М.Р.Рахимов являлся хорошим специалистом в области сельского хозяйства. Он также был хорошим знатоком в области религиозных верований и представлений, семейных обрядов, в частности, похоронно-поминальных обрядности.

Хамиджанова Мукаддама Ахмеджановна родилась 25 июля 1928 г. в г. Самарканде. В 1954 г. окончила исторический факультет Таджикского гос. университета им. В.И. Ленина. Учителя в университете Д.Е. Хайтун и Ю.А. Шиббаева, после А.К. Писарчик, Н.Н. Ершов и Е.М. Пещерева.

В 1954 г. поступила работу в сектор этнографии Института истории АН ТаджССР. В 1966 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему: "Материальная культура матчинцев до и после переселения на вновь орошаемые земли" (Руководитель Е.М. Пещерева) [2;6;7] В 1971г. по апрель 1985 года была заведующей отделом этнографии Института истории, археологии и этнографии им.А.Дониша Академии наук Таджикской ССР

Она была участником всех крупных этнографических экспедиций отдела этнографии по сплошному обследованию всех регионов Таджикистана: северной Таджикской экспедиции Института этнографии АН СССР и Института истории АН ТаджССР - в 1950 - 1951 гг.; Гармской этнографической экспедиции 1952 -1957 гг и в 1974 -1977 гг.; зоны затопления Нурекской ГЭС - 1963 -1964 гг.; верховьев Зеравшана - 1958 -1964 гг., 1967 -1976 гг. и 1979 -1985 г.; места нового поселения ягнобцев и матчинцев - 1971 -1977 гг. Во всех этих районах Хамиджанова М.А. собирала материал по всем отраслям этнографии, в том числе, материальной культуре (жилище, одежда, пища), сельскохозяйственным занятиям (Ягноб), по семейному быту и верованиям. [2].

Мукаддам Ахмеджановна Хамиджановна была оригинальной личностью, о которой у многих сохранились самые добрые воспоминания. Она являлась наставницей для современных этнографов Таджикистана в пору их юности.

Её биография похожа на биографии миллионов советских женщин. Ей было суждено одной из первых женщин местной национальности выбрать сложный и тернистый путь науки. Этнография рано стала привлекать ее внимание. Ее желание окрепло после сотрудничества с такими выдающимися учеными, как Е. Е. Пещерева, Б. Х. Кармышева и Н.Н. Ершов, под чьим руководством она приступила к научным изысканиям. Первоначально объектом исследования Мукаддам Ахмеджановны была проблема семьи, семейного быта и семейных отношений в Зеравшанской долине.

Затем она стала заниматься сбором и обработкой материалов по вопросам традиционного быта, материальной и духовной культуры других регионов Таджикистана. Её монографии, статьи, заметки, сообщения являются уникальными. В них она объединила и подвергла научному анализу много разнообразного, интересного этнографического материала по Таджикистану, сумела сопоставить его с опубликованными данными других регионов Средней Азии.

Муккадам Ахмеджановна обладала великолепным административным талантом. Будучи заведующим отделом этнографии Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша она смогла создать сплоченный творческий коллектив. Она постоянно оказывала всестороннюю помощь молодым сотрудникам и была для них истинным наставником. Она считала важным процесс совершенствования знаний и каждый год отправляла молодых специалистов на стажировку, в аспирантуру в научные центры г. Москвы и Ленинграда. Когда М.Хамиджанова заведовала отделом этнографии, сотрудники работали весьма плодотворно. Ими была подготовлена и опубликована серия коллективных сборников и индивидуальных монографических исследований.

Кроме научной деятельности М.А. Хамиджанова занималась и педагогической работой. Она преподавала курс "Этнография народов мира" в Педагогическом институте им. К. Джураева (ныне Педуниверситет им. С. Айни). Перед началом летних каникул она раздавала студентам вопросники по многим этнографическим темам, например, "Пища таджиков", "Рождение", "Свадьба" ит.д.. В сентябре они должны были предоставить ей собранный полевой материал, который она сдавала в архив отдела этнографии. Данная информация, касающаяся всех регионов Таджикистана, оказала всем сотрудникам отдела определенную помощь при написании ими многих работ по указанным выше проблемам. Это был один из методов подготовки молодых этнографов Таджикистана, с помощью которого Хамиджанова М.А. стремилась привить любовь к науке.

В 1981 г. сотрудники отдела этнографии активно включились в работу по организации Музея этнографии, директором которого назначили М. Хамиджанову. Всем сотрудникам пришлось участвовать в реставрации экспонатов, их научном описании и систематизации. То есть следует отметить то, что она стояла у основ создания данного музея, приложив все усилия для того, чтобы восстановить Музей этнографии имени М.С.Андреева в таком виде, в каком он сейчас представлен. В настоящее время число экспонатов Музея этнографии составляет более 10.000 экспонатов, которые в своё время были собраны во время этнографических экспедиций М.С.Андреевым, А.К.Писарчик, Н.Н.Ершовым, З.А.Широковой, М.А.Хамиджановой, А. Мардоновой, Н.Бабаевой и другими этнографами.

Вклад М. А. Хамиджановой как исследователя в развитие этнографического изучения народов Таджикистана весьма значителен. Она бесспорно может считаться одним из лучших организаторов науки, руководившим рядом важных изыскательских экспедиций и процессом создания этнографического музея Национальной академии наук Таджикистана.

Таким образом, этнографы Хамиджанова М.А и Рахимов М.Р. являлись одними из первых этнографов –таджиков, внесших огромный вклад в изучение этнографической науки в Таджикистане. Они занимались как материальной, так и духовной культурой таджиков периода XX века, изучая также преобразования и изменения во всех сферах этнографической науки данного периода.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Архив МАЭ РАН. Кунсткамера. СПб. Отзыв Н.А.Кислякова на работу М.Р.Рахимова. Ф.29, оп.36.
2. Писарчик А.К.. Этнографическая наука в Таджикистане (1920-1990 гг.) Душанбе, 2003
3. Рахимов М.Р. Земледелие таджиков бассейна р.Хингоу в дореволюционный период. Автореф. дисс.//КСИЭ, 1955. Вып.24.-С.75-85
4. Таджики Каратегина и Дарваза, Вып1., Сталинабад, 1966
5. Таджики Каратегина и Дарваза. Вып.3, 1976
6. Хамиджанова М.А. Материальная культура матчинцев до и после переселения на вновь орошаемые земли. Автореф. дисс. Душанбе, 1965
7. Хамиджанова М.А. Изменения традиционно-бытового уклада жителей высокогорий Таджикистана после переселения в предгорья и на равнину//Этнография в Таджикистане. Душанбе, 1989
8. Хамиджанова М.А.- 80 лет./Ред. Л. Додхудоева.-Душанбе, 2008

Мадина Бакиева

Душанбе

ВКЛАД А.С. ДАВЫДОВА В ИССЛЕДОВАНИЕ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА ВЕРХНЕГО ЗАРАФШАНА

Документы выдающегося этнографа А.С. Давыдова, хранящиеся в этнографическом архиве Национальной академии наук Таджикистана, посвящены ремеслам Верхнего Зарафшана и являются важным источником по истории ремесленного производства этого региона. В них сохранены многие сведения, которые автор собрал во время комплексных полевых работ в данном крае, живого наблюдения и опросов.

САҲМИ А. С. ДАВЫДОВ ДАР ТАҲҚИКИ ЭҶОДИЕТИ ХАЛҚӢ ЗАРАФШОНИ БОЛОӢ

Хуччатҳои этнографи барҷаста А.С. Давыдов, ки дар бойгонии этнографии академияи Миллии илмҳои Тоҷикистон нигоҳ дошта мешаванд, ба ҳунариҳои Зарафшони Болоӣ бахшида шудаанд ва манбаи муҳими таърихи истеҳсолоти ҳунаромандии ин минтақа мебошанд. Дар онҳо маълумоти зиёде, ки муаллиф ҳангоми корҳои комплексии саҳроӣ дар ин минтақа, мушоҳидаи зинда ва пурсишҳои ҷамъоварӣ кардааст, ҳифз карда шудааст.

A.S. DAVYDOV'S CONTRIBUTION TO THE STUDY OF UPPER ZARAFSHAN FOLK ART

The documents of the outstanding ethnographer A.S. Davydov, stored in the ethnographic archive of the National Academy of Sciences of Tadizhkistan, are devoted to the Upper Zarafshan crafts. They are an important source on the history of handicraft production in this region. They contain many of the information that the author collected during complex field work in this region, live observation and surveys.

Давыдов(слева) и М. Хамиджанова в экспедиции. 1972г.

Давыдов Амнун Соломонович (род. 9 января 1935г.) в Шахрисабзе Узбекской ССР. В 1957г. он окончил с отличием исторический факультет Таджикского Государственного университета. В 1957-58гг. работал в Республиканском Историко-краеведческом музее в должности старшего

научного сотрудника, в 1959г. был принят в сектор этнографии

Академии наук Таджикской ССР сначала на должность младшего научного сотрудника, а затем старшего научного сотрудника(1973г.). В 1970г. он защитил кандидатскую диссертацию «Селение и жилище Верхнего Зеравшана»(руководитель А.К.Писарчик)[6,62-64].

Начиная с 1958г. он активно изучал этнокультуру таджиков Верхнего Зарафшана и выезжал в различные его поселения почти каждый год, о чем свидетельствуют документы этнографического архива Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана(далее ИИАЭ НАНТ). Так, он входил в состав этнографической экспедиций под руководством М.Р. Рахимова и посетил деха Сангистон, Пакшиф, Рогиф, Тобуш, Мадрушкат, Ярм и Пастигав, Зосун, Парз, Ревомутн, Рог. Палдорак, Хидгифи боло(ИИАЭ НАНТ.ед.хр.39). Сохранились его дневники в 108л. (ИИАЭ НАНТ Ед.хр. 267). В 1959г. экспедиция в составе М.А. Хамиджановой (начальник отряда) вела свои исследования в деха Магиан, Газани боло, Газани Поён, Рашнаи поён, Киёкли, Панджруд, Падруд., Фароб, Шинг(ИИАЭ НАНТ. Е.хр.№42). Полевые работы А.С. Давыдова сохранились в виде 2-х переплетенных общих тетрадей (110л.).

В 1960г. экспедиция под руководством М.Р. Рахимова (начальник отряда), в которой участвовал и А.С. Давыдов, провела полевые работы в деха Анзоб, Такфон, Ремон, Шурмашк, Пормин, Джиджик, Сараток, Нарват, Хайронбент, Канте, Пиньён, Урметан, Пасруд, Маргузор, Дар-дар, Зеробод, Зиндакон, Габирут, Макшеват.(ИИАЭ НАНТ Ед.хр.№57) В этнографическом архиве сохранился машинописный экземпляр его дневника в переплете (131с.)

В 1961г. экспедиция в составе М.Р. Рахимова(начальник отряда) вновь вела полевые работы в Зарафшане, но уже в деха Сартак, Панджруд, Мазори Шариф, Ёри, Негнат, Зимгут. Съёмки вели З.А. Широкова и Л.И. Соловьева, А.С. Давыдов. Их снимки составили фотоколлекцию № 58 (319 снимков), которая была создана во время полевых работ. В архиве сохранился машинописный экземпляр текста дневника А.С. Давыдова в переплете (88л.). (ИИАЭ НАНТ Ед.хр.№58)

В 1962г. А.С. Давыдов работал уже как начальник отряда, который провел свои изыскательские работы в деха Урметан, Парз и Сангистон. Из 65 снимков фотоколлекции № 62 сохранилось только 28 фотографий, которые подготовил лично А.С. Давыдов. В 1965, 1966г. А.С. Давыдов вместе с З.А. Широковой и М.А. Хамиджановой провели этнографические исследования в Верхнем Зарафшане. Фотоколлекция №81 1965г. состоит из 393снимков, которые были сделаны членами экспедиции в Пенджикенте, деха Колхозчиён, Шинг, Зосун, Шамгуч, Джиджик, Гусар, Мадм, Маргидар. Фотоколлекция №83 включает 206 фотографий 1966г., которые отражают быт и ремесла деха Вору, Газа Мури, Газарни Боло, Сор, Урметан, Даштти Кози, Падруд, Анзоб, Искодар, Дарг, Пиньён, Такфон, Чоре, Миндона, Шинг, Ёри, Хушкат, Дарг.

В 1971году М.А.Хамиджанова начала свои изыскания в местах переселения ягнобцев и матчинцев, куда она совершила поездку вместе с А.С. Давыдовым. Фотограф Кильягаров подготовил фотоколлекцию из 93 снимков, в котором отражен быт переселенцев на новом месте В 1973 г. М.А. Хамиджанова, А.С. Давыдов, О. Муродов вновь исследовали места переселения ягнобцев и матчинцев.

В целом архивные документы этнографического архива Национальной академии наук Таджикистана свидетельствуют о том, что далеко не все полевые материалы зарафшанских экспедиций XX века были отражены в публикациях. Фундаментальным изданием до настоящего времени считается коллективная монография сотрудников этнографического отдела Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша А.С. Давыдова, М.А. Хамиджановой и З.А. Широковой « Материальная культура таджиков Верховьев Зеравшана»1973 г. [5],а также отдельные публикации их авторов в различных изданиях.

Каждый из авторов сборника представил свое исследование тех или иных аспектов материальной культуры указанного региона. А.С. Давыдов изучил жилище, М.А. Хамиджанова - пищу горцев, а З.А. Широкова посвятила свой очерк одежде зарафшанцев. Каждый раздел книги начинается с указания того, что специальных обобщающих работ по конкретной тематике автора пока не подготовлено, хотя существовал ряд публикаций выдающихся этнологов, в которых приводились определенные сведения по предмету изучения. [5,7-8, 138,182.] Все три автора в своих исследованиях основывались на полевых материалах, собранных ими в 1958-1961гг.

Помимо отдельных дневников, отчетов таджикских этнографов XX-начала XXIвеков, фотоколлекций, которые сопровождали их тексты, в архиве сохранилось несколько работ А.С. Давыдова, которые непосредственно касаются ремесла

таджиков Верхнего Зарафшана. Но они не были опубликованы. Судя по тексту, документов автор основывался в своем исследовании исключительно на полевых материалах и блистательно отразил собранные сведения в своей работе, которая так и не увидела свет. Среди них надо особо выделить такие машинописные копии работ А.С. Давыдова как «Домашние промыслы и ремесла таджиков Верхнего Зеравшана», «Зеравшанская этнографическая экспедиция 1958 года», «Сведения о селениях, жилищах и ремеслах таджиков Зеравшана». [1;2;3]

Первый очерк включает в себя следующие разделы: ткачество, кожевенное и кузнечное дело, гончарство, деревообработка. Последняя достаточно объемная часть посвящена охоте. Именно она вкратце в 1985г. была опубликована А.С. Давыдовым в сборнике «Этнография Таджикистана» под названием «Некоторые представления таджиков, связанные с животным миром». В архивных материалах автор широко рассматривает охоту, охотничьи принадлежности Верхнего Зарафшана, а также бытующие здесь представления о животных, связанные с ними обрядах и обычаях. В своей публикации он останавливается лишь кратко на отдельных понятиях таджиков, связанных с животным миром.

В данной работе А.С. Давыдов рассматривает воззрения местного населения на разные темы: происхождение диких животных от домашних, значимость чистоты горных козлов, медведя-лекаря, птиц, осла, лошади, покровителей охоты, магических животных, которые снимают порчу с оружия и пуль.

В своем неопубликованном исследовании «Домашние промыслы и ремесла таджиков Верхнего Зеравшана» А.С. Давыдов указывает, что основными изделиями мастеров Верхнего Зарафшана были следующие :топор *табар*, топор с согнутым лезвием *теша*, серп *дос*, кирка для обработки земли *чок* илли *метин*, ножницы для стрижки овец и коз *кайчи молтароши*, нож *корд*, лопата *оханбе*, щипцы для углей *оташигирак*, дверная цепочка *занчиру зулфини* другие предметы. Некоторые образцы, требующие большого мастерства, изготавлиются только отдельными опытными мастерами, как, например, нож, *пойтеша* - топор с согнутым лезвием больших размеров, применяемая мастерами строителями для об чистки и стругания бревен и некоторые другие. Чаще такие изделия население привозили из городов. В советское время колхоз или отдельные организации, иногла и сами заказчики выдавали мастеру материал, привозили железо, чаще сталь. [1,37].

Мастерская *корхона*, принадлежности и инструменты кузнецов Верхнего Зеравшана, как и оборудование их мастерской, ничем не отличались от таких же в городах. Более того ее конструкция сохранилась до сих пор в различных деха. Вот как А.С. Давыдов описывал ее в советское время. Под рабочее место 4-5 в длину с сырцовыми (раньше каменными) стенами отводится часть мастерской, расположенная у входа, и в этом случае открываая дверь является основным источником освещения. Перекрытие крыши бывает чаще двойным с центральном прогоном по середине. Напротив входа, у стены располагается гори с мехом. Перед горном, ближе к двери, вкопан в землю деревянный чурбан, который выступает 60-70 см. Посредине него установлена наковальня. С двух сторон деревянного чурбана

сделаны небольшие углубления, в которых кузнец или его ученик *шогирд* стоят во время работы. Все инструменты мастера делали сами. Топливом служил древесный уголь, а отливали мастера в основном котлы. [1,38]

История чугунолитейного дела в Верхнем Зарафшане, как признается А.С. Давыдов, не была выяснена в советское время [1,39]. В селения Верхнего Зарафшана часто приходили мастера-литейщики из Каратегина и других мест. В деха Магиан до революции было несколько мастеров, обладающих квалификацией литейщиков, однако, по свидетельству информаторов, тогда в кишлаке не было организовано это дело, и мастера работали в основном в городах. Поэтому местное население выезжало в города Самарканд, Ургут, долину Ферганы, чтобы заказать подобные работы.

А.С. Давыдов считает, что « существование этого промысла в отдельных кишлаках не играло никакой роли для всего района, распространение его изделий ограничивалось населением кишлака, в котором оно существовало». Даже в городе Пенджикенте, по-видимому, мастера работали только на население самого города и близлежащих деха. А о чугунолитейном деле, существовавшем в некоторых вышеназванных деха Матчи, никаких сведений ему собрать не удалось. [1,36]

В советское время, как указывал А.С. Давыдов, чугунолитейное дело существовало в Пенджикенте и деха Магиан с середины XXвека. В городе оно было представлено отдельным цехом в системе промкомбината, а во втором - мастерской колхоза "Коммунизм" . Их оборудование было исключительно современным по тем временам. Эти литейные центры обязаны были обеспечивать сельскохозяйственные районы региона наконечниками сохи амача для пахоты. [1,37]

По свидетельству потомственного мастера усто Раззока в начале XIXвека его дед усто Шариф переехал из Шахрисабза в Пенджикент, где стал заниматься литейным делом. На рубеже XIX-XXвеков в городе работали уже три мастера-литейщика, которые изготавливали в основном котлы. Этнографическая экспедиция, в которой участвовал А.С. Давыдов, собрала также сведения о том, что в деха Рог и Парз также существовали подобные мастерские, но их производство прекратилось в первые года после присоединения района к России. Однако, в начале 30-х годов в ряде деха Матчи (Полдарак, Рог, Мадрушкат) было налажено отливание лемехов. [1,39]

Опросные сведения, которые получил А.С. Давыдов во время этнографических экспедиций 60-70-х гг. XXвека, позволили ему проследить значительные изменения и модернизацию традиционного ремесла «в составе оборудования, инструментов и принадлежностей, а также в приемах и технике работы кузнецов Верхнего Зеравшана». Так, он отмечал, что из важнейших новшеств в кузнечном деле было появление меха фабричного изготовления, называемого *русский мех -дами уруси*.

Во второй половине XXвека стал применяться и электроточильный станок, но в большинстве же мест широко был распространен точильный станок, приводимый во вращательное движение при помощи природного ремня другим человеком. Появился ряд новых инструментов и принадлежностей, усовершенствовались приемы и техника работы и т.д. Как рассказывал А.С. Давыдов потомственный кузнец Хамид Курбанов из деха Рарз, его дед не знал этого станка и точил свои изделия на камне.

А.С. Давыдов подробно описал подготовку овечьей и козьей шерсти к ткачеству. Он указал, что стрижка животных производилась мужчинами при помощи специальных ножниц *кайчи молтароши* один раз в году, весной в мае, тогда как ягнят стригут только осенью. Лучшим исходным материалом не только по качеству, но и для употребления, в Зарафшане считается баранья шерсть.

А.С. Давыдов особо подчеркивал, что в Верхнем Зарафшане изготовление деревянной посуды местными мастерами не было широко распространено, оно существовало только в сельских поселениях. В маленьких деха местные мастера на водяном токарном станке изготавливали различную деревянную посуду. Это ремесло называлось *косата роши*. К 30-м годам XXвека из-за широкого потребления фабричной посуды это ремесло почти исчезло, хотя кое-где мастера продолжали работать, поскольку существовал спрос на их изделия. А.С. Давыдов также подробно описал процесс изготовления гончарных изделий и представил систему изготовления печей: изделий в Урметане. [1,55-59]

Исследование архивных материалов, которые представлены в указанной рукописи выдающегося исследователя А.С. Давыдова, показало, что он детально провел свои изыскания в области отдельных ремесел и домашних промыслов второй половины XXвека в Верховьях Зарафшана по следующим сферам : социальному статусу ремесленника, хозяйственно-бытовому и производственному назначению ремесел, а в отдельных случаях указал на образцы прикладного искусства региона.

Таким образом, архивные документы А.С. Давыдова, посвященные ремеслам Верхнего Зарафшана, являются важным источником по истории ремесленного производства этого региона. В них сохранены многие сведения, которые автор собрал во время комплексных полевых работ в данном крае, живого наблюдения и опросов. Однако большая часть текстовых и фотографических документов архива, касающаяся развития ремесленного производства в регионе, остается неизученной. Специальных работ, исследующих ремесленное производство Зарафшана в XX-XXIвеках, пока не издано в Таджикистане. Лишь в 2020г. вышла в свет монография Л.Н. Додхудоевой «Народное искусство Верховий Зарафшана», где были представлены различные изделия ремесла и промыслов данного региона. [4]

Традиционная культура Зарафшана обладает устойчивым статусом благодаря стабильности самого местного социума, что вызывает острую необходимость изучения его духовного и материального наследия, особой среды обитания и человеческого потенциала в будущем. Однако

проблема возрождения и сохранения ремесленного производства остается весьма острой, как в стране, так и в Зеравшане. Для ее решения задействованы различные возможности, в том числе связь с туризмом и развитие сети обучающих программ, помощь спонсоров.

Литература

1. Давыдов А.С. Домашние промыслы и ремесла таджиков Верхнего Зеравшана. Архив ИИАЭ НАНТ. Личный фонд А.С. Давыдова. Описание №1, Ед. хр. №15;
2. Давыдов А.С. Зеравшанская этнографическая экспедиция 1958 года. Архив ИИАЭ НАНТ. Личный фонд А.С. Давыдова фонд Описание №1, Ед. хр. №267. (тадж. яз.). – С. 18-21, 34-35, 50-108;
3. Давыдов А.С. Сведения о селениях, жилищах и ремеслах таджиков Зеравшана. Зеравшанская этнографическая экспедиция 1961 года. ИИАЭ НАНТ. Личный фонд А.С. Давыдова. описание №1, Ед. хр. №19 Описание 15. (тадж. яз.). – С. 18-21, 34-35, 50-108.
4. Додхудоева Л. Народное искусство Верховий Зарафшана / Ред. Н.К. Убайдулло. Душанбе, 2020.
5. Материальная культура таджиков Верховьев Зеравшана/ Ред. А. К. Писарчик, Н. Н. Ершов. - Душанбе, 1973.
6. Писарчик А.К. Этнографическая наука в Таджикистане (1920-1990гг.)/Под. к печати Н-Бабаева.- Душанбе, 2002.

Лариса Додхудоева
Душанбе

ЭТНОКУЛЬТУРА ТАДЖИКОВ ВЕРХОВИЙ ЗАРАФШАНА В ЭКСПЕДИЦИОННЫХ ДОКУМЕНТАХ ОТРЯДОВ ПОД РУКОВОДСТВОМ М.Р.РАХИМОВА

Институтом истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана этнографические экспедиции в Зарафшан были организованы с целью выполнения фундаментальной темы «Сплошное этнографическое обследование Таджикистана», а также в связи с происходившим здесь процессом переселения жителей из горных районов. Известный таджикский этнограф М.Р. Рахимов руководил отрядами в 1958, 1960, 1961гг., материалы и фототека которых сейчас находится в этнографическом архиве Национальной академии наук.

Экспедиции обследовали почти все кишлаки Верховьев Зарафшана (кроме Ягноба) и собрали ценнейшие материалы по материальной и духовной культуре, истории, географии, топонимике, (земледелию, животноводству, садоводству, шелководству, кустарным промыслам и ремеслам, жилищу, одежде, пище, семейному быту, народной медицине, календарю, народным и религиозным праздникам и т.д. Полевые материалы нашли отражение в трудах сотрудников экспедиций. Однако большая часть текстовых и фотоматериалов(1063 снимка)

этнографических экспедиций под руководством М.Р. Рахимова остается до настоящего времени малоизвестной исследователям.

**ЭТНОФАРҲАНГИИ ТОҶИКОНИ ЗАРАФШОНИ БОЛО
ДАР ҲУЧЧАТҲОИ ЭКСПЕДИТСИОНӢ БО РОҲБАРИИ
М. Р. РАХИМОВ**

Институти таърих, археология ва этнографияи А.Дониш и АИ Тоҷикистон бо мақсади иҷрои мавзӯи фундаменталии «Тадқиқоти доимии этнографияи Тоҷикистон, инчунин ба муносибати соли 1958 аз ноҳияҳои куҳистонӣ кӯчондани сокинон ба заминҳои нав вучуд омада буд, ба Зарафшон экспедитсияҳои этнографӣ ташкил карда шуданд. Бо роҳбарии этнографи шинохтаи тоҷик М.Р. Рахимов солҳои 1958, 1960, 1961 маводи зиёди тадқиқотҳои экспедитсионӣ чамъ оварда шудааст ва фотокитобхонаи онҳо ҳоло дар архиви этнографияи Академияи илмҳо маҳфузанд.

Дар ҳамаи деҳаҳои Зарафшони Болоро (ба ғайр аз Яғноб) таҳқиқот гузаронида, оид ба маданияти моддию маънавӣ, таърих, география, топонимика, (кишоварзӣ, чорводорӣ, боғу тоқпарварӣ, кирмақпарварӣ, хунармандӣ ва хунармандии сохтани манзил, пӯшидани сару либос, хурокворӣ, рузғори оилавӣ, тибби халқӣ, тақвим, идҳои мардумӣ ва динӣ ва ғайра) маводи ҷолиби диққат чамъ оварда шудааст. Маводи саҳроии чамъовардашуда дар эҷодиёти ходимии илмӣ экспедиқия инъикос ёфтааст. Аммо бештари маводи экспедитсионии навишташуда ва фотографияӣ (1063 сурат), ки бо роҳбарии М. Рахимов чамъ оварда шудааст, этнографӣ мебошанд ва то ба ҳол барои тадқиқотчиён пурра маълум нест.

**ETHNOCULTURE OF THE TAJIKS OF THE UPPER ZARAFSHAN IN
THE EXPEDITIONAL DOCUMENTS OF THE TEAMS LED BY
M. R. RAKHIMOV**

Ethnographic expeditions to the Upper Zarafshan were organized by A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography. of the Tajikistan National Academy of Sciences according to the fundamental theme “Continuous ethnographic survey of Tajikistan”, as well as in connection with the process of resettlement of residents from mountainous areas that took place here. The famous Tajik ethnographer M.R. Rakhimov led the ethnographic teams in 1958, 1960, 1961. The materials and photo resources of which are now in the ethnographic archive of the Tajikistan National Academy of Sciences.

The expeditions explored almost all the villages of the Upper Zarafshan (except for Yaghnob) and collected the most valuable materials on material and spiritual culture, history, geography, toponymy, agriculture, animal husbandry, horticulture, sericulture, handicrafts and trades, housing, clothing, food, family life, folk medicine, calendar, folk and religious holidays, etc. Field materials are reflected in the publications of the teams members. However, most of the textual and photographic materials (1063 images) of the ethnographic expeditions led by M.R. Rakhimov remains little known to researchers until now.

В 1948г. сотрудники кабинета этнографии, а с 1951г. сектора этнографии Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Таджикистана приступили к разработке фундаментальной темы «Сплошное этнографическое обследование Таджикистана», материалы которой должны были стать основой подробной этнографической карты и историко-этнографического атласа. В 1948-49гг. решением этой проблемы была занята экспедиция в Кулябскую область под руководством А.К.Писарчик. Затем подобные изыскания осуществлялись в 1952-1957гг. в Каратегине и Дарвазе, а в 1958-1966гг. - в Зарафшане(Матчинском, Айнинском и Пенджикентском районах).[7,29]

Этнографические экспедиции в Зарафшан были организованы в 1958-1964гг., 1967-1976гг., 1971- 1977гг., 1979-1985гг. еще и в связи с происходившим здесь процессом переселения жителей. [7,110] Они обследовали почти все кишлаки

С.А.Давыдов и Р.М.Рахимов с информантом в деха Шурмашик. 1960г. № 57-205

Верховьев Зарафшана (кроме Ягноба). Этнографы собрали ценнейшие материалы по материальной и духовной культуре, истории, географии, топонимике, (земледелию, животноводству, садоводству, шелководству, кустарным промыслам и ремеслам, жилищу, одежде, пище, семейному быту, народной медицине, календарю, народным и религиозным праздникам и т.д. Полевые материалы нашли отражение в трудах

М.Р. Рахимова, А.С.Давыдова, З.А.Широковой, М.А.Хамиджановой, О.М.Муродова, и других. [7, 117-119,124-125,132,135,149—150,159-162,164]

Руководителем зарафшанских отрядов в 1958, 1960, 1961гг.был Махмаднаим Рахимович Рахимов (1922-1985). Он являлся профессиональным этнографом,

который к концу 50-х гг. XXв. уже обрел достаточный опыт полевых исследований, участвуя в 1949г. в Кулябской этнографической экспедиции, а в 1952-1954гг. – в поездках в Каратегин и Дарваз. [8,95-98] В 1955г. он защитил кандидатскую диссертацию «Земледелие таджиков бассейна р.Хингоу в дореволюционный период» (руководители М.С.Андреев, А.К.Писарчик, Н.А.Кисляков). [8]

В собрании этнографического архива Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана (ИИАЭ НАНТ) сохранились документы трех этнографических отрядов, которыми руководил М.Р. Рахимов. В первую поездку исследователи посетили деха Сангистон, Пакшиф, Рогиф, Тобуш, Мадрушкат, Ярм и Пастигав, Зосун, Парз, Ревомутн, Рог, Палдорак, Хидгифи боло. Вместе с текстовыми документами экспедиции 1958г. сохранилась фотоколлекция №39(265 снимков из первоначальных 325), авторами которых были З.А. Широкова и частично М.А. Хамиджанова.

Документы данной экспедиции составляют машинописные переплетенные тексты дневников и отдельные тетради и блокноты, которые были заполнены участниками отряда во время полевых исследований на таджикском и русском языках. [3] Среди них имеются документы М. Рахимова, А.С.Давыдова, М.А. Хамиджановой, Дадабаевой З.А. Широковой, А. А. Буриева, А.Ганиева, а также отдельные отчеты начальника отряда М. Рахимова, С. Дадабаевой, А. Давыдова, З.А. Широковой.

Во время второй экспедиции под руководством М.Р. Рахимова в 1960г. члены отряда провели полевые исследования в деха Анзоб, Такфон, Ремон, Шурмашк, Пормин, Джиджик, Сараток, Нарват, Хайронбент, Канте, Пиньён, Урметан, Пасруд, Маргузор, Дар-дар, Зербод, Зиндакон, Габирут, Макшеват. Фотографом экспедиции была Л.И. Соловьева, иногда ей помогал при съемке М.Р. Рахимов. Их снимки вошли в фотоколлекцию № 57, которая состоит из 479 отпечатков.

В архиве сохранились также машинописные переплетенные тексты дневников и отдельные тетради и блокноты, которые были заполнены участниками отряда во время полевых исследований: М. Рахимова, Р. Кадырова, Г. И.Ишанкулова, А.С. Давыдова, З.А. Широковой, А.

С.А. Давыдов, информант, М.Р. Рахимов в деха Шурмашк. Мардоновой, А. Каримовой, а также отчеты начальника отряда М. Рахимова, членов экспедиции Г. Ишанкулова, Р. Кадырова, З.А. Широковой. [4]

Последняя поездка в Верховья Зарафшана, которой руководил М.Р. Рахимов, состоялась в 1961г. Ее сотрудники вели полевые работы в деха Сартак, Панджруд, Мазори Шариф, Ёри, Негнат, Зимгут. З.А. Широкова, Л.И. Соловьева, А.С. Давыдов подготовили фотоколлекцию № 58(319 снимков).

Среди архивных документов полевых работ имеются машинописные переплетенные тексты дневников и отдельные тетради и блокноты, которые были заполнены участниками отряда во время полевых исследований: М. Рахимова, Р. Ш.Кадырова, Г. И.Ишанкулова, А.

Каримова, А.С. Давыдова(вместе с машиноп. текст о Ленинабаде.), З.А. Широковой, А. Мардоновой, А. Каримовой. [5]

Как свидетельствуют материалы экспедиций, отряды этнографов в 1958,1960-61гг. сумели охватить своими исследованиями достаточно широкую территорию Верхнего Зерафшана, большая часть селений которого еще не была изучена до их приезда. В целом эти архивные документы позволяют изучить хозяйство, формирование народного жилища, институт семьи, ее быт и культуру, традиционные ремесла и промыслы, ритуалы, обычаи, социализацию населения и многое другое. В процессе полевых работ осуществлялась практика этнографического коллекционирования и приобретались изделия ремесленников, предметов быта и культуры для отдела этнографии (в будущем этнографического музея им. М.С.Андреева Национальной академии наук Таджикистана).

Часть этих текстовых архивных материалов была введена самим М.Р.

Маслобойка обучавоз. Деха Ёри.1961г. № 58/249

Рахимовым в научный оборот в статье

«Зеравшанская этнографическая экспедиция 1958-1961гг.». [9] Изданная в 1963 г., она была посвящена результатам полевых изысканий. По сути, она являлась первой и своего рода единственной тогда публикацией по региону, основанной на данном материале, до выхода в свет известной коллективной фундаментальной работы «Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана» 1973г.(авторы А.С. Давыдов ,М.А. Хамиджанова, и З.А.Широкова).

[6] Следует отметить, что в предисловии к данной монографии указано, что информация по жилищу, одежде были собраны во время полевых изысканий 1958-1966г. а в последующем использованы в диссертациях их

участников: М.А. Хамиджановой в 1965г., З.А. Широковой в 1971г., А.С.Давыдовым в 1979г.

Несмотря на ее небольшой объем статьи М.Р.Рахимова, в ней достаточно полно отражен материал данного региона. Будучи знатоком земледелия таджиков им отмечены главные различия сроков начала первой запашки *джуфтбаророн*,

дастбахор в предверии праздника Навруз. Так, в деха Вору, Гуйтан, Зимтут и некоторых других горных селениях Зарафшана к ней приступали 15-го числа месяца *хут*, т.е. в начале марта, в отличие от других регионов, где полевые работы, как правило, начинались 22 марта. [9, 54]

Большой интерес для исследователей представляет обширный визуальный материал экспедиций 1958,1960-61гг. под руководством М.Р. Рахимова. Он сохранен в фотоколлекциях №№ 39, 57 и 58(всего 1063 фотографии). В них представлены различные образцы культовых и жилых строений Верхнего Зарафшана : мечети в деха Сангистон, Ревомутк, в деха Зеробод(№ 57-250-252), в деха Дар-дар (№ 57-273,275,276), в кварталах Маслукой и Лангар деха Урметан (№ 57-453, 463,464), а также мазары Хазрати Довуд в деха Рог.(№ 39),на окраине Анзоба (№ 57-20,25,27, 29,30), Биби Робии в деха Дар-Дар(№3 57- 356).

Как известно, дымоход *мури* занимает особое место в жилых помещениях Верхнего Зарафшана и имеет совершенно различные формы в разных его регионах. Экспедициями были зафиксированы такие дымоходы в виде трубы в деха Анзоб(№ 57-17), квадрата с трубой в деха Джиджик, (№ 57-96, 103, 116), квадрата с несколькими треугольными отверстиями в деха Шурмашк (№ 57-191,202,204, 300, 301) и другими очертаниями в деха Сангистон(№39-23) и Мадрушкат(№ 39-245)

Впечатляют другие снимки, которые представляют огромную деревянную водяную маслобойку *обучавоз* в деха Ёри (№58-249,251) с колодами *кунди чувоз*, пестом *дукортоя*, прессом и приводным механизмом. Следует отметить, что водяные маслобойки были редкостью не только в Северном Таджикистане, но и во всей Центральной Азии в концеXIX-начале XXв. [1, 24]

Особое место занимают в коллекции снимки очагов *оштонов* и печей для выпечки лепешек *тануров* в жилых домах деха Зиндакон, верхняя часть которых имеет рисунок стрельчатой арки(№ 57-323)и другие формы в деха Дар-Дар(№ 57-338), деха Джиджик(№ 57-116) .

Школа резьбы по дереву Верхнего Зарафшана славилась всегда. Ее богатые традиции сохранились и во второй половине XXвеке. Среди них дверь мечети в деха Рарз(№39-92), прекрасные колонны мечети в деха Негнат(№58-85), архитрав мехмонхоны в деха Худшери Боло(№ 30-251), айван дома в деха Пастигав(№39-330), панджара в деха Рогиф(№39-342), потолок с балками и вассой , оформленные геометрическими выборками (№39-82) в деха Кохозчиён и другие. Помимо указанных выше многочисленных образцов колонн, дверей, панджара, в фотоколлекциях также много изображений изделий утилитарного назначения: светильник в мазаре на окраине деха Анзоб, который напоминает базу колонны((№57-25), блюдо *табак* для замешивания теста, детская игрушка *гахвора* из деха Джиджик((№57-114, 183,184),детский автомобиль из дерева деха Пакшиф (№39-279).

Значительная часть фотографий представляет орнаментальную или же сюжетную роспись *накиу нигор* в культовых и жилых строениях, в арсенале которой сохранились, как традиционные мотивы, так и новая тематика. Как правило, в

мазарах и мечетях васса всегда была расписана, тогда как балки чаще украшались резьбой. Расписывали как культовые, так и жилые помещения. [2,143-146] Так, в деха Палдорак в то время еще сохранилась роспись потолка мечети *гулдор* (№39-226)., роспись балок – в мазаре на окраине Анзоба (№ 57-27а). Мечеть в махалле Лангар деха Урметан была украшена растительными узорами, выдержками из Корана(арабский шрифт) и письменами на кириллице. В деха деха Дар-Дар.(№ 57-219,220,338,340). Худгиф, Худжери боло(№39-245, 251253,257,258), в деха Махшеват(№ 57-436, 438, 439). на стенах айвана и в интерьерах домов представлены пышные кусты роз, сирени, различных полевых цветов куст , орден Победы и стих на арабском шрифте(№39-244). В жилых помещениях расписывались не только стены, но и шкафы-стенки *сандука*. Так, в жилом доме в деха Дар-Дар такой стеной шкаф оформлен достаточно пышно.(№ 57-217,218). [1, 143-146]

Члены этнографических отрядов особое внимание уделяли местным ремесленникам, которых часто фотографировали. В коллекциях представлен плотник Эсон Шарипов из деха Парз, который выделывает балки для здания школы(№39- 87), женщина за прядением шерстяной пряжи с веретеном *урчуком*, *чаллаком*(№39-101), вязальщица из деха Рог за изготовлением носков *чирабов* (№39-216), сапожник за работой в деха Зербод(№57-245) и кузнец в деха Махшеват,

Валяние кошмы. Деха Урметан, 1960г. № 57/375

который делает только подковы(№57-432), ткачиха из деха Зиндакон(№57-348) и др. Особый интерес представляет фото жителя деха Урметан. Опираясь двумя руками на палки, он ногами прессует шерсть кошму. (№57-375).

Членами экспедиции был зафиксирован и процесс изготовления глины для очага мастерицей из деха Ёри(№58-242).

Ткачество, как известно, занимало важное место в женских ремеслах. Среди снимков можно найти большой тканый шерстяной мешок, украшенный полосами из деха Ёри (№58-164), палас, вытканый в деха Панджруд (№58-44). Среди тканых паласов отмечены полосатые гилемы в деха Зиндакон.(№ 57-347,376), кошма из деха Урметан((№57-167).

В высокогорных селениях Зарафшана были распространены вышивка *гулдузи* и лоскутное шитье *гулбури(курок)*. Среди фотографий

коллекций немало вышитых изделий: несколько *руиджо* с узором пышного цветка-куста, который называет *гули шохон* или *гули шох* из деха Ёри (№58-169а,б, 189а,б),с узором *гули лола*, *абай сангдон*, *кунгра*(№58-172). В одном из *руиджо* цветущий куст *гули шохон* украшает основное поле изделия, бордюр- большие розетки с *гули кукнор*.

Молитвенные коврики *джойнамозы* из деха Ёри интересны тем, что некоторые из них имеют узор следа лошади *нъали асп* (№58-180, 207), который часто встречается и в Худжанде, розетки с изображением цветов *лолача* (№58-183). Весьма характерны для вышивки Пенджикента и *джойнамозы* для двоих молящихся *кушдджойнамоз*. (№58-233,236), Одни из них имеют узор *лаби бом* или *бош*(№58-233), другие – мотив *гули шох*(№58-236), Традиционна была композиция покрывал на колыбель *сахворатуи*, о чем свидетельствует изделие из Пенджикента, имеющее название *гаранг* с узором *ироки*(№58-206,235). В фотоколлекциях достаточно много примеров вышивки женских платков и мужских *камарбандов*.

Лексикон местных мастериц был чрезвычайно богат и включал в себя разнообразные названия элементов орнамента. Как свидетельствуют материалы фотоколлекции №58, орнамент *мурчадузи* был очень распространен в Верховьях Зарафшана. Другой элемент *гули кармак лабичуй* встречается на *камарбандах* деха Ёри, в которых вышита водная гладь в виде узких полос, а *гули кармак* представлен как извивающийся мотив s-образной формы.(№58-186,187). Другой женский платок из этого же селения имеет узор колокола *нуска зангири* (№58-185).

Большое количество приведенных в коллекции образцов *гулбури* позволяет сделать вывод, что лоскутное шитье было ведущим видом женского ремесла. В коллекциях представлены различные названия техники *гулбури* в разных селениях: *чини куро*(№58-160), *джиджи куро*(№58-160,161), *ойнакуро*, *гулпарто*, *казак*(№58-163), *турракуро*(№58-162).

Широко были распространены лоскутные покрывала *курпауи*, которые служили для покрытия спальных принадлежностей в нишах *ток*, как деха Зимтут (№58-10,315) и деха Панчруд (№58-50,51,87). Причем в композиции могут чередоваться как полосы, так и квадраты, поставленные на угол(№58-10,315). Выполнялись в технике *гулбури* и наволочки *болинтуи*, одна из которых из деха Панджруд была выполнена из лоскутных квадратов, украшенных равноконечными крестами внутри(№58-50).

*Кулджойнамос с узором лаби бом. Пенджикент. 1961г.
№58/233. Справа З.А. Ширакова*

В целом надо отметить, что архивные документы, подготовленные сотрудниками отрядов под руководством М.Р. Рахимова- малоизученное, но весьма богатое и разнообразное научное наследие по этнокультуре таджиков Верховьев Зарафшана. Его изучение и ввод в научный оборот обширного текстового материала и фоторесурсов необходимо продолжить.

Литература

1. Джураев М.С. Развитие мукомольного и маслодельного производства северных районов Таджикистана в конце XIX-начале XXвеков. Автореф. канд. дис.-Душанбе, 2016.-
2. Додхудоева Л. Живописный дизайн сельской архитектуры Верховьев Зарафшана XX в.(по материалам этнографического архива)// Муаррих, №1(29) 2022, -С.143-146
3. ИИАЭН НАНТ Этнографический архив. Полная опись дел сектора этнографии.1948-1963гг.Зеравшанская экспедиция 1958г.,с.24-25.
4. ИИАЭН НАНТ Этнографический архив. Полная опись дел сектора этнографии.1948-1963гг. Зеравшанская экспедиция 1960г.,с.28
5. ИИАЭН НАНТ Этнографический архив. Полная опись дел сектора этнографии.1948-1963гг. Зеравшанская экспедиция 1961г.,с.29
6. Материальная культура таджиков Верховьев Зеравшана./ Ред. А.К. Писарчик, Н.Н. Ершов.- Душанбе, 1973.
7. Писарчик А.К. Этнографическая наука в Таджикистане(192-1990гг.). Подготовка тьекста к печати Н. Бабаева-Душанбе:ООНПЦ ОГРТ.2002.172с.
8. Рахимов.М.Р. Земледелие таджиков бассейна р.Хингоу в дореволуционный период. Автореф.дисс.//КСИЭ,1955.Вып.24.-С.75-85

9. Рахимов М.Р. Зеравшанская этнографическая экспедиция 1958-1961 гг. // Известия АН Тадж. ССР. Отд. Общ. наук. - №1(32). - Душанбе, 1963. - С. 53-58.

Бахринисо Кабилова
Душанбе

Н.Х.НУРДЖАНОВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ МУЗЫКАЛЬНОГО И ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА ПАМИРА

Статья посвящена одной из важных страниц в научном наследии профессора Низама Нурджанова – изучению музыкально и театрального искусства Памира. С 1959 по 1983 годы совместно с профессором Файзулло Кароматовым им была изучена вся территория горного Бадахшана: на магнитную ленту были записаны сотни образцов вокально-инструментального искусства населения области, сделаны фотографии музыкантов на различных инструментах, а также исполнителей танца и пантомимы. Значимым результатом полевых исследований ученого стал фундаментальный труд «Музыкальное искусство Памира» в пяти книгах, написанный в соавторстве Ф.Кароматова и Б.Кабиловой.

НУРЧОНОВ Н.Х. — МУҲАҚҚИКИ САНЪАТИ МУСИҚӢ ВА ТЕАТРИИ ПОМИР

Мақола ба яке аз саҳифаҳои муҳими мероси илмии профессор Низом Нурҷонов – омӯзиши санъати мусиқиву театрии Помир бахшида шудааст. Аз соли 1959 то соли 1983 ҳамроҳи профессор Файзулло Кароматов тамоми манотиқи Бадахшони Кухиро аз назар гузаронданд: садҳо намунаҳои санъати вокалию инструменталии аҳолии вилоят дар лентаи магнитӣ, аксҳое, ки хунармандон дар асбобҳои гуногун тасвир ёфтаанд, инчунин рақсу хунари мусиқии иҷрокунандагони пантомима сабт карда шудаанд. Натиҷаҳои назарраси тадқиқоти саҳроӣ асари фундаменталии «Санъати мусиқии Помир» дар панҷ китоб ҷоп гардидааст ба ҳаммуаллифии Ф.Кароматов ва Б.Кобилова.

N.H. NURJANOV – A RESEARCHER OF MUSICAL AND THEATRICAL ART OF THE PAMIRS

The article is devoted to one of the important pages in the scientific heritage of Professor Nizam Nurjanov - the study of the musical and theatrical art of the Pamirs. From 1959 to 1983, together with Professor Fayzullo Karomatov, the entire territory of mountain Badakhshan was studied: hundreds of examples of vocal and instrumental art of the population of the region were recorded on magnetic tape, photographs depicted performers on various instruments, as well as dance and pantomime performers. A significant result of field research became the fundamental work “Musical Art of the Pamirs” in five books, co-written by Faizullo Karomatov and Bahriniso Kabilova.

Известно, что научно-исследовательская деятельность Низама Хабибуллаевича Нурджанова охватывает широкий спектр проблем: от вопросов бытования музыкального и театрального фольклора в современности, от фиксации до публикации фольклорных образцов, до создания обобщенных исследований по традиционному и современному театру и его выдающихся деятелей. Созданная им более 60-ти лет назад искусствоведческая экспедиция по районам Таджикистана внесла особый вклад в изучение и популяризацию художественного наследия таджикского народа, в развитие музыкальной и театральной культуры республики.

Неповторимую страницу в научном наследии Н.Х.Нурджанова занимают исследования по музыкальному и театральному искусству Горного Бадахшана – неисчерпаемому кладезю самобытной таджикской культуры. Изучение народного творчества края началось в конце 50-х годов XX века по инициативе Сектора (впоследствии Отдел) истории искусств Института истории, археологии и этнографии имени Ахмада Дониша Академии наук Таджикистана. Летом 1959 года была организована первая искусствоведческая экспедиция в Горно-Бадахшанскую автономную область, открывшая неисчерпаемое богатство музыкального фольклора - легко доступного и нетронутого временем. Сами исполнители были заинтересованы в том, чтобы их записывали на магнитную ленту. Собранный ценнейший материал послужил стимулом продолжить исследования в следующем году.

Вторая экспедиция продолжила свою работу в 1960 году. Спустя 6 лет, в 1968 году состоялась третья искусствоведческая экспедиция с участием музыковеда из Узбекистана Ф.М.Кароматова (Кароматли), владевшего таджикским языком. Далее последовали экспедиции в 1969, 1970, 1971 годов и последняя в 1983 году. Семь поездок в этот горный изолированный край открыли сокровищницу народного музыкального и театрального наследия, отличающегося оригинальностью и неповторимостью.

Таким образом, в течение нескольких лет был обследован весь таджикский Бадахшан: на магнитную ленту были записаны сотни образцов вокального и инструментального искусства населения края, на фотографиях запечатлены исполнители на различных инструментах, а также исполнители танцев, пантомимы. Все эти материалы в настоящее время хранятся в стенах Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша Национальной академии наук Таджикистана.

Значительным результатом полевых исследований стал фундаментальный труд «Музыкальное искусство Памира», задуманный исследователями в пяти книгах. Две первые книги были опубликованы в Москве в 1978 и 1986 гг., получив признание специалистов. Положительно оценив этот труд и выразив благодарность авторам, ознакомивших специалистов с почти неизвестной народной культурой, известный советский российский музыковед В.С.Виноградов отметил: «Авторы стремились избежать «белых пятен» музыкальной карты Памира и как можно шире охватить жанры, типы,

формы народного и устно-профессионального музыкального творчества» [1, 72-78]. Став библиографической редкостью, эти книги были переизданы в Бишкеке в 2010 г. при поддержке Университета Центральной Азии и Фонда Кристенсена.

Обильный, разнообразный материал, собранный Памирской искусствоведческой экспедицией, требовал скорейшего его изучения, поскольку записи были произведены старинной аппаратурой на магнитные пленки, которые с каждым годом становились более ломкими и хрупкими. И поэтому, в 2009 г. к работе над третьей и последующими книгами Н.Х.Нурджанов и Ф.М.Кароматов пригласили автора настоящей статьи. Таким образом, за короткий срок были подготовлены и изданы последние три книги «Музыкального искусства Памира» - Третья книга – в 2010 г., четвертая – в 2014 г. и пятая – в 2015 г. На презентации первых трех книг, состоявшейся в Центре исмаилитов в г. Душанбе 20 января 2011 г., было отмечено, что эти издания – результат многолетней научной деятельности Н.Х.Нурджанова. «Для меня огромная честь работать с Университетом Центральной Азии (УЦА) и вернуться к научному труду 1959 года – выступил на презентации профессор Нурджанов. – Переиздание наших первых работ и подготовка третьего тома позволит нам усовершенствовать наши труды и передать их следующему поколению»[2]. В свою очередь, генеральный директор УЦА доктор Богдан Кравченко подчеркнул: «УЦА гордится быть издателем такого важного труда. Уникальное и богатое культурное наследие Таджикистана необходимо сохранить, понять и разделить со следующими поколениями, как на региональном, так и на международном уровнях. Это не произойдет само собой, для этого необходимы серьезные научные усилия. Работа Нурджанова является прекрасным примером роли, которую играют ученые в документации культурных ценностей и информировании будущего через понимание прошлого» [2]. В дальнейшем УЦА оказал поддержку в подготовке и публикации четвертой и пятой книг «Музыкального искусства Памира» [3].

Как было отмечено выше, пятитомное издание – результат долгого и кропотливого, поистине титанического труда по сбору и систематизации ранее неизвестного материала, проделанный Н.Х. Нурджановым и Ф.М.Кароматовым в течение нескольких десятков лет, и его тщательный научный анализ позволил авторам опубликовать многотомное издание.

По воспоминаниям Н.Х.Нурджанова, собирать материал приходилось в тяжелейших условиях, порой с риском для жизни. Так, в экспедиции 1969 года ее членам пришлось пройти пешком около ста километров по узкой горной тропе, через множество ручьев, чтобы дойти до верховьев Бартанга через Мургаб. В селенье Рошорв, был записан совершенно новый материал, однако тяжелые бытовые условия горцев не позволили долго оставаться членам экспедиции, вынужденным прервать работу по сбору уникального материала [4, 1].

Еще одно воспоминание. В 1970 году экспедиция добралась до первого кишлака в низовьях Бартанга, и дальше по узкой долине, вдоль бурной и очень холодной реки, преодолевая целый километр по воде, благополучно

добралась до селения Басид. Однако местные жители не советовали двигаться дальше, в другие селения, чтобы не подвергать себя опасности из-за отсутствия дорог [4, 1].

Участникам экспедиции приходилось не один раз объезжать некоторые районы в поисках уникального материала, а порой и добираться до самых отдаленных горных кишлаков. Именно там были найдены новые, нетронутые цивилизацией формы музыкального и театрального искусства, а порой и сенсационные, которые были включены в пятитомник. «Музыкальное искусство Памира уникально, это богатство Таджикистана, – отмечал Н.Нурджанов. – В мелодиях Горного Бадахшана встречаются самые различные пласты эпох. Это невероятно, но мы нашли там семь вариантов древних рукописей, где точь в точь полностью описан сюжет всемирно известной оперы «Турандот» Джакомо Пуччини» [5].

Все эти факты свидетельствуют о том, что Н.Х.Нурджанов был одержим наукой, и его увлеченность ею была всеохватна. В экспедициях он думал лишь о том, как успеть собрать народное творчество. У ученого тогда была обязанность перед временем – не дать погибнуть целому пласту культурного наследия таджикского народа, ведь в век глобализации и технического прогресса существование фольклора возможно только в самых отдаленных и нетронутых цивилизацией населенных пунктах. С другой стороны, на глазах уходило из жизни целое поколение с неповторимым культурным обликом. Но благодаря настойчивости Нурджанова была обследована вся территория Горно-Бадахшанской автономной области, зафиксирована основная часть музыкального и театрального наследия ее жителей, сумевших сохранить и донести до потомков традиции своего древнего искусства.

Авторы пятитомника «Музыкальное искусство Памира» отметили жанровое разнообразие музыкального искусства Бадахшана, включающего в себя вокальные и инструментальные произведения, эпические, сказочные и многочисленные жанры песенного народного творчества, театрализованные представления. Ими также был охвачен большой круг вопросов, связанных с бытованием разнообразных музыкальных инструментов. Кроме того, исследование содержит описание, полный нотный и поэтический тексты различных образцов музыкального и театрального искусства Памира, а также подробные комментарии, в которых содержатся сведения об исполнителях, название населенных пунктов их проживания, год, когда была произведена запись. Музыкальный фольклор фиксировался на магнитной ленте, а танцы и театральные представления – на фотографиях и частично на узкой киноленте. Прошлое восстанавливалось через стариков – носителей народного искусства, нынешнее познавалось благодаря среднему и молодому поколениям.

Первая книга «Музыкального искусства Памира» посвящена старинным и современным песням, преимущественно лирического содержания, не

обусловленные определенными обстоятельствами или временем исполнения. Сюда также вошли лирические песни на народные тексты, где приводятся образцы сугубо местных жанров, такие как «Даргилик», «Даргилмодик», «Булбулик» и другие, а затем жанры, бытующие повсеместно на территории Таджикистана – рубои, чорбайты и другие. Далее следует раздел из песен на стихи классиков таджикско-персидской литературы и местных бадахшанских поэтов. В последний раздел вошли песенные циклы, представляющие традиционные образцы профессиональной памирской музыки устной традиции.

Вторая книга включает наиболее типичные образцы народного музыкально-зрелищного искусства Памира, расположенные по принципу постепенного насыщения зрелищных форм музыкой в соответствии с их разновидностями. Книга открывается с самого древнего жанра таджикского традиционного театра – пантомимы, которая бытует как в сопровождении музыки, так и без нее. Далее следуют танцы, подразделяемые на бессюжетные и сюжетные, и танцы с предметами или с музыкальными инструментами. Кроме того, в книгу вошли танцевальные и театрализованные песни и наиболее сложный музыкально-драматический жанр песенно-танцевальных представлений.

В третью книгу вошли народные обряды Бадахшана, сопровождаемые музыкой, танцами при рождении человека, устройстве свадеб и других семейных торжеств, проведении похорон, а также календарные празднества. Книга включает также эпические произведения, что обусловлено определенными традициями религиозных верований поминального плача, музыкальная основа и исполнение которого исконно бадахшанские. Свадебные и похоронные обряды, которые длятся несколько дней подряд в Бадахшане, представляют зрелище, сложное по объему, драматургии и по степени насыщенности музыкальными сценами: песенно-инструментальными и танцевальными.

В четвертой книге представлены крупные эпические произведения, а также музыкальные сказки и шуточные песни. Значительное место в данном издании занимают фольклорные эпические произведения, имеющие различное предназначение. Здесь используются поэмы таджикских классиков Носира Хусрава, Санои, Аттора, Абдурахмана Джами, Шамса Табрези, а также сочинения местных поэтов, создававших свои произведения на классические популярные сюжеты. Далее следуют музыкальные сказки, широко бытующие во всех регионах Бадахшана, исполнение которых практикуется с чередованием прозы, стиха, музыки и в какой-то степени театральности. В отдельный раздел включены и шуточные песни, которые носят лирический и бытовой характер, не лишённый юмора.

В Пятую заключительную книгу вошли инструментальные мелодии для различных инструментов и ансамблей, а также лирические песни на стихи

классиков таджикско-персидской поэзии, местных поэтов и народные. Отдельный раздел посвящен творчеству талантливого музыканта и певца Наврузшо Курбонасейнова, внесшего заметный вклад в развитие музыкального искусства Бадахшана. Завершает книгу и в целом пятитомное издание раздел, посвященный лирическим песням в исполнении артистов Хорогского музыкально-драматического театра им. Рудаки, созданного в 1936 году, где до сих пор продолжают осваиваться и профессионально развиваться богатейшие народно-музыкальные и поэтические традиции таджикского народа с бадахшанским колоритом.

Благодаря этому многотомному изданию, где максимально точно, насколько это было возможно, зафиксированы музыкальная и текстовая части образцов народного творчества, передача уникальных и древних традиций бадахшанцев от поколения к поколению гарантирована. «Серия книг «Музыкальное искусство Памира» широко признана в качестве самого исчерпывающего на сегодняшний день труда по музыкальному наследию Памира, и Университет Центральной Азии гордится своим участием в сохранении данного наследия», - отметил Богдан Кравченко [6].

В настоящее время все материалы, собранные Н.Х.Нурджановым и Ф.М.Кароматовым во время памирских искусствоведческих экспедиций, находятся в архиве Отдела истории искусств Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша Национальной академии наук Таджикистана. Не все материалы вошли в пять книг «Музыкальное искусство Памира», оставшаяся часть требует своего исследования. Трудно сказать, сколько в общей сложности пригодных для воспроизведения кассет хранится в архиве, и в каком они состоянии, ведь записи были произведены на них более полувека назад. Но ясно одно, этот архив является неотъемлемой частью историко-культурного наследия таджикского народа, и мы с благодарностью должны помнить тех, кто записывал, собирал, сохранил и оставил для будущих поколений уникальные материалы, и, конечно, в первую очередь, Низама Хабибуллаевича Нурджанова - редкого ученого, которого отличала любовь к своему народу, а также к собирательству, скрупулезному накоплению фактического материала, понимание ценности новых, неизвестных науке сведений, стремление на основе собранного воссоздать атмосферу ушедших событий.

Литература

1. Виноградов В. О музыкальной культуре горного Бадахшана // Известия АН Тадж. ССР. – Серия востоковедение, история, филология. – Душанбе, 1991, №3. – С72-78.
2. Музыкальное искусство народов Памира // <https://the.akdn.ru>
3. Нурджанов Н., Кабилова Б. Музыкальное искусство Памира. – Кн.4. – Бишкек, 2014; Кн. 5. – Бишкек, 2015.

4. Нурджанов Н. Введение // Кароматов Ф., Нурджанов Н. Музыкальное искусство Памира. – Книга первая. – Бишкек, 2020. – С.1.

5. Нурджанов Н. Музыкальное искусство народов Памира /<http://avesta.tj/2011/01/23>

6. Выступление Б.Кравченко на презентации книг «Музыкальное искусство Памира в Центре исмаилизма г. Душанбе 13 ноября 2015 г. // <https://news.tj/ru/news/v-dushanbe-prezentovali-knigi-po-istorii-i-kulture-pamirskogo-regiona-tadzhikistana>

Муродулло Иброхимов, Бека Ёгибекова
Душанбе

ИЗУЧЕНИЕ ЭТНОГРАФАМИ СОВЕТСКОЙ РОССИИ ТРАДИЦИОННОГО КОСТЮМА ТАДЖИКОВ ПО МУЗЕЙНЫМ ЭКСПОНАТАМ

В статье на конкретном материале отмечаются заслуги ряда известных русских советских этнографов в области изучения таджикского традиционного костюма. Работы по данной теме этих исследователей основаны на музейных фондах Москвы и Санкт-Петербурга, сбор которых был начат еще в дореволюционный период и успешно продолжен в первые годы советской власти. Как подчеркивает автор, в исследованиях указанных этнографов четко просматриваются такие черты, как умение примечать самые тонкие нюансы изучаемого объекта, обладание глубокими знаниями по истории появления разных предметов одежды и украшений, их символики и семантики, а также традиций по изготовлению и использованию. Их материалы и выводы имеют большую ценность для изучения истории таджикского костюма. Кроме того, на конкретных примерах отмечается, что в их публикациях можно найти много ценного материала и по другим аспектам таджикской этнографии.

ОМУЗИШИ САРУЛИБОСИ АНЪАНАВИИ ТОЧИКОН АЗ ЧОНИБИ МАРДУМШИНОСОНИ РОССИЯИ ШУРАВИ ДАР ЗАМИНАИ НИГОРАҲОИ ОСОРХОНАВИ

Дар мақола бо истифода аз маводи мушаххас сахми як зумра мардумшиносони шуравии рус дар таҳқиқи сарулибоси анъанавии тоҷикон зикр карда мешавад. Асарҳои ба ин мавзӯ бахшидашудаи муҳаққиқони мазкур дар таърих ба фондҳои осорхонаҳои Москва ва Санкт-Петербург, ки ҷамъовариҳои ин фондҳо ханӯз дар давраи тоинқилобӣ оғоз шуда, дар давоми солҳои аввали ҳукумати шуравӣ идома ёфт, таҳия шудаанд. Муаллиф қайд мекунад, ки дар таҳқиқоти худ мардумшиносони зикршуда қобилияти дида тавонистани нозуктарин ҷанбаҳои объекти омӯзиш, доштани донишҳои чуқур дар бораи таърихи пайдоиши ҷузъҳои гуногуни либос ва ороишот, рамзиат ва маънидорӣ, инчунин анъанаҳои истеҳсол ва истифодаи онҳоро зоҳир намудаанд. Муаллиф ба ҳулосае меояд, ки мавод ва ҳулосаҳои ин муҳаққиқон барои омӯзиши таърихи сарулибоси тоҷикон арзиши баланд доранд. Инчунин дар мисолҳои мушаххас зикр мекунад, ки дар интишороти

онҳо оид ба дигар ҷанбаҳои мардумшиносии тоҷикон низ маводи зиёди пураарзиш метавон ёфт.

THE STUDY BY SOVIET RUSSIAN ETHNOGRAPHERS THE TRADITIONAL TAJIK COSTUME FROM MUSEUM EXHIBITS

In the article, based on specific material, the merits of a number of famous Russian Soviet ethnographers in the field of studying the Tajik traditional costume are noted. The works on this topic by these researchers are based on the museum funds of Moscow and St. Petersburg, the collection of which began in the pre-revolutionary period and was successfully continued in the first years of Soviet power. The author emphasizes that in the studies of these ethnographers, such features as the ability to notice the most subtle nuances of the object under study, the possession of deep knowledge of the history of the appearance of various items of clothing and jewelry, their symbolism and semantics, as well as traditions of manufacture and use, are clearly visible. The author concludes that the study of their materials and conclusions are of great value for studying the history of the Tajik costume. In addition, on specific examples, it is noted that in their publications one can find a lot of valuable material on other aspects of Tajik ethnography.

В конце в XIX – начале XX века фонды музеев России пополнились значительными коллекциями деталей традиционного костюма народов Средней Азии (предметы одежды, обуви, украшений и др.). Так, фонды одного лишь Музея археологии и этнографии РАН в Санкт-Петербурге в первом десятилетии советской власти насчитывали более четырех сотен таких экспонатов. Среди собранного материала помимо экспонатов также имеются подробные описания таких предметов, их фотографии и рисунки.

В дальнейшем тематические составляющие указанных коллекций послужили источниками при изучении материальной культуры таджиков для многих этнографов - Н. А. Кислякова, Е. М. Пещерева, Р. Я. Рассудовой, Ф. Д. Люшкевич, О. В. Старостиной, Т. Г. Емельяненко, М. Е. Резван и др.

Так, Н. А. Кисляковым были изучены 10 лицевых занавесок рубанд, собранные в фондах МАЭ АН СССР и Государственном музее этнографии народов СССР. Его работа значительно дополняет альбом графа А. А. Бобринского, который опубликовал 13 рубандов, однако не ставил задачей описать их орнамент. Н. А. Кисляков обратил внимание, что хотя эти лицевые занавески прославились как дарвазские, из 23 опубликованных образцов добрая половина собрана в селениях, расположенных в верховьях Хингоба, а на юге география таких предметов простирается аж до Ишкашима. Исходя из этого, он предположил, что центром происхождения рубандов могут быть Тавилдара и долина Вахио.

Анализируя орнамент рубандов, Н. А. Кисляков заключает, что свадебная лицевая занавеска представляла собой предмет-оберег, а также в ней отражалась идея плодovitости. Основанием для такого мнения он считает изображение на рубанде фигуры петуха-павлина, прогоняющего злые духи, а также спаренные изображения этой птицы, символизирующие супружество [3].

Е. М. Пещеревой на основе коллекций Санкт-Петербургских музеев изучены произведения золотошвеев Бухары. Не ограничившись только этим вопросом, она дополнила свое исследование материалами по орудиям труда и цеховой организации работы мастеров-золотошвеев. Из ее выводов следует, что:

— в Средней Азии золотая вышивка появилась не ранее XIX века, если не допустить, что такое искусство существовало в древности, а затем по какой-то причине исчезло;

— мастерами по золотому шитью здесь были исключительно мужчины;

— золотошвейные мастерские функционировали только в столицах, обслуживая дворы правителей и местные круги знати;

— практически вся отраслевая терминология среднеазиатского золотошвейного дела была на таджикском языке [11].

Научный сотрудник Кунсткамеры Р. Я. Рассудова на основе фондов указанного музея изучила одежду и украшения Бухарского и Самаркандского, Ферганского и Ташкентского регионов, а также верховьев реки Зеравшан. В этих исследованиях весьма обстоятельно изучен каждый предмет одежды и украшений, указаны их назначения, размерные признаки, цвета и оттенки, особенности кроя, а также терминология [12-16].

На основе таких источников одежду, головные уборы и украшения, распространенные в первой половине XX века в Бухарской области - одном из крупнейших центров истории и культуры таджикского народа изучила этнограф-иранист и исследователь Средней Азии Ф. Д. Люшкевич (1927 г.р.). Она совершила пять экспедиционных поездок в указанный регион и собранные там материалы («живой» материал, фотографии, зарисовки и чертежи) передала в фонды МАЭ. Ею также привлечены предметы одежды, поступившие в МАЭ и Государственный музей этнографии еще раньше.

Ф. Д. Люшкевич защитила кандидатскую диссертацию в 1977 году, в возрасте 50 лет, по теме «Особенности этнической истории и этнографических черт культуры таджикского населения Бухарского оазиса (конец XIX — начало XX вв.)». Ее научным руководителем была Е. М. Пещерева.

Целый ряд публикаций Ф. Д. Люшкевич посвящен традиционному костюму, составляющие которого ею рассматриваются как один из важных этноопределяющих признаков. При этом приоритетное значение для нее имела материальная культура таджикского населения этого района, что нашло свое отражение в названиях ее отдельных статей. По результатам проанализированного материала она приходит к выводу о том, что в комплексе традиционного костюма, сформировавшегося в среде оседлого населения этого региона, преобладают элементы одежды древнего ираноязычного населения. Хотя она уточняет, что это - ее предварительное заключение и для формирования более достоверных выводов необходимо проводить ряд специальных исследований, посвященных характерным чертам бухарского костюма, в частности, по вышивке на платьях, золотой вышивке [7].

Также интересны ее выводы про особенности регионального костюма. По ее заключению, одежда коренного населения этого региона отличается от одежды коренных жителей других районов тем, что она более широкая и имеет более широкий выем ворота [8].

В целом, Ф. Д. Люшкевич рассматривает костюм в этносоциальном аспекте и как важный источник для изучения этнической истории конкретных районов, в частности Бухарской области [4-10].

Традиции, заложенные в этом направлении во второй половине XX в., сегодня успешно продолжают современные российские исследователи - О. В. Старостина, Т. Г. Емельяненко и др. Так, О. В. Старостиной опубликованы отдельные статьи по традиционному женскому костюму равнинных таджиков, детскому костюму и женской ритуальной одежде этого народа, а также традиционным накосным украшениям [18-20].

Целый ряд статей Татьяны Емельяненко посвящен таджикской вышивке и нашим традиционным тканям [1-2]. Впрочем, именно по данной тематике выполнено и ее диссертационное исследование.

В 2006 г. Кунсткамерой был издан красочный сборник «Грезы о Востоке (Русский авангард и шелка Бухары)», русский текст которого дублируется на английском языке. Собранные в нем статьи написаны на основе коллекционных предметов указанного музея. Ряд статей вводят в науку хранящиеся здесь предметы традиционного костюмного комплекса бухарских таджичек (платья, туфли, украшения, ткани и др.). В числе таковых можно указать на работу Марьяма и Ефима Резван «Чтобы проклятья остались снаружи» или «Платье - оберег» (женщина и ее одежда в магическом пространстве Средней Азии)» [17]. Однако при составлении этой книги особенно отличилась Елена Царева, которая написала пять статей. В ее статье «У подножья крыши мира» нашли отражение знаковые предметы народной одежды Горного Бадахшана [22]. Содержательностью отличается и другая статья Е. Царевой, которая называется «Между Амударьей и Сырдарьей: шелковые икаты в культуре центральноазиатского междуречья» [21].

В целом, российская этнография уже внесла весьма большой вклад в дело изучения традиционной культуры таджикского народа. Будем надеяться, что в дальнейшем представители этой школы продолжат вести плодотворную работу в данном направлении.

Литература

1. Емельяненко Т. Г. Искусство вышивки у таджиков / Т. Г. Емельяненко // Таджики: история, культура, общество. – СПб.: Музей антропологии и этнографии РАН, 2014. - С. 320-341.
2. Емельяненко Т. Г. Традиционные ткани у таджиков / Т. Г. Емельяненко // Таджики: история, культура, общество. – СПб.: Музей антропологии и этнографии РАН, 2014. - С. 342-365
3. Кисляков Н. А. Свадебные лицевые занавески горных таджичек / Н. А. Кисляков // Сборник МАЭ. – Т. 15. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. - С. 291-316.

4. Люшкевич Ф. Д. Женские украшения узбеков и таджиков Бухарского оазиса // Полевые исследования Института этнографии. 1982. – М., 1986. – С. 74-81.
5. Люшкевич Ф. Д. К истории костюма населения Бухарской области в конце XIX - начале XX в. // Краткое содержание докладов научной сессии, посвященной основным итогам работы в десятой пятилетке. – Л., 1983. – С. 64-65.
6. Люшкевич Ф. Д. Одежда как источник изучения этнической истории Бухарской области // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-кавказских чтений. Ноябрь 1981 г. - Л., 1981. - С. 13-14.
7. Люшкевич Ф. Д. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Ленинград, 1978. - Т. 34. - С. 123-144.
8. Люшкевич Ф. Д. Одежда этнических групп населения Бухарского оазиса и прилегающих к нему районов. Первая половина XX в. (опыт сравнительной характеристики) // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1989. – С. 107-138.
9. Люшкевич Ф. Д. Типы женских головных уборов в Бухарском оазисе и прилегающих районах как один из этноопределяющих признаков (первая половина XX в.) // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-кавказских чтений: Вопросы этносоциальной и культурной истории Средней Азии и Казахстана. Ноябрь 1983 г. - Л., 1983. - С. 4-5.
10. Люшкевич Ф. Д. Традиционные женские украшения населения Бухарской области (первая половина XX в.) // Сборник Музея антропологии и этнографии. – 1989. – Т. 63. – С. 72-84.
11. Пещерева Е. М. Бухарские золотошвеи // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Т. 16. – М.-Л., 1955. - С. 265-282.
12. Рассудова Р.А. Женские головные платки населения Ферганской долины и Ташкентского оазиса (конец XIX – начало XX в.) Полевые исследования Института этнографии, 1980. – М., 1984. – С. 196-206.
13. Рассудова Р.А. К истории женской одежды Ферганы и Ташкента (XIX – начало XX в.) // Полевые исследования Ин-та этнографии, 1979. – М., 1983. – С. 164-178.
14. Рассудова Р.А. К истории одежды среднеазиатского духовенства // Памятники традиционно-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. Сборник Музея антропологии и этнографии. - Л., 1989. – Вып. 43. – С. 170-179.
15. Рассудова Р.Я. К истории развития одежды оседлого населения Ферганы, Зеравшана и Ташкентского региона // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Л., 1978. - Т. 34. – С. 154-174.
16. Рассудова Р.Я. Материалы по одежде таджиков верховьев Зеравшана // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Л., 1970. - Т. 26. - С. 16-51.

17. Резван М., Резван Е. Чтобы проклятья остались снаружи» или «платье - оберег» (женщина и ее одежда в магическом пространстве Средней Азии) // Грезы о Востоке (Русский авангард и шелка Бухары). - СПб., 2006. - С. 76-84.

18. Старостина О. В. Традиционный женский костюм равнинных таджиков (конец XIX – начало XX в.) / О. В. Старостина // Таджики: история, культура, общество. – СПб.: Музей антропологии и этнографии РАН, 2014. – С. 366-402.

19. Старостина О. В. Некоторые особенности женской ритуальной одежды таджиков // Лавровский сборник: Материалы 36 и 37-х Среднеазиатско - Кавказских чтений 2012-2013 гг. - СПб.: МАЭ РАН, 2013. – С. 297-302.

20. Старостина О. В. Опыт классификации женских накосных украшений народов Средней Азии и Казахстана // Матер. 5-х Санкт-Петербургских этнографических чтений. – СПб., 2006. – С. 61-65.

21. Царева Е. Между Амударьей и Сырдарьей: шелковые икаты в культуре центральноазиатского междуречья // Грезы о Востоке (Русский авангард и шелка Бухары) - СПб., 2006. - С. 52-74.

22. Царева Е. У подножья крыши мира // Грезы о Востоке (Русский авангард и шелка Бухары) - СПб., 2006. - С. 196-201.

Шамсия Тоирхон, Рузибек Бакиев

Кӯлоб

НАҚШИ МУҲАҚҚИҚИ ЗАНОНИ РУС ДАР ОМУЗИШИ ЛИБОСҲОИ МИЛЛИИ ТОЧИКОН

Мақола ба занони рус – таҳқиқотчиен бахшида шудааст, ки саҳми илмии онҳо дар омӯзиши либоси миллии тоҷикон хеле бузург аст. Аз ҷумла, занони этнографи рус А. К. Писарчик, С. П. Русяйкина, Р. Л. Неменова, З. А. Широкова дар тадқиқоти худ маълумот дар бораи либоси занона Ва мардона, сарпӯши тоҷикони кӯҳии асрҳои XIXXX пешниҳод карданд. махсусан, муаллиф ба экспедитсияи комплекси этнографии кормандони Академияи илмҳои Тоҷикистон дар давраи солҳои 1947-1949 диққат медиҳад. Таҳти роҳбарии А.К. Писарчик, ки дар ҷараени он объектҳои муҳими таърихӣ ноҳияҳои минтақаи Кӯлоб тадқиқ карда шуданд. Намудҳои либосҳои миллии Аҳолии Қаротегин, Дарвоз Ва Вилояти Кӯлоб, ки аз ҷониби экспедитсия сабт шудаанд, тавачҷӯҳи махсусро ба бор меоранд.

РОЛЬ РУССКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬНИЦ В ИЗУЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО КОСТЮМА ТАДЖИКОВ

Статья посвящена русским исследовательницам, научный вклад которых в изучение национального костюма таджиков огромен. В частности русские женщины - этнографы А.К.Писарчик, С.П.Русяйкина, Р.Л. Неменова, З. А. Широкова в своих публикациях представили сведения о женском и мужском костюме, головных уборах горных таджиков XIX-XX вв. Особое внимание автор уделяет комплексной этнографической экспедиции, организованной сотрудниками Академии наук

Таджикистана в период 1947-1949 гг. под руководством А.К.Писарчик, в ходе которой были исследованы исторически важные объекты районов Кулябской зоны. Особый интерес вызывают зафиксированные экспедицией виды национальных костюмов населения.

THE ROLE OF RUSSIAN WOMEN - RESEARCHES IN THE STUDY OF TADJIK COSTUME

This article is dedicated to Russian women - researchers, scientific contributions to the study of the national costume of Tajiks are huge. The Russian women ethnographers A.K. Pisarchik, S.P. Rusyaykina, R.L. Nemenova, Z. A. Shirokova in their publications presented women's and men's costumes, headdresses of mountain Tajiks of the 19th -20th centuries. The author pays special attention to the heritage of the ethnographic expedition organized by the the Academy of Sciences of Tajikistan in 1947-1949 (chief of A.K. Pisarchik). The historically important objects of the Kulyab region were investigated. The types of national costumes were recorded by the expedition of the population.

Таҳқиқотҳои ҳудудҳои Тоҷикистони имрӯза аз ҷониби муаррихон, сайёҳон, низомиён, сиёсатмадорон, ки бо мақсадҳои гуногун ба ин музофотҳо сафар карда буданд, ҳанӯз аз асрҳои XVIII- XIX оғоз гардида буд. Дар баробари инҳо саҳми муҳаққиқзаноне, ки ба омӯзиши таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии халқи тоҷик заҳмат саҳмгузори кардаанд мавриди тавваҷуҳи ҳамешагии аҳли ҷомеаи кишвар мебошад. Бо кӯшишу заҳмат ва пажӯҳиши бонувони мардумшиносии даврони шӯравӣ А.К.Писарчик, Б.Х.Кармышева, О. А. Сухарева, С.П.Русяйкина, Р.Л. М.А. Хамиджанова, Р.Л. Неменова, З. А. Широкова ва онҳое, ки даст ба таҳқиқи омӯзиши халқи тоҷик даст задаанд, шоистаи аҳсану офарин аст. Соли 1947 дар назди Институти таърих, забони ва адабиёти Шӯбаи тоҷикистони Академияи Фанҳои СССР кабинети этнография ва археология бо роҳбарии М. Андреев ба ҷаёлият шуруъ намуд, ки мудири шӯбаи этнография он муҳаққиқзани рус А.К. Писарчик таъин гардид.

Омӯзиши либоси милли - як соҳаи фарҳанги моддии тоҷикон ба ҳисоб рафта, имконият фароҳам меоварад, ки паҳлӯҳои дигари фарҳанги халқи тоҷикро инъикоси тоза бахшад. Омӯхтану арзёбӣ ва мавриди таҳқиқот қарор додани либосҳои милли тоҷикона дар асарҳои илмии муҳаққиқзанон шоёни таҳсин аст. Дикқати муҳаққиқони даврони Шӯравиро тарзи зисту зиндагӣ, урфу одатҳои қадима ҷалб намуда, сабабгори омӯзиши этнологияи мардуми тоҷик аз ҷониби таҳқиқотчиёни лаёқатманди рус гардид. Якумин экспедитсияе, ки бо роҳбарии А.К.Писарчик ба Кӯлоб(1948-1949) равона гардид, дар он З.А. Широкова ба ҳайси донишҷӯ-таҷрибаомӯз ва дигар мардумшиносони шинохта, Б.Х.Қармишева ва Н.Х.Нурҷонов иштирок намудааст. Дар рафти ин экспедитсия З.А.Широкова оиди рузгор ва манзилҳои тоҷикони вилояти Кӯлоб, ороишот, сару либоси занона, каллапӯшҳои мардонаи ин музофот маълумотҳои гаронбаҳо дастрас намуд. З.А.Широкова дар ҳайати экспедитсияи этнографияи Институти таърих бостоншиносӣ ва мардумшиносии АИ Ҷумҳурии Тоҷикистон соли 1954 ба Дарвоз, соли 1955 ва 1957

ба Қаратегин, солҳои 1963,1968,1972 ба Ҳисор, соли 1963 ба Норақ, солҳои 1948,1968,1969,1973 ба Кӯлоб, солҳои 1973-1974 ба Шаҳритус маълумотҳои илмӣ чамъ кардааст. Тадқиқотҳои ин мардумшиноси барҷаста асосан оиди таърихи либосҳои миллии тоҷиконро дар бар мегирад. Ин буд, ки З.А.Широкова дар қисмати “Либосҳои занона”-и китоби “Тоҷикони Қаратегин ва Дарвоз”(1966,1970) дар асоси тадқиқотҳои А.К.Писарчик(1954-1957), М.А.Хамиджанова(1952-1957) ва тадқиқотҳои шахсиаш маълумотҳо ва хулосаҳои илмиашро ба ҷоп расонидааст[4,с.73].

Муҳаққиқзан З.А.Широкова дар осору мақолаҳои илмӣ худ, чунон нозуқиҳои либосҳои милли тоҷикиро шарҳу тавзеҳ додааст, ки аз рӯи он метавон фарқиати либосҳои минтақаҳои гуногуни Тоҷикистонро аз якдигар ҷудо намуд. З.А.Широкова бо ҳаммуаллифӣ Н.Н.Ершов (1969) «Албуми либосҳои тоҷикона»-ро ба таърифи расонид. Ин албум аз рамзҳои намунаи либосҳои тоҷикони охири асри XIX - аввали асри XX инъикос менамояд. Албуми мазкур ба тарҳ ва шакли либосҳо, ороишот ва намудҳои кашадаю гулдузии мардуми тоҷик ошно месозад.

Ба З.А.Широкова муяссар гардид, ки дар деҳаи Лангари ноҳияи Муъминободи вилояти Кӯлоб куртаеро дастрас кард, ки он соли 1895 дӯхта шуда буд. Чунин тарҳи либосдӯзиро дар ибтидои асри XX дар қисмати шимоли Тоҷикистон низ дар ҳамин давра мушоҳида кардан мумкин буд. Тибқи хулосаҳои З.А.Широкова тарзи дӯхтани либосҳои занонаро дар худудҳои бекигарии Кӯлоб, Балҷувон, Дарвоз ва ба ин худудҳо ба теъдоди паҳн гардидани онро дар истилои аморати Бухоро ин худудҳоро дар солҳои 1870-1873 мебинанд.

Пас аз ба хонигарии Бухоро дохил шудани Кӯлоб ва дар ин минтақа пайдо шудани амалдорон, раисон ва амлоқдорони Бухоро, занони маҳаллӣ либосҳои занони бухороиро зиёдтар пазируфтанд. Дар Кӯлоб матоъи либоси занона ба ғайр аз матоъи маҳаллӣ, акнун аз худудҳои Бухоро низ ворид мешуд. Матоъҳои либосҳои занонаи бухороӣ паҳноии он тақрибан 60 см, яъне аз паҳноии китфи зан хеле зиёд буд. Дарозии либоси дӯхтаи онҳо, асосан остинҳо ба паҳноии миёни баробар буд.

Чи тавре,ки А. К. Писарчик(1995,1907) қайд кардааст, дар аксари “...либосҳои занонае, ки мо дар Кӯлоб чен кардем остинҳои нисбатан васеъ буда, аз 25 то 30 см мерасид.” Фарқи байни паҳноии остинҳо ва камари либосҳои занонаи тоҷикони Кӯлоб ҳамагӣ аз 1 то 2 сантиметр фарқият дошт. Аммо либосҳои занонаи остинтанг ва камартанг, дар Дарвоз пайдо карда шуд, дар Кӯлоб бошад чунин либосҳо ба қайд гирифта нашудаанд[4,с.76].

Дар либосҳои занонаи Кӯлоб (охири солҳои XIX- - нимаи аввали асри XX) паҳноии асосии қад ва дарозии остинҳо боз ҳам бештар афзоиш ёфт, яъне ба мӯди бухороӣ либосҳои занонаи Кӯлоб зиёдтар наздики доштааст. Бо вучуди ин либосҳои маросимӣ, арӯсӣ баъзан хеле васеъ буданд: онҳо маҳз бо матои фабрикавӣ (то 65 см) якхела дӯхта мешуданд. Дарозии остинҳо аксар вақт ба то 60-65 см баробар буд[8,с.99].

Дар баъзе ноҳияҳои кӯҳистон (Кӯлоб, Қаратегин, Дарвоз ва Ҳисор) баъзан якҷанд куртаҳо мепӯшиданд, ки онҳоро ба ҳамдигар шабохат доштанд. Қисми поён

одатан сафед, болой ранга буд. Барои он ки нӯги остинҳои либоси поёнӣ (махсусан гулдӯзӣ) намоён бошад, остинҳои болоиро баъзан назар ба остинҳои поёнӣ кӯтоҳтар - 55-58 см дароз мекарданд[8,с.101].

Соли 1971 Широкова З.А. бо роҳбарии А.К.Писарчик рисолаи номзодии худро дар мавзӯи «Либосҳои миллии тоҷикзанони қуҳистони Тоҷикистон» дифоъ менамояд. Таҳқиқотҳои ин мардумшинос оиди либосҳои мардуми тоҷик дар «Атласи таърихи этнографии Осиёи Миёна ва Қазоқистон» низ ҷойгир карда шудааст, ки дар он либоси аъанавӣ ва миллии тоҷикон дар асоси таҳқиқотҳои сахрони муҳаққиқзан бо тамоми паҳлӯҳояш муаррифи намудааст.

Дигар бонуи мардумшиносе, ки саҳми илмии беҳамтои худро дар омӯзиши илми мардумшиносии тоҷик гузоштааст ин Розалия Львовна Неменова (1908-1988) мебошад. Р.Л.Неменова ягона муҳқиқест, ки оиди омӯзиши лаҳҷаҳои тоҷикони қисмати ҷануби Тоҷикистон кӯшишу заҳмати зиёд кардааст. Р.Л. Неменова барои омӯзиши лаҳҷаҳои тоҷикони қисмати ҷануби Тоҷикистон дар ҳаёти экспедитсияи диалектологӣи сектори Институту забон ва адабиёти АФ ҶШС Тоҷикистон сафар кард. Р.Л.Неменова бо мақсади омӯзиши лаҳҷаҳо ва ғӯишҳои аҳолии вилояти Кӯлоб дар давоми солҳои 1948-1950 дар ноҳияҳои Муъминобод, Сари-Хосор, Балҷувон, Кангурт, Ховалинг таҳқиқотҳои диалектологӣи худро гузаронида манбаҳои зиёди илмиро дастрас кард.

Роҳбари ин экспедитсия шарқшиносии маъруф И.И. Зарубин буд, ки Р.Л.Неменова зери роҳбарии ин олим рисолаи номзодиашро дар мавзӯи “Лаҳҷаҳои забони тоҷикии Кӯлоб” соли 1950 дифоъ намудааст[3,с.59].

Заҳматҳои Р.Л. Неменова ин китоби «Тоҷикони Варзоб» буд, ки дар асоси маводи экспедитсияҳои этнографияе, ки солҳои 1961-1968 сарварӣ мекард, аз ҷониби муаллиф дар солҳои 80-уми асри ХХ ба итмом расида, танҳо соли 1998 дар нашриёти «Дониш»-и шаҳри Душанбе ба таъби расид. Р.Л. Неменова дар таҳқиқотҳои оиди мардуми Варзоб, аввалан ба акс бардоштан шуруъ кардааст, ки техдоди аксҳои ӯ то 600 адад мерасад. Ин аксҳо тарзи зисту зиндагӣ, хоҷагидорӣ, хунармандӣ, расму оин, сохти манзили зист, сару либос ва дигар хусусиятҳои хоси мардуми маҳаллии Варзобро мавриди таҳлилу баррасӣ қарор додааст. Р.Л.Неменова ҳамчунин харитаи этнографияи минтақаро бо макони истиқомати гурӯҳҳои этникии он, аз ҷумла, қаратегинӣ, варзобӣ, роғӣ, кӯлобӣ, яғнобӣ ҷой кардааст.

4 ноябри соли 1987 шавхари азизаш Я.И. Калонтаров баъди бемории кутухмуддат вафот кард, ки ин як зарбаи фочиаовар дар тақдири Р.Л.Неменова буд. Вай ба як талафоти ҷуброннопазир тоб овард, аммо ин талафот ба саломатии ӯ таъсири марговар расонид..

Дар Қаратоғ либосҳои тантанавиро баъзан мисли либосҳои бухорогии давраи гузашта мебуридан. Чунин тарзи либосбурӣ аз матоҳҳои хеле васеъ имконнопазир аст. Матоҳро ду баробар печонида, паҳнои остинро аз боло ҷен карда, дар зери он як порчаи кандашакли матоҳ бурида шуд, ки то домани он пажмурда мешуд. Бо ин роҳ, лагери либос ва як қисми остин носӣба поён васеъ карда шуд, ки пас аз он ба дарозии дилҳо дароз карда шуд.

Дар болооби Зарафшон асосан либосҳои солҳои 20-уми асри XX-ро муҳаккикон, мавриди барраси қарор додаанд, ки он аз матоъҳои хунармандон тайёр карда шуда дӯхта шудаанд.

Маводхое, ки А.К.Писарчик, З.А.Широкова, Р.Л.Неменова дар соли 1948 дар Кӯлоб чамъ овардаанд сахмии илмии бузургест дар илми мардумшиносӣ, таъриху тамаддуни мардуми ин манотик .

Пероҳанҳо ва куртаҳои занонаи кушоди то зонуи гиребондор, ки дар шакли мудӣ Бухоро бо пешчокак, ки таърихи қариб 250 сола доранд, то ҳол дар Кӯлоб, Қаротегин, Дарвоз, Қаратоғ мепӯшанд. Чунин куртахоро на танҳо пиронсолон, балки баъзан ҷавондухтарон, дар Кӯлобу Қаротегину Дарвоз ҳамчун либоси болоӣ мепӯшанд.

Оиди либосҳои кӯдакона З.А. Широкова овардааст, ки дар чил рузи аввали баъди таваллуди кудак дар ҳудудҳои ҷануби Тоҷикистон ва ҳам дар шимоли Тоҷикистон, хусусияти хос дошта, он ҳамчун тилисм кӯдакро аз офатҳо ҳифз ва муҳофизат мекардааст. Ин ҳолат дар интиҳоби матоъе, ки аз он либоси кӯдакона дӯхта шудааст низ ба назар гирифта шуда, ҳатто тарзи тайёр кардани махсусро талаб мекунад. Дар асрҳои XIX-XX дар ҳудудҳои Тоҷикистони имрӯза дар оилаҳои камбағал писарбачагон то 7-8 сола шуданашон шимро намедиданд, ба онҳо куртаи дарози қариб то банди пойро мепӯшониданд[9,с.134].

Пас аз ҳамроҳшавии Осиёи Миёна ба Россияи подшоҳӣ дар нимаи дууми асри XIX аз аломатҳои либосҳои занонаи русҳо баъзе аломатҳои хос ба дӯхти куртаҳои занонаи тоҷикон ворид гардид. Муҳаккиқзани рус Е.М.Пешерева дар таҳқиқотҳои кайд мекунад, ки дар вилояти Хучанд куртаҳои гиребондор дар нимаи дууми асри XIX баъди ба ин минтақа омадани русҳо пайдо шудааст[6,с.65].

Таҳқиқотчи либоси миллии тоҷикон С.П.Русяйкина солҳои 1946-1947 оиди тарзи дӯхтани ва тайёр кардани либосҳои занонаи мардуми Қаратегин ва Дарвоз шурӯъ мекунад. Оиди либосҳои маросимӣ занони Ғарм муҳаккиқ овардааст, ки аз боли куртаи идона занони кишлоқҷойҳои Қаратегини миёна ва ҷанубӣ камзӯлча мепӯшанд. Барои як куртаи идонаи занона 5-6 метр матоъи фабрикавӣ, ки зиёдтар арзиш дошт, истифода карда мешуд. Оҳиста – оҳиста тайёр кардани матоъҳои карбосин “сурканҷ” ва “сияҳанҷ” дар Қаратегин аз байн рафта, солҳои 1945-1955 дар ин ҳудудҳо матоъҳои фабрикавии абрешимӣ ва пахтагин ба тезӣ паҳн гардид. Ба қавли С.П.Русяйкина дар солҳои 1946-1947 матоъҳои қоғазини “аълоча”, ки дар ҳудудҳои Қаратегин(Ғарм) тайёр карда мешуд, аз байн рафт[5,с.31]. Ин муҳаккиқзани рус дар Қаратегин зиёда аз 15 намуди тоқиҳои ғармиро дар таҳқиқотҳои муаррихи гардондааст, ба мисли тоқи “пилтағӣ”, тоқи “шерозӣ”, тоқи “зеҳак”(зияк), тоқи “тупак.”[5,с.33]. Ҳамчунин, дар Қаратегину Дарвоз тоқиҳои бо номи “чустӣ”, фарғонагӣ” низ паҳн гардиданд, ки ба қавли С.П.Русяйкина, дар натиҷаи барои қор кардан ба водии Фарғона рафтани мардони ин қисмати кӯхистони Тоҷикистон буд. Таҳқиқотҳо ва ҳулосаҳои илмии худро ин бонуи рус дар осори гаронбаҳои илмии худ ҷой медиҳад ва рисолаи илмиашро дар мавзӯи “Либоси миллии тоҷикони вилояти Ғарм” дифоъ мекунад[5,с.28].

Мухақиққазане, ки дар бунёди илми этнологияи тоҷик нақш ва макоми бузург дорад А. К. Писарчик ба ҳисоб меравад. Ин бонуи рус дар асос гузоштани илми этнография дар Тоҷикистон нақши калон гузошта, шогирдони зиёдеро дар ин самт тарбия намудааст. Ҳоло мероси эҷодии ӯ ба тамоми ҷомеаи илмӣи ҷаҳонӣ тааллуқ дошта, барои дустдорони илму фарҳанги халқи тоҷик хизмат мунад.

Ахамияти омӯзиши мероси илмӣи муҳаққиқзанони рус С.П.Русяйкина, Е.М.Пещерова, Р.Л.Неменова, З.А.Широкова дар омӯзиши тамаддуни халқи тоҷик арзиши баланди илмӣи назариявӣ дорад. Таҳқиқотҳои ин бонувон дар омӯзиши таърихи ҷаҳонӣ ниёгонамон саҳми илмӣиест бузург. Дар осорҳои ин мардумшиносон оид ба ҳаёт ва маданияти минтақаҳои алоҳидаи Тоҷикистон асарҳои беҳамтою нодир боқӣ гузоштаанд, ки ин мероси бебаҳои илмӣи онҳо то имрӯз ахамияти илмӣи худро гум накардааст.

Маҳз, заҳмати мардумшиносони даврони шӯравӣ буд, ки аввалин бор соли 1966 ва соли 1970 дар Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣи АИ Ҷумҳурии Тоҷикистон ба номи А.Дониш китоби дастаҷамъии «Тоҷикони Каротегину Дарвоз» ба таърих расонида шуд, ки дар таҳияи он саҳми бонувони мардумшиносони даврони шӯравӣ А.К.Писарчик, А.З.Розенфельд, М.А.Хамиджанова, О.С.Сухарева, Л.А. Неменова, З.А.Широкова мавқеи хосро дорост.

Адабиёт

1. Андреев, 1924 — Андреев М.С. Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандскую область в 1921 г. // ИТО РГО. 1924. Т. 17.
2. Кармышева Б. Х. Сведения об узбекских родах Семиз и Кесамир. Сб., Тр. АН Тадж. ССР, т. XVII, С., 1953, стр. 99—110.
3. Неменова Р. Л. Предварительный отчет о работе во время Гармской этнографической экспедиции 1952 года. ДАН Тадж. ССР, вып. 9, С., 1953, С. 59—64.
4. Писарчик А. К. и Кармышева Б. Х. Опыт сплошного этнографического обследования Кулябской области. Изв. ООН АН Тадж. ССР, № 3, С., 1953, С. 73—97.
5. Русяйкина С.П. Национальная одежда и орнамент таджиков Гармской области КСИЭ АН СССР, 6, 1949. С.28-33.
6. Сухарева О.А. История среднеазиатского костюма. (2-я половина XIX- начало XX вв.). Наука. Москва. 1982. - 142 с.
7. Широкова З.А. Традиционная и современная одежда женщин Горного Таджикистана. Душанбе, 1976.
8. Широкова З. А. Архаические детали в женской одежде горных таджиков Кулябской области. Изв. ООН АН Тадж. ССР, № 3, С., 1953, С. 99—105.
9. Широкова З. А. Детская одежда таджиков связанные с ней обряды. М., ЭО. 2002. №4. С. 134-145.
10. Широкова З.А. Туникообразные платья таджичек Горного Таджикистана. - М., СЭ. 1973-№5. С.88-99.

ОПИСАНИЕ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ ТАДЖИЧЕК В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЗИНАИДЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ ШИРОКОВОЙ

В данной статье рассматриваются виды женских головных уборов Дарваза, Каратегина, Кулябской группы селений, деха по среднему течению Вахша (Туткаул, Нуреке), Бешкента и Кобадияна в низовьях Кафирнигана, Гиссарской долины, Верховий Зарафшана, Худжанда (Ленинабада, до 1936 г. Ходжента) и его пригородного селения Унджи, Канибадама и его пригорода Пулотон, Исфары, деха Навгилем и Чорку, Аштского района (деха Ашт, Понгаз, Пунук) на основе исследований З.А. Широковой.

ТАВСИФИ САРПЎШҲОИ ЗАНОНИ ТОЧИК ДАР ТАҲҚИҚОТИ ЗИНАИДА АЛЕКСАНДРОВНА ШИРОВА

Дар ин мақола мо дар бораи навъҳои кулоҳҳои занонаи Тоҷикистон, дар байни аҳолие, ки худро тоҷик меноманд: Дарвоз, Каратегин, дар гуруҳи деҳаҳои Кӯлоб, дар деҳаҳои лаби дарёи Вахш — Туткаул, Норақ; дар Бешкент ва Қабодиён, ки дар поёноби Қофирниҳон воқеъ гардидаанд; дар водии Ҳисор, дар болооби Зарафшон (қисми ҳавзаи дарёи Зарафшон аз сарчашмаҳояш то шаҳри Панҷакент), дар шаҳри Ленинобод (то соли 1936 - Хучанд) ва деҳаи наздишаҳрии он Унҷи; дар шаҳри Конибодом ва атрофи он — кишлокҳо. Пулотон; дар шаҳри Исфара ва кишлокҳои наздик. Навгилем ва посёлкаи Чорку; дар райони Ашт дар кишлокҳои калони Ашт, Понгаз, Пунук дар асоси таҳқиқоти З.А. Широкова сӯҳбат хоҳем кард.

DESCRIPTION OF THE TAJIK WOMEN HEADRESSES BY ZINAIDA ALEKSANDROVNA SHIROKOVA

In this article we study on the basis of a study by Z.A. Shirokova. the women headfress in Darvaz, Karategin, in the Kulyab group of villages, in villages along the middle reaches of the Vakhsh - Tutkaul, Nurek; in Beshkent and Kabadian, located in the lower reaches of Kafirnigan; in the Gissar valley, in the upper reaches of the Zeravshan (part of the Zeravshan river basin from its sources to the city of Penjikent), in the city of Leninabad (until 1936 - Khojent) and its suburban village Unji; in the city of Kanibadam and its suburbs - villages. Puloton; in the city of Isfara and nearby villages. Navgil and the village of Chorku; in the Asht region in the large villages of Asht, Pongaz, Punuk.

Многообразие таджикских национальных костюмов отражено в работах археологов, историков, искусствоведов и этнографов. Археологические находки показывают, что у таджиков издревле были свои национальные костюмы. По мнению ученых, наши предки одними из первых стали использовать разные цвета при производстве тканей. Важную информацию о таджикском национальном костюме и более чем 700 его видах можно найти в «Авесто», «Шахнаме», произведениях древних классиков Джайхани, Табари, Мукаддасы, Мирханда, Хондамира, Балхи, Васифи, Дониша, в работах советских исследователей, таких как А. А.Бобринский, О.А. Сухарева, М.П. Винокурова, Н.Белинская, Н.Ершова, Г.М.Майтдинова, З.А.Широкова, С.П.Русайкина, С.В.Иванов, Н. Юнусова, М. Рузиева, Л. Додхудоева, Ш. Абдуллоева, Х. Содикова, А. Аминова, М. Ганиева и др.

С организацией в 1951 г. в Таджикистане Академии наук, в ее состав вошел Институт истории, археологии и этнографии. В то же время в структуре Института был организован сектор этнографии (заведующая А.К.Писарчик). С этого момента этнологическое изучение республики приняло более планомерный характер. Среди ведущих сотрудников отдела кандидат исторических наук Зинаида Александровна Широкова занимала особое место. Она была неоднократным участником различных этнографических экспедиций, которые проводились в разных регионах республики, одним из лучших фотографов Института. [10;108]

З. А. Широкова в 1949 г. окончила Восточный факультет Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова по специальности этнография. Её руководителем был выдающийся иранист И.И. Зарубин. С 1950 г. она работала в Институте истории, языка и литературы Таджикского филиала АН СССР (ТФАН СССР). С 1951 г. в Институте истории АН Тадж. ССР в должности младшего научного сотрудника; с 19 октября 1973 г. – исполняющей обязанности старшего научного сотрудника; с 30 марта 1976 г. –старший научный сотрудник. В декабре 1971 г. З.А.Широкова защитила кандидатскую диссертацию на тему «Одежда таджиков горного Таджикистана» (руководитель А.К.Писарчик). З.А. Широкова в составе этнографических экспедиций организованных Институтом истории АН Тадж. ССР изучала народный костюм таджиков и ремёсла в Дарвазе (1954 г.); в Каратегине (1955 и 1957 гг.); в верховьях Зеравшана (1958-1961 и 1964 гг.); в Припамирье (1960 г.); в районах затопления Нурекской ГЭС (1963 г.); в Кулябской области (1948, 1968, 1969 и 1973 гг.) в Шаартузе (1973, 1974 гг.); в Гиссарской долине (1963, 1968, 1972, 1974 и 1975 гг.); в северных районах Таджикистана (1960, 1974, 1976, 1978-1985 гг.). В 1976-1985 гг. З.А.Широкова вплотную приступила к разработке темы «Народная одежда таджиков» в качестве соавтора коллективного труда «Историко-этнографический атлас Средней Азии и Казахстана. Народная одежда», которая была выполнена по координации с отделом Средней Азии и Казахстана Института этнографии им. Миклухо-Маклая АН СССР (Москва). [10;109]

В течение 1976-1985 гг. З.А.Широковой был собран полевой материал, составлены карты и типологические таблицы, снабженные объяснительными

записками. Все эти материалы отосланы в Москву, где были апробированы и приняты для подготовки Атласа, посвященного одежде.[10;110]

Головные уборы являются наиболее сильным фактором самоидентификации национального комплекса костюма, по которому безошибочно можно определить этническую принадлежность, т.к. головной убор всегда имел отличительные, оригинальные, региональные особенности.[6;24]

Ассоциативное, стереотипное определение национальной принадлежности *мужских головных уборов*: [5;18]

Кыргызы – войлочный калпак.

Узбеки – тюбетейка.

Таджики – чалма.

Туркмены – меховая шапка.

Казахи – шапка-малахай.

В женских головных уборах:

Кыргызы – элечеки, калек.

Узбеки – шапочка тюбетейка.

Таджики – платок дурия.

Туркмены – высокий цилиндрический головной убор.

Казахи – кимешек.

Головной убор — один из наиболее интересных элементов национального костюма, в котором часто сохраняются своеобразные традиционные формы.[11;184]

В данной статье мы будем говорить о видах женских головных уборов

Таджикистана, среди населения, называющего себя таджиками: Дарвазе, Каратегине, в Кулябской группе кишлаков, в кишлаках по среднему течению Вахша —Туткауле, Нуреке; в Бешкенте и Кабадиане, расположенных в низовьях Кафирнигана; в Гиссарской долине, в верховьях Зеравшана (часть бассейна р. Зеравшан от его истоков до г. Пенджикента), в г. Ленинабаде (до 1936 г. — Ходженте) и его пригородном селении Унджи; в г. Канибадаме и его пригороде — сел. Пултон; в г. Исфаре и расположенном рядом сел. Навгилем и кишлаке Чорку; в Аштском р-не в больших селениях Ашт, Понгаз, Пунук.[11;185]

Головные уборы таджиков можно разделить на две основные группы: головные уборы населения южных (горных) районов — Каратегина, Дарваза, Куляба и головные уборы населения северных (равнинных) районов — верховье Зеравшана, Ура-Тюбе, Ашта, Канибадама, Исфары, Чорку. В Гиссарской долине, в центре Таджикистана, встречаются головные уборы как северных, так и южных групп.[4;187]

Головной убор таджичек сложный, включает обычно несколько элементов. В первую очередь остановимся на классификации составных частей комплексов женских головных уборов.[7;203]

❖ Чалма из продолговатого куска ткани. В Дарвазе женская чалма (соба) делалась из очень длинных (от 3 до 5 м) и широких кусков кустарных тонких белых тканей типа кисеи (борики, шаши), позднее из фабричной кисеи (дока), в наше

время из марли. В верхнем Каратегине (кишлак Джиргаталь) чалма (салла) была из кустарной материи-калами или белой тонкой кисеи длиной от 3 до 5 м². В Ура-Тюбе чалма (локи) длиной 4—5 м изготовлялась из тонкой кустарной материи хоса³, позднее — из кисеи или марли (дока). В кишлаке Понгаз (Ашт) чалма — алака, айлока из белой кисеи имела длину 4 газа (1 газ = 60 см).[9;22]

❖ Большие головные платки. Головной платок из марли или кисеи в южных районах называли соба (Дарваз), дока (букв, кисея), латта (Каратегин); в северных — каре, дока, латта (Зеравшан, Ура-Тюбе, Ленинабад, Исфара). Иногда их делали из более плотного материала. Для нарядных платков употребляют термин румол (руймол), нумол. К названию платка могло добавляться наименование ткани, из которой он был изготовлен, или название отделки. В Таджикистане были распространены головные платки трех видов: прямоугольные (2—2,5X1,5 м), квадратные, или почти квадратные, размером примерно 1,5X 1,5 м; 1,4X 1,3 м; 1,25X 1,25 м и треугольные. Прямоугольные платки встречались в основном на юге — в Кулябе и Дарвазе. Позднее там стали пользоваться платками, сшитыми вдвое из 3-х м, для пожилых — из 4—6 м материи. В Туткауле (Куляб) платки сшивали из 6 точек кустарной шелковой ткани (ширина почти 30 см); так как ткань была очень толстая, ее разрезали по диагонали на две косынки треугольной формы, называвшиеся лачак, но делали такие платки редко и носили их, как и квадратные. Во всех других районах Таджикистана зафиксированы квадратные платки или приближающиеся к квадратным. Лишь пожилые женщины северных городов в домашних условиях носили иногда платки, приближающиеся к прямоугольным кулябским.[9;23]

Таким образом, вклад Широковой З.А. в изучение таджикских национальных костюмов весьма значителен. Зинаида Александровна Широкова была искусным фотографом, незаурядным исследователем и любителем науки, изучавшим предмет во всех деталях. Об этом можно судить не только по ее статьям и работам, но и по полевым исследованиям, которые З.А. Широкова наблюдала в экспедициях.

Зинаиды Александровны Широковой - искусный исследователь, ведущий ученый, известный этнограф. Именно усердие позволило З.А. Широковой внести весомый вклад в изучение истории и культуры таджикского национального костюма. В связи с этим мы предложили, чтобы все этнографические труды З.А. Широковой были опубликованы в одном сборнике и открыты для всеобщего ознакомления, чтобы читатели и энтузиасты истории могли больше узнать об истории и культуре одежды своих предков.

Литература

1. Широкова З.А. Декоративные вышивки таджиков верховьев Зеравшана // История и этнография народов Средней Азии. Душанбе. 1981. С.54-55.

2. Широкова З.А. Архаический женский головной убор Северного Таджикистана // Краткое содержание докладов Среднеазиатско – Кавказских чтений, апрель 1987 г. Л., 1988. С.32 – 33 .

3. Широкова З.А. Мужские пояса таджиков // Краткое содержание докладов Среднеазиатско – Кавказских чтений, май 1989 г. М.,1990. С.32 – 33.

4. Широкова З.А. Некоторые особенности традиционного свадебного костюма таджиков Центрального Таджикистана (конец XIX – начало XX вв) // Тезисы докладов на сессии, посвященной итогам полевых этнографических и антропологических исследований в 1974 – 1975 (май 1976 г.). Душанбе, 1976. С.186 – 187.

5. Широкова З.А. Одежда таджиков Горного Таджикистана: Автореф.дис.на соиск.учен.степ. к.и.н. / АН СССР. Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо – Маклая. Ленинград.Душанбе, 1971.

6. Широкова З.А. Проявление траура в одежда таджиков Соха // Краткое содержание докладов Среднеазиатско – Кавказских чтений, апрель 1986. Л., 1987. С.24 – 25.

7. Широкова З.А. Традиционный костюм жениха у горных таджиков // Костюм народов Средней Азии: Историко – этнографические очерки. М., 1979. С.202 – 203.

8. Широкова З.А. Туникообразные платья таджиков Горного Таджикистана // Советская этнография. – 1973. - №5. – С.88 – 98.

9. Ершов Н.Н., Широкова З.А. Альбом одежды таджиков. Душанбе, 1969.

10. Джураева Н. Таджикский национальный костюм в дневниковых записях З.А.Широкова.//Историк (научный журнал). №1-2 (10).Душанбе, 2017..

11. Широкова З.А. Традиционные женские головные уборы таджиков(юг и север Таджикистана)// Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана.- М., 1989.

Лариса Додхудоева
Душанбе

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА Н.Х. НУРДЖАНОВА В ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ АРХИВЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК ТАДЖИКИСТАНА

Профессором Н.Х. Нурджановым была исследована практически вся театральная культура таджиков. Важным подспорьем для многочисленных исследований ему послужили материалы полевых работ, которые ныне хранятся в этнографическом архиве Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана. В целом документальное наследие ученого имеет важное значение как информационный источник не только для этнологии и искусствоведения Таджикистана, но и для смежных наук.

МЕРОСИ ХУЧЧАТИ ПРОФЕССОР Н.Х. НУРЧОНОВ ДАР БОЙГОНИИ МАРДУМШИНОСИИ АКАДЕМИЯИ МИЛЛИИ ИЛМХОИ ТОЧИКИСТОН

Аз ҷониби профессор Н. Нурҷонов этнография ва қариб тамоми маданияти театрии тоҷикон омӯхта шудааст. Таҳқиқотҳои сершумори ӯ ба маводи қорҳои саҳроӣ рабтдошт, ки ҳоло дар архиви этнографии Институти таърих, археология ва мардумшиносии ба номи А. Дониши Академияи илмҳои миллии Тоҷикистон нигоҳ дошта мешаванд. Дар маҷмӯъ, мероси хуччатии олим натавон ба рои этнология ва таърихи санъати Тоҷикистон, балки ба ҳама илмҳои лоқаманд муҳим аст.

DOCUMENTARY HERITAGE OF PROFESSOR N.KH. NURJANOV IN THE ETHNOGRAPHIC ARCHIVE OF THE TAJIKISTAN NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES

Professor N.Kh. Nurdzhanov studied ethnography and almost the entire theatrical culture of the Tajiks. An important support for numerous studies for him were the materials

Н.Х. Нурджанов на верблюде во время полевых работ. 1953г. (№18-264)

of field work, which are now stored in the ethnographic archive of the A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography, Tajikistan National Academy of sciences. In general, the documentary heritage of the scholar is important informational source not only for ethnology and art history, but also for contiguous sciences.

Keywords: Tajikistan, ethnography, theater studies, photography, expedition, archive, document, heritage

Автор многочисленных исследований по музыкальному, танцевальному, театральному фольклору [14, 142-144; 17, 251-258] доктор искусствоведения, Лауреат Государственной премии им. Абуабдулло Рудаки Низам Хабибуллаевич Нурджанов (1923-2017), как заведующий отделом истории искусств (с 1953 г.), почти ежегодно проводил комплексные сначала этнографические, а затем искусствоведческие экспедиции в разных районах страны. Он был одним из самых лучших фотографов Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана (ИИАЭ НАНТ).

Помимо тысяч записей таджикской народной музыки в этот период им были сделаны многочисленные фотографии во время полевых изысканий. Н.Х. Нурджановым исследована этнография таджикского народа, история, теория театрального искусства, таджикская драматургия, режиссура, хореография, сценографии, актерская школа - практически вся театральная культура таджиков.

Однако начинал он свою научную деятельность как этнограф в первой экспедиции этнографического сектора ИИАЭ НАНТ - легендарной Кулябской под руководством А.К. Писарчик 1948-49 гг. Готовится к этим полевым исследованиям он начал будучи аспирантом известного ученого М.С. Андреева. Сама А.К. Писарчик указывала, что в первом сезоне интересные снимки удалось сделать Н.Х. Нурджанову, а в 1949 г. Л.И. Минаков создал целую серию фотографий. Именно их фотоработы положили начало созданию фототеки этнографического сектора ИИАЭ НАНТ, которая в дальнейшем активно пополнялась. [17, 251]

Многие члены экспедиции 1948-49 гг., в том числе и сам Н.Х. Нурджанов, считали, что во время проведения полевых работ отрабатывались на практике методы сплошного этнографического изучения регионов, а с другой, - проводилось воспитание и формирование ядра кадров этнографов, в том числе из таджиков. [13, 25]

В этнографическом архиве ИИАЭ НАНТ сохранились следующие материалы Н.Х. Нурджанова, которые он собрал во время Кулябской этнографической экспедиции 1948 г.:

- Дневники Н.Х. Нурджанова на таджикском языке (оригиналы) 1948 г. 17 тетрадей. Всего 246 л. Переп. 1].

- Дневники Н.Х. Нурджанова на таджикском языке (машинописный текст, переплет). Всего 163 л. [2].

Со временем Н.Х. Нурджанов становится настоящим этнографом, чьи материалы полевых изысканий представляют значительный интерес для других исследователей. Об этом свидетельствуют замечания известного этнолога Н.А. Кислякова, которые он приводит в своей книге «Семья и брак у таджиков». [15, 5]. Автор посчитал своим приятным долгом принести благодарность Е. М. Пещеревой, А. З. Розенфельд, Н. Х. Нурджанову и А. К. Писарчик за их

материалы, которые он использовал. Он также указал, что вторая часть заключения его публикации построена в основном на его личных наблюдениях, а также на предоставленных ему полевых записях А. З. Розенфельд и Н. Х. Нурджанова.[15,5]. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что научные достижения молодого ученого пользовались доверием у известных этнологов того времени, а его имя ставилось в ряд с уже известными советскими исследователями.

В 1950г. Н.Х. Нурджанов совершил свою индивидуальную поездку в Куляб, после которой сформировал собственную фотоколлекцию № 13. Данный иллюстративный блок небольшой (43 отпечатка) и состоит из отдельных снимков народного театра Хатлона, Ванча и Рашта. Некоторые из них непосредственно не связаны с традиционной театральной культурой таджиков. Несомненно, данная коллекция, которая в будущем послужила важным материалом для многих работ Н.Х. Нурджанова, представляет собой некую научную лабораторию автора. Отдельные снимки были воспроизведены автором в его книге «Оламибеканориакситочик».[16,165].

В данном иллюстративном блоке представлены сценки, запечатленные им на Областной олимпиаде художественной самодеятельности в г. Кулябе. Помимо этого в коллекцию была включена фотография (№13-13), в которой учитель начальной и средней школы в колхозе им. Щорса к/с Шорс (к. Лиджун, Даштиджумского р-на) показывает представление, в котором сам изображает жениха, а его дочь- невесту. Спектакль сопровождается игрой музыканта на дойре.

Особое внимание Н.Х. Нурджанов уделял масхарабозам. Так, в данной фотоколлекции представлены следующие масхарабозы и певцы: старейший масхарабоз Холик Бобоев из деха Дарай Хабаш, р-н Муминабад, масхарабоз Умратулло Юсупов из деха Мулкун в Бальджуане, народный певец Саидвали Курбонов (г.р. 1877_ из деха Догистон Шуроабадского р-на Кулябской области (№13-15, 13-35-38): Особое внимание привлекает женщина-масхарабоз Бозоргуль Рахимова из Куляба (№13-12), которая представлена играющей на лабчанге.

Масхарабоз Бозоргуль Рахимова №13-12.

Кенджа Файзов исполняет танец «Приготовление лаши №13-27.

В 1952г. Н.Х. Нурджанов участвовал в Гармской этнографической экспедиции 1952г. вместе с Р.Л. Неменовой и М.Р. Рахимовым. В этнографическом архиве сохранились дневники Нурджанова в 14 тетрадях (424л.) [3], машинописный их вариант в переплете (251л.) а также его краткие предварительные отчеты на 17 л. [5] 31 схема планов жилых помещений и учреждений [4], выполненный им вместе с Р.Л. Неменовой и М.Р. Рахимовым с приложением 7 фото-карт. [8].

1 августа 1953г. был создан сектор истории искусств под руководством Н.Х. Нурджанова, но через полтора года его объединили с отделом этнографии, и только в ноябре 1957г. он стал самостоятельным отделом в системе ИИАЭ НАНТ. Несмотря на какие-либо сложившиеся обстоятельства ученый продолжал свою экспедиционную деятельность. Он ежегодно организовывал комплексные искусствоведческие экспедиции в разные районы республики. Помимо тысяч записей таджикской музыки, фольклора, народных представлений в этот период им были сделаны многочисленные фотографии хорошего качества.

В 1953г. Н.Х. Нурджанов вновь отправляется в Гарм в должности начальника отряда этнографической экспедиции, в ее состав входили М.Рахимов, Р.Л.Неменова и другие. Отряд проводит комплексные полевые изыскания по всей территории Каратегина и Дарваза. Н.Х. Нурджанов весьма обстоятельно вел записи, о чем свидетельствуют его дневники из 9 блокнотов, 2 тетрадей и еще 21 тетради, в которых приводятся орнаменты и шесть рисунков. (всего 567л.) [6]. Имеется также машинописный вариант его материалов в переплете (209л.) [7].

Фотоколлекция №18 была создана на основе данных материалов, собранных в Гарме (сейчас Рашт), Калаихумбе, Новабаде, Джигргитале (336 снимков). Область его интересов составляла местная художественная самодеятельность, пантомимы, различные танцы и другие зрелищные представления. Он также фотографировал народных певцов в чайхане в Новабаде (№18-22) и среди них учителя Кобулиева (№18-2) ряд других исполнителей этих регионов.

Для перевозки вещевого блока экспедиции, а также передвижения отрядом использовался различный гужевого транспорта, о чем свидетельствуют снимки, представляющие ученого на верблюде (№18-264) и среди других членов экспедиции Р.Л.Неменовой (или О.Л. Данскер?) и М. Рахимова (№18-262).

В 1954г. сотрудники сектора готовят статьи для Большой Советской энциклопедии. А.К.Писарчик представила сообщение, касающееся населения республики, О.Л.- Данскер - статью о таджикской музыке, а Нурджанов посвятил свой текст театру и кино таджиков. (всего 14 л.) [9].

В этом же году он вместе с искусствоведческим отрядом проводит полевые исследования в Гарме с 10 августа по 23 сентября, о чем свидетельствуют его материалы на таджикском языке в архиве ИИАЭ НАНТ: бообщих тетрадях (380л.) [10], а также их машинописный текст в переплете (176л.) [11]. В полевых изысканиях приняли участие помимо него Н.Н. Ершов, А.К. Писарчик, Ю.И. Богорад, О.Л. Данскер, М.А. Хамиджанова и М. Рахимов.

*Члены экспедиции
Р.Л.Неменоваили О.Л.
Данскер, Н.Х. Нурджанов
и М. Рахимов.
1953г.(№18-262)*

Другая поездка была предпринята Н.Х. Нурджановым в Дарваз вместе с молодыми этнографами И. Мухиддиновым и М.Рахимовым. Они посетили Калайи-хумб, дехаПшихарф, Висхарв в1954г.(коллекция № 28), Среди них следует выделить снимки, связанные с театральным искусством: «Женский танец» (№28-44) и «Дойристкы»(№ 28-79), которые он сделал в дехаПшихарвКалайхумбского района. В Ёгде он запечатлел женщину во время танца с ложками *кошукбози* (№ 28-54), в другом селении Висхарв - также танцовщицу (№ 28-60).

Поскольку Н.Х. Нурджанов очень интересовался театром, он много внимания уделял именно зрелищным акциям, местным исполнителям песен и танцев. Он фиксировал различные театральные сценки, портреты масхарабозов и т.п. М. Рахимов и И. Мухиддинов сосредоточили свое внимание на сельскохозяйственных работах, характеристике жилища, особенностях одежды и быта сельчан.

В этой коллекции немало снимков с портретами членов экспедиции. Так, в

*Лаборант искусствоведческого отряда З.
Хабибуллаев за копированием орнамента
джурабов в деха Пун-и Шор.(№283)*

качестве художника в команде работал брат Н.Х. Нурджанова Зухур Нурджанович Хабибуллаев, будущий народный художник Таджикистана, который делал зарисовки различных изделий местных ремесленников.В 1953 г. он уже был зачислен студентом Ленинградского высшего художественно промышленного училища имени В. И. Мухиной, и был привлечен к работе в экспедиции, как лаборант,

свободно владеющий карандашом и кистью.

Известно, что сам Н.Х. Нурджанов желал, чтобы его брат стал «таджикским Репиным».[12]

Фотоколлекции и текстовые документы Н.Х. Нурджанова посвящены традиционному (народному) и современному театру таджиков разных районов. Им исследована этнография, история, теория театрального искусства, таджикская драматургия, режиссура, хореография, сценографии, актерская школа -практически вся театральная культура таджиков.И в этой работе важным подспорьем послужили профессору Н.Х. Нурджанову материалы, которые составляют его документальное наследие в этнографическом архиве ИИАЭ НАНТ.

Особо следует отметить, что, будучи увлечен театром, Н.Х. Нурджанов в своих фотографиях чаще пытался зафиксировать сцены и события, которые имели так называемый постановочный характер. Он умело разрабатывал композицию каждого снимка даже ординарных экспедиционных эпизодов, чтобы придать им некий сценический, выразительный смысл. Этим его фотоколлекции значительно отличаются от изображений его коллег. В целом эти полевые записи и фото-артефакты важны не только для этнологии и искусствоведения, но и для смежных наук.

Литература

1. Архив ИИАЭ НАНТ с. Фонд2,опись1,ед.хр.76.
2. Архив ИИАЭ НАНТ Фонд2,опись1,ед.хр.77
3. Архив ИИАЭ НАНТ18- Ед.хр.134
4. Архив ИИАЭ НАНТ 18-Ед.хр.136
5. Архив ИИАЭ НАНТ18 Ед.хр.135
6. Архив ИИАЭ НАНТ18-Ед.хр.158
7. Архив ИИАЭ НАНТ18-Ед.хр.159
8. Архив ИИАЭ НАНТ18-Ед.хр.127
9. Архив ИИАЭ НАНТ18-Ед.хр.182
10. АрхивИИАЭ НАНТ18-Ед.хр.189
11. Архив ИИАЭ НАНТ18-Ед.хр.190
12. Давлятова К.«Таджикский авангард». Жизнь и творчество признанного живописца Зухура Хабибуллаева :https://halva.tj/articles/our_people/tadzhikskiy_avangard_zhizn_i_tvorchestvo_priznannogo_zhivopistsa_zukhura_khabibullaeva/08.10.2021
13. Додхудоева Л. (ред.) Хатлонская область Таджикистана в этнографических материалах XXв.- LAP.LambertAcademicPubllishing.Ru.- 2019. - 357с.
14. Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан.60лет.1951-2011.-Душанбе, 2014.-С.251-258.89-91
15. Кисляков Н.А.Семья и брак у таджиков: по материалам конца XIX-начала XX века.Ответ. ред. Л.П. Потапов.Труды Института этнографии им.

Н.Н. Миклухо-Маклая (Том 44)М., 1959г.Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая (Том 44)М., 1959г.

16. Нурджанов Н.Х. Олами бе канори ракси тоҷик. -Душанбе,2004. - С.165.

17. ПисарчикА.К.Этнографическая наука в Таджикистане(1920-1990гг.)/Под.к печати Н-Бабаева.- Душанбе, 2002-144;

18. Полная опись дел 1948-1963гг. сектора этнографии Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша.

Тоджиддин Раджабов

Душанбе

НАВРУЗ И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ПРАЗДНОВАНИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПРОФЕССОРА Н.Х. НУРДЖАНОВА

Данная статья посвящена подробному описанию праздника Навруз доктора искусствоведения, профессора Н.Х. Нурджанова в его научном труде «Традиционный театр таджиков». По мнению Н.Х. Нурджанова, праздник Навруз - это символ прихода весны, нового года, праздник древних предков таджиков, которые в основной своей массе занимались земледелием. Н.Х. Нурджанов связывает истоки празднования Навруза с зороастризмом. Ученый сам подробно описывает Навруз, используя собственные полевые материалы, собранные им от информантов во время многочисленных этнографических и искусствоведческих экспедиций. Во время его празднования повсеместно перед народом и представителями власти выступали музыканты, певцы, танцоры, масхарабозы, кукольники, канатоходцы, фокусники, жонглеры, дрессировщики, борцы. У Нурджанова есть много интересных фактов о проведении различных игр в дни празднования Навруза.

Труды Н.Х. Нурджанова - это кладезь самой разнообразной, насыщенной, ценной и очень интересной информации, касающейся истории культуры таджикского народа в самых разных её проявлениях. В его трудах можно найти любую нужную информацию по истории искусства таджикского народа, становлению и развитию традиционного таджикского театра, разного рода праздников, обычаев, традиций, народных зрелищных игр и др.

НАВРЌЗ ВА ВИЖАГИҲОИ ЧАШНИ ОН ДАР ОСОРИ ПРОФЕССОР Н.Х. НУРҶОНОВ

Мақолаи мазкур ба тавсифи муфассали чашни «Наврўз» аз ҷониби доктори илмҳои санъатшиносӣ, профессор Н.Х. Нурҷонов дар асари илмии худ «Театри анъанавии тоҷикон» бахшида шудааст. Ба гуфтаи Н.Х. Нурҷонов, Наврўз ин рамзи фаро расидани фасли баҳор, соли нав, чашни аҷдодони бостонии тоҷикон, ки бештар ба кишоварзӣ машғул буданд, мебошад. Н.Х. Нурҷонов оғози таҷлили чашни Наврўзро аз замони мавҷудияти дини зардуштии медонад. Худи олим Наврўзро бо

истифода аз маводҳои чамъовардаи сахрои худаш, ки дар экспедитсияҳои сершумори этнографӣ ва санъатшиносӣ аз рӯи гуфтаи шоҳидон чамъоварӣ кардааст, ки ҳангоми таҷлили ин ҷашн навозандагон, сарояндагон, раққосон, масҳарабозон, лӯхтакбозон, дорбозҳо, ҷодугарон, кордбозон, ромқунандагони ҳайвонҳо, гуштингирон, ки дар пеши назари мардум ва намояндагони ҳукуматдори ҳамонвақта ҳунарнамоӣ мекарданд ба таври муфассал тавсиф мекунад. Н.Х. Нурҷонов дар бораи баргузори бозиҳои гуногун дар рӯзҳои таҷлили ҷашни Наврӯзӣ далелҳои ҷолиби зиёде дорад.

Қорҳои илмии Н.Х. Нурҷонов ин ганҷинаи маълумоти бойи гуногун, пураризиш ва хеле шавқовар бо зухуроти гуногунтарини хеш оид ба таърихи маданияти халқи тоҷик мебошад. Дар осори ӯ доир ба таърихи санъати халқи тоҷик, ташаккул ва инкишофи театри анъанавии тоҷик, идҳои гуногун, расму оин, бозиҳои тамошобоби халқӣ ва ҳар гуна маълумоти заруриро ёфтани мумкин аст.

NAVRUZ AND PECULIARITIES OF ITS CELEBRATION IN THE PUBLICATIONS BY PROFESSOR N.KH. NURJANOV

This article is devoted to a detailed description of the holiday Navruz by the doctor of art history, professor N.Kh. Nurjanov in his scientific work "Traditional Theater of Tajiks". According to N.Kh. Nurjanov's Navruz holiday is a symbol of the arrival of spring, the new year, the holiday of the ancient ancestors of the Tajiks, who were mostly engaged in agriculture. N.Kh. Nurjanov sees the origins of the celebration of Navruz in Zoroastrianism. The scientist himself describes Navruz in details, using his own field materials collected by him from informants during numerous ethnographic and art expeditions. During its celebration, musicians, singers, dancers, maskharabozas, puppeteers, tightrope walkers, magicians, jugglers performed in front of the people and representatives of the authorities. , trainers, wrestlers. Nurjanov has many interesting facts about the holding of various games during the celebration of Navruz.

Proceedings of N.Kh. Nurjanov is a base of the most diverse, rich, valuable and very interesting information regarding the history of the culture of the Tajik people in its most diverse manifestations. In his works one can find any necessary information on the history of the art of the Tajik people, the formation and development of the traditional Tajik theater, various holidays, customs, traditions, folk spectacular games, etc.

На протяжении многих веков таджики отмечают приход весны или нового года – Навруз. Этот праздник нельзя относить к какой-либо религии, ибо его корни уходят в эпоху древних земледельцев. Несколько тысяч лет назад эти земледельцы обратили внимание на то, что с приходом весны природа начинает меняться. Дни становятся длиннее, солнце светит ярче и теплее, земля становится мягче и готова для посевных работ. Таким образом, приход весны для земледельцев был знаковым и радостным событием.

Многие исследователи уделяли особое внимание возникновению Навруза. В их числе - историки, филологи, философы, этнографы, культурологи и другие [1]. Каждый из них пытался высказать свою точку зрения по этой проблеме, которая не

осталась без внимания и профессора Нурджанова. В одном из своих трудов он отмечал: «Весной создавались благоприятные условия для устройства праздников и развлечений вне помещения; различные семейные торжества и праздники, связанные с началом земледельческого года, проводились в садах, на лугах, на холмах, у подножья гор» [2, 62]. Естественно, человеку свойственно выражать свою радость в виде песен, плясок и театральных постановок.

Н.Х.Нурджанов подчёркивал, что подготовка к празднованию Навруза начиналась за несколько дней до его наступления. В разных регионах были свои правила. Женщины чистили ковры, мыли потолки дома, приводили в порядок дворы, сжигали всё ненужное, а навоз, как удобрение, отвозили в поля. На юге Таджикистана женщины за 3-4 дня до Навруза белили внутри дома белой глиной. На стенах домов рисовали кривой цветок, рога барана, ветку кипариса при помощи разведенной красной глины и желтого цветочного сока [2, 66]. Население шило новую одежду к празднику, а в этот день надевало чистую одежду. В качестве праздничной еды пекли маленькие сдобные лепешки “кулча”, красили крутые яйца, варили блюда “суманак”, “далдаи наврузи”, “ялама”, “кашк”. На Памире готовили блюдо “бат” (сладкое блюдо), “кумоч” (ритуальная лепешка), “боч” (суп).

Кроме того, профессор Нурджанов приводит любопытный исторический факт, на который в своё время обратил внимание основоположник советской таджикской литературы Садриддин Айни [3, 827 - 828], и который считаем уместным привести в настоящей статье: «В крупных городах глашатаи специально объявляли о дне массовых развлечений, приглашая всех зрителей и исполнителей. В Бухару артистов (музыкантов, певцов, танцоров, масхарабозов) доставляли из каждого тумана (район – правка Р.Т.) четыре крупных чиновника (казий, раис, амлякдор и миршаб)» [2, 67].

Из этого можно сделать вывод о том, что все претензии некоторых фанатично настроенных современных «знатоков религии» по вопросу запрета празднования Навруза, не имеют логического обоснования. Важно напомнить, что на территории Бухарского эмирата в полном объёме функционировали законы, основанные на школе знаменитого учёного богослова Имама Абуханифы (699-767). Если бы празднование Навруза, согласно этой школе, было бы запретным, то как тогда объяснить тот факт, что казий (исламский судья) сам принимал активное участие в его подготовке и проведении? Не может быть, чтобы исламские богословы того времени не разбирались в таких важных вопросах и не наложили запрет на празднование Навруза.

Далее Нурджанов отмечает, что народ справлял Навруз за городом и селом, то есть, в садах, рощах, на берегу реки, на возвышении, возле мазаров (святые места), древних поселений. В качестве исторического факта ученый приводит примеры по регионам: «в Самарканде возле городища Афрасиаб, в Кулябе - на холме для зрелищ Тамошотеппа, в Гиссаре - в Мир-Гиссаре. В Ходженте праздник проходил в первой декаде марта на берегу Сырдарьи в местечке Минг-Тут, названном “ид чо” (место праздника)» [2, 68]. В Исфаре Навруз справляли на берегу реки, в Ура-Тюбе (Истаравшан - Р.Т.) на возвышенности Муг-Теппа. В Косоне (Узбекистан – Р.Т.)

жители города собирались на холме Ланшик, где был похоронен некий святой. В селении Нилу (Узбекистан – Р.Т.) мужчины собирались за пределами кишлака, женщины на ровном холме под названием Гулхона. В селении Косонсой (Узбекистан – Р.Т.) мужчины каждого квартала отмечали Навруз самостоятельно, выезжая к родникам у горы Каратаг и на вершину горы Муг. Женщины собирались ниже, около мазара «*Сад тири комил*» (сто совершенных старцев). В селении Чоркух каждый квартал тоже собирался отдельно на одной из выбранных возвышенностей, а в Зеравшанской долине чаще всего в садах или на гумне (хирманчо - Р.Т.). Жители Пенджикента Навруз справляли в местности Кайнал, у подножия горы. Женщины Зеравшанской долины Навруз отмечали три дня, с утра до вечера в саду.

У Нурджанова есть много интересных фактов о проведении различных игр в дни празднования Навруза. В частности, проводились соревнования «*гуштинг*» (борьба) между сильнейшими борцами. Так, например, в Кулябе на праздник «*сайл*» приезжали лучшие «*пахлавонь*», «*полвонь*» (борцы – Р.Т.) из разных регионов бекства – Каратегина, Афганистана и других мест. Количество борцов достигало до 200-300 человек. Соревнования в основном проходили между борцами-таджиками и узбеками [4, 35]. В конце соревнования победители получали от бека шелковые халаты или другие ценные подарки.

Отдельное внимание Нурджанов уделял такой зрелищной игре, как «*бузкаши*» (козлодрание), в которой принимали участие множество наездников на специально натренированных лошадях. После окончания игры победитель получал один халат, либо отрез сатина, либо ему доставалась также козлия туша. Лучшие наездники «*човандоз*» получали в день до десяти халатов [4, 39]. Они приезжали из Балджувана, Ховалинга, Муминабада, Даштиджума, Сарихосора, Шуробада.

Интересные данные Нурджанов приводит о фокусниках «*чаимбандо*», «*найрангбозо*», которые выступали на новогоднем «*сайле*» Тамошо-Теппа в Кулябе. Они в основном выступали на свадьбах, в честь проведения обряда обрезания, на праздниках и т.д. Эти фокусники показывали разные трюки – вертели платком головы, на которых стояла чашка с водой, проглатывали кусочек бумаги, затем постукивали пальцем по горлу и выплёвывали несколько серебряных монет. Показывали зрителям пустую тыкву, затем её ставили на землю и через некоторое время две-три куропатки высовывали свои головы из тыквы. Показывали пустую коробку, а затем из неё вынимали яйца, а из яиц цыплят. Выдували изо рта огонь, приглашали зрителя резать чалму, а затем показывали целую чалму. В качестве вознаграждения за свои трюки фокусникам платили деньги, дарили тубетейку, кусок материи или халат без подкладки [4, 41]. Фокусники в основном приезжали из кулябских кишлаков, Бухары, Коканда и других мест.

Ещё один любопытный факт приводит Нурджанов, касающийся фокусников: «В 1885 году эмир пригласил четырёх русских фокусников, находившихся в Туркестане. Платил им жалование с тем, чтобы они давали представления народу» [2, 77].

Таким образом, из вышесказанного становится понятным, что праздник

Навруз имел распространённый характер и он отмечался повсеместно с согласия государственных органов тогдашней власти.

Внимание Н. Нурджанова привлекло также участие разного рода торговцев в праздновании Навруза, которые выезжали на места скопления людей, создавая там базарные, ремесленные ряды, временные лавки, палатки со своими товарами. То есть возникали временные большие торговые поселения, которые условно можно назвать ярмарками.

Ссылаясь на некоторых исследователей [5, 44, 45, 158], Нурджанов видит истоки празднования Навруза ещё со времён существования зороастризма. Далее ученый сам подробно описывает Навруз, используя собственные полевые материалы, собранные им от информантов во время многочисленных этнографических и искусствоведческих экспедиций [9, 38], когда во время его празднования повсеместно перед народом и представителями тогдашней власти выступали музыканты, певцы, танцоры, масхарабозы, кукольники, канатоходцы, фокусники, жонглёры, дрессировщики, борцы.

Кроме того, ученый упомянул и о боях между животными - верблюдами и баранами, о которых в своё время писали и другие исследователи: «В новый год, семь дней увеселяются боем баранов, лошадей и верблюдов, чтобы по их драке отгадать, урожаен или не урожаен будет год» [6, 296].

О праздновании Навруза в Бухаре, долинах Кашакадарьи и Сурхандарьи Нурджанов приводит такие факты, как «гуляние вечером вокруг костра» [2, 71], когда выступали танцоры, масхарабозы и острословы.

В Самарканде, Бухаре, Ходженте выступал театр «*чодирхаёл*», напоминающий театр марионеток [2, 71]. Вечерами представления давали артисты кукольного театра, над воротами Бухары, палатку освещали изнутри, а зрители располагались снизу. Кукольники после окончания своего представления в качестве вознаграждения получали от правителя комплект одежды.

Как истинный учёный-этнограф Нурджанов не упускал из виду ни одного факта. Так, например, он подробно описал и спортивные состязания, разного рода игры, которые проходили между кварталами, селениями, между таджиками и узбеками. Например, мужчины играли в поло, «бег в мешках», «*гусолакшак*» (перетягивание телёнка), «*уштурбози*» (игра в верблюда), «*бузбарчияк*», «*кашак*» (перетягивание верёвки), скатывали вниз камни с гор, «*бодбарак*» (игра в бумажный или соломенный воздушный змей – Р.Т.).

Нурджанов обращал внимание и на тот, факт, что женщины веселились отдельно от мужских представлений - играли на дойрах, чанге, танцевали, качались на качелях. Об этом писали и другие исследователи [7, 446]. По данным Нурджанова, некоторые девушки в Каратегине и Дарвазе, тайно от мужчин, иногда устраивали между собой борьбу [2, 72].

Нурджанов подчёркивал, что кроме многих народных увеселений в честь Навруза существовали праздники, которые отмечались на государственном уровне - «*Сайл*», «*Сайли сари сол*», «*Сайли келинчакхо*» (праздник невесток) [2, 73], и, как

правило, они ежегодно устраивались в месте проживания правителей. Новогодние народные гуляния в загородных садах и резиденциях устраивались и приобрели официальную форму.

Так, например, в Кулябе торжества по случаю Навруза устраивались на холме Тамошотеппа. Такое же городище под таким же названием было на окраине кишлака Нарын Яванского района. В Кулябе торжества продолжались около двух недель. Об официальном статусе праздника говорит тот факт, что этот день объявлял бек (правитель области – Р.Т.), через специальных глашатаев, которые в многолюдных местах выкрикивали о начале праздника, и через официальные письма к амлякдарам (наместник бека и сборщик податей – Р.Т.).

О массовости праздника говорит и то, что на «Сайл» в Куляб приезжали из Каратегина, Дарваза, Муминабада, Ховалинга, Даштиджума, Кизилмазара, Давлятабада, Пархара, Сарайкамара, Шураабада, Сарихисора. Перед народом выступали певцы, танцоры, масхарабозы, сказители, фокусники, борцы, бегуны и лучшие всадники, принимавшие участие в козлодрании [4, 33].

Со стороны официальных властей для поддержания порядка в дни празднования «Сайла» выделялось до 400 солдат, около 20 солдат составляли «нагмачи» («придворный оркестр») [2, 74], которые обеспечивали порядок в местах массового скопления людей.

Профессиональные танцоры и певцы выступали в чайханах перед зрителями. Сами зрители также между собой устраивали в свободное время различные спортивные игры и развлечения [8, 219].

Новогодний «Сайл» также проходил в Бальджуане, Каратегине и Дарвазе, Гарме и Калаи-Хумбе.

Что касается Бухары, по мнению Н.Х.Нурджанова, Навруз встречали в Ширбадане [10, 76]. Люди приезжали из Бухары, Керки, Чарджоу, Карши, Кермине, Хатирчи, Каракуля, Вабкента. Как уже было сказано выше, распорядителем праздника являлся верховный судья или раис Бухары [3, 827-828]. В городе одновременно с проведением состязаний по борьбе устраивались выступления «дорбози», «симбози» (кантоходцев). Канатоходцы жили в Бухаре и приезжали из Ферганы, их номера были интересными, о чем писал Нурджанов: «артист привязывал к левой ноге поднос и шел с тяжелой палкой по проволоке, а внизу играл оркестр в составе шести-десяти нагорачи, сурнайчи и карнайчи» [2, 76].

При праздновании Навруза готовили специальные блюда. Так, например, в Кулябе готовили «далдаи Наврузи» (каша из пшеницы – Р.Т.) и устраивали различные увеселения при помощи варёных яиц – «тухмчанг» (битки варёных яиц – Р.Т.), «тухм чаркунак» (катание варёных яиц с возвышенности – Р.Т.).

Согласно исследованиям Нурджанова, в период празднования Навруза многие жители старались угадать, будет ли хороший урожай в этом году или нет с помощью разных примет. Так, например, «если кто-нибудь впервые слышал голос жабы, он немедленно брал горсточку земли, нёс её домой и рассматривал её содержимое. Если в земле находился червь, год должен был быть урожайным, если обнаружился

камешек или трава – неурожайным» [4, 30].

Таким образом, в трудах Нурджанова праздник Навруз - это символ прихода весны, нового года, праздник древних предков таджиков, которые в основной своей массе занимались земледелием. Нурджанов касательно праздника Навруз выводит вполне закономерный и логически правильный вывод: «Таджики – одни из древнейших земледельцев мира, они всегда очень высоко ценили животворящую силу природы... и безмерно любили свои края. Отражение этой любви в различных жанрах исполнительского искусства тому доказательство. Многие народные обряды, культовые песни, танцы, пантомимы, непосредственно связаны с трудовыми производственными процессами, со временем начала посевных работ, сбора урожая. В них явно ощущается победа добрых сил над пагубной стихией» [2, 82-83].

И сегодня, нужно отметить, что Навруз символизирует обновление природы и человека, очищение души и начало новой жизни. В сентябре 2009 г. Навруз был включен в репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО, а в конце февраля 2010 года 64-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН объявила 21 марта "Международным днем Навруза".

Этот замечательный праздник олицетворяет терпимость, гармонию с природой, а также преемственность традиций и поколений. Значимость этого периода года для жизни людей с древнейших времен породила множество обычаев и обрядов. Более 6 тысяч лет тому назад наши предки заложили основу культурной традиции, которая воплощает в себя победу света над тьмой, добра над злом, а также торжества чистоты и верности. Отраднo, что сегодня этот древний традиционный праздник таджиков широко и с особой теплотой отмечается многими народами в мировом сообществе.

Выводы Нурджанов не противоречат, а наоборот усиливают выводы многих исследователей праздника Навруза в том плане, что этот праздник есть выражение народного творчества в его разнообразных проявлениях – танцах, песнопениях, разнообразных играх, пантомимах, цирке, народный кукольном театре и др.

Таким образом, вклад доктора искусствоведения, профессора Н.Х. Нурджанова в исследование таджикской народной культуры невозможно переоценить. Его труды - это кладезь самой разнообразной, насыщенной, ценной и очень интересной информации, касающейся истории культуры таджикского народа в самых разных её проявлениях. В трудах Нурджанова можно найти любую нужную информацию по истории искусства таджикского народа, становления и развития традиционного таджикского театра, разного рода праздников, обычаев, традиций, народных зрелищных играх и т.д.

Литература

1. Бируни Абу Рейхан. Избранные произведения. Т. I. Памятники минувших поколений. Ташкент, 1957; Хайям О. Трактаты. М., 1961; Наршахи М. История Бухары / Пер. Н.С. Лыкошина под ред. В.В. Бартольда - Ташкент, 1897; Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. -

М.; Л., 1950,- Т. 2. - С. 296-297; Айни Садриддин. Воспоминания. - М.; Л.; Изд. АН СССР, 1960. - С. 827- 828; Бертельс Е.Э. История персидско-таджикской литературы. - М., Изд. Вост. лит, 1960; Андреев М.С. Таджики долины Хуф. - Сталинабад: Изд. АН Тадж. ССР, 1953. - Вып. 1. - С. 116; Брагинский И. С. Исследования по таджикской культуре. М., 1977. С. 137; Дамдамаев М.А., Луконин В.К. Культура и экономика Древнего Ирана. М., 1980. С. 349; Бойс М. Зороастрийцы: верования и обычаи. СПб, 1994; Негмати А. Земледельческие календарные праздники древних таджиков и их предков. - Душанбе, Дониш, 1989; Авранг М. Чашнхои Эрони бостон (Праздники древнего Ирана) Тегеран, 1335 (1957), (на перс. яз.);

2. Н. Нурджанов. Традиционный театр таджиков. - Т.1. Душанбе, 2002.

3. Айни С. Воспоминания. – М.; Л.; Изд-во: АН СССР, 1960.

4. Н. Нурджанов. Таджикский народный театр. (По материалам Кулябской области), Москва, 1956.

5. Бойс Мэри. Зороастрийцы. Верования и обычаи. - М.: Наука, 1988.

6. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л., 1950. - Т.2. - С. 296; Беленицкий А.М. Конь в культурах и идеологических представлениях народов Средней Азии и евразийских степей в древности и раннем средневековье//КСИА. – Вып. 154. – М. – 1978. – С. 31-39;

7. Штернберг Л.Я. Первобытная религия. - Л. 1936. - С.446; Андреев М.С. Таджики долины Хуф. - Сталинабад, 1951. - С.113; Снесарев Г.П. Реликты до мусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. - М., 1969. - С.79; Басилов В.Н. Культ святых в исламе: М., 1970. - С. 16-17; Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима XIX - нач. XX в. - М., 1975. - С. 95.

8. Маев Н. Очерки Бухарского ханства. – материалы для статистики Туркестанского края. – вып. 5. – СПб. 1879.; Венхо. – Новый год в Горной Бухаре (очерк)//Живописное обозрение. – 1898. - №4.

9. Низам Хабибуллаевич Нурджанов.(краткий очерк жизни и деятельности). Библиография составлена Н.Х. Нурджановым. Душанбе, 2005.

10. Нурджанов Н., Кабилова Б. Мавриги. – Душанбе, 2008.

Шахноза Сайфуллоева, Ганджина Каримова

Душанбе

НАЦИОНАЛЬНОЕ ИСКУССТВО КУКЛОДЕЛИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ТАДЖИКСКИХ ЭТНОГРАФОВ

В процессе эстетического воспитания детей и формирования их мировоззрения большую роль играют игрушки и куклы. До распространения фабричных игрушек горожане и сельские жители, опираясь на свою фантазию и навыки, изготавливали для своих детей куклы разного вида, изображавшие мужские и женские персонажи. В настоящей статье дана характеристика основных видов

традиционных кукол таджиков, приводится описание их устройства и порядка изготовления.

САНЪАТИ МИЛЛИИ ЛУХТАСОЗӢ ДАР ТАДЖИҚОТИ МАРДУМШИНОСОНИ ТОЧИК

Дар раванди тарбияи зебоипарастии кӯдакон ва ташаккули ҳисси ҷаҳонбинии онҳо лӯхтаку бозичаҳо нақши калон мебозанд. Дар замоне, ки бозичаҳои фабрикавӣ ханӯз паҳн нашуда буданд, дар шаҳру деҳоти тоҷикнишин мардум бо истифода аз таҳаюл ва маҳорати худ барои кӯдакон лӯхтақҳои гуногун бо тасвири мардону занҳо тайёр менамуданд. Дар мақолаи мазкур тавсифи намудҳои асосии лӯхтақҳои анъанавии миллии оварда шуда, сохт ва тарзҳои тайёр кардани онҳо баён карда мешаванд. Муаллиф ба эҳёи санъати лӯхтақсозии анъанавӣ даъват мекунад, чунки он барои сайёҳони хориҷӣ, бешубҳа, ҳамчун армуғони миллии мавриди таваҷҷӯҳи хоса қарор мегирад.

NATIONAL ART OF DOLL-MAKING IN THE PUBLICATIONS OF THE TAJIK ETHNOGRAPHERS

Toys and dolls play an important role in the process of aesthetic education of children and the formation of their worldview. In the time before the spread of factory toys, townspeople and rural residents, relying on their imagination and skills, made dolls of various types for their children, depicting male and female characters. This article describes the main types of traditional Tajik dolls, describes their device and manufacturing procedure.

Игрушки - важная составляющая каждой культуры. Их первые образцы изготавливали еще в древние времена из глины, дерева, кости, в современном мире их делают из самых разных материалов. Уникальными чертами обладает национальная кукла таджиков. У таджиков уже более 1000 лет существует традиция изготовления кукол-оберегов. Они называются "лухтак". У них нет лица: сказывается влияние ислама, где изображение человеческих лиц запрещено. Через игру с куклой ребенок постигает мир, происходит его социализация в мире. Кукла служит особым пособием для передачи ребенку знаний о материальном мире.

Этнографы в своих работах обращали свое внимание преимущественно другим аспектам жизни и быта нашего народа, а народные игры и игрушки ими оказались менее изучены. Исключением можно считать отдельные работы Е. М. Пещеревой, М. С. Андреева, А. К. Писарчика, Н. А. Кислякова.

По некоторым данным, само слово «кукла» происходит от среднеперсидского и таджикского «лохта» (девушка). В Зеравшанской долине куклу называли луфтак/лифтак, в долине Сурхоба – луфтак / лухтак, в Ховалинге – луфтук, в долине рек Яхсу, Хингоб и Ванч - лухкак. В памирских районах куклу называли несколько иначе: в Язгулеме – вазок, в Рушане - вазак. В Ягнобе говорили пуччак [3, с 52].

Способ изготовления куклы, известный в основном нашим бабушкам и прабабушки, совершенствовался на протяжении веков. При изготовлении кукол учитывался возраст человека: у девушек преобладала яркая цветовая палитра, у замужних женщин - более строгие оттенки. У горных таджиков кукла была символом плодородия и поэтому игра с ней считалась поощрительной для женщин. В Кулябском районе невесты всегда брали кукол в свой счастливый дом. Наигравшись со своими куклами, молодая женщина не выбрасывала их, а прятала для дочери. Это было связано с тем, что девочек выдавали в раннем возрасте и поэтому в дом мужа кроме приданого они брали и игрушки. Когда дарили куклу, то дарили сразу две – «мальчика» и «девочку». Таким образом обладателю этих кукол желали целостности, семейного счастья и благополучия.

Также эти куклы считались для человека оберегами. Если ребенок заболел, для него делали куклу, заговаривали ее и бросали в реку. Считалось, что кукла становится своеобразным двойником больного, и вода уносит вместе с куклой и болезнь.

Дети пользовались своими куклами бережно и деликатно, у них было определённое место в доме. В зависимости от возраста и, в какой-то мере, социального статуса девочки, куклы были очень простыми или, наоборот, настолько тщательно изготовленными и украшенными одеждой, что было легко увидеть, где находится жительница их обладательницы [4].

Основа куклы традиционно делалась из дерева или ткани, а ее структура была простой или сложной. Самый простой изготавливался из тонкой палочки, к которой поперечно прикреплялась еще одна палочка, показывающая руки и плечи куклы. В разных регионах плечи куклы крепились выше или ниже. Например, в ряде южных районов Гиссара шеи кукол делали очень высокими. В местах изготовления кукол с высокой шеей ткань заворачивали до шеи. Иногда две палочки соединяли вместе к телу или внизу, чтобы получились ноги.

В процессе изготовления куклы самым сложным этапом является оформление ее лица, которое сначала обтягивается тканью, а затем двумя способами плетется веревка. Первым и самым простым способом плели шелковые канаты в форме ромба. Во втором способе, более сложном, к ткани с помощью иглы пришивались цветные ниточки. Иногда веревки складывали в 2-3 раза, что показывало человеческое лицо во время плетения. Кроме того, при плетении веревка наматывается таким образом, что приобретает форму ромба. Следует отметить, что таджикские женщины восприняли эти геометрические формы как настоящую реконструкцию лица.

Больше всего пользовались первым способом, то есть X-образным, который в Кулябских районах делали только из веревки. Брови куклы показывали черной ниткой вертикально на верхнем слое ромба. В долинах Зерафшана и Ягноба глаза и брови, а иногда нос и рот куклы вышивали черным узором, а щеки и подбородок - розовым или красным цветом. В Ванчской долине черной краской красили только глаза и брови, а нос, щеки и губы пришивали розовыми и красными нитками. Глаза

изображены двумя большими ромбовидными точками, а щеки изображены треугольной формой. Часто такой способ росписи лица четко указывал на национальную принадлежность куклы. Нет никакой разницы между настоящими куклами и куклами, сделанными из геометрических фигур.

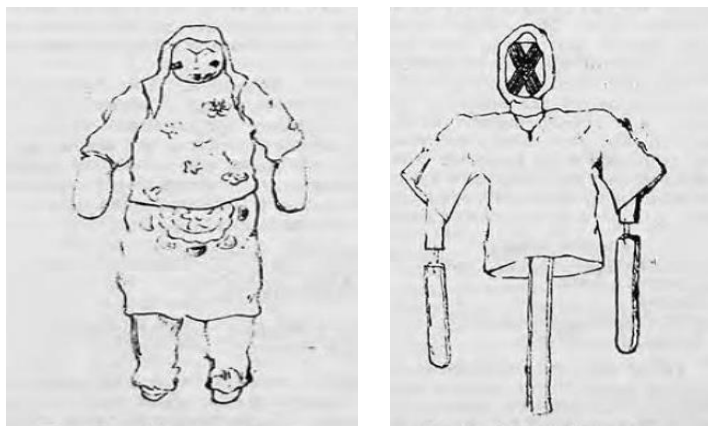
Волосы кукол делались из разных материалов иногда из настоящих женских волос, конского волоса, овечьей шерсти или из ниток. В некоторых случаях понять, к какому региону относится кукла и изображает она женщину или девочку, можно только по украшению волос. Например, из этнографических исследований известно, что в 1925 г. в Ванчской долине существовали куклы, волосы которых были искусно заплетены в два-три ряда, причем все они внизу были разделены на две части и заплетены. Этот стиль прически в древности был свойственен только модницам, позже вышел из повседневного обихода. [3, с. 49].

В своей обширной статье Н.А. Кисляков и А. К. Писарчик рассматривают игры Каратегина и Дарваза, где подчёркивают, что кроме покупных игрушек среди местного населения можно было встретить и национальные игрушки. Среди многочисленных игрушек встречались и куклы, которые изготавливали взрослые и сами дети [2, с. 96].

Они, как и Е. М. Пещерева, выделяют два вида кукол, изображающих женщин и девочек: куклы с вышитыми глазами, бровями, носом, ртом, щеками и куклы с плетеным лицом в виде ромба. Авторы подчеркивают, что в среди этих кукол особенно тщательно делали куклу-женщину. Большое внимание уделяли изображению лица, заплетанию двух кос и т. п. Куклам-женщинам, пишут авторы, шили две платья: белое нижнее с вышитыми длинными рукавами и красное или пестрое верхнее; на голову им повязывали белый марлевый платок. Но самое интересное, что уже можно было видеть в одежде кукол-женщин элементы современности: платок с кружевами - *румолли гичим*, пальто и т. п. [2, с. 99]

Кроме вышеописанных кукол, Е. М. Пещерева отмечает факт изготовления более сложных кукол-игрушек, так называемые «бозингар» - плясунья. Этот тип кукол чаще всего встречался в долине Зеравшана, Матче и Ягнобе, а также в других горных районах Таджикистана. Для изготовления «играющей» куклы пользовались плоским куском любого дерева, чаще всего тополя. В Ягнобе головы иногда вырезали в виде ромба. В Матче голову такой куклы обычно делали из лоскутков ткани. Плечевой элемент, имеющий на обоих концах отверстия для соединения рук, вырезали из одного куска или делали из двух отдельных кусков и привязывали к телу куклы пеньками. На концах плеч прокалывали или прожигали бороздки [2, с. 49]. Такой тип кукол также встречается в публикации Н.А. Кислякова и А. К. Писарчика. Они пишут, что в Гарме также существовала кукла - дергунчик - луфтаки бозингар [2, с. 99], которая предназначались маленьким детям. Луфтаки бозингар изготавливали из двух деревянных палочек, которые ставили в виде креста, голову изготавливали из тряпок, а лицо с помощью ниток обматывали Х - образом, как в Кулябе. В их статье приводится ещё и другой тип куклы, более похожий на русские куклы. Ее изготавливали из белой ткани и набивали хлопком. Лицо вышивали

чёрной ниткой, показывали дугообразные брови, нос, рот и глаза. Тип лица на них больше похож на восточный, чем на русский. Наряжали куклу более современным типом одежды - со штанами и небольшим платком на голове. Их называли *луфтаки суратак*.

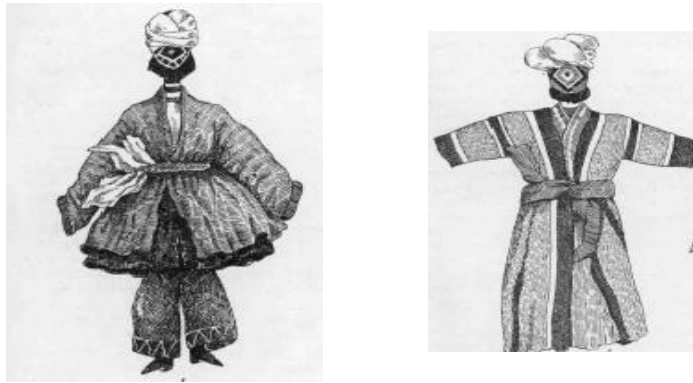
**Илл.1. С лева луфтаки – бозингар, справа луфтаки суратак.
Кишлак Кочни- боло, Гармский район, 1957 г.**

Среди национальных кукол также встречались мужские, но их было значительно реже. Куклы-мужчины назывались «шаак» / «шахак». Е. М. Пещерева отмечает, что в Зарафшане и Ванче их называли шомард, а в Ягнобе мартяк (мардак), то есть мужчина [3, с. 52]. В Хатлонской области их называли шахак или шахкик.

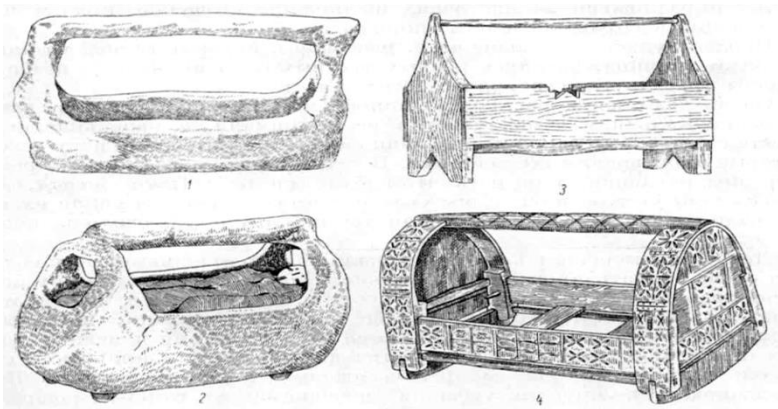
Как показывает исследование Е. М. Пещеревой, в Ванчской долине куклы-мужчины не отличались от женских по размеру и нарядности. Они были одеты также очень красиво и удобно.

Куклу-мужчину изготавливали из части треснувшего стебля тростника. Крестовинка плеча завязывалась очень низко, над ним показывали длинную шею путем наматывания разноцветных веревок и выполнения поперечных полос. В основном лицо куклы не было обозначено. В верхней части шеи ткань иногда складывали в складку, играющую роль тюрбана. В Вандже и припамирских районах куклы-мужчины были менее заметны, чем куклы-женщины. Но в этих местах мужские лица, как и женские, изображались в виде ромба, сделанного из разноцветных веревок или вышитыми щечными знаками. Одежду кукол-мужчин составляет в основном белый или пестрый халат.

В Ванче куклы-мужчины часто изображались с бородой. Для этого внизу лица куклы пришивали и прикрепляли черную шелковую нить, а затем вплетали в один ряд свободно висящие петли. В результате создается впечатление лица с бородой и гладко выбритыми щеками [3, с. 50].

Илл. 2. Мужские куклы из р. Ванча

Илл. 3 Игрушечные колыбели из глины и дерева. 1-глинная колыбель из сел. Бидив (Ягноб); 2- глинная колыбель из сел. Деминора (верховья р. Зарафшана); 3-деревянная колыбель из сел. Шурмашк (р-н оз. Искандер-Куль); 4- деревянная колыбель из сел. Юмдж (верховья Панджа)

В Хатлонской области также как и в других районах Таджикистана, лицо не изображали, но на голове с помощью куска ткани изготавливали тюрбан, а халат завязывали платком – миёнбанд.

В старину для детей изготавливали еще и разные игрушки, связанные с куклой, в том числе колыбели. В Ягнобе игрушечные колыбели большей частью делали из обожженной глины. Они были похожи на ящик от 10 до 20 см длиной, с более низкими продольными стенками и высокими, суживающимися кверху торцовыми, соединенными вверху перекладиной. В Ягнобе встречались и деревянные колыбели, но они были очень примитивными и похожи на корытца. Колыбели изготавливали из

толстых стволов, длина отрезка составляла 8-10 см, их разрезали на две части и из половинки сердцевины. Получалось нечто вроде корыща. Рукоятку изготавливали с помощью прутиков. Такой вид игрушки были распространены в части Зеравшана, это было связано с малым количеством древесины. В районах Искандер-Куля и Кштут – Дарьи были распространены деревянные игрушечные колыбели, но большей частью очень грубые. Но на юге Таджикистана колыбели изготавливали больше похожими на настоящие и украшали резбой. По размерам они были 6-7 или 15-20 см [3, с. 22].

В наше время все еще изготавливают и продают деревянные игрушечные колыбели, похожие на настоящие образцы.

К сожалению, изготовление национальных кукол постепенно уходит в прошлое и только изредка в дальних кишлаках бабушки делают их для своих внуков. Иногда эти куклы встречаются на прилавках сувенирных магазинов. Вместе с тем, при написании статьи мы узнали о творчестве двух женщин - мастериц Наргис Оймахмадова и Азиза Бекировна Каноат, которые изготавливают тряпочные куклы с национальным культурным колоритом. Эти куклы более похожи на описанных в Гармском районе образцы луфтаки суратак, зафиксированные в 1957 году. Также мы узнали, что в некоторых средних школах республики учителя по труду показывают девочкам технологию изготовления национальных кукол.

Однако, несмотря на это, сегодня традиционные куклы почти не встречаются. Магазины и другие торговые точки привлекают детей разнообразными и многочисленными видами серийных кукол, изготовленных из современных материалов. Следует признать, что в таких куклах не просматривается национальный образ и самобытность культуры народа. Кроме того, всем известен вред для здоровья ребенка используемых искусственных материалов.

Литература

1. Андреев М. С. Игры // Андреев М. С. Таджики долины Хуф. – Вып. 1. – Сталинабад, 1953. - С. 96-119.
2. Кисляков Н. А., Писарчик А. К. Игры // Таджики Каратегина и Дарваза. – Вып. 3. - Душанбе Дониш, 1976. – С. 96-117.
3. Пещерева Е. М. Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков (по материалам 1924-1935 гг.) // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Вып. 17. – М.-Л., 1957. - С. 22-94.
3. Хижжяк Ю. Н. Не вылавливайте кукол из горной реки / Электронный ресурс arthania.ru. - 09.02.11.

Шафоат Хошимова

Худжанд

НАҚШИ УСТО ЧАҲОНОВ ДАР РУШТИ ИЛМИ МАРДУМШИНОСӢ

Дар мақола дар бораи нақши Усто Чаҳонов дар рушти илми мардумшиносӣ сухан меравад. Чуноне, ки дар мақола қайд шудааст, Устод Усто Чаҳонов дар тӯли зиёда аз 60 соли фаъолияти омӯзгории худ бо роҳу усулҳои гуногун

шогирдони хешро ба боғи зебову хуррами илму дониш, ахлоки поку соҳиби касбу ҳунар шудан ҳидоят намуда, пайваста эшонро дар руҳияи инсондӯстию ватанпарастӣ, фидоии касби хеш ва тарғиботгари илму фарҳанги сарзамин будан тарбия менамояд.

Устод Усто Ҷаҳонов муаллифи якчанд асарҳои илмӣ, илмӣ-оммавӣ оид ба масоили таърихи халқи тоҷик, этнографияи тоҷик, музейшиносӣ, таърихи фарҳанг, таърихи хочагидорӣ анъанавӣ тоҷикон мебошад. Профессор Усто Ҷаҳонов яке аз беҳтарин донандаи илми мардумшиносӣ мебошанд.

РОЛЬ УСТО ДЖАХОНОВА В РАЗВИТИИ ЭТНОГРАФИИ

В статье отмечается, что за свою более чем 60-летнюю преподавательскую деятельность Усто Джаханов ведет своих учеников в прекрасный сад науки и знаний, чистых нравов, учит профессии и ремеслам различными путями и методами, постоянно прививает им дух человеколюбия, патриотизма, самопожертвования ради науки.

Научные исследования профессора в основном сосредоточены на этнографических проблемах. Это свидетельствует о научно-исследовательской смелости профессора. Отличительной чертой исследований Усто Джаханова является стиль его исследований. С замечательным мастерством он может вовлечь проблемы этнографической науки в область исследования и анализа, придать им этнографическую окраску и, главное, приблизить ее широкому читателю. Эти качества присущи только Усто Джаханову, а его стиль наблюдения можно безошибочно выделить среди других работ.

Усто Джаханов является автором ряда научных, научно-общественных работ по истории таджикского народа, таджикской этнографии, музееведения, истории культуры, истории традиционного таджикского земледелия. Профессор Усто Джаханов является одним из лучших специалистов в области этнография.

THE ROLE OF USTO JAHONOV IN THE DEVELOPMENT OF ETHNOGRAPHY

As noted in the article, for his more than 60 years of teaching, Usto Jahanov led his students to a wonderful garden of science and knowledge, pure morals, educates them to acquire professions and crafts in various ways and methods, constantly instilled in them the spirit of humanity, patriotism, self-sacrifice for the sake of science.

The professor's scientific research is mainly focused on ethnographic problems. A distinctive feature of Usto Jahanov's research is the style of consideration of the science of ethnography. With remarkable skill to involve the problems of ethnographic science in the field of research and analysis, to give it an

ethnographic coloring and, most importantly, to bring it closer to the general reader, is inherent only to Usto Jahanov, and his style of observation can be unmistakably distinguished from other works.

Усто Джахонов. Душанбе, 2022

Сарчашмаи калидӣ барои этнограф мушоҳидаҳои мустақим аст. Этнограф маводи илмиро дар асоси мушоҳидаҳои ҳаёти рӯзмарраи мардум, иштирок дар ҷараёни баргузори анъана ва маросимҳо, таҳлили тарзи зиндагӣ, машғулияти одамони гирд меоварад. Аз ин гуфтаҳои бармеояд, ки касби этнограф барои одамони ҷаҳон мувофиқ аст, ки аз душвории ба истилоҳ "экспедитсияи саҳроӣ" наметарсанд. Бо шарофати меҳнати пурмашаққати онҳо маълумот дар бораи таърихи пайдоиши халқҳо, урфу одатҳо, эътиқодҳо, фарҳанги мардумӣ, хусусиятҳои зиндагии рӯзмарра ва ғайра маълумот дастраси омма мегардад.

Намоёндаи ин касб фаъолияти худро дар доираи экспедитсияҳои илмӣ дарозмуддат анҷом медиҳад. Аксар вақт этнограф дар экспедитсияҳои археологӣ иштирок мекунад ва дар як даста бо бостоншиносон кор мекунад. Этнограф бо сокинони нуктаҳои аҳолинишин, ки дар онҳо ҳафриёт гузаронида мешавад вомехӯрад, дар бораи табиот ва пайдоиши ашёи дарёфтшуда пурсиш мегузаронад.

Пажӯҳиши этнографӣ дар саҳро ҳанӯз пеш аз рӯзи рафтани ба маҳалли тадқиқот, дар сари мизи кории этнограф оғоз мешавад. Этнограф сараввал бояд донад, ки пеш аз ӯ чӣ корҳо анҷом дода шудаанд, кадом мушкилот бештар маълуманд, кадомашон камтар. Зиндагӣ он қадар зуд гузарост, ки суръати он дар тағйирот дар иқтисод ва фарҳанги анъанавӣ ба таври назаррас инъикос меёбад, ки падидаи дар гузашта мавҷудбуда имрӯз дигар дучор намешавад ва хулосаи хато баровардан мумкин аст.

Этнограф, пеш аз ҳама, ба таври амалӣ таҳқиқот мегузаронад. Дар минтақа, маҳали мавриди омӯзиш, ӯ 2-3 моҳ бо аҳоли робита барқарор карда, дар бораи

Usto Dzhakhanov is the author of a number of scientific and public works on the history of the tajik people, tajik ethnography, museology, cultural history, and the history of traditional tajik agriculture. Professor Usto Jahanov is one of the best specialists in the science of ethnography.

Мардумшиносӣ ин касбест, ки ба фард имкон медиҳад, ки худро ҳамчун шахсият дарк кунад.

анъанаҳо ва ҳаёти ҳаррӯза бо чидду ҷаҳд маълумот чамъ мекунад. Пас аз он, мутахассис ба марҳилаи дигар мегузарад – маълумотхоро бо воситаи пурсишу посух гирд меоварад ҳамеша дар сӯхбатҳо таъкид мекунад мардумшинос Усто Ҷаҳонов.[6] Ӯ пеш аз ҳама ба сару- либос, истиқоматгоҳ, ошхона, эътиқодоти динӣ ва урфу одатҳои миллии медэтибор

медихад. Чунин мушоҳидаҳо дар мавсимҳои гуногун гузаронида мешаванд. Ин ба этнограф имкон медиҳад, ки дар оянда таҳлили пурраи давраи зиндагии ҳар як гурӯҳи этникии мушаххасро анҷом диҳад.

Маълумоте, ки "дар сахро" чамъоварӣ мешавад, аз ҷониби мутахассис дар утоқи корӣ коркард ва таҳлил карда мешавад. Дар офис ё лаборатория ӯ тадқиқоти стационарӣ мегузаронад. Этнограф ба тартиб додани харитаҳои этнографӣ, ташкили ташхисҳои антропологӣ, таҳлил ва тасниф кардани маводи чамъшуда ва кор бо ҳуҷҷатҳои бойгонӣ аҳамияти ҷиддӣ медиҳад. Дар асоси маълумоти

гирифташуда гузориши муфассал тартиб дода мешавад, ки он дар ниҳояти кор барои маъруза дар конфронс ё нашри мақола дар нашриҳои илмӣ оммавӣ истифода мегардад.

Ҳаёт ва фаъолияти Усто Ҷаҳонов китоби бузурги ҳикмат, ҳештаншиносӣ, ватандӯстӣ, ҳақиқатҷӯӣ ва ҷоннисорӣ барои саодати маънавӣ аст.

Усто Ҷаҳонов умри тӯлонии азизи худро сарфи таълиму тарбияи шогирдон намуда, дар бадали он заҳмату ранҷҳои зиёд баҳри худ суде наҷустааст. Тарбияи солимии фарзандони миллат моҳият ва мароми зиндагии эшонро ташкил медиҳад.

Устод Усто Ҷаҳонов дар тӯли зиёда аз 60 соли фаъолияти омӯзгории худ бо роҳу усулҳои гуногун шогирдони хешро ба боғи зебову хуррами илму дониш, ахлоқи поки соҳиби касбу ҳунар шудан ҳидоят намуда, пайваста эшонро дар руҳияи инсондӯстию ватанпарастӣ, фидоии касби хеш ва тарғиботгари илму фарҳанги сарзамин будан тарбия менамояд.

Дар солҳои 40-50-уми асри XX овони кӯдакӣ ва наврасии устоди мо Усто Ҷаҳонов дар деҳаи баландкӯҳи Сӯх, ки аз марказҳои онвақтаи шаҳрӣ дурафта ва бо ин сабаб дар он ҷо унсурҳои шаҳрӣ камтар дида мешуд, бо ҷӯшу хурӯш мегузашт. Пайраҳаи ҳаёти устод аз таҳсил дар мактаб, корҳои колхозӣ, ҷӯпонӣ, талабаи омӯзишгоҳи бинокорӣ, донишҷӯи техникуми шабонаи бофандагӣ, коргари пиллапази комбинати абрешими шаҳри Ленинобод, донишҷӯи факултети таъриху филологияи Донишқадаи Давлатии омӯзгории шаҳри Ленинобод, сарлаборант, ассистент, сармуаллим, номзади илмҳои таърих то ба дараҷаи профессори факултети таърих ва ҳуқуқи Донишгоҳи Давлатии Хучанд ба номи академик Бобочон Ғафуров давом ёфтааст. [7]

Тадқиқоти илмӣ устод бештар пиромуни масъалаҳои этнографӣ мебошад. Ин аз шуҷоати илмӣ-таҳқиқотии муҳаққиқи мардумшинос шаҳодат медиҳад. Ҷиҳати фарқкунандаи тадқиқоти Усто Ҷаҳонов дар сабку услуби ниғориши илми мардумшиносӣ аст. Проблемаҳои илми этнографияро бо

як маҳорати чашмрас ба риштаи таҳқиқу таҳлил кашидан, ба он обу ранги этнографӣ додан ва муҳимаш ба хонандаи оддӣ наздик кардан, танҳо ба Усто Ҷаҳонов хос аст ва сабку услуби нигориши ӯро миёни дигар асарҳо бехато муайян кардан мумкин аст. Таҳлили хизмати илмии фарзандони барӯманди тоҷик, тарбияи мутахассисон дар мактабҳои олии, бунёди мактаби хоси тадқиқоти мардумшиносӣ, танзиму такмили васоити таълимиву раҳнамои таълим ва ғайраҳо ҷумлае аз онҳост.

Устод Усто Ҷаҳонов муаллифи якчанд асарҳои илмӣ, илмӣ-оммавӣ оид ба масоили таърихи халқи тоҷик, этнографияи тоҷик, музейшиносӣ, таърихи фарҳанг, таърихи хочагидорӣ анъанавӣ тоҷикон аст. Дониши чуқури ҳаматарафа, масъулияти баланди инсонӣ дар зиндагӣ ва кори пурмахсулу мақсаднок, роҳу равияи илмӣ ин олими нотақрорро муайян сохтааст. [7]

Ба ҷавонии худ нигоҳ накарда, корҳои ба анҷом расонидааст, ки худ зербунёди равияи илмҳои мардумшиносӣ буда, оянда дар асоси онҳо рисолаҳо ва китобҳои таълимию илмӣ бунёд шудааст. Дар корҳои таърихнигорӣ устод фикру андешаҳои олимони мардумшиносӣ аз нуқтаи назари нав таҳлил ва таҳқиқ шудаанд.

Профессор Усто Ҷаҳонов яке аз бехтарин донандаи илми мардумшиносӣ мебошанд. Ин касби начиб, вале мушқилро касе пеша карда метавонад, ки вусъату заковати таърихнависии густурда ва доманадор дошта бошад. Зеро этнограф ба асари этнографӣ аз ҳар ҷиҳат, ҳам аз нигоҳи мувофиқати шаклу мазмун, мӯҳтавою мундариҷа, ҳам аз нигоҳи истифодаи адабиёти таърихӣ, маводи расмӣ бойгонӣҳо ва маводи ғайрирасмӣ (сӯҳбат бо шохидони воқеа), ҳам аз лиҳози сатҳи ғоявӣ асар баҳо дода, онро бо таърихномаҳои дигари ҳаммавзӯ муқоиса менамояд, афзалият ва нуқсу иллати онро муайян мекунад. Аз ин лиҳоз, таърихнигор нисбат ба таърихнавис бояд масъул ва сермутолиатар бошад, то самти муайяни таърихро хуб дарк карда

Профессор Усто Ҷаҳонов касби омӯзгориро баробар ба корҳои илмӣ – тадқиқотӣ пеш бурда илму дониш ва малакаву маҳорати касбии хешро сайқал медиҳад. Устод муаллифи зиёда 400 монография ва мақолаҳои илмӣ буда, дар онҳо паҳлӯҳои мухталифи этнографияи тоҷикон ва дигар халқҳои Осиёи Миёна, такмили методикаи таълим ва баланд бардоштани дараҷаи сифат ва самаранокии фаъолияти касбии омӯзгор ҳаллу фасл карда шудааст. Соли 1983 устод рисолаи илмӣ хешро дар мавзӯи «Зироаткорӣ тоҷикони ҳавзаи дарёи Сӯх дар охири асри XIX ибтидои асри XX (тадқиқоти таърихӣ-этнографӣ)» дар Шӯрои илмӣ диссертатсионӣ пачӯхишгоҳи этнографияи ба номи Маклухо Маклай Академияи илмҳои СССР (ш. Москва) аз рӯи ихтисоси 07. 00. 07 – «Этнография» ҳимоя мекунад. Усто Ҷаҳонов аз ҷумлаи муҳаққиқоне, маҳсуб меёбад, ки маҳз ба таърих ва этнографияи зодгоҳи хеш таваҷҷӯҳи хоса намуда, дар ин ҷода силсилаи асарҳои хеле ҷолибу пурмӯҳтаво эҷод кардаанд.

Ёдгориҳои бостони Сӯх (идда аз онҳо таърихи ҳазорсолаҳо дорад) собит сохтанд, ки нахустин бошишгоҳҳои қадима дар шоҳаҳои хурди рӯдхонаҳои кӯҳӣ ва ҳавзаҳои наздикӯҳӣ ба вучуд омадаанд. Устод Ҷаҳонов дар асоси маводҳои этнографӣ ва ба таъя ба бозёфтҳои бостоншиносӣ назарияи наверо дар ин чода ба миён оварда қайд мекунад, ки аввалин хоҷагии оддии истеъмолӣ ва истеҳсолӣ дар мавзёҳои кӯҳӣ ва наздикӯҳӣ ба амал омадаанд. Ҳавзаҳои дарёи Сӯх ватани ҳомо ҳабилисҳо – маймунҳои одамшакли бомаҳорат ба шумор меравад, ки осори онро бостоншиносон ба 2–2.5 млн сол муқаддам мансуб медонанд.

Ин назарияи ҷадиди Устод Ҷаҳоновро муҷассамаи дар рӯи тахтасанг ҳаққоқӣ гаштаи мори дусараи дар шакли ғӯшаи гандум сохташуда исбот мекунад. Ин бозёфти нодиртарини қарни биринҷ аз дараҷаи баланди маданияти зироаткорони Сӯхзамин шаҳодат медиҳад. Ин муҷассамаи мори дусаро олими рус Богомолов Г. “Тумори Сӯх” номидааст.

Шарқшиноси барҷастаи тоҷикшинос М. С. Андреев тақвими қадимаи ҳисоби мардиро кашф намуда онро мансуб ба тоҷикони кӯҳистон доништа буд. Усто Ҷаҳонов фикри М. С. Андреевро ривож дода, бори аввал дар тоҷикони водӣ низ мавҷуд будани тақвими ҳисоби мардиро дар мисоли тоҷикони водии Сӯх ба қайд гирифта буд. [1]

Кашфиётҳои Устод Ҷаҳонов бо ин хотима намеёбад. Чанд фикри ҷадиди дигар, мисли дар мавзёҳои кӯҳӣ ба амал омадани кишти лалмикорӣ ва оғози таҷрибаи обёрии сунӣ, дар рӯзгори сӯҳиён мавҷуд будани осори модаршохӣ, падарсолорӣ, автохтон будани тоҷикони Фарғона, осори сохти авлодӣ, дар расму оинҳои мардумӣ, парастии олоти мардӣ, рабудани зан ва одати қасоси хунӣ, гурӯҳбандии лаҳҷаҳои сӯҳиён ва ҳайати этникии он, мавҷудияти муносибатҳои одатҳои моногамӣ (якникоҳӣ), левират (ба зани бародар никоҳ қардан), сорорат (хоҳарон як шавҳари умумӣ доранд), полиандрия (бисёршавҳарӣ), полигания (бисёрзандорӣ), оилаҳои ҳамхунонро қайд намудааст.

Ҳамаи ин фикрҳои ҷадиди этнограф Устод Ҷаҳоновро донишмандони бузурги Иттиҳоди Шӯравӣ академик Б. А. Литвинский, асосгузори типҳои хоҷагӣ-маданӣ Б. В. Андрианов, профессорон Т. А. Чданко, С. П. Поляков, О. А. Сухарева, К. Шониёзов, А. Оразов дар тақризҳои хеш ҷонибдорӣ намуда асари устодро зерини «Земледелие таджиков долины Соха в конце XIX начале XX века (историко-этнографическое исследование)» (1989)[] ҳамчун асари бунёдӣ ва намунавӣ барои таҳияи фасли «Зироаткорӣ ва обёрӣ»-и Атласи таърихӣ – этнографии халқҳои Осиёи Миёна ва Қазоқистон тавсия намуданд.

Усто Ҷаҳонов ҳамеша ба мо шогирдон таъкид менамуд, ки касби этнограф фидокорӣ, хайрхоҳӣ, инсондӯстӣ ва масъулияти баландро талаб мекунад; суҳбат, шарикӣ, мушоҳидаро - се рукни усули кори саҳроии этнограф меҳисобид ва ба он

амал мекард. Таъкид мекард, ки хушмуомила будан таҳкурсии боъътимоди муваффақият аст.

Дар кори илмӣ ва таълимии У. Чаҳонов экспедитсияҳои этнографӣ мавқеи махсус доранд. Маҳз корҳои саҳроӣ (тадқиқоти этнографӣ) буд, ки ӯ ҳамчун этнологи касбӣ ташаккул ёфт ва кори саҳро асоси фаъолияти илмӣ ва омӯзгории ӯ буд. Солҳои 70-80-ум асри гузашта ӯ дар дахҳо экспедитсияи саҳроии минтақаи шимоли Тоҷикистон ва Фарғонаи Ғарбӣ бо ҳамроҳии этнографҳо Николай Ершов (роҳбари илмиаш), Антонина Писарчик, Зинаида Широкова, Муқаддама Ҳомидҷонова, Отамурод Муродов ва дигарон иштирок намудааст.

Объекти асосии тадқиқотҳои этнографии Усто Чаҳонов воҳаи дарёчаи Сӯх (зодгоҳи худи устод), воқеъ дар худуди вилояти Фарғонаи Ўзбекистон мебошад. Новобаста аз он, ки чойи кори асосии устод шаҳри Хучанд аст (масофаи байни Хучанд у Сӯх 160 км. -ро ташкил медиҳад), ӯ пайваста аёми таътили зимистона ва тобистона экспедитсияҳои илмӣ ташкил менамуд ва маводҳои заруриро барои рисолаи илмиаш гирд меовард.

Усто Чаҳонов барои ҷамъоварии маълумоти зарурӣ, бевосита бо мардум сӯҳбат анҷом медод, маҳали тадқиқотро шахсан аз назар мегузaronид, ба анҷом додани сафар ба чойҳои гуногун, муошират бо одамон ва сабти андеша ва ғояҳои онҳо, мушоҳида кардани намунаҳои олооти меҳнати кишоварзӣ, тарзи машғулияти деҳқонон дар парвариш ва рӯёндани ҳосил, тарзи муносибатҳои иҷтимоии онҳо аҳамият медод. Кӯшиш менамуд, ки хангоми сафари “саҳроӣ” бо сокинон сӯҳбат кунад, то таъсири сиёсати ҳукуматро ба ҳаёти онҳо бифаҳмад. Ба ғайр аз ин дар пажӯҳиши худ бештар дар асоси мисолҳои инфиродӣ хулоса мебаровард, муносибати ҷамъонибаи байниҳамдигарии деҳқонони деҳотро мушоҳидакорона аз назар мегузaronид, яъне тамоми мушоҳидаи саҳроиро дар маҷмӯъ таҳлил мекард.

Натиҷаҳои пажӯҳиши устод аз он иборат буданд, ки як силсила мақолаҳои илмӣ ӯ, аз қабيلي “Пахотное орудие у таджиков долины Сох в конце XIX- начале XX вв. ”, [2] “Традиционное скотоводство таджиков долины Соха в конце XIX- начале XX вв. ”, [3] “Земледельческий народный календарь и счет времени у таджиков Соха”[4] ба таъб расиданд. Соли 1989 монгорафияи ӯ таҳти унвони “Земледелие таджиков долины Соха в в конце XIX- начале XX вв. (Историко-этнографическое исследование)”[5] нашр гардид, ки ин асар аз Ҷониби муҳаққиқон варзида – академик Б. А. Литвинский, Б. В. Андрианов, С. П. Поляков, Т. А. Жданко ва дигарон ба баҳои баланд сазовор гашт.

Қобилияти аз ҳама муҳим барои этнограф “ҳарф задан” -и ҳамсӯҳбатро таъмин кардан аст. У. Чаҳонов дар чараёни экспедитсияҳои илмӣ мавзӯи мавриди тавачҷӯхро моҳирона аз мусоҳиб азбар менамояд ва худ ба қадри имкон муфассал нақл мекунад. Мо борҳо шоҳиди он будем, ки устод бо одамони гуногун ба тарзи табиӣ муошират мекард, дар конфронсҳои илмӣ, вохӯриҳо ва ҳатто дар муҳити хонавода содда ва фаҳмо масъалаи мавриди назарро мефаҳмонад. Ба қавли худи устод Ҷамъоварии маводҳои саҳроӣ муҳимтарин дастоврад барои этнограф аст. Вақте ки ӯ ба назди ахборотдиҳандагон (респондентҳо) меравад, маводи хуб ҷамъ

мекунад ва дар асоси он асари чолиб менависад барои илм хидмати арзишмандеро анҷом медиҳад. Ин амалро устод "хушбахтии этнографӣ" меномад!

Профессор У. Чаҳонов ҳамеша аз этнограф буданаш меболад, ифтихор мекунад. Ӯ ҳаёт ва зиндагии ҳаррӯзаро, ки барои тадқиқоти этнографӣ муҳим аст, дар зухуроти мухталиф мушоҳида карда метавонад, Чузъиёти алоҳидаи мавзӯи баҳси илмиро моҳирона кушода медиҳад. Мутаассифона, на ҳама этнографҳо дорои чунин қобилиятҳои нодир ва санъати беҳамтои муоширатанд. Ба Усто Чаҳонов барои қорҳои илмӣ бурдбориҳо таманно дорам.

Адабиёт.

1. Усто Чаҳонов. Этнография народов Средней Азии и Казахстана.(материалы из спецкурса) КГУ, Калинин 1986.с 50.

2. Усто Чаҳонов. Пахотное орудие у таджиков долины Сох в конце XIX- начале XX вв. ” (дар маҷаллаи “Советская этнография”, №6, 1975),

3. Усто Чаҳонов .Традиционное скотоводство таджиков долины Соха в конце XIX- начале XX вв. ” (дар китоби “История и этнография народов Средней Азии”, Душанбе, 1981),

4. Усто Чаҳонов .Земледельческий народный календарь и счет времени у таджиков Соха (дар китоби “Этнография Таджикистана”, Душанбе, 1985)

5. Усто Чаҳонов. Земледелие таджиков долины Соха в в конце XIX- начале XX вв. (Историко-этнографическое исследование)” Душанбе, 1989.216 с.

6. Сӯҳбат бо Усто Чаҳонов. 10.05.2022.

7. Ҳошимова Ш.Ф.Муҳақиқ ва омӯзгори соҳибқасб.(Ҳабиби дилҳо. Маҷмӯаи мақолаҳо бахшида ба 80 солагии профессор Усто Чаҳонов) Хучанд 2022.саҳ 93.

Темурҷон Набиев

Худҷанд

МУАРРИХИ ФАРЗОНА АЗ ВОДИ ФАРҶОНА

Дар мақола саҳми профессор профессор ва этнографи маъруфи Ҷумҳурии Тоҷикистон Усто Чаҳонов дар омӯзишу тадқиқи этнографияи тоҷикон нишон дода мешавад. Дар мақола инчунин дар бораи дастовардҳои профессор дар соҳаи мардумшиносии тоҷикон

ВЕЛИКИЙ УЧЕНЫЙ ИЗ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ

В статье рассматривается роль профессора и известного этнографа Республики Таджикистан Усто Джахонова в изучении и исследовании этнографии таджиков. В статье также анализируются достижения профессора в области этнографии таджикского народа.

GREAT SCIENTIST FROM THE FERGHANA VALLEY

The article discusses the role of a professor, famous ethnographer of the Republic of Tajikistan Usto Djahonov in the ethnographic research of the of the

Tajiks. The article also analyzes the achievements of the professor in the field of Tajik ethnography.

Чаҳонов Усто Чаҳонович олим - этнографи шаниохтаи халқи тоҷик, ҳаммаслаки олимону муҳаққиқони мардумшиносии Тоҷикистон аст. Дар байни устодоне, ки ба ҳурмати эҳтироми сарвари давлат Эмомалӣ Раҳмон сазовор шуданд, устоди мо профессор Усто Чаҳонов низ ҳастанд.

Дар омӯзиш ва тадқиқи этнографияи ноҳияҳои Ашту Мастҷох, Исфара, Конибодом, Истаравшану Ҷаббор Расулов, Спитамену Шаҳристон, Панҷакенту Кӯҳистони Мастҷох саҳми ӯ хеле назаррас мебошад. Аз ҷумла, хизмати устоди азизи ман дар омӯзиш ва тадқиқи этнографияи тоҷикони Исфара,

хусусан деҳаи Қалъачаи Мазор калон мебошад. Маводҳои археологӣ – этнографияи деҳаи мазкур имконият дод, ки ин деҳа ба ҷои маданияту фарҳангӣ ва сайру истироҳатгоҳи меҳмонони кишвар ва хориҷӣ табдил дода шавад. Ҳамин тавр ҳам шуд. [1,155].

Солҳои тӯлонӣ профессорон Усто Чаҳонов ва Саидҷон Марофиев гирду атрофи Хучанд ва ноҳияи Бобочон Ғафуровро – деҳаҳои Сартӯқай, Учбоғу Оқтош, Палосу Сомғор, Исписор, Ёвану Унҷӣ, Зарзамину Хистеварз, донаманаҳои кӯҳи Мевағул бо зергурӯҳҳои худ омӯхта, маводҳои зиёди кишваршиносӣ ҷамъ намуданд[1,155].

Аз солҳои 80-уми асри ХХ тақрибан то соли 2009 устод У.Чаҳонов дар факултети таърих ва ҳуқуқи ДДХ ба номи академик Бобочон Ғафуров дар баробари дигар фанҳо ба донишҷӯён аз фанни этнография дарс меғуфт. Дар ин муддат, ӯ ҳамчун муҳаққиқи шинохтаи соҳаи мардумшиносӣ аз маводҳои ҷамънамудаи бостоншиносӣ, сахроию сарчашмаҳо ва осори муҳаққиқони ин соҳаи илми таърих ҷамъовардааш ба таҳияи барнома, луғати очерки мухтасар ва дастурҳои таълимӣ аз курси «Этнография» машғул мешавад [Ҳамон ҷо, 145].

Муҳимтарин барнома ва маводҳои таълимии устод доир ба курси этнография инҳоянд: «Барномаи курси этнографияи тоҷикон», «Барнома ва дастури методӣ аз фанни этнография», «Барномаи фанни этнографияи халқҳои Осиёи Марказӣ», «Луғати мухтасари этнографӣ», «Қисқача этнографӣ луғат», «Этнографияи деҳоти тоҷик», «Очерки этнографияи тоҷикони Фалғар» [2].

Барои донишҷӯёни факултети таърихи мактабҳои олии забони тоҷикӣ ва узбекӣ дастури таълимӣ «Этнографияи халқҳои Осиёи Марказӣ»-ро таълиф

мекунад[3]. Баъдан бо таъйиру иловаҳо аз нав чоп мешавад [4]. Вобаста ба курси антропологияи таърихӣ низ доираи баромади этникӣ, қиёфа, фарқиятҳои антропологӣ ва ҷисмонии халқҳои Осиёи Марказӣ, аз ҷумла тоҷикон низ маълумотҳои ҷолиб медиҳад[5].

Устод Ҷаҳонов дар асари худ «Этнографияи халқҳои Осиёи Марказӣ» сараввал ба масъалаи этногенези тоҷикон тавачҷӯх намуда, халқи тоҷикро аз ворисони ориёӣҳо, ки дар асоси маълумоти сарчашмаҳои ҳагги аҳди қадим, аз ҷумла «Авесто» ва сарчашмаҳои чинӣ мардуми таҳҷоии муқимнишини минтақаи Осиёи Марказӣ меноманд. Дар ташаккули халқи тоҷик саҳми сулолаҳои хиёниёну ҳайтолиён ва минбаъд дар асрҳои VIII-X дар замони давлатдорӣ Тоҳириён, Саффорӣён ва махсусан Сомониён мавқеи ташаккули худудӣ, забонӣ, маишӣ-фарҳангӣ ва падидоии ном ва ислоҳоти халқи тоҷик анҷом ёфт[4,54-58].

Дар асрҳои VIII-IX этноними «тоҷик» ҳамчун номи халқ падида омада, дар асоси андешаи олим профессор Усто Ҷаҳонов калимаи «тоҷик»-ро тоҷдор номида, «тоҷ»- афсар, кӯлоҳи ҷавоҳирнишони мансуб ба дини зардуштӣ дошта маънидод мекунад[4,60-61].

Дар асари «Этнография» профессор қайд мекунад, ки муҳимтари соҳаи хоҷагии тоҷиконро боғдорӣ ва тоқпарварӣ ташкил медиҳад. Намудҳои беҳтарини зардолу, шафтолу, анор, ангур, чормағз, pista, бодом, тут, олу, гелос, анҷир, бихӣ, нок, себ ва ғайраро сабзонида бо роҳи пайванд навъҳои серҳосилро эҷод мекунад. Боғпарварони тоҷик исқанпайванд, баргпайванд, найчапайванд, харипайванд ва дигар намудҳои пайвандро истифода бурда, навъҳои маҳаллии меваҳоро, мисли себу ноки Ашту Намангон ва Панҷакенту Ворух, мирсанҷалии Сӯҳу Исфара, қандаки Риштону Конибодом, анори Сурхандарё, ангурҳои Қистакузу Самарқанд ва Ғонҷӣ, бобоии Хучанду тути Аштро ба амал оварданд, ки дар тамоми Осиёи Марказӣ маълуму машҳур гаштаанд[6, 70].

Ҳамчунин, профессор дигар соҳаи хоҷагии тоҷикон чорводориро қайд мекунад. Дар ноҳияҳои кӯҳӣ чорводорӣ лайловӣ (айлоқӣ) ва дар тоҷикони водӣ чорводорӣ хонагӣ мавҷуд буд[6,71]. Дар шаҳру деҳаҳои тоҷикон ҳунармандӣ ва касбу ҳунар тараққӣ карда буд[6,72].

Таҳқику омӯзиши ҳаёти моддию маънавии тоҷикон аз мадди назари профессори бузург Усто Ҷаҳонов дур намондааст. Қайд мегардад, ки «рамзи маданияти моддии тоҷикон – либоси онҳо» мебошад. Дар ҳаёти маънавӣ менигорад, профессор У.Ҷаҳонов – аз ҳикояву ривоят, афсонаҳои халқӣ сар карда, то мазҳакаву ҳаҷвия, шеърӯ сурудҳои тӯёнаю мотамӣ мақоми махсус дошта, дар иду айёмҳо, маросимҳо, нишасту муҳабатҳо бо хусусиятҳои хоса хонда мешуд. Дар қатори иду айёмҳои халқӣ, монанди «Сада», «Наврӯз», «Меҳргон», «Тиргон», «Сайри лола», «Бойчекак», «Сайри боғ», «Сайли харбуза», «Иди асал» зодаи зироаткорони тоҷик буда, сипас дар байни халқҳои дигари Шарқ паҳн гардиданд, ки то кунун аҳамияти хуро гум накарданд[1,148]. Асбобҳои мусиқӣ, варзиш ва мусиқии тоҷикон ба таври муҳтасар таҳлил карда шудаанд [6,99-100].

Ҳамин тавр, нақши профессор дар омӯзиш ва тадқиқи этнографияи тоҷикон хеле назаррас аст.

Муаррихи фарзона аст,
Аз води Фағона аст.
Дар синаи Сӯхи қадим,
Чун гавҳари яқдона аст.
Усто Ҷаҳон,
Усто Ҷаҳон!

АДАБИЁТ:

1. Ҷабиби дилҳо: Маҷмӯи мақолаҳо бахшида ба 80-солагии зодрузи номзоди илмҳои таърих, профессор Усто Ҷаҳонов.-Хучанд: Нури маърифат, 2022.
2. Ҷаҳонов У. Санъати рақс//Гирози ҷаҳон.-2001.-15 дек(Тақризи ба рисолаи Ф.Абҷонова. Рақси анъанавии тоҷикон.-Душанбе, 2000)
3. Ҷаҳонов У. Сӯхи шарифи пойтахт.-Риштон,1992.
4. Ҷаҳонов У. Таърихи Сӯх.-Хучанд,1995/
5. Ҷаҳонов У. Сӯху сӯхиён.-Тошканд: Фан,1996.
6. Ҷаҳонов У. Этнография. Дастури таълим барои донишҷӯёни факултети таърихӣ ва донишгоҳҳо. Хучанд, 2011.

Рухшона Ҷаҳонзода
Худжанд

НИГАҲБОНИ МЕРОСИ ХАЛҚ

Дар мақола нақшу мақоми номзоди илмҳои таърих, профессор, этнографӣ маъруфи Ҷумҳурии Тоҷикистон Усто Ҷаҳонов дар баланд бардоштани маъқеи илми мардумшиносӣ нишон дода мешавад. Дар мақола инчунин дар бораи дастовардҳои профессор дар соҳаи мардумшиносӣ ба таври хронологӣ оварда шуда, назарияҳои ҷадиди ӯ рӯи қалам омадааст.

ХРАНИТЕЛЬ НАРОДНОГО НАСЛЕДИЯ

В статье рассматривается роль кандидата исторических наук, профессора, известного этнографа Республики Таджикистан в развитии этнографии в стране. В статье также в хронологическом порядке анализируются достижения профессора в области этнографии и его открытия.

THE KEEPER OF THE FOLK HERITAGE

The article discusses the role of a candidate of historical sciences, professor, famous ethnographer of the Republic of Tajikistan in strengthening the

role of ethnography in the country. The article also analyzes in chronological order the achievements of the professor in the field of ethnography and his discoveries.

Этнография манзараест дурахшон ва хаяҷонбахши роҳи таърихии инсоният. Мафҳуми мардумшиносиро дар илм «этнография» ва «этнология» меноманд. Дар кишвари мо, ин илм ҳама вақт, то ба қарибӣ этнография номида мешуд. Аммо дар бисёр кишварҳо, хосатан дар мамлакатҳои Ғарб ин мафҳумҳо баробар мавриди истифода қарор гирифтанд.

Умуман этнографҳо кистанд? Этнограф як мутахассисест, ки фарҳанг ва анъанаҳои халқҳои гуногунро меомӯзад. Ин таъриф то ҳадди имкон умумист, зеро вобаста аз гурӯҳи этникӣ, ки олим барои омӯзиш интихоб кардааст, фарқиятҳо мушоҳида мегарданд. Сарчашмаи калидӣ барои этнограф мушоҳидаҳои мустақим аст. Этнограф маводи илмиро дар асоси мушоҳидаҳои ҳаёти рӯзмарраи мардум, иштирок дар чараёни баргузории анъана ва маросимҳо, таҳлили тарзи зиндагӣ, машғулияти одамон гирд меоварад. Аз ин гуфтаҳо бармеояд, ки касби этнограф барои одамони ҷаҳол мувофиқ аст, ки аз душвориҳои ба истилоҳ «экспедитсияи саҳрой» наметарсанд. Бо шарофати меҳнати пурмашаққати онҳо маълумот дар бораи таърихи пайдоиши халқҳо, урфу одатҳо, эътиқодҳо, фарҳанги мардумӣ, хусусиятҳои зиндагии рӯзмарра ва ғайра дастраси омма мегардад [4, 9].

Мафҳуми этнография аз юнонӣ буда, «этнос»-халқ ва «графіо»-менависам иборат аст. Этнология аз калимаҳои «этнос»-халқ ва «логос»-илм аст. Этнография илми таърихшиносӣ буда, пайдоиш, таркиб, тарзи зиндагӣ ва муносибатҳои таърихӣю маданияи халқҳоро меомӯзад. Этнография ҳамчун соҳаи мустақили илми таърихшиносӣ дар нимаи аввали асри XIX ба вучуд омад. Таърифи илми этнографияро бори аввал этнографи намоёни Шӯравӣ Л.Я.Штернберг (1923) ва дертар С.П.Толстов (солҳои 50-уми асри XX) тавсиф намуда буданд [3,5].

Таърифи ҳозираи илми «этнос»-ро бори аввал соли 1923 этнографи рус С.М.Широкогородов баён намуда буд: «Гурӯҳи одамоне, ки бо як забон гап зада, пайдоиши умумӣ, дорои тарзи зиндагӣ, анъана ва расму оинҳои ба худ хос мебошанд, этнос ном доранд». Дар этнологияи имрӯза «умумияти таърихан ташаққулёфтаи одамон, ки дорои аломатҳои ягонаи забонӣ, ҳудуди этникӣ, хусусиятҳои тарзи зиндагӣ ва маданият, пайдоишу худшиносии этникӣ ва номи этникӣ мебошанд» этнос номида мешавад [3,6].

Манбаи асосии омӯзиши халқ – маводи саҳрой, мушоҳидаҳои шахсӣ, суҳбат бо намояндагони халқ, ёдгориҳои таърихӣ хаттӣ, олоқи меҳнат, ҳаёти маишӣ, маводи осорхонаҳо, бойгонӣ, китобу дастнависҳо, бойгонӣҳои шахсӣ ба шумор

меравад. Роҳу усулҳои чамъ овардани маводи этнографӣ бо роҳи мушоҳида ё худ тадқиқот дар байни мардум омӯхтани халқ мебошад, ки бо забони русӣ «тадқиқоти саҳроӣ» - «полевые исследования» ё худ «мушоҳидаҳои саҳроӣ»-«полевые наблюдения» меноманд.

Аз солҳои 60-70-уми асри ХХ сар карда, дар Донишгоҳи давлатии Хучанд ба номи академик Бобочон Ғафуров мактаби археологию этнографӣ ташаккул ёфт, ки мо онро дар симои олимони шинохтаи тоҷик **этнографҳо** У.Ҷаҳонов, Н.Турсунов, дертар М.Файзуллоев мебинем. Ҷар яки онҳо дорои равияи мактаби илмӣ худ буда, дар тадқиқи археология ва этнографияи халқӣ тоҷик мақоми хосае доранд [1,322].

Дар кори илмӣ ва таълимӣ номзади илмҳои таърих, профессор Усто Ҷаҳонов **экспедитсияи этнографӣ** мақоми баланд дорад. Маҳз дар асоси экспедитсияҳои этнографӣ ӯ ҳамчун этнологи касбӣ ташаккул ёфт. Солҳои 70-80-уми асри ХХ У.Ҷаҳонов дар дахҳо экспедитсияҳои саҳроии минтақаи Шимоли Тоҷикистон ва Фарғонаи Марказӣ (Сӯх, Ритон, Ҷуст, Косон) ширкат варзида буд. Соли 1983 устод рисолаи илмӣ хешро дар мавзӯи «Зироаткорӣ тоҷикони ҳавзаи дарёи Сӯх дар охири асри XIX ибтидои асри XX (тадқиқоти таърихӣ-этнографӣ)» дар Шӯрои диссертатсионии пажӯҳишгоҳи этнография ба номи Маклуҳо Маклай Академияи илмҳои СССР (ш.Москва) аз рӯи ихтисоси 07.00.07- «Этнография» химоя карда буд.

Зодгоҳи устод Ҷаҳонов воҳаи дарёчаи Сӯх, ки дар вилояти Фарғонаи Ҷумҳурии Ўзбекистон воқеъ аст - объекти асосии тадқиқотҳои этнографӣ шуд. Натиҷаҳои пажӯҳиши устод аз он иборат буданд, ки як қатор мақолаҳои илмӣ ӯ, ба монанди «Пахотное орудие у таджиков долины Сох в конце XIX – начало XX вв.» (дар маҷаллаи «Советская этнография», № 6, 1975), «Традиционное скотоводство таджиков долины Соха в конце XIX- начале XX вв.» (дар китоби «История и этнография народов Средней Азии», Душанбе, 1981), «Земледельческий народный календарь и счет времени у таджиков Соха» (дар китоби Этнография Таджикистана, Душанбе, 1985) ва ғайра ба таъби расиданд. Соли 1989 асари бунёдии хешро таҳти унвони «Зироаткорӣ тоҷикони водии Сух», ки дар нашриёти «Дониш»-и Академияи Улӯми Ҷумҳурии Тоҷикистон рӯи чоп омада буд, аз тарафи муҳаққиқони этнография ва археология академик Б.А.Литвинский, профессорон Б.В.Андрианов, С.П.Поляков, Т.А.Жданко ва дигарон қонибдорӣ карда будад.

Ба қавли асосгузори Консепсияи типҳои хоҷагӣ-маданӣ профессор Борис Андрианов монографияи Усто Ҷаҳонов «Земледелие таджиков долины Соха в конце XIX-начале XXв.» асари бунёдӣ ва намунавӣ барои навиштани фасли «Зироаткорӣ ва обёрӣ»-и Атласи таърихӣ – этнографияи халқҳои Осиёи Миёна ва Қазоқистон ба шумор меравад [2,9].

Усто Ҷаҳонов дар асоси маводҳои этнографӣ ва таҷриба ба бозёфтҳои бостоншиносӣ назарияи навро ба миён оварда, собит сохт, ки дар Сӯх ва дигар манотиқи кӯҳӣ ва наздикӯҳӣ хоҷагии оддии истеъмолӣ ва истеҳсолӣ хеле барвақтар ба амал омаданд. Нишонаҳои онро бостоншиносон ошкор сохтанд. Сӯх дар ҳақиқат ватани маймунҳои одамшакли роҳраванда – Хомо эректусҳо (1,5-1 млн сол қабл) ва

маймунҳои одамшакли бомахорат - Хомо хабилис (2,5-2 млн сол пеш) ба шумор меравад. Фикри аввалин дониста шудани кишти лалмикорӣ дар мавзеи номбурда бар омад. Инро аз мавзеи Сӯх дарёфт кардани мучассамаи дар рӯи тахтасанг ҳаққоқӣ гаштаи мори дусараи дар шакли хӯшаи гандум сохта шуда исбот менамояд. Ин бозёфти нодиртарини замони биринҷ аз дараҷаи инкишоф ва маданияти баланди зироаткорони ин мавзёе шаҳодат медиҳад [2,6].

Ин мучассамаи мори дусараро олими рус Богомолов Г. «Тӯмори Сӯх» номидааст[4,5].

Усто Ҷаҳонов дар якҷоягӣ бо забоншиносон В.С.Расторгуева ва ҳам донандаи мумтози забонҳои суғдӣ В.А.Лившич лаҳҷаҳои сӯҳиёро мавзӯи таҳқиқ қарор дода, аслан таҳҷойӣ-автохтонӣ будани фарғонаҳои қадим ва сӯҳиёро равшанӣ андохт, ки ин низ яке аз кашфиётҳои бунёдии ӯ аст.

Усто Ҷаҳонов нафақат мутахассиси илми таърих, этнография, антропология ва кишваршиносӣ ба шумор меравад, инчунин омӯзгори пурмахорату хушсалиқа мебошад. Хизмати ӯ дар такмили раванди таълим ва тайёр намудани муаррихони ҷавон барои хочагии халқи ҷумҳурӣ хеле назаррас мебошад. Вай дар ин соҳа зиёда 50-сол қор карда меояд. Зери роҳбарии Устод даҳҳо дипломантҳо ва муҳаққиқон рисолаҳои илмӣ навишта, онро дифоъ намуданд. Олим ва омӯзгори нуқтасанҷи эҷодкор буда, муаллифи беш аз 20 монографияю китобҳои таълимӣ ва зиёда аз 400 рисолаю мақолаҳои илмӣ мебошад.

Чанде аз монографияҳову китобҳои устодро номбар карданем, ки дар ҷумҳурӣ аввалинанд: «Таърихи Сӯх»(1995); «Мақоми Сомониён ар тамаддуни ҷаҳонӣ» (1999); «Таърихномаи Бободархон» (2002); «Тоҷикистони навин» (2002); «Тоҷикони Мастҷох»(2010); «Таърихи Русия» (2005,2011); «Этнография» (2009,2011); «Антропология» (2011), «Методикаи таълими таърих» (2012); «Таърих ва этнографияи тоҷикон» (2011); «Меҳвари тамаддуни Осиёи Марказӣ» (2021); «Ҳабиби дилҳо»(2022) ва ғ. Ҳамаи ин монографияю китобҳои дарсӣ, асарҳои бунёдӣ буда, аз камолоти баланди илмии Усто Ҷаҳонов дарак медиҳад.

Агар М.С.Андреев тақвимҳои қадимаи зироаткории тоҷиконе, ки бо номи ҳисоби мардӣ маълум аст, дар сокинони кӯҳистон қайд карда бошад, дар тоҷикони водӣ аввалин бор Усто Ҷаҳонов ба қайд гирифтааст [5,50]. Ба туфайли тадқиқотҳои олим навъҳои зиёди набототҳои маҳаллӣ ва офарандагони он муайян карда шуданд.

Кашфиётҳои профессор У.Ҷаҳонов бо ин хотима намеебад. Чанд фикри ҷадиди дигар, мисли дар мавзёҳои кӯҳӣ ба амал омадани кишти лалмикорӣ ва оғози таҷрибаи обёрии сунъӣ, дар рӯзгори сӯҳиён мавҷуд будани осори модаршоҳӣ, падарсолорӣ, автохтон будани тоҷикони Фарғона, осори сохти авлодӣ, дар расму оинҳои мардумӣ, парастии олоти мардӣ, рабудани зан ва одати қасоси хунӣ, гурӯҳбандии лаҳҷаҳои сӯҳиён ва ҳайати этникии он, мавҷудияти муносибатҳои одатҳои моногамӣ (якникоҳӣ), левират (ба зани бародар никоҳ қардан), сарорат (хоҳарон як шавҳари умумӣ доранд), полиандрия (бисёршавҳарӣ), полигиния (бисёрзандорӣ), оилаҳои ҳамхунонро қайд намудааст.

Дар ҳақиқат, сахми профессор Усто Чаҳонов дар омӯзиш, тадқиқ, нигоҳдорӣ ва ташвиқу таблиғи мероси ниёгон беаноза назаррас аст, ки бо қалами зер гуфтанием:

Ба нома васфи ту гуфтан на ҳадди имкон аст,
Чаро, ки васфи ту берун зи ҳадди авсоф аст.

АДАБИЁТ:

1. Бобокалонов А., Холҷӯраев Х. Ҳафтод нахли пурсамар.-Хучанд: Нури маърифат, 2002.
2. Таърих ва этнографияи тоҷикон. Маҷмӯаи илмӣ бахшида ба 70-солагии зодрузи этнограф Усто Чаҳонов. 2011.
3. У.Чаҳонов. Этнография. Халқҳои Осиёи Марказӣ. Маводи таълим барои донишҷӯёни факултаҳои таърихи донишгоҳҳо. Хучанд, 2011,
4. Ҳабиби дилҳо: Маҷмӯи мақолаҳо бахшида ба 80-солагии зодрузи номзади илмҳои таърих, профессор Усто Чаҳонов.- Хучанд: Нури маърифат, 2022
5. Этнография народов Средней Азии и Казахстана. (Материалы для спецкурса), КГУ, Калинин, 1986.

Зинатмо Юсуфбекова, Мумина Шовалиева
Душанбе

МАРДОНОВА АЗИЗА РАХИМОВНА-ИССЛЕДОВАТЕЛЬ СЕМЕЙНОЙ ОБРЯДНОСТИ ТАДЖИКОВ

Мардоновой А, известным таджикским этнографом, начиная с 60-х годов XXв. по 90-е годы XXв. был собран обширный материал по всем отраслям этнографической науки, но главным образом, по всем циклам семейной обрядности, включая родильные, детские свадебные и похоронно-поминальные. В рамках настоящего сообщения мы вынуждены ограничиться анализом лишь одной части семейной обрядности – свадебного цикла обрядов, а также связанных с ними представлений и верований. В работе А.Мардоновой «Традиционная свадьба таджиков Гиссарской долины (Этнографические материалы)» с привлечением сравнительного материала приводятся важные сведения о свадебных традициях и обрядах таджиков всех регионов Таджикистана, в том числе гиссарских, рамитских, файзабадских, а также и за пределами Таджикистана - бухарских и каганских таджиков.

В настоящее время многие её архивные материалы находятся как в архиве отдела этнологии и исторической антропологии ИИАЭ им.А Дониша, так и в отделе фольклора Института языка и литературы им.А.Рудаки НАНТ

МАРДОНОВА АЗИЗА РАҲИМОВНА - МУҲАҚҚИҚИ РАСМУ ОИНҲОИ ОИЛАВИИ ТОЧИКОН

Мардонова А.Р.- яке аз мардумшиносони маъруфи тоҷик буда, аз ибтидои солҳои 60-ум то солҳои 90-уми асри XX дар шӯбаи мардумшиносии Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А.Дониши АМИТ кор ва фаъолият намудааст. Саҳми олими номбурда дар омӯзиши ҳамаи самтҳои илми мардумшиносӣ ниҳоят зиёд мебошад.. Бояд гуфт, ки мақсади асосии пешниҳоди ин мақола - таҳлили яке аз бахшҳои фарҳанги маънавии мардуми тоҷик, яъне маросими хонаводагӣ - давраи тӯйи арӯсӣ ва ҳамчунин андешаву эътиқодот марбут ба он мебошад.

Тавре таҳқиқоти мазкур нишон медиҳад, дар асари А.Мардонова «Тӯйҳои суннати тоҷикони водии Ҳисор (маводи этнографӣ)» бо истифода аз маводҳои муқоисавӣ оид ба расму оинҳои арӯсии тоҷикони тамоми манотиқи Тоҷикистон, маълумотҳои муҳим гирд оварда шудаанд, ки дар онҳо дар бораи маросими қайдшуда дар водии Ҳисор, Ромит, Файзобод, инчунин тоҷикони беруназарзӣ - тоҷикони Бухоро ва Когони Ҷумҳурии Узбекистон маълумотҳои зиёд таҳлилгардида оварда шудаанд.

Айни ҳол қисми зиёде аз маводҳои ҷамъовардаи Мардонова А.Р. ҳам дар бойгонии шӯбаи этнология ва антропологияи таърихии Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А.Дониши ва ҳам дар шӯбаи фолклори Институти забон ва адабиёти ба номи А.Рӯдакии АМИТ маҳфуз дошта шудаанд.

MARDONOVA AZIZA RAKHIMOVNA- A RESEARCHER OF THE FAMILY

Mardonova A. is a well-known Tajik ethnographer 60s -90s years of the XX century. It should be noted that within the framework of this report we have to limit ourselves to the analysis of only one part of family rituals – the wedding cycle of rites, as well as the ideas and beliefs associated with them. The singling out of wedding ceremonies as an object of research is also due to the fact that it is the most susceptible to innovations part of the spiritual culture of the Tajik people. As our research shows, in the work of A. Mardonova "Traditional Wedding of the Tajiks of the Hissar Valley (Ethnographic Materials)" with the involvement of comparative material, important information is provided about the wedding traditions and ceremonies of the Tajiks of all regions of Tajikistan, including Hissar, Ramit, Faizabad, as well as outside Tajikistan - Bukhara and Kagan Tajiks.

At present, many of its archival materials are in the archive of the Department of Ethnology and Historical Anthropology of A. Donish Institute History, Archeology and ethnography, and in the Department of Folklore of the Institute of Language and Literature named after A. Rudaki of the National Academy of Sciences of Tajikistan.

В изучении этнографии таджиков очень весом вклад Азизы Рахимовны Мардоной. Мардонова А. Р. уроженка селения Зирабад Каганского района Бухарской области Узбекской ССР, таджичка, 1938 года рождения, в 1961г. окончила историко-филологический факультет Таджикского Государственного Университета им. В.И Ленина (ТНУ). Сразу же по окончанию она поступила на работу в сектор этнографии Института истории им.А.Дониша АН Таджикской ССР, где проработала старшим лаборантом до 1963года. В 1963-1966гг. преподавала историю в к. Зирабад Бухарской области УзССР (Республики Узбекистан) а также параллельно проработала сотрудником редакции в газете «Коммунист мехнат учун» г.Кагана. В 1966г. она вновь вернулась в институт истории Академии наук Таджикской ССР, где была переведена на должность младшего научного сотрудника сектора этнографии. С этого момента А.Мардонова вплотную начинает заниматься этнографией таджикского народа, где её наставниками были сначала А.К.Писарчик, а затем Л.А.Чвырь(с 1982г.). В дальнейшем под их руководством она завершила исследовательскую работу и в 1989 году защитила диссертацию на соискание учёной степени кандидата исторических наук по теме «Архаические обряды и верования Гиссарских таджиков. Похоронно-поминальный цикл»[11].

Следует отметить, что диапазон деятельности А.Мардоновой в секторе, а затем и отделе этнографии был широк: она участвовала во многих экспедициях Института истории АН ТаджССР, в частности, в верховья Зеравшана в 1959-1961гг., в долину Варзоба – в 1962-1963гг., в район затопления Нурекской ГЭС – в 1963г., в Согдийскую (тогда Ленинабадскую) область – в 1962 и в 1967гг.; в Горно-Бадахшанскую автономную область – в 1968 году; в Файзабадский район – в 1969-1975гг. и в Гиссарскую долину – в 1975-1985гг.

Мардоновой А. за все эти годы был собран обширный материал по всем отраслям этнографической науки, но главным образом, по всем циклам семейной обрядности, включая родильные[4], детские[5,60-66;8,120-128], свадебные[6,106-122;10,51-57;9,106-115] и похоронно-поминальные [11;7,226-238;12,119-143]. Следует оговориться, что в рамках настоящего сообщения мы вынуждены ограничиться анализом лишь одной части семейной обрядности – свадебного цикла обрядов, а также связанных с ними представлений и верований. Выделение в качестве объекта исследования свадебной обрядности обусловлено ещё и тем, что она является наиболее подверженная инновациям часть духовной культуры таджикского народа. Как показывает наше исследование, в работе А.Мардоновой «Традиционная свадьба таджиков Гиссарской долины (Этнографические материалы)» с привлечением сравнительного материала приводятся важные сведения о свадебных традициях и обрядах таджиков всех регионов Таджикистана, в

том числе, гиссарских, рамитских, файзабадских, а также и за пределами Таджикистана - бухарских и каганских таджиков[14].

6. Данная работа целиком посвящена полному описанию ещё сохранившихся фрагментов традиционной свадебной обрядности как таджиков, проживающих в Гиссарской долине, так и различных этнографических групп: тюрко-язычные локайцы, кунгураты, найманы, узбеки и таджикоязычные арабы[14]. Следовало бы оговориться, что до А.Мардоновой свадьба населения Гиссарской долины не была объектом специального изучения, за исключением краткой её характеристики в статье Е.М.Пещеревой[17] о свадьбе в ремесленных кругах Каратага, и описания свадьбы таджиков Варзоба в работе Неменовой Р.Л.[16].

Относительно инновационных процессов в традиционных циклах свадебных обрядов у всех таджиков А.Мардонова отмечает, что к нашему времени они значительно трансформировались, с одной стороны они упростились и сократились, с другой - постоянно меняются, обогащаясь новыми деталями. Далее она подчёркивает, что эти тенденции особенно заметны на предсвадебном и свадебном этапе, например: исчез из быта таджиков всех регионов в прошлом широко распространённый обряд колыбельного сговора – говорабахш[1,120-121;15,129;14,6-10;18,49] малолетних детей, который отмечался торжественно в доме новорождённой девочки. Учёный подчёркивает, что в дальнейшем какими бы они не выросли, должны были их женить обязательно, так как после сговора они считались помолвленными наполовину – нимникоҳа. До совершеннолетия временами сторона жениха одаривала подарками сторону невесты. В случае, если свадьба не состоялась, сторона невесты должна была вернуть все полученные подарки[14,114-115].

По справедливому замечанию А.Мардоновой, в настоящее время изменился и обряд выбора девушки – «невесты». В прошлом это было очень сложным моментом и кропотливым для стороны жениха. Судьбу жениха и невесты решали родители – старшие в семье – сардори оила, совет старейшин семьи был для всех обязательным. По совету старейшины семьи, женщины ходили в дом избранной девушки, иногда проживая там до 3-4-х дней, наблюдали там за её поведением, хозяйственными навыками, сноровкой, чертами её характера, а также присматривались к характеру её родителей. Женщины также проверяли различными способами сноровку и сообразительность девушки, например, подбрасывая под её ноги какой-либо небольшой предмет, или попросив приготовить им какую-либо пищу. Таких женщин называли **духтарчӯ** – ищущие невесту. Если им понравится её поведение, тогда посылали аксакалов-сватов из числа мужчин. В наши дни также очень часто выбором невесты сыну занимаются родители и другие ближайшие родственники. Интересно отметить, что хотя и в наши дни совет старейшин (ближайших родственников) часто является

обязательным[14,115], но ключевым моментом является согласие девушки-невесты.

Автор подчёркивает, что ныне окончательно исчезло тайное свидание жениха с невестой – кынголбози в доме родителей невесты в период между помолвкой и свадьбой. Сейчас обряд этот видоизменился. Молодые после помолвки встречаются не в доме своих родителей, а на работе и в общественных местах, чтобы узнать друг друга получше[14,115].

По утверждению А.Мардоновой, значительно изменилась структура свадебных обрядов. Если раньше ритуал мытья головы невесты заканчивался заплетением её кос в новую причёску – в 2 косы), то сейчас волосы невесты либо заплетают в мелкие косички-майдабофи, либо в городах и посёлках, делают причёску и надевают свадебную фату. Далее совершается исполнение традиционных песен при обряде «саршуён»- «мытьё головы невесты» её близкими подругами. Автор подчёркивает, что ранее их исполняли пожилые женщины, а в настоящее время в этих обрядах участвуют девушки-подружки, которые раньше выполняли второстепенную роль. Сейчас изредка исполняется обряд саршуён с песнями. Он сохранился лишь в некоторых горных регионах Таджикистана. Обыкновенно данный обряд в настоящее время исполняется лишь символически. Постепенно он сменился обрядом «девичника», который сейчас полностью искоренился[14,115].

Мардонова А. утверждает, что основное содержание свадебных торжеств – поздравление и благопожелания молодым совпадает с конечной целью большей части старинных свадебных обрядов, поэтому многие их элементы сохранились до наших дней, хотя и в несколько трансформированной форме. Однако, отмечает учёный, они теперь принимают ярко выраженный «игровой» характер. Примером такого рода может послужить широко распространённый среди таджиков обряд «смотрения лица невесты», который поныне бытует во многих горных и равнинных местах под названием рубинон, рукушоен. Весьма интересный обряд был зафиксирован автором в Варзобе, Файзабаде, Рамите. Это касается веточки плодового дерева, которая многодетная женщина поднимает с лица невесты - лицевую занавеску – рукилак и свадебный чодар, обращаясь к ней и присутствующим со стихами, в которых она благославляет невесту, желает ей быть счастливой, а главное, передать ей этим действием магическую силу фруктовых деревьев, их плодovitость[2,Т.1,91-96].

Далее автор отмечает, что в такой же игровой манере исполняются теперь уже просто ставшие элементами свадебного веселья старинные обряды: например, обряд «пешипогалт» ,«кампирмурд»- «смерть старушки ». Обряд «кампирулди» также бытовал у оседлых узбеков, казахов и других народов Средней Азии[14,116]. Обряд заключался в том, что на порог дома ложилась какая-либо старушка, изображая из себя мертвую и требовала за

вход жениха выкуп, и освобождала его только после получения вознаграждения[14,116].

Исследователи отмечают сохранение неоднократных и разнообразных преград на пути свадебного поезда с требованием выкупа, ныне только в шуточной форме, когда в прошлом они носили нередко враждебный характер и олицетворяли жестокое соперничество сторон жениха и невесты.

Согласно многочисленным материалам А.Мардоновой, обряд бритья головы жениха также в наши дни приобрёл чисто символический характер. Кроме того, большинство молодых людей накануне свадьбы идут в парикмахерскую и делают современную причёску, и в день бракосочетания лишь символически проводят бритвой по голове, а местами как в Гиссаре, Каратаге, Чиртаке, Калъа и т.д. этот обряд проводят в очень сокращённом виде. Одной из лучших черт старого свадебного обряда являются фольклорные песни молодёжи – друзей жениха, сопровождающие обряд бритья головы. Автор подчёркивает, что с другой стороны обряд бритья головы жениха сопровождается широким участием дружков жениха, и интересными развлечениями, песнями, танцами, шутками и весельем скоморохов (масхарабоз). По утверждению А.Мардоновой, обряд этот сохраняется и сейчас, с одной стороны потому, что это один из самых веселых свадебных обрядов с традиционной песней, которую знают многие и хором поют припев, а с другой стороны сохраняется вера в то, что соблюдение этого обряда обеспечивает молодым счастливую и благополучную жизнь.

Продолжая описание свадебного процесса А.Мардонова останавливается на обряде надевания одежды жениха, и сопровождающейся хвалебными в адрес жениха песнями. Далее автор отмечает, что близкие родственники в это время осыпали его монетами, сухофруктами, сладостями, которые дети тут же собирали с весельем[14,117].

Как известно, свадебная занавеска занимает значительное место в цикле свадебных обрядов всех таджиков. А.Мардонова, вслед за другими исследователями[3,59-120] отмечает, что её обычно протягивают перед совершением обряда мусульманского бракосочетания «ичов» или «никох в доме родителей невесты. В дальнейшем, перед увозом новобрачной в дом жениха, чодар переносят в дом её мужа и вешают в комнате молодых. После того, как молодые становились мужем и женой, устраивался обряд снятия занавеси – «чодарканон», сопровождавшийся игровыми сценами и разнообразными обычаями, якобы, обеспечивающие многодетность и счастливую жизнь молодой пары. Как было отмечено, о бытовании обряда чодарканон среди таджиков существуют свидетельства многих исследователей, которых своими новыми сведениями дополняет А.Мардонова: это обряд после снятия чодара класть в него семь видов фруктов, трёх видов веточек от разных плодовых деревьев, серп, зеркало,

фрукты, лепешки, сахар, и затем завернуть их в виде запеленатого ребенка и передать в руки многодетной женщины с чодаром, которая уносила их в другую комнату и передавала в руки хозяйки дома[14,117].

Говоря о приданом невесты и подарков со стороны жениха, А.Мардонова утверждает, что отправление приданого невесты в дом жениха сопровождается ещё и обрядом обручения, который проводится обычно в один и тот же день. Как отмечает автор, в последние годы все вещи и продукты (моли зиёдати), необходимые для проведения мероприятий в доме невесты, приобрели новую форму и трансформировались в денежный эквивалент[13,36].

По справедливому замечанию А.Мардоновой, в настоящее время в свадебном обряде традиционные элементы отчасти сохранились лишь в сельских горных районах Таджикистана, а некоторые из них, особенно в городах, находятся на грани исчезновения, что нельзя считать всесторонне положительным фактором. Вместе с тем, некоторые выжившие себя обряды уносят с собой и много положительного[14,117].

Заканчивая данное сообщение, хотелось бы отметить, что А.Мардонова апробировала своё юольшое этнографическое исследование, выступая с научеыми докладами и сообщениями на многих республиканских и международных конференциях.

Многолетние полевые исследования, проведенные А.Мардоновой имеют теоретическую и практическую значимость, так как они позволили выявить последовательность обрядовых действий, их варианты с акцентом местных форм. Эти полевые исследования дают уникальную возможность в будущем сделать значимые раскладки по верованиям и народным обрядам.

Мардонова А. также активно помогала в сборе экспонатов для фондов отдела. Как известно, Н.Н.Ершов-великолепный знаток культуры и быта таджиков и прирождённый музейщик, организовывал специальные экспедиции для сбора коллекций. Такие экспедиции были направлены почти по все регионам республики и все сотрудники сектора этнографии участвовали в них. В частности, А.Мардоновой было поручено собрать коллекции экспонатов, главным образом, в Гиссарской долине, где она проводила свое этнографическое обследование. Сведения об этом содержатся в публикациях, посвященных этнографической работе в Таджикистане в разные годы[19,51].

Многие её рукописи находятся в Архиве отдела этнологии и исторической антропологии Института истории, археологии и этнографии им.А.Дониша Национальной академии наук Таджикистана: «Свадьба у таджиков Гиссарской долины» – 100с.; «Рождение и воспитание ребенка у таджиков Файзабада и Гиссарской долины»-100с.; «Похоронная и поминальная обрядность населения Гиссарской долины» – 250с.

машинописи (по материалам 1975-1985гг.). Все вышеназванные материалы требуют научной обработки и издания.

За активное участие в Таджикской декаде 1957г., проходившей в г.Москва А.Мардонова была награждена Почётной грамотой Верховного Совета ТаджССР, а также многими Почётными Грамотами Академии наук Таджикистана.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Вып.1.-Сталинабад,1943.
2. Зарубин И.И. Дополнения к статье Веселовского «Роль стрелы в обрядах и её символическое значение (Зап.коллегии востоковедов при Азиатском Музее РАН.-1925.Т.1.С.91-96.
3. Кисляков Н.А. Семья и брак у таджиков.М.-Л.,1959.С.59-120.
4. Мардонова А.Обычай и обряды таджиков верховьев Зеравшана, связанные с появлением и выпадением молочных зубов у детей//ИАН ТаджССР.-ООН,1973.№4.-С.25-31.
5. Мардонова А. Традиционная обрядность детского цикла в таджикской семье (По материалам верховьев Зеравшана, Файзабада и Гиссара)//В кН.:Материалы конф. Молодых учёных Таджикистана, посвящ. 100-летию С.Айни (обществ.науки).- Душанбе,1980.-С.60-66.
6. Мардонова А.Свадебное торжество у таджиков Файзабада // История и этнография народов Средней Азии. Душанбе,1981.-С.106-122.
7. Мардонова А.. По этнографии таджиков Файзабада (Суеверия и запреты похоронного обряда) //В кН.: Материалы по истории и истории культуры Таджикистана.-Душанбе,1981.-С.226-238.
8. Мардонова А. Традиционные обычаи и обряды детского цикла у таджиков верховьев Зеравшана в прошлом и настоящем //СЭ:Наука,1984.№3.-С.120-128.
9. Мардонова А. Хна в быту таджиков горного Таджикистана и зирабадских эрони Бухарской области //В кН.:Этнография Таджикистана. Душанбе:Дониш, 1985.-С.106-115.
- 10.Мардонова А. Инновации в семейном быту у таджиков Гиссарской долины //ИАН ТаджССР.-ООН,1986,№4.-С.51-57;
- 11.Мардонова А. «Архаические обряды и верования Гиссарских таджиков. Похоронно-поминальный цикл»: Автореф.дис...канд.ист.наук /АН СССР Ин-т этнографии им.Н.Н.Миклухо-Маклая.-Ленинград,1989.-28с.
- 12.Мардонова А. Некоторые традиционные обычаи и обряды, связанные с погребальным и поминальным обрядом у таджиков (в соавторстве) //Этнография Таджикистана. Душанбе:Дониш,1989.-С.119-143.
- 13.Мардонова А., Джумаев Р. Свадьба таджиков Гиссарской долины- // В поисках культуры Гиссарской долины.-Душанбе,1992, С.24-59.

14.Мардонова А. Традиционная свадьба таджиков Гиссарской долины (Этнографические материалы).-Душабе: Амри илм,2002.-127с.

15.Моногарова Л.Ф.Преобразования в быту и культуре припамирских народностей. -М.:Наука, 1972.-210с.

16.Неменова Р.Л. Таджики Варзоба.- Душанбе:Дониш, 1998.-200с.

17.Пещерева Е. М. Свадьба в ремесленных кругах Каратага//Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М.,1978.-С.176.

18.Пещерева Е.М.Ягнобские этнографические материалы. – Душанбе, 1976.-98с.

19.Писарчик А.К. Этнографическая наука в Таджикистане (1920-1990гг.)-Душанбе,2002.-193с

Чурабек Исамитдинов

Хучанд

ЭТНОГРАФ ВА ОСОРХОНАШИНОСИ НОМВАР (НИГОҶЕ БА БА ФАЪОЛИЯТИ ИЛМИВУ ЭҶОДИИ МУҲИДДИНЧОН ФАЙЗУЛЛОЕВ)

Дар мақола зиндагинома ва фаъолияти илмиву эҷодии муаррих – этнограф, кишваршинос ва фарҳангшиноси варзида номзади илмҳои таърих Муҳиддинҷон Файзуллоев, ки алҳол дар факултети таърих ва ҳуқуқи Муассисаи давлатии таълимии “Донишгоҳи давлатии Хучанд ба номи академик Бобочон Гафуров” ифои вазифа мекунад, мавриди омӯзиш қарор гирифтааст. Таъкид шудааст, ки М. Файзуллоев хатмкунандаи факултети таърихи Донишгоҳи давлатии Москва ба номи М.В. Ломоносов буда, аз ибтидои солҳои 70-уми асри гузашта бо тадқиқотҳои саҳроии этнографӣ, кишваршиносӣ ва осорхонашиносӣ машғул шудааст. Ба ноҳияҳои гуногуни вилояти Суғд, водии Фарғона сафарҳои илмӣ анҷом додааст. Натиҷаҳои тадқиқоти саҳроии этнографиро дар мақолаҳои гузоришҳои илмӣ, рисолаи номзадӣ дарҷ намудааст.

ИЗВЕСТНЫЙ ЭТНОГРАФ И МУЗЕЕВЕД (ВЗГЛЯД НА НАУЧНО- ТВОРЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУХИДДИНЖОНА ФАЙЗУЛЛОЕВА)

В статье представлена биография и научно-творческая деятельность историка-этнографа, краеведа и культуролога, кандидата исторических наук Мухиддинжана Файзуллоева, который в настоящее время работает на историко-правовом факультете ГОУ «Худжандский государственный университет им. академика Бободжана Гафурова». Подчеркивается, что М. Файзуллоев окончил исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, с начала 70-х годов прошлого века занимается этнографическими полевыми исследованиями, краеведческой деятельностью и музееведением. Совершал научные поездки в разные районы Согдийской области, Ферганской долины. Он включил результаты этнографических полевых исследований в научные статьи и доклады, кандидатскую диссертацию.

THE FAMOUS ETHNOGRAPHER AND MUSEUM SCIENTIST (A LOOK AT THE SCIENTIFIC AND CREATIVE ACTIVITY OF MUHIDDINJON FAYZULLOEV)

The article presents the biography and scientific and creative activities of the historian-ethnographer, local historian and culturologist, candidate of historical sciences Mukhiddinzhan Fayzulloev, who currently works at the historical and legal faculty of SEI "Khujand State University named after Academician Bobodzhan Gafurov." It is emphasized that M. Fayzulloev graduated from the History Department of Moscow State University named after M.V. Lomonosov, since the beginning of the 70s of the last century he has been engaged in ethnographic field research, local history and museum studies. He made scientific trips to different areas of the Sogd region, the Ferghana Valley. He included the results of ethnographic field research in scientific articles and reports, in his Doctor's thesis.

Халқи тоҷик соҳиби таъриху фарҳанг ва маънавиёти ғанӣ буда, ба тамаддуни ҷаҳонӣ сахми арзанда гузоштааст ва имрӯз, дар ибтидои асри XXI роҳи рушди замонавиرو ихтиёр намудааст. Дар ҳудуди Тоҷикистони муосир аз аҳди бостон, дар давраҳои мухталиф равандҳои таърихиву сиёсӣ, этникӣ, фарҳангӣ, иҷтимоиву иқтисодӣ ҷараён доштанд, ислохотҳо гузаронида шуданд, ҳолатҳои болоравӣ ва инкироз мушоҳида гаштанд, аҷдоди сарбаланди мо алайҳи истилогарони аҷнабӣ қаҳрамоноҳо нишон доданд, ки ин ҳодисаҳо аз рангорангии таърихи гузаштаамон далолат медиҳанд. Аз ин лиҳоз таърихи куҳанбунёдамон нафақат аз ҷониби олимони ватанӣ, балки аз ҷониби хориҷиён низ эътироф гашта, мавриди омӯзиш қарор гирифтааст ва имрӯз низ дар ин самт таҳқиқотҳои илмӣ идома дорад.

Бунёдгари эҷодкори таърих ҳуди халқ аст. Ҷараёнҳои таърихиву фарҳангӣ, воқеъият ва ҳодисаҳо, ислохотҳоро бидуни ҷаҳолияти мардум ва ашхоси баргузидаи таърихӣ наметавон тасаввур кард. Таърих ҳосили фикру андеша ва тафаккури халқ аст. Аз ин лиҳоз, таърих- мактаби ибратомӯз, дарки камбудиву нуқсонӣ содиршуда, мактаби ҳулосабарорӣ, ҳидоятгари мубориза алайҳи андешаҳои бегона, ниҳоди ба оғаҳиву хушёрӣ даъваткунанда, тарғибгари ваҳдати миллӣ, масъулиятшиносӣ, таъминкунандаи ҳамкориҳои судманд бо қавму миллатҳои мухталиф ба шумор меравад.

Таърихро ба сифати фан омӯзонидан, онро амиқ дарк намудан ба воситаи таҳқиқотҳои илмӣ ба даст меояд. Танҳо тавассути таҳқиқоти илмӣ таҳлили ҳолисона ва талқини мантиқии ҷараёнҳои таърихиву фарҳангиро анҷом додан мумкин аст. Воқеъаву ҳодисотро аз нуқтаи назари қиёсӣ ва танқидӣ баррасӣ намудан ва ба он баҳо додан, дарк намудани ҷалсаҳои таърих вазифаи муаррихон ба шумор меравад.

Дар шароити соҳибистиклолии кишварамон бо тақозои замон ва талабу эҳтиёҷот, таҳқиқоти таърихӣ марҳилаи нави рушдро аз сар мегузаронад. Дар қатори муассисаҳо бонуфузи илмӣ кишвар, аз қабилӣ Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон, Донишгоҳи миллии Тоҷикистон ва дигар муассисаҳо дар ДДҲ ба номи академик Бобочон Ғафуров низ таҳқиқотҳои арзишманд дар риштаи таърих ба роҳ монда шудааст.

Дар соҳаву самтҳои мухталифи таърих мактабҳои илмӣ амал мекунанд, дар асоси талаботи давр анъанаи устод-шогирд эҳё ва рушд меёбад. Дар роҳи барқарор намудани номи аҷдодони гузашта, муайян намудани синну соли бошишгоҳу шаҳрҳо, омӯзиши маъхазҳои хаттӣ, таҳқиқи таърихи давлатдорӣ тоҷикон, ба ҷаҳониён муаррифӣ намудани тамаддуни бостонии диёрамон ва дигар қорҳои хайр олимони таърихшинос саҳми арзанда мегузоранд.

Имрӯз маълумот додан ба бораи фаъолияти илмиву эҷодии олимони муаррихони ҷумҳуриамон, ки дар равияҳои гуногуни таърихнигорӣ тадқиқот мебаранд ва бо заҳмати бисёрсолашон ба дараҷаву унвонҳои илмӣ расидаанд, аҳамияти муҳими ҳам назариявӣ ва ҳам амалӣ касб мекунад.

Дар бораи одамони хуб бо завқи баланд сухан гуфтан, эҳсосоти қалбро ба рӯи қоғаз овардан, ба кас ҳаловат мебахшад, қисман бошад ҳам боиси фараҳмандӣ мегардад. Яке аз чунин инсонҳо, мардумшинос, кишваршинос ва фарҳангшинос Муҳиддинҷон Файзуллоев мебошад. Аслан дар бораи Муҳиддинҷон Файзуллоев овони донишҷӯиям (аввали солҳои 80-уми асри XX) ғоибона ошно гашта будам. Худи ӯро надида бошам ҳам, аз устодони факултет дар бораи инсонӣ аҷиб, таърихшинос, этнограф (мардумшинос) будани ӯ мешунидам ва ғоибона ифтихор ҳам мекардам. Сипас, соли 1987 аз профессор Турсунов Н.О. (устод ҳамон вақт мудири кафедраи навтаъсиси таърихи Тоҷикистон ва методикаи таълими таърихи факултети таърихи Донишқадаи давлатии омӯзгории шаҳри Хучанд буданд ва банди дар ин кафедра вазифаи лаборанти калонро иҷро мекардам) хабари аз ҷониби Муҳиддинҷон Файзуллоев бомуваффақият дифоъ гаштани рисолаи номзади дар мавзӯи «Тоҷикони доманакухи Шимоли Тоҷикистон: суннатҳои хоҷагидорӣ ва сохтори иҷтимоӣ (охири асри XIX –ҷорӣ аввали асри XX)»-ро дар Шӯрои дифоъӣ назди Донишгоҳи давлатии Москва ба номи М. Ломоносов шунидам. Ҳамон лаҳза устод Н.О. Турсунов ба дараҷаи илмӣ расидани як нафар тоҷикро дар риштаи этнография (мардумшиносӣ) бо фараҳмандӣ маълум карда буданд.

М. Файзуллоев соли 1968 мактаби №5 шаҳри Хучандро хатм кардааст. Сипас ба факултети таърихи Донишгоҳи давлатии Тоҷикистон ба номи В.И. Ленин дохил мешавад. Азбаски бо баҳои аъло таҳсил мекард, соли дуҷуми таҳсил декани факултет Мансурхон Бобохонов ба ӯ тақлиф мекунад, ки таҳсилро метавонад дар яке аз донишгоҳҳои пойтахти мамлакат –шаҳри Москва идома диҳад, зеро, ҳамон сол имконияти бо роҳхат ба марказ фиристодани донишҷӯён вучуд дошт. Аммо М. Файзуллоев бинобар ба таври қофӣ надониستاني забони русӣ аз идомаи таҳсил даст мекашад. Баъди як сол бо ҳидояти декани нави факултет Тошназар Луғмонов М. Файзуллоев ба интиқол гаштанаш ба Донишгоҳи давлатии Москва розигӣ медиҳад ва соли 1971 донишҷӯи ин таълимгоҳи бонуфуз мегардад. ӯро ба кафедраи таърихи КПСС вобаста намуданд. Аммо майлу рағбати ӯ ба мардумшиносӣ боло мегирад ва ӯ донишгоҳро дар ин ришта хатм мекунад. Чӣ тавре, ки худи М. Файзуллоев иброз намудааст, ба ин ҳамсӯҳбат шудани ӯ бо Сергей Поляков сабаб шуда буд.

М. Файзуллоев нақл мекунад, ки воҳӯрии нахустини ӯ бо С.П. Поляков соли 1969 ба вуқӯъ пайваста буд. Баъди хатми соли аввали хониш донишҷӯёни факултети

таърихи ДДТ ба таҷрибаомӯзии археологӣ ба ёдгории асримиёнагии Қалъаи Қаҳқаҳаи ноҳияи Шаҳристон фиристода мешаванд. Дар ин ёдгорӣ таҳти сарвари академик Н. Неъматов ҳафриёт гузаронида мешуд. Ҳамон сол экспедитсияи илмӣи Донишгоҳи давлатии Москва низ бо роҳбарии С.П. Поляков дар ноҳияи Шаҳристон чараён дошт ва М. Файзуллоев аз сӯҳбатҳои С.Поляков баҳравар гашта буд [9,с.57]. Баъди чанд сол Ҳангоми таҳсил дар Москва М. Файзуллоев бо С.П. Поляков рӯ ба рӯ гашта, шогирди ӯ мешавад.

Бояд зикр намуд, ки М. Файзуллоев соли 1972 овони донишҷӯӣ, Ҳангоми дар ҳайати Экспедитсияи археологӣ-этнографӣи Осиёи миёнагии факултети таърихи Донишгоҳи давлатии Москва ба номи М.В.Ломоносов (сарвари экспедитсия С.П. Поляков) дар тадқиқотҳои саҳроии мардумшиносӣ, ки дар шимоли Тоҷикистон сурат гирифт, ширкат варзидан мавзӯи таҳқиқоти илмиашро муайян мекунад. Бо супориши устодаш С.П. Поляков дар мавзӯи “Маҳалла чист?” кори таҳқиқотӣ гузаронида, оид ба сохтори маҳаллаҳо, ташкилбӣ, таъминоти маҳалла бо об, ҳудуди ҷойгиршавӣ, шумораи хонавода ва аъзоёни оила, муносибати хешутаборӣ (ҳамхунӣ) ё ҳамсоғӣ (худудӣ), алоқаи байниҳамдигарии сокинони маҳалла, таҷлили расму оинҳои оилавӣ, авлодӣ ва тақвими ва ғ. мавод чамъ менамояд. Маводҳои саҳроӣ на танҳо аз шаҳри Хучанд, балки аз деҳаҳои наздишаҳрии Рӯмон, Шайхбурҳон, Кулангир, Унҷӣ, Ёва, Пуличуқур , деҳаи Қистақӯз (ҳоло Хистеварз)-и ноҳияи Бобочон Ғафуров, хоҷагии ҷамоавӣ (колхоз)-и С.Ўрунхӯчаев низ чамъоварӣ шуданд. Дар асоси натиҷаҳои экспедитсияҳои саҳроӣ ва кӯшишҳои илмӣ, ҷалби адабиёти илмӣ рисолаи дипломи ӯ таҳти унвони «Маҳаллаҳои шаҳри Хучанд» зери назари устодаш С.П. Поляков рӯи қор омад, ки он сазовори баҳои «аъло» гардида буд.[6]

Ба ғайр аз Хучанд ва атрофи он ҳамон солҳо М. Файзуллоев дар ҳайати Экспедитсияи археологӣ-этнографӣи Осиёимиёнагии факултети таърихи Донишгоҳи давлатии Москва ба номи М.В.Ломоносов дар деҳаҳои Пушинг, Алиҷон, Девчашма, Лавак, Ғичовак, Шулдара, Савда, Курук, Шаршар, Лайлук, Паркамҷии Данғара, инчунин дар ноҳияҳои Восеъ, Совет (Темурмалик), Фархор, Кӯлоб, атрофи Норак, маҳалли Тутқавул тадқиқотҳои саҳроии этнографӣ бо ҳамроҳии пажӯҳишгарони ҷавон – В.И. Бушков, Н. Аҳмадеев, А. Валиев ва дигарон анҷом дод.

Тазаккур бояд дод, ки маҳз таҳсил дар Донишгоҳи давлатии Москва ба номи М.В. Ломоносов, шогирдӣ ва ҳамкорӣ бо мардумшиносони варзидаи рус - С.А. Токарев, Л.П. Лашук, Г.Е.Марков, Л.Б. Засуедателева, В.Л. Янин, ВВ. Пименов, Ю.В. Бромлей, Т. А. Жданко, Б.Х. Кармишева , В.И. Бушков ва дигарон имконият доданд, ки услубҳои амалиёти экспедитсионии этнографиро азбар намояд. Дар тадқиқотҳои минбаъдаш 1) аз услуби статсионарӣ, яъне дар ягон маҳал, объект якҷанд вақт, мавсим ё сол амалиёти экспедитсионӣ гузаронидан ва 2) аз услуби маршрутӣ, яъне дар ягон ноҳияи маъмурӣ, хоҷагӣ, этникӣ ё ҷуғрофӣ оид ба мақсади нақшаи мавзӯгӣ мавод чамъ намуда, дар як мавсими экспедитсионӣ якҷанд объектҳоро дида баромаданро меомӯзад ва ба таври васеъ истифода мебарад.

Дар давоми фаъолияти илмиву эҷодӣ М.Файзуллоев дар беш аз 30 экспедитсияҳои этнографӣ ва археологӣ, ки аз ҷониби аз ҷониби Институтҳои таърихи Академияи илмҳои Россия ва Тоҷикистон, шӯъбаи этнографияи Донишгоҳи давлатии Москва ва Осорхонаи таърихӣ вилояти Суғд (собик Ленинобод) гузаронида шудааст, ширкат варзидааст, дар ҷараёни экспедитсияҳо якҷанд дафтарҳои қайди саҳроӣ омода намудааст. Ӯ дар рафти экспедитсияҳо сарвари гурӯҳҳои таҳқиқоти низ бар ӯҳда дошт. Ӯ нафақат дар Тоҷикистон, балки дар каламрави Қирғизистон (ноҳияҳои Боткенту Лолак), Ўзбекистон (вилояти ноҳияҳои водии Фарғона, аз ҷумла деҳаи Чодаки вилояти Намангон) ва Россия (ноҳияи Солигалитчи вилояти Кострома) низ таҳқиқотҳои саҳроӣ бурдааст. Дар Костромаи Россия ӯ маводҳои этнологиро роҷеъ ба муҳочирон ва гурезаҳои Осиёи Миёна гирд овардааст.

Аз ҳама муҳим ӯ якҷоя бо этнографҳои варзидаи рус-тоҷикшиносон Сергей Поляков (аз Донишгоҳи давлатии Москва) ва Валентин Бушков (аз Саридораи бойғониҳои Россия, Москва) ва баъдан Сергей Абашин (аз Донишгоҳи Аврупоии шаҳри Санкт-Петербург) фаъолияти илмиву эҷодиро пеш бурдааст. Онҳо мутахассисони омӯзиши ҳаёти этникии Осиёи Марказӣ ба шумор мерафтанд ва дар солҳои 1970 ва 80-ум дар Тоҷикистон ва водии Фарғона таҳқиқот анҷом додаанд. Сипас ба омӯзиши масъалаҳои эҳёи динӣ дар минтақа машғул гаштаанд. Чӣ тавре, ки Софи Рош (муҳаққиқи олмонӣ) таъкид мекунад: «Ӯ (М. Файзуллоев) дар омӯзиши донишҳои мардумшиносии шӯравӣ ба сифати муҳаққиқ, ёвар, ҳамкору ҳампеша фаъолият бурдааст» [6, с.5].

Ҳангоми фаъолияти меҳнатӣ дар шӯъбаи таърихи фарҳанги Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши АУ ҚШС Тоҷикистон, дар солҳои 1974-1977 М. Файзуллоев ба ҳайати экспедитсияҳои бостоншиносӣ мардумшиносии Донишгоҳи давлатии Москва шомил гашта, дар ҳафриёти ёдгориҳои бостонӣ якҷанд маҳалҳои Тоҷикистон, хосатан деҳаи Пушинги ноҳияи Данғара, шаҳраки Табошар, ноҳияи Шаҳристон, шаҳри Ӯротеппа, қалъаи Хучанд ширкат намуд ва тадқиқотҳоро дар гирдоварии маводҳои этнографӣ анҷом дод [5].

Минбаъд, қариб, ки ҳамасола дар экспедитсияҳои этнографияи саҳроӣ ширкат меварзид. Чунончӣ, соли 1978 дар ноҳияи Ашт, соли 1980 дар Вилояти Суғд (ноҳияҳои Ғонҷӣ, Лайлак, Конибодом, Исфара) ва водии Фарғона (деҳаи Чодаки Чумхурии Ўзбекистон ва ғ.), солҳои 1983-1984 дар ноҳияи Ғонҷӣ (деҳаҳои Метк, Росровуд, Даҳкат, Хшекат, Угук, Овҷӣ, Басманда, Янгиарик, Калаи Дӯст, Қалъаи Мирзобой, Чӯянҷӣ, Қалъаи Ҳоҷӣ, Шоҳон, Далёни Поён, Далёни боло, Ҳочаи соф, Оби борик, Сурхоб, Сурхобча ва ғ.), соли 1985 дар ноҳияи Исфара (деҳаҳои Чоркӯх ва Ворух), соли 1986 дар ноҳияи Ашт (деҳаҳои Шайдон, Даҳана, Ошоба, Бободархон, Хиштхона), соли 1988 ноҳияи Баткени вилояти Оши Чумхурии Қирғизистон, соли 1990 дар ноҳияи Солигалитчи вилояти Костромаи Федератсияи Россия, соли 1995 дар ноҳияи Ашт (деҳаи Ошоба) экспедитсияҳои илмӣ саҳроӣ анҷом додааст.

Натиҷаҳои ин экспедитсияҳо дар мақолаҳои пурарзиши ӯ, аз қабилӣ «Авлод кишлаков верховьев Оксу: к истории социальной структуры» [1], «Особенности земледелия и скотоводства у таджиков живущих у верховьев р.Оксу в первой четверти XX в.» [8], «Изменение традиционной культуры таджиков в социальной единице – махалла конца XIX – начала XX века» [7], «Специфика традиционной культуры в региональном народном хозяйствовании» [11], «Сложение современных городских кварталов – махалла в Таджикистане (по материалам г. Ходжента.)» [10] ва амсоли онҳо таҳлил ва баррасӣ гаштаанд. Ин мақолаҳо дар замина маводҳои саҳроии чамъкардаи ӯ, яқоя бо маводҳои бойгониву оморӣ ва илмӣ рӯи ҷоп омаданд.

М. Файзуллоев бо мақсади тарғиб ва фаҳмонидани моҳияти Қонуни Ҷумҳурии «Дар бораи танзими анъана ва ҷашну маросим дар Ҷумҳурии Тоҷикистон» соли 2008 китоби «Праздничная и похоронно- поминальная обрядность у населения Худжанда»-ро ба таъб расонид. Баъди як сол ин китоб ба забони тоҷикӣ низ тарҷума гашт.

Ба қалами ӯ раҳнамоҳои таълимии «Асосҳои этнология» (Хучанд, 2002), «Музейшиносӣ» (Хучанд, 2003), «Этнология» (Хучанд, 2020) таалуқ доранд, ки аз китобҳои рӯи мизии донишҷӯён маҳсуб мешаванд.

Дотсент М.Файзуллоев ҳоло низ бо як қатор олимони шинохтаи хориҷӣ Сергей Абашин (Русия), Шаҳром Акбарзода (Австрия), Софи Рош ва В.Сгибнев (Олмон), Абдуллои Даштӣ ва Шарлотта Олбрайт (ИМА) ва дигарон ҳамкориҳои судманд ва ба сифати мушовир дар сафарҳои илмӣ онҳо ҳамкорӣ дошт ва бо онҳо то имрӯз робитаҳои илмӣ дорад.

Муҳиддинҷон Файзуллоев ба ҳаёти мардум, ҷамъият бо масъулияти баланд муносибат мекунад. Ӯ рушди мамлакатамонро нафақат дар иқтисодиёти тараққикарда, балки дар гиromидоштани маънавиёт, эҳёи мероси фарҳангӣ ва арзишҳои миллӣ мебинад. Аз ин лиҳоз, дар фаъолияти худ омӯзиши ёдгориҳои миллӣ, таҳқиқи анъана ва маросимҳо ва ҳифзи онҳоро мароми зиндагии худ шуморидааст.

Фаъолияти фарҳангсолории М. Файзуллоевро пеш аз ҳама дар бунёду таҷдиди осорхонаҳои вилоятаи Суғд мушоҳида намудан мумкин аст. Осорхона – муассисаи маданӣ-равшаннамоии ба оммаи халқ дастрас буда, бо ҷамъаварӣ, ҳифз, таҳқиқ, тарғиби бозёфтҳои моддиву маънавӣ доир ба инсон машғул мебошад. Осорхона барои қонунгардонидани эҳтиёҷоти маънавии мардум низ хидмат мекунад. Намудҳои асосии фаъолияти осорхонаҳо илмиву фондӣ ва илмиву маърифатӣ мебошанд. Натиҷаи фаъолияти осорхона ба дарёфти маълумоти нав, ки дар ҳуҷҷатҳои осорхонавӣ, экспозитсияҳо, нашриёти осорхона, маҷмӯаҳо ҳифз карда мешаванд, равона гаштаанд.

Устод М. Файзуллоев мутахассиси беҳамтои бунёди осорхонаҳо мебошад. Ӯ усули омода ва васл намудани экспозитсияҳо хеле хуб ба дараҷаи олӣ медонад. Дар масъалаи омода намудани тарҳи осорхона, ҷамъоварии маводҳои илмиву ёрирасон, ҷобачогузориҳои ҷузъҳои монументаливу орииши осорхона дар ҳавзаи вилояти Суғд

ӯ бехтарин мутахассис ба шумор меравад. Дар чараёни бунёди якҷанд осорхонаҳо, аз кабили Осорхонаи Донишгоҳи давлатии Хучанд ба номи академик Бобочон Гафуров, Осорхонаи таърихӣ вилояти Суғд, Осорхонаи мадрасаи Мирраҷаб дододоҳ дар шаҳри Конибодом, Осорхонаҳои Қасри Арбоб (Осорхонаи иҷтисоии XVI Шӯрои олии Тоҷикистон ва дастовардҳои солҳои истиқлолияти давлатӣ), осорхонаи мақомоти амнияти вилояти Суғд ва ғ. ғаёлона ширкат варзидааст [3].

М. Файзуллоев имрӯз низ бо Осорхонаҳои ҳудуди шаҳри Хучанд ҳамкориҳои судманд ба роҳ мондааст. Аслан ғаёлолияти меҳнатии ӯ баъди бозгашт ба Хучанд (баъди таҳсил дар ДДМ ва ва ғаёлолият дар шӯъбаи таърихӣ фарҳанги Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши АУ ҚШС Тоҷикистон, дар солҳои 1974-1977) дар Осорхонаи таърихӣ вилояти Суғд ба сифати ходими илмӣ, мудири шӯъбаи корҳои маърифатӣ-фарҳангӣ, мудири шӯъбаи таърихӣ тоинқилобӣ (1977-1982) идома ёфта буд. Махз дар осорхона М. Файзуллоев ҳамчун муҳаққики пуркор такомул ёфт. Пайваста оид ба нигораҳои ҳазинаи осорхона мақолаҳо дарҷ мекард, дар конференсияҳои илмӣ иштирок менамуд, корҳои густурдаи кишваршиносиро ба роҳ монда буд, дар ҷамъоварии маводҳои маданияти модӣ аз шаҳру ноҳияҳо ғаёлона иштирок мекард [2].

Бо ҳамроҳии шогирдон экскурсияҳо ташкил мекунад. Дар хондани лексияҳо, баргузор намудани конференсияву ҳамоишҳои илмӣ, ташкили кори клубҳои назди осорхонаҳо, баргузор намудани вохӯриҳо бо одамони начиб, ташкили намоишҳои таъриқунонидашуда, ҷашну маросимҳо ва ғ. ғаёлона ширкат меварзад. Бино ба қайди шодравон, собиқ директори осорхонаи таърихӣ вилояти Суғд А.Бузруков «М. Файзуллоев дар осорхона зуд-зуд семинарҳо ташкил намуда, тарзи корбарӣ, созмон додани экспозитсия, тарзи навиштани нақшаҳои мавзӯи-экспозитсионӣ, ҷамъоварии нигораҳо, тарзи ҳуҷҷатгузорӣ дар фондҳои якҷо бо кормандон мавриди баррасӣ меод» [4].

Устод Файзуллоев М. ҳамчун осорхонашиноси варзида ба масъалаи мақсаднок ва аз лиҳози илмӣ муаррифӣ намудани экспонатҳо эътибор медиҳад. Ба фикри ӯ ҳар як бозёфти таърихӣ бояд бо шарҳу тавзеҳи амиқ, ороиши техникӣ ва бадеӣ ба маърази тамошо гузошта шавад. Ҳангоми муаррифии маводҳо ӯ кӯшиш менамояд, ки образи осорхона дар асоси дарки ҳодисаҳои ҷамъиятиву табиӣ дар ниҳоди тамошобин ҳосил гардад.

Ҳамаи намудҳои экспозитсияҳои осорхонаҳо (асосӣ, илмӣ-ёрирасон ва захиравӣ) ба ақидаи М. Файзуллоев маводи экспозитсионӣ (намоишӣ)-ро ташкил медиҳанд ва ҳангоми ба намоиш гузоштани онҳо ҳатман консепсияи илмӣ осорхона рӯя мегардад. Ҳамаи ҷузъиёти экспозитсияҳо бояд мантиқан сохтори мавзӯии онро ташкил диҳанд. Дар ташкили осорхона ва ҳатто экспозитсияҳои алоҳида ҳамоҳангсозии ғаёлолияти олимон, рассомон, дизайнерон нақши муҳим мебозад, яъне таъмини синтези илм ва санъат талаботи асосии ҷобачогузориҳои экспонатҳо маҳсуб меёбад.

М. Файзуллоев бо касбияти баланд (профессионализм) дар лоиҳаҳои илмӣ таҷдиди ёдгории таърихӣ вилояти Суғд иштирок намудааст. Чунончӣ, ӯ соли 2015

дар Лоихаи Хази́наи хифзи меросии фарҳангии ИМА «Азнавбарқароркунии осорхонаи Мирраҷаб додхон»-и Конибодом ба сифати ҳаммуаллифи лоиха ва мушовир-этнограф фаъолият бурдааст.

Бояд таъкид намуд, ки М. Файзуллоев имрӯзҳо дар амалӣ намудани лоихаи «Бозсозӣ ва эҳёи Қалъаи Хучанд» ба сифати роҳбари гурӯҳи мушовирони илмӣ (бо ҳамроҳии профессорон Турсунов Н.О., Ҷуразода Ҷ.Х, Раҳимов Н.Т., дотсентон Исомитдинов Ҷ. ва Раҳимов И., омири кулли МД «Маҷмааи фарҳангию таърихӣ «Қалъаи Хучанд»-Иброҳимов И.С., директори Осорхонаи таърихӣ вилояти Суғд-Бойматов М.Т)» фаъолият мебарад. Ӯ пайваста талош меварзад, ки мавзеи таърихӣ аҳамияти ҷумҳуридошта – «Қалъаи Хучанд»-ро аз нав бо намуди аввалаш барқарор намояд. Бо мақсади омӯхтани услуби меъморӣ миллий ва андӯхтани таҷриба дар ҳайати гурӯҳи корӣ (олимон, меъморон, хунармандон, дизайнерҳо, рассомон) ба шаҳрҳои қадимаи Осиёи Миёна – Бухоро, Самарқанд, Хева сафарӣ кори анҷом додааст. Ӯ яке аз муаллифони концепсияи илмӣ оид ба ҳавлиҳои хунармандони маҳаллаи шаҳри Хучанд, ки дар қалъаи Хучанд бунёд мегардад, ба шумор меравад.

Ҳамин тавр, М. Файзуллоев дар ҳавзаи илмӣ Хучанд ба ҳайси муаррих - этнограф (мардумшинос), кишваршинос ва фарҳангшинос- ташкилотчӣ эътироф гашта, бо қобилияту истеъдоди фавқуллода дар байни ҳамкасбону шогирдон маҳбубияти хоса касб кардааст.

АДАБИЁТ

1. Авлод кишлаков верховьев реки Оксу: к истории социальной структуры (тезисы) // Республиканская научно-практическая конференция молодых ученых и специалистов. Душанбе, 1985. С. 29-30.
2. Атоева К. Мардумшинос ва эҳёгари анъанаҳо//Гирози ҷаҳон.-2011. 30 март. № 26 (1895).
3. Бойматов М.Т., Ёқубӣ А.А. Роҳнамо ва тарбиятгар// <http://www.qalaihujand.tj/index.php/tj/news/720-ro-namo-va-tarbiyatgar> (Санаи мурочиат: 26.05.2023)
4. Бузуруков А. Олим ва фарҳангсолор// Сухани халқ. 2011. 17 май. № 09 (183).
5. Мирбобоев А. Раҳимов Н., Бобоев Ю. Фарҳангшиноси дурандеш//Ҳақиқати Суғд. 2011.- 26 март. №37 (16781)
6. Софи Рош. Верный помощник. Жизнь и творчество Мухиддина Файзуллоева в свете советской этнографии. Гельденберг, FMSH-WP-2014-85. 2014. С.5
7. Файзуллаев М. Изменение традиционной культуры таджиков в социальной единице – махалла конца XIX – начала XX века. Тезисы. // Материалы международной научной конференции «Культура: прошлое, настоящее, будущее ЮНЕСКО - 50» Худжанд, 1997. С. 50-52.
8. Файзуллаев М. Особенности земледелия и скотоводства у таджиков живущих у верховьев р. Оксу в первой четверти XX века (статья) // Социально-экономические и политические проблемы истории народов СССР. М.: МГУ, 1986. С. 79-89.

9. Файзуллаев М. Слово об учителе // Востоковедческие исследования на постсоветском пространстве. Сборник научных статей, посвященный памяти профессора Сергея Петровича Полякова. М., 2014. С.57-59

10. Файзуллаев М. Сложение современных городских кварталов – махалла в Таджикистане (по материалам г. Ходжента). // Ислам и народная культура. М.: РАН, 1998. С. 84-88.

11. Файзуллаев М. Специфика традиционной культуры в региональном народном хозяйствовании // Актуальные философские вопросы естествознания и обществознания / Материалы вузовской научно-практической конференции. – Худжанд, 1991. – С. 80-84.

Махбуба Джураева
Худжанд

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ МОРОЗОВ – РУКОВОДИТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА СОГДИЙСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье рассматривается вклад Николая Михайловича Морозова в укрепление и развитие архивного дела в Согдийской области. Н. М. Морозов как профессиональный специалист, архивист высокого класса внес неоценимый вклад в ее становление и развитие архивного дела не только в Северном Таджикистане, но и во всей республике. Сборы, укомплектование, переработки, публикации уникальных архивных документов и подготовка архивистов из числа местных кадров является его большой заслугой.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ МОРОЗОВ - РОҶБАРИ БОЙГОНИИ ДАВЛАТИИ ВИЛОЯТИ СУҒД

Дар мақола саҳми Николай Михайлович Морозов дар таҳким ва рушди кори бойгонӣ дар вилояти Суғд баррасӣ карда мешавад. Н. М. Морозов ҳамчун мутахассиси касбӣ, бойгонии дараҷаи олии дар ташаккул ва рушди қорҳои бойгонӣ на танҳо дар Шимоли Тоҷикистон, балки дар тамоми ҷумҳурӣ саҳми бебаҳо гузоштааст. Ҷамъоварӣ, пурракунии, коркард, наشري ҳуҷҷатҳои беназири бойгонӣ ва тайер кардани бойгонҳо аз ҳисоби кадрҳои маҳаллӣ хидмати бузурги ӯ.

NIKOLAY MIKHAILOVICH MOROZOV – A HEAD OF THE STATE ARCHIVE OF SUGHD REGION

The article examines the contribution of Nikolai Mikhailovich Morozov to the strengthening and development of archival work in the Sughd region. N. M. Morozov, as a professional specialist, a high-class archivist, made an invaluable contribution to the formation and development of archival business not only in Northern Tajikistan, but also throughout the republic. Collecting, staffing, processing, publishing unique archival documents and training archivists from among local personnel is his great merit.

Государственный архив Согдийской области – один из старейших архивных заведений в Таджикистане. Начало его деятельности относится к весне 1925 года, когда для сохранности и использования накопившейся в значительном количестве документации Ходжентский уездный исполком своим специальным постановлением ввел с 9 апреля этого года должность архивариуса при исполкоме. В его задачи входила концентрация документов по истории Северного Таджикистана, обеспечение их сохранности и использования [5, 4].

По решению Большого президиума Ходжентского окрисполкома от 16 декабря 1928 г. на базе уездного архива в Ходженте организуется окружное архивное бюро со штатом два человека, которые осуществляли контроль за сохранностью материалов на всей территории Северного Таджикистана.

В виду ликвидации Ходжентского округа по решению Ходженского окрисполкома от 6 октября 1930 г. архивное бюро переименовывается в межрайонное с непосредственным подчинением ЦИК Таджикистана.

В 1938 г. с введением окружного административно-территориального деления Центральное архивное управление Таджикской ССР преобразует Ленинабадское межрайонное архивное бюро в окружное, а после создания Ленинабадской области (с 27 октября 1939 г.) организуется областной государственный архив [5, 5].

В настоящее время Согдийский областной государственный архив является одним из крупнейших в республике по количеству и ценности хранящихся в нем документов. В его хранилищах сконцентрировано более 2000 фондов с общим количеством 165187 дел, освещающих период истории почти всего Северного Таджикистана, начиная с 1917 года [1].

Особенно уникальны и часто используются историками материалы первых лет Советской власти: здесь собраны ценные документы- протоколы заседания Ходжентского Совета солдатских и рабочих депутатов за 1917-1918 гг., протоколы уездных съездов Советов, подлинные приказы, донесения, переписка таких видных и активных участников борьбы за установление и упрочение Советской власти, как Е.А.Иваницкий, Дж.Закиров, Х.Усманов, А.Рахимбаев и др.

Большой исторический интерес представляет отложившиеся в фондах исполкома, его отделов документы, характеризующие борьбу трудящихся Северного Таджикистана с басмачеством; в них содержатся сведения о создании красногвардейских и партизанских отрядов в Ходжентском уезде, их борьбе с басмачами; о мобилизации партийных и советских работников на фронтах гражданской войны.

Заслуживает внимания источники, освещающие борьбу местных советских органов с жестоким голодом, охватившим Ходжентский уезд в 1918 г. Ценны материалы о первых мероприятиях в области сельского хозяйства: возникновение земельно-водных комитетов, их деятельность по национализации земли, создание первых сельскохозяйственных коммун и артелей, организации комбедов.

Большой исторический интерес представляет документы, рассказывающие о трудовых и ратных подвигах трудящихся – ленинабадцев в годы Великой Отечественной войны.

Создание первых советских школ, открытие театра, борьба советских органов с эпидемиями, детской беспризорностью и другие мероприятия в области культуры нашли свое отражение в фондах исполкома и отдела здравоохранения.

Глобальное использование информационных технологий привело к тому, что делопроизводство и документооборот переходит в электронный вид. Архивист XXI века знает не только историю и смежные дисциплины, геральдику, эпиграфику, историю государственных учреждений, литературы и искусства, полиграфию, но и хорошо знаком с электронно-вычислительной техникой и исторической информатикой.

Архивисты делают обработку материалов, создают научно-справочный банк (база) документов, осуществляют учет документов и контроль их использования, занимаются издательской деятельностью, а также, по запросу, поиском материалов по тем или иным историческим событиям[6].

В профессиональные обязанности специалиста архивного дела входят: организация хранения и обеспечение сохранности документов, поступивших в фонд архива; прием и регистрация новых документов; отбор, упорядочение, комплектование архивных документов; систематизация и формирование дел; подготовка сводной описи единиц постоянного и временного сроков хранения; участие в работе по экспертизе научной и практической ценности архивных документов.

В укреплении и развитии Государственного архива Согдийской области большую и значимую роль сыграл один из опытных, старейших архивистов республики Николай Михайлович Морозов. Он являлся профессиональным архивистом и внес большой вклад в становлении и развитие архивного дела. Н.М. Морозов родился в 1935 году в семье служащего в Рязанской области Российской Федерации [2].

В 1944 г. по 1954 г. учился в Кадомской средней школе: после ее окончания поступил в Московский государственный историко- архивный институт.

В 1959 году успешно закончив институт поехал трудиться в Среднюю Азию. В начале работал старшим научным сотрудником Архивного отделения УВД Ленинабадской области, а с апреля 1960 г. до последних дней своей жизни директором Государственного архива Ленинабадской (ныне Согдийской) области. Н.Морозов вел большую пропагандистскую общественную деятельность, занимался научными исследованиями.

С 1965 года как член общества «Знание» выступал с лекциями в основном по международной тематике. Им было прочитано в 60-70-е годы в коллективах всех городов районов Ленинабадской (Согдийской) области более 2000 лекций.

Так же он проводил занятия по вопросу международной жизни в народном университете марксизма-ленинизма при Ленинабадском обкоме и горкоме, а в 70-х годах и на факультете общественных профессий Ленинабадского госпединститута имени С.М.Кирова [2].

С 1963 года Н.М.Морозов активно участвовал в средствах массовой информации, статьи, сообщения, заметки и подготовленные им отдельные документы регулярно появлялись на страницах областных и республиканских газет и журналов. Им опубликовано более 250 статей, введено в научный оборот десятки и сотни неиспользованных ранее уникальных документов. Н. М. Морозов работал над научной темой «Проведение политики военного коммунизма и ведение НЭПа 1918-1922 гг.». Об этом свидетельствуют документы, хранящиеся в его личном фонде №891, опись 1, в деле постоянного хранения за 1952-1992 гг. [2]. Он переписывался с научными учреждениями и специалистами. Его научные статьи и публикации документов в периодической печати свидетельствуют о том, что он кропотливо работал над своей научной темой.

Н.Морозов в соавторстве с профессором Г.Х.Хайдаровым на основе архивных документов написали брошюру «Первые шаги Ходжентского совета» в 1968 году.

Принимал участие в подготовке республиканских сборников по истории культурного строительства, сельского хозяйства и индустриального развития Таджикистана. Н.М.Морозов является одним из составителей и авторов изданных в последние годы его жизни «Справочника по административно - территориальному разделению Ленинабадской области 1939-1989 гг.», «Путеводитель» по архиву, Сборника документов «Съезды советов Ходжентского округа 1927-1930 гг.», научно- информационного вестника архивных учреждений Ленинабадской области «Мерос»[2].

Документальные материалы, собранные в личном фонде Н.М.Морозова, представляют большой интерес не только как одного из старейшего архивиста, «Заслуженного работника культуры республики», но и как активного пропагандиста архивного дела, документальных памятников истории и культуры, как одного из ведущих лекторов области.

В его фонде под номером 891 собраны материалы, отражающие развитие архивного дела в области, начиная с 1959 года.

В его опись включено 125 дел, которые в них хранятся 421 документов. Документы в описи расположены по следующей схеме:

1. Документы научной и творческой деятельности.
2. Рукописные выписки из документов Госархивов Таджикистана, Узбекистана и Центральных архивов СССР.
3. Документы служебной и общественной деятельности.
4. Биографические документы.
5. Изобразительные документы.
6. Документы, собранные фондобразователем [1].

В первом разделе помещены как опубликованные газетные и журнальные статьи, так и неопубликованные материалы - выступления на совещаниях, семинарах, коллегиях Главного архивного управления при Совете Министров Республики Таджикистан.

Во втором разделе хранятся выписки из документов сделанные Н.М.Морозовым в архивах Таджикистана, Узбекистана и Центральных архивов СССР.

Большим по объему является раздел «Документы собранные фондообразователем». Дело в том, что долгие годы Н.М.Морозов собирал и хранил документальные источники по различным архивам.

В Госархиве Согдийской области хранятся личные фонды участников войн, ветеранов труда, деятелей науки и культуры таких как Г.Хайдарова, А.Турсунова, Б.Комарова, А.Атаева, М.Гладышева, Ф.Баженова, О.Рахматбаевой, П.Мальшева, М.Авезовой, Ш.Ахмедова.

Доктор исторических наук, профессор Г.Хайдаров в своей книге «Былое и думы» (из воспоминаний) отмечает заслугу Н.Морозова в составлении и укомплектовании его личного фонда. Он отмечает: «Считаю своим долгом выразить признательность коллективу сотрудников архива и лично их руководителю, славному ветерану архивного дела в Таджикистане- Николаю Михайловичу Морозову за внимание моей личности» [8].

Таким образом, можно с уверенностью отметить, что Н.М.Морозов как профессиональный специалист, архивист высокого класса внес неоценимый вклад в деле становления и развитии архивного дела не только в Северном Таджикистане, но и по всей республики сборы, укомплектовании, переработки, публикации уникальных архивных документов и подготовки архивистов из числа местных кадров, передавая свои большие знания и опыт.

Литература

1. Государственный архив Ленинабадской области. Путеводитель-Ленинабад.- 1991.-198
2. Государственный архив Согдийской области. Фонд 891, опись 1, дело 1-125.
3. Муҳиддинов С., Каримов М.Бойгоншиносӣ.-Душанбе/ 2009.-52с.
4. Нозимӣ М.Бойгонӣ дар бинои нав//Ҷумҳурият.-2007.-8 сент.
5. Нормативные акты государства и Правительства Республики Таджикистан по архивному делу. (Сборник документов).-Душанбе, 2005.
6. Сборник материалов по истории и организации архивного дела в СССР.-М., 1940.Вып. V.-С.72-79
7. Хайдаров Г.Х.Былое и думы.(Из воспоминаний).-Худжанд:Нури маърифат, 2004., 465 с.
8. Хайдаров Ғ.Хазинаи ҷавохирот//Тирози ҷаҳон.-2007.-22 сент.

Бакыт Кумарова
Усть-Каменогорск

ТАДЖИКСКИЙ СЛЕД В КУЛЬТУРЕ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА)

В статье приведена краткая история музея-заповедника, а также экспонатов из Республики Таджикистан. Автор представил, как ведется работа с этнокультурными центрами, сведения о численном составе таджиков в Восточном Казахстане и о создании в Ассамблее народов Восточного Казахстана таджикского этнокультурного объединения.

ИЗИ ТОЧИКИСТОН ДАР ФАРҲАНГИ ҚАЗОҚИСТОНИ ШАРҚӢ (АЗ ТАҶРИБАИ КОРИИ ОСОРХОНА-ЗАПОВЕДНИК)

Дар мақола таърихи мухтасари осорхона-заповедник, инчунин экспонатҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон оварда шудааст. Муаллиф тарзи кор бо марказҳои этнофарҳангӣ, маълумот дар бораи ҳаёти шумораи тоҷикон дар Қазоқистони Шарқӣ ва таъсиси иттиҳодияи этнофарҳангии тоҷикӣ дар Ассамблеяи Халқи Қазоқистони Шарқӣ пешниҳод кардааст.

TAJIK TRACE IN THE CULTURE OF THE EAST KAZAKHSTAN REGION (FROM THE EXPERIENCE OF THE MUSEUM-RESERVE)

The article provides a brief history of the museum-reserve, as well as exhibits from the Republic of Tajikistan. The author presented collaboration with ethnocultural centers, information about the number of the Tajiks in East Kazakhstan and the creation of the Tajik ethnocultural association in the Assembly of the People of EastKazakhstan.

**Административный корпус музея-заповедника. 2023г
Корпус №1, где располагается выставка «Мы-народ Казахстана»**

Девизом национальной государственной политики Казахстана стало «культурное единство», что означает, с одной стороны, сохранение этнической самобытности, самосознания, языка, с другой – взаимопонимание, взаимообогащение и взаимовлияние всех этнических групп с целью формирования

казахстанской нации[4, 185]. «Мы должны быть единой и сплоченной нацией, — нацией, которая будет интегрирована общими ценностями, с гармоничной языковой средой, нацией, которая устремлена в будущее, а не прошлое» [1, 465].

Восточно-Казахстанский областной архитектурно-этнографический природно-ландшафтный музей-заповедник - единственный в Республике Казахстан музей с таким профилем работы. В своих фондах он хранит уникальные экспонаты, рассказывающие об истории и этнографии не только казахов и русских, но и других народов проживающих в крае.

В 2023 году Восточно-Казахстанскому областному архитектурно-этнографическому и природно-ландшафтному музею-заповеднику исполняется 55 лет. Музейный фонд обладает редкими собраниями, представляющими этнографическое и историко-культурное наследие народов не только Казахстана, но и других стран. Всего в фондах материалы по 40 народам. Они экспонируются на стационарной выставке «Мы - народ Казахстана» по улице Касыма Кайсенова г. Усть-Каменогорск. Предметы этнографии народов располагается в трёх залах и распределены так: первый зал - народы Кавказа и Средней Азии, второй зал - Поволжские народы и славяне, третий зал- культура Кореи, Китая и Монголии. В зале народов Кавказа и Средней Азии представлены: уйгуры, чеченцы, азербайджанцы, туркмены, таджики и узбеки; во-втором: белорусы, марийцы, чувашаи, татары, мордва, евреи, немцы, украинцы и поляки.

На сегодняшний день фонд музея составляет более **72785** предметов, из них основного фонда **47273** и научно-вспомогательного **25512**. Это коллекция мягкого фонда - ткани; коллекция дерева и металла, коллекция фарфора и стекла, коллекция икон, редкой книги и рукописи. Эти коллекции подразделяются на 22 подколлекции.

Основателем музея является заслуженный работник культуры Республики Казахстан Зайцев Николай Алексеевич. За большие заслуги он награжден правительственными наградами: орденами «Құрмет»(2007г.) и «Парасат»(2012г.). Музей был открыт в 1968 году при восьмилетней школе села Бутаково Лениногорского горисполкома. Из интервью Н.А. Зайцева: *«Моиm первым консультантом тогда была школьная техничка Матрёна Львовна Яковлева. Чудесная, добрейшая женщина, она помогла мне классифицировать экспонаты: какие относятся к охоте, какие к рыболовству, какие к деревообработке»*[3].

Уникальность становления музея в том, что из многих сотен тысяч школьных музеев, он прошёл все стадии развития – был народным, филиалом Лениногорского музея и ныне – один из ведущих музеев Казахстана в статусе областного музея-заповедника. Школьный музей имел свою стенную газету «Юный краевед», позже она была переименована в «Окно, открытое в мир». В газете отражалась жизнь музея, а также помещались интересные сообщения по истории, связанные с собранными предметами.

В 1983 г. музей переезжает в г. Усть-Каменогорск. В 1985 году открылась первая стационарная экспозиция музея в первом корпусе на улице Урицкого, 67 (ныне Касыма Кайсенова), а уже на следующий год был открыт второй выставочный

зал по ул. М.Горького, 59, где располагалась экспозиция по истории и культуре казахов. В 1987 году в стенах областного этнографического музея проходили декады культур союзных республик, посвященных 70-летию Октября. В рамках декад проводились выставки, лекции, демонстрация фильмов и слайд - фильмов, продажа национальных сувениров, выступления фольклорных коллективов, встречи представителей союзных республик с трудовыми коллективами, учебными заведениями, воинскими частями. В итоге в областном центре в течение года экспонировались выставки всех 15 союзных республик. За короткий срок работы областной этнографический музей был награжден в 1989 году переходящим Красным Знаменем и первой денежной премией Министерства культуры СССР и ЦК профсоюза работников культуры за высокие показатели во Всесоюзном социалистическом соревновании.

В начале 1990-х годов наступили для музея трудные времена, как и для многих организаций. Музей был переведён на хозрасчет. Сократили штатных сотрудников, часто отправляли их в отпуска без содержания. Не было денег на приобретение экспонатов, прекратились научные экспедиции и командировки по сбору экспонатов. Таким образом, фонды музея пополнялись только за счет бесплатных поступлений. Несмотря на трудности фонды музея пополнялись за рубежом.

Как это происходило? Музей поменял форму работы. Через письменную переписку с Посольствами и Министерствами культуры бывших союзных республик, а также странами дальнего зарубежья организовывались выставки. В итоге состоялись потрясающие международные выставки из Китая, Индии, Швейцарии, Ирана. В ходе совместной организации выставок, представители некоторых государств, например, Китая, Индии и Ирана передали изделия современного декоративно-прикладного искусства в дар в музей.

Кроме грандиозных выставок, фонд музея пополнился предметами этнографии различных народов. В результате к концу 1999 г. музей стал работать в разных условиях. Одни дали категоричный отказ, другие, например Белоруссия, приглашали приехать за свой счет за экспонатами. Но, были и положительные ответы. Бандерольи с книгами по истории и этнографии были получены из Удмуртии, Ингушетии, Чувашии, Эстонии. Из Государственного музея Республики Марий Эль был получен комплект женского костюма луговых марийцев конца XIX века, сшитый из домотканого льна.

Раздел «Таджики» Выставка «Мы-народ Казахстана».2023г.

Дважды музей-заповедник получал дарственные предметы из Республики Азербайджан. Первый раз, в 1999 году Министр культуры Республики Азербайджан Полад Бюльбюль оглы отправил самую богатую коллекцию предметов по материальной и духовной культуре азербайджанского народа. В посылке были образцы мужского и женского национальных костюмов и музыкальные инструменты: тар, гавал и кяманча, аудиокассета с записями песен самого Полада Бюльбюль оглы, очень много литературы по истории и этнографии азербайджанского народа. Второй раз, в мае 2006 года главный консультант сектора музейной работы Министерства культуры и туризма Республики Азербайджан Исмаилов Али Гамидоглы доставил большую коллекцию из 94 предметов: костюм девочки, мужской головной убор, наборы медной и керамической посуды, оружие, женские ювелирные украшения, множество литературы, буклетов и альбомов.

Из Республики Таджикистан выслали большой настенный ковер «Сюзане» (КП-23-22576), с растительным орнаментом, женское платье (КП-23-22575) 1950-х годов и две мужские тюбетейки (КП-23-22573; КП-23-22574) 1960-х годов. Вышивка на них выполнена в ручной технике. Позже сотрудники в целях пополнения коллекций предметов по народам выезжали в город Алматы на «Восточную ярмарку - продажу» предметов декоративно-прикладного искусства народов Средней Азии и Казахстана. С этой ярмарки фондыполнились таджикскими женскими головными уборами, накидкой для сундука и детским чапаном для мальчика.

Музей-заповедник очень часто экспонируют фондовые предметы на передвижных стационарных выставках, а также осуществляет обменные выставки. Так, костюмы народов из фондов музея-заповедника экспонировались в городах Риддер и Зыряновск и Семей. В 2006 году фондовые материалы костюмов народов Восточного Казахстана были представлены на выставке «Под единым шаныраком» в Музее Первого Президента Республики Казахстан в городе Астана. Среди них были и предметы из Таджикистана. Выставка демонстрировалась астанчанам и гостям столицы в течение двух месяцев. Кроме костюмов была представлена материальная и духовная культура этих народов. На торжественном открытии присутствовали представители городской администрации, члены Ассамблеи народов Казахстана, а также представители религиозных объединений.

В 2008 году была организована выставка в 5-ом корпусе ВКГУ имени С. Аманжолова в г. Усть-Каменогорске. Выставка была организована для участников международной научно-практической конференций «Межнациональное и межконфессиональное согласие основа стабильности в Казахстане»

Фрагмент раздела «Таджики». Выставка «Мы-народ Казахстана». 2001г.

Надо сказать о том, что музей-заповедник очень тесно работает с Ассамблеей народа Восточного Казахстана. Поэтому во время ее сессий мы показываем тоже костюмы и материальную и духовную культуру народов нашего края.

Таджикские предметы очень яркие, поэтому когда мы их экспонируем, посетители всегда хотят сфотографироваться на фоне настенного ковра.

Люди с большим интересом рассматривают ручную вышивку таджикских женщин, поражаются их мастерству исполнения таких великолепных изделий ручной работы.

Фрагмент передвижной выставки для участников международной научно-практической конференции «Межнациональное и межконфессиональное согласие-основа стабильности в Казахстане» 2008г.

Ассамблея народа Казахстана развивает свою деятельность, претворяя в жизнь и демонстрируя принцип «единство в многообразии». Каждое из этнокультурных объединений вносит свою лепту в поддержание межэтнического согласия в Казахстане [2, 178]. Ассамблея народа Восточно-Казахстанской области была открыта в 1992 году. Ее предшественником был Совет аксакалов, который изначально объединил деятельность девяти национально-культурных центров. В настоящее время под флагом ассамблеи Восточного Казахстана действует 81 этнокультурное объединение, а 23 из них - в областном Доме Дружбы в г. Усть-Каменогорске.

По данным Департамента областного статистического управления на начало 2022 года в Восточно-Казахстанской области проживают 73 2966 человек, из них 335 человек таджики (240 мужчин, 95 женщин). Большинство таджиков проживают в городах (258 чел.), а в сельской местности – 77 человек.

С конца прошлого года при Доме Дружбы начало свою деятельность таджикское этнокультурное объединение, председателем которого является Гадаев Алавидин Рахматович. Мы надеемся что совместно с таджикском этнокультурным объединением мы достигнем нашей общей цели – широкой популяризации уникальной истории и культуры таджикского народа, которая станет ближе и доступнее всем казахстанцам. Конечно мы и в будущем будем искать и пополнять фонды материалами по духовной и материальной культуре таджиков. Возможно, даже через наших коллег из Таджикистана.

На сегодняшний день музей-заповедник располагает тремя зданиями, являющимися памятниками истории и архитектуры конца XIX – начала XX веков. Музей-заповедник имеет четыре парка: музеефицированный этнографический парк им. К.Кайсенова, парк культуры и отдыха им. Ж.Жабаева, парк «Самал», имеющий спортивное направление, историко-археологический комплекс «Акбауыр» и

Левобережный этнографический комплекс. С 2019 года таким огромным музейным комплексом руководит молодой энергичный человек Тен Арсен Владимирович.

Основной целью государственной программы «Культурное наследие» является формирование активных граждан нашего общества на основе казахстанского патриотизма и любви к историческому прошлому, воспитание гармонично развитых, культурно высокообразованных людей. В этом важную роль играют музеи. Восточно-Казахстанский областной архитектурно-этнографический природно-ландшафтный музей-заповедник будет активно продолжать работать совместно с таджикским этнокультурным объединением в деле популяризации культуры таджикского народа среди широких масс казахстанцев.

Литература

1. Выступление Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева на XII сессии Ассамблеи народов Казахстана.// Назарбаев Н.А. Слово народу./Сборник выступлений и интервью.- Астана. 2007г. – 592с.

2. Инициативы, направленные в мир./ Под ред. М.Х. Абусеитовой . - Алматы: «Казак энциклопедиясы», 2011. — 400 с. (с илл.).

3.Кратенко А.И. Связь времён.// Газета «Рудный Алтай» №104 (14899) от 29.05.1987г.

4.Югай И.С. Актуальные проблемы изучения национально-культурного развития этносов: региональный аспект.// Евразийство - консолидирующая основа научного и культурного общения между народами. - Самара. 2006г.

Рустам Мукимов, Салия Мамаджанова, Саёра Мукимова
Душанбе

ФОРМИРОВАНИЕ ЖИЛИЩА ТАДЖИКИСТАНА В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

В статье рассматривается формирование жилища на территории Таджикистана с эпохи позднего неолита до позднего средневековья. Привлекаются материалы раскопок на территории Востока

ТАШКИЛЁБИИ ХОНАҶОИ ЗИСТИ ТОҶИКИСТОН ДАР ДАВРОНИ ҚАДИМ ВА АСРИМИЁНА

Дар мақола давр бораи пайдошавии хонаҳои зист аз даври неолит то астраҳои XIX-и бтӣдои XX нақул шудааст. Мавадҳои ҳафриёти бостоншиносии Шарқ ыалб қарда шудааст.

THE FORMATION OF TAJIKISTAN'S DWELLING IN ANTIQUITY AND THE MIDDLE AGES

In this article the formation of a dwelling on the territory of Tajikistan from the Late Neolithic era to the Late Middle Ages is considered. Materials of excavations on the territory of the East are involved.

Жилище в жизни человека занимает особое место. В жилище мы узнаем образ жизни определенного народа, его обычаи, религиозные верования, символы, особые пристрастия и другое, т.е. здесь можно говорить о целой системе социально-философской мысли которая передавалась устно из поколения в поколение, запечатлеваясь в материальной, духовной и эстетически осмысленной среде обитания. Дом, возводимый по замыслу и руками народных мастеров, а очень часто будущим их жильцами, как живой и гибкий организм постоянно видоизменялся сообразно с жизнью семьи - пристраивались одни помещения, разрушались другие, все части жилища по мере сил и средств совершенствовались дополнительными устройствами и украшениями. Веками накапливался в народном строительстве опыт - как предохранить жилище от нежелательных климатических воздействий, сделать его удобным и уютным. Жилище несет ясный отпечаток социальных условий, этнической принадлежности его обитателей, их бытового уклада и эстетических взглядов.

Формирование жилища в жизни человека занимает длительный промежуток, в течении которого происходила его эволюция от простого шалаша до сложных жилых структур, максимально приспособленных к среде обитания человека. В процессе освоения своей среды обитания человек с самого начала вынужден был решать строительные проблемы, выдвигаемые местными климатическими и естественно - географическими условиями.

человека, Франция.

Рис. 1. Пещера-жилище первобытного

Рис. 2. Раскопки Иерихона .Палестина.

Как справедливо заметил Г.Плеханов, «...человек сначала смотрит на предмет и явление с точки зрения утилитарной и только впоследствии становится в своем отношении к ним на эстетическую точку зрения»[1, 73]. Это значит, что человек с самого начала цивилизации в первую очередь обращал внимание на защитную функцию жилища, которая должна была служить убежищем от воздействия окружающей среды и неприятеля. В районах с экстенсивными (суровыми) условиями окружающей среды (к ним мы относим, например, Центральную Азию с жарким

климатом, горным рельефом, частыми землетрясениями и др.) защитная функция жилища с глубокой древности определила характер ограждающих конструкций и некоторые его специфические детали. Например, в самом древнем поселении на Ближнем Востоке Калат Джармо (Иракский Курдистан), датируемый VII тысячелетием до н.э., дома построены из глины, а крыши делали из тростника, обмазанного толстым слоем глины (рис. 4). Отсутствие световых и дверных проемов (в жилища входили через отверстия в крыше), массивные стены и другое придавали домам крепостной характер и вместе с тем хорошо предохраняли внутреннее пространство от жарких лучей солнца[2, 45-49].

Рис. 3. Поселение Джармо в Иракском Курдистане.

Рис. 4. Саразм. Культурное помещение («дом в обводе коридоров») с дисковидным алтарем.

В древнеземледельческом поселении IV-III тыс. до н. э. Саразме близ Пенджикента мы видим также толстые сырцовые стены жилищ, перекрытые мощной плоской земляной кровлей на деревянных балках (рис. 5). В этом поселении саразмийцы жили большими общинами, что позволяло использовать при строительстве домов коллективный труд[3, 21-24]. Говорить здесь об эстетическом осмыслении архитектуры жилища не приходится, ибо суровая замкнутая архитектура была порождена суровыми же условиями жизни и весьма примитивным общественным укладом. И это при всем том, что жилые помещения старались благоустроить и даже в чем-то облагородить (например, стены и пол жилищ в поселении Калат Джармо были покрыты прекрасной обмазкой, а на Саразме нами замечена гармонизация планов дворцово-храмового сооружения и элитных слоёв жилищ методом «золотого сечения», а археологи обнаружили настенные росписи (рис. 6, 7, 8).

Защитный характер ограждающих конструкций, организация внутреннего пространства вокруг источника тепла - очага, общинный образ жизни сохраняются и в последующие эпохи - во времена образования античных государств и в период раннего феодализма. Такая большая устойчивость строительных традиций и образа жизни центрально-азиатских народов свидетельствует не только о неизменности реакции людей на воздействие окружающей среды, но и о устойчивости

социального устройства жизни общин - джамоа. Сказанное выше можно продемонстрировать примером «дома в обводе коридоров» в протогородском поселении Саразм (см. рис. 5, 6).

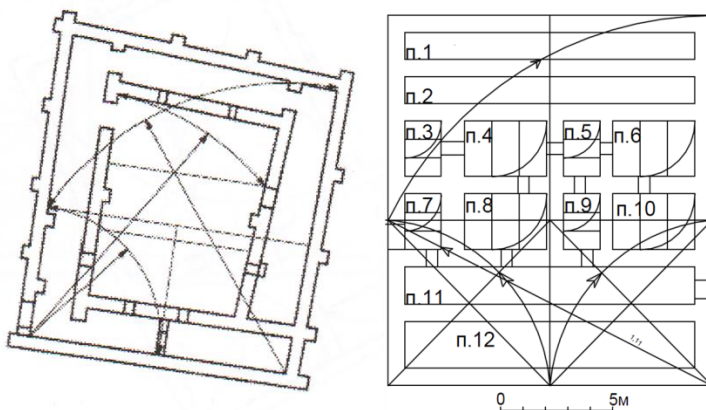

Рис. 5. Пенджикентский район. Раннегородское поселение Саразм. Геометрическая гармонизация общего плана и отдельных помещений.

Рис. 6. Саразм. «Дом в обводе коридоров». Геометрический анализ С.Мамаджановой с применением «золотого сечения».

Конечно, классовое расслоение общества, развитие рабовладельческого, а впоследствии и феодального общества привело к частичному распаду общин. Но в целом, как считают многие ученые, особенностью развития рабовладельческой формации в Центральной Азии было сосуществование рабовладельческих отношений с отношениями первобытно-общинного типа[4, 188].

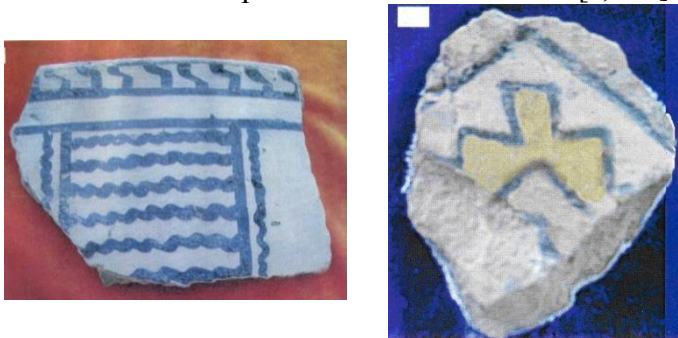

Рис.7. Саразм. Фрагменты изобразительного искусства.

Примером античного жилища общинного характера представляет городище Саксанохур кушанского периода или жилища I-II вв. н.э. в Хатын-Рабате и Дальверзинтепа на юге Узбекистана[5, рис.8,10а,б] (рис. 9, 10). Здесь также дома отличаются массивностью пахсовых стен, плоской балочной кровлей, отсутствием оконных проемов, наличием каминов и т.п.

Композиционным центром архитектурного комплекса в городище Саксанохур (к северу от Пархара на юге Таджикистана) был квадратный в плане двор размером

27,5x27,5 м, к югу от которого располагалось довольно большое помещение с двумя колоннами, отделенное коридором от выходящего во двор с юга небольшого открытого зала (рис. 11). По планировке центральная часть Саксанохурской постройки восходит к первоначальному сооружению Греко-бактрийского периода, чьи каменные архитектурные детали найдены здесь в обломках.

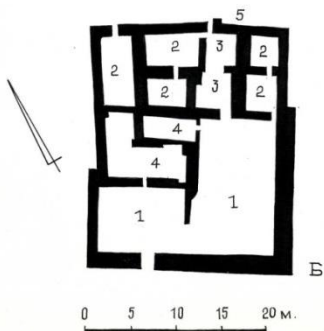

Рис.8. Жилой дом в Дальверзинтена.

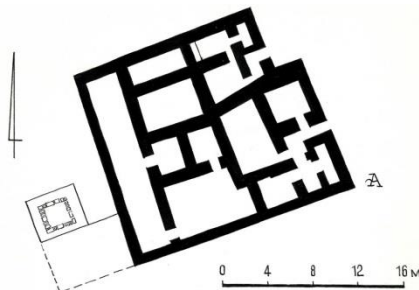

Рис. 9. Жилой дом в Хатын-Рабате (Сурхандарьинская область Узбекистана).

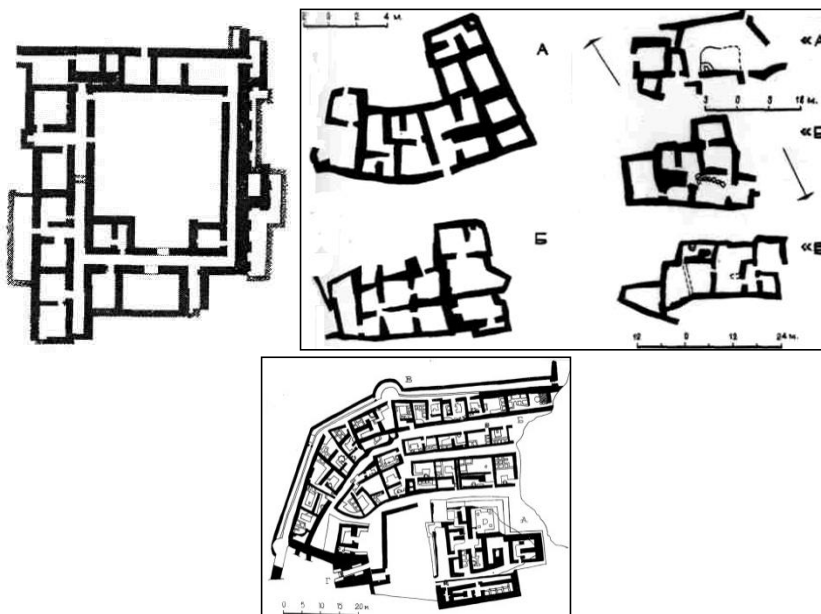

Рис. 10. Южный Таджикистан. Дворцово-храмовый комплекс Саксанохур в Пархаре эпохи Кушан.

Рис. 11. Шахристанский район. Уструшана. Отдельные комплексы Поселения Хон Яйлов, X-XII вв. (по Н.Негматову).

Рис. 12. Айнинский район. Поселение Гардани Хисор, VI-VIII вв.

Дом в Хатын-Рабате принадлежал владельцу мастерской по обработке каменных архитектурных деталей - плит, баз, коринфизированных капителей и др. Небольшой участок был обнесен глинобитной стеной - дувалом. В доме прямоугольной в плане (21x18м) выделяется центральное помещение, стены которого были оштукатурены и сверху покрыты росписью в бело-красно-черной гамме (см. рис. 10).

Археологический материал Дальверзинтепа (городище на побережье Сурхандарьи недалеко от Денау, районного центра Узбекистана) позволяет выяснить многие вопросы благоустройства, отопления, водоснабжения и др. В частности, в качестве отопления жилых помещений дома служили каминь, переносные сандалы, наполненные горячими углями. Коммунальное благоустройство города состояло из внутриквартальных водоемов (см. рис. 9).

Жилые кварталы формировались по социальному признаку: центральный район застроен домами богатой, городской верхушки, дома средних горожан в основном располагались на окраинных участках, дома ремесленных - близ производственных мастерских.

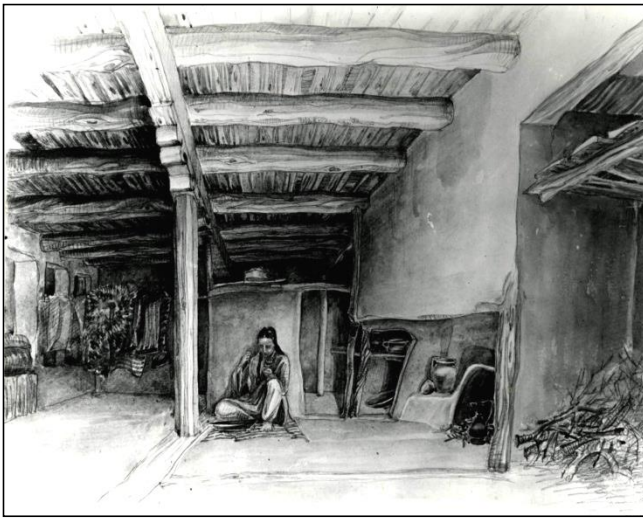

Рис. 14. Верхний Зеравшан. Рисунок интерьера жилища Восточного Фальгара. Рис. В.Л.Ворониной.

Раннесредневековое жилище Пенджикента, Бунджиката, Кафыркалы и других городов также отвечают условиям защиты человека от непогоды, а также неприятеля [6, рис.69,70,73,74,76,84]. В этих жилищах люди продолжали жить общинами, хотя уже есть примеры домов для отдельных малых семей, как это наблюдается в поселении Хон-Яйлов в Шахристанском районе, где Н.Н.Негматов отмечает два типа жилища: сплошной массив общинного характера заселения и отдельные многокомнатные здания с

дворами[7, 102] (рис. 12).

Поселение же представляет собой компактное неукрепленное селение из густой, сплошной застройки рядовых крестьян. Поселение (500x140м) включает остатки комплекса слитных хозяйственно - жилых каменных построек, разделенных узкими улочками. Здесь вскрыто около 100 помещений, возведенных предположительно в X - XII вв. Застройка селения по всей видимости, была одноэтажная с плоской кровлей домов без общих оборонительных стен (см. рис. 12).

Яркий пример приспособленности жилища к сложным условиям рельефа, почвы и суровым климатическим параметрам Зеравшанских гор представляет укрепленное горное поселение Гардани Хисор в верховьях Зеравшана [8, 98-111].

С первого взгляда на поселение видна градостроительная грамотность планировочной структуры всего жилого образования, даже с точки зрения современной архитектуры. Это, во-первых, правильный выбор территории в условиях сложного рельефа местности, т.е. под жилища использованы естественные террасовидные площадки с солнечной стороны. Во-вторых, компактно размещены составные части поселения на площадках горы - самая верхняя часть занята

парадным комплексом, архитектура которого является наиболее монументальной и доминирующей, селитебная часть занимает нижние две террасы и охватывает ломанным полукругом замковую часть, образуя при этом узкие проходы улиц между террасами жилищ (рис. 13).

Примечательно еще и то, что жилые террасы komponуются застройками так, что образуется непрерывная лента «секций» с различным количеством жилых и хозяйственных помещений. Жилые «секции» Гардани Хисор имеют от одного до семи комнат. Всего же на поселение изучены 22 дома, где люди жили небольшими семьями, а скот держали за поселением, ближе к воде. Жилища в основном в плане прямоугольные, приближенные к квадрату.

Наиболее распространенная двухкамерная секция состоит из входного помещения с отсеками для хранения продуктов, пристроенными к стенке, противоположной входу с улицы. Следующее помещение выполняло, очевидно, роль жилой части, поскольку здесь устроены суфы вдоль стен, образующих Г-образную глиняную платформу напротив входа. К стене, примыкающей наружной стороной к холму, пристроен очаг для выпечки лепешек, а также другой вид очага, напоминающий камин современных жилищ в Верхнем Зеравшане (рис. 14).

В целом, раннесредневековые сельские жилища на территории Таджикистана имели замкнутый и суровый характер фасадов, подчеркнутых контрастом света и тени на разноплановых криволинейных плоскостях помещений с небольшими входными проемами. Суровая непритязательность внешней архитектуры жилых построек в общем соответствовала характеру их интерьеров - форма жилищ были неправильными по конфигурации, углы закруглены. Закопченные балки перекрытий, неоштукатуренные в большинстве стены помещений, хотя и придавали жилищам живописный колорит, имели некомфортабельный вид. Однако, функционально, архитектура жилищ отвечала требованиям бытового уклада семьи с учетом природно-климатических особенностей местности, требования к применению доступных местных строительных материалов и строительных конструкций (рис. 15).

В последующие века защитная функция жилища в целом не претерпевает изменения, может она только более гибче отвечает природно-климатическим и социальным условиям местности. В частности, в позднем средневековье сформировался особый, отличный от раннесредневекового жилища, каркасный вариант дома, где гибкая конструкция стоечно-балочной системы наиболее

приспособилась к сейсмическим и грунтовым условиям Центральной Азии, особенно в долинных районах (Ферганская, Зеравшанская, Хисорская и другие долины Центральной Азии)[9].

Произведения народного зодчества в массе по своей сущности, идейной, конструктивной и формальной, противопоставляют себя памятникам официальной архитектуры: массивной толще стен и пилонов противопоставляются легкие каркасные конструкции и деревянная колонна, сводам и куполам - плоские кровли, монументальности - интимность и живописность. Первые утверждают идеологию феодальной знати, вторые выражают мироощущения широких слоев населения. Официальная и народная архитектура воспринимаются как противоположные полюсы рационального зодчества, они несут в себе различное содержание, используют различные выразительные средства.

Таким образом, завершая настоящую статью, мы утверждаем, что жилище в конкретном понимании - наш общий дом, который необходимо строить общими усилиями, используя весь тот опыт человеческого бытия, выработанный таджикскими и другими родственными народами за несколько тысячелетий общинной жизни.

Литература

1. Г. Плеханов, Г. Собр.соч.,т. XIX.- М., 1923-1927.
2. Дж. Мелларт. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. - М., 1982.
- Исаков А. Саразм - Заря цивилизации // Мероси Ниёгон. – 1992. -Душанбе. -№1. - С.21-24, рис.
4. Гафуров, Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история .-М.: Наука, 1972.
5. Мукимов Р., Мамаджанова С. Зодчество Таджикистана. – Душанбе: Изд. «Маориф» 1990.
6. Мамаджанова С. История национального зодчества. - Душанбе, 1993.
- Мамаджанова, С. Некоторые принципы и приемы в организации жилой архитектуры Верхнего Заравшана // Материалы по истории и истории культуры Таджикистана. - Душанбе, 1981. - С.98-111
9. Мамаджанова, С. Ландшафт и драматургия градостроительного искусства Средней Азии в средние века // Труды ТГУ. Серия: Строительство и архитектура. - Вып.2.- Душанбе, 1992.

Шахноза Сайфуллоева, Бека Ёғибекова

АРХИТЕКТУРА ТРАДИЦИОННОГО ЖИЛИЩА ТАДЖИКОВ В ТРУДАХ ЭТНОГРАФОВ

Статья посвящена изучению декора жилища таджикского народа в XIX-XX вв. по данным этнографов. Смысловое значение используемых при этом узоров дает ценные знание о духовном мире населения Таджикистана до революции и после него. Автор в статье изучил основные этапы развития архитектуры и декора, а также

региональные различия в оформлении жилища таджиков, которые были связаны с географическим фактором. В конце статьи автором подчеркивается, что многие декоративные приемы до наших дней не сохранились, и только в горных местах можно изредка увидеть традиционное оформление домов.

МЕЪМОРИИ МАНЗИЛИ СУННАТИИ ТОЧИКОН ДАР ОСОРИ МАРДУМШИНОСОН

Мақола дар асоси маводҳои этнографҳо, ки ба омӯзиши ороиши манзили мардуми тоҷик дар асрҳои XIX–XX бахшида шудааст. Маъноӣ нақшҳои дар ороиши биноҳо истифодашуда дар бораи олами маънавии аҳолии Тоҷикистон пеш аз инқилоб ва баъд аз инқилоб донишҳои пурарзиш медиҳад. Муаллифон дар мақола марҳилаҳои асосии инқишофи меъморӣ ва ороиш, инчунин тафовутҳои минтақавии ороиши манзили истиқоматии тоҷиконро, ки бо омилҳои географӣ алоқаманд буданд, мавриди таҳқиқ қарор додаанд. Муаллифон дар охири мақола ба ҳуҷусе меоянд, ки бисёре аз усулҳои ороишӣ то имрӯз боқӣ намондаанд ва танҳо дар маҳалҳои кӯхистонӣ гоҳ-гоҳ ороиши анъанавии хонаҳоро дидан мумкин аст.

ARCHITECTURE OF THE TRADITIONAL HOUSING OF THE TAJIKS IN THE WORKS OF ETHNOGRAPHERS

The article is devoted to the study of the decor of the dwelling of the Tajik people in the 19th-20th centuries according to ethnographers. The semantic meaning of the patterns used in this process provides valuable knowledge about the spiritual world of the population of Tajikistan before and after the revolution. The authors in the article studied the main stages in the development of architecture and decor, as well as regional differences in the design of the Tajik dwelling, which were associated with the geographical factor. At the end of the article, the authors emphasize that many decorative techniques have not survived to this day, and only in mountainous places one can occasionally see the traditional design of houses.

Архитектура составляет основной историко-культурный феномен созидательной и творческой деятельности человека. По уровню и степени устройства жилища можно оценить экономическое и духовное положение социума, его этнические особенности. Вместе с тем, история жилища, его генезис и эволюция в качестве компонента народной культуры является частью нашей истории и культуры. С помощью установления этапов развития традиционного жилища таджиков можно получить возможность через материальные атрибуты определить этапы социально-экономической, культурной, этнической и духовной жизни народа. В изучении архитектуры, убранства и декоративного украшения жилища большой вклад внесли учёные-этнографы, которые писали на основе полевых этнографических сведений. В этом аспекте можно указать на работы А. Шишова [12], Наливкиных [7], Н. А. Кислякова [3], М. С. Андреева [1], А. К. Писарчик [10], М. А. Хамиджановой [11], Е. М. Пещеревой [8], Б. Х. Кармышевой [4], И. М.

Мухитдинова [5], и других этнографов, которые внесли большой вклад в изучение материальной культуры таджиков.

Дореволюционный этнограф А. П. Шишов писал, что в то время каждый традиционный таджикский дом делился на мужскую и женскую половины. Женская часть находилась в глубине жилища, куда не допускались посторонние. Предусматривалась также особая комната для гостей, которая называлась «мехмонхона». В ее центре располагалась скатерть, а по периметру выкладывались узкие длинные одеяла для сидения; пол устилался коврами. Стены также завешивались коврами и украшениями с вышивкой. Функцию шкафов часто выполняли ниши в стенах жилища [12, С. 109].

Во времена СССР тип жилья у таджиков постепенно меняется. Пещерева Е. М. в материалах 1950-1953 гг. писала, что в северном Таджикистане жилища имели вид компактных кишлаков – домов, выстроенных тесно друг рядом с другом и обнесенных плотными стенами из глины. В таких селениях существовали лабиринты из узких улочек и тупиков. В горных районах традиционные дома выкладывались из камней, в долинных регионах – строились из глины на деревянном каркасе. На равнине конструкция селений отличалась большей сложностью, чем в гористой местности. В домах обычно была плоская крыша; иногда рядом с жилым помещением пристраивали террасу - айвон. Полноценные окна в домах встречались редко. В основном они заменялись узкими световыми проемами, прорезанными под потолком. На юге страны, в горных регионах дома были крупными, массивными. В них жили большими семьями, по 3-4 поколения в одном доме [8, С. 4-9].

В 50 – х годах разделение на женскую и мужскую половину постепенно исчезает. Теперь дома строили из подручных материалов и это было связано с географией региона. В древности в основном дома строили из камня, глины, сырцового кирпича, а каркасных домов в старину не строили, так как это было связано с недостатком древесины. Появление каркасных домов относится концу XIX в., когда в Фергану начали завозить строительный лес, да и то, в города [9, С. 113]. Об этом писали в свое время и супруги Наливкины [7, С. 72-73].

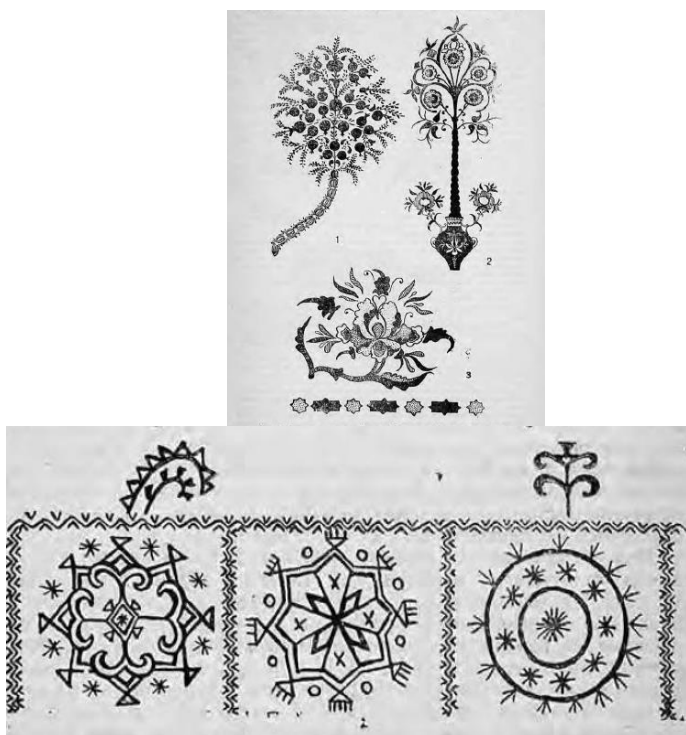
В книге «Культура и быт таджикского колхозного крестьянства», которая вышла 1954 г., подробно описано, как строились дома в этот период. В ней Е. М. Пещерева отмечает, что в 50- х годах XX века уже не встречались резные двери, а место этого окрашивали двери масляными красками в зеленый или голубой цвет. Стены домов украшали арнаментом, сделанной с помощью трафарета. Паталок в жилой комнате расписывали с высоким досичным карнизом. В стенах находятся ниши - токча которые используются для хранения одеалов, утвари и других вещей для дома [9, С.126].

Дома жителей Нуратинского хребта, по материалом Б. Кармышевой, не отличались от образцов, построенных в г. Чкаловск в Северном Таджикистане. Однако она подчеркивает, что зажиточные граждане могли себе позволить резные

двери, а дома незажиточных имели простые двери. Резные двери и калонны встречались в убранстве мечетей в селах и районах [3, С.20].

А. К. Писарчик в своей работе отмечает, что в 30-40-е годы в жизни горных таджиков появляются новые черты в хозяйстве, быту и культуре. Появление новых строительных материалов накладывало определенный отпечаток на формирование нового жилища, но с другой стороны были видны и традиционные формы в архитектуры [10, С.19].

Как и в других горных районах Таджикистана стены в Каратегине и Дарвазе строили из глины - лойдевол, из сырцового кирпича, из камня и каркаса. Если позволяли средства, то стены мехмонхоны украшали росписью. Как пишут Н. А. Кисляков и А. К. Писарчик, в росписях встречались и национальные мотивы – накқоши и русские узоры. Узорами больше украшались мечети. В частности, такая роспись им встретилась в мечети к. Ялдамич Гармского района, которая была выполнена в предреволюционные годы усто Гаффором из к. Аскалон [10, С.88].

**Узор на панели дома кишлака Егид (Дарваз)
Роспись в мечети к. Ялдамач, Гармского района , выполненная в
предреволюционные годы усто Гаффором из к. Аскалон.**

Первые мехмонхоны или худжры нового типа, с окнами и печами появились, по-видимому, в 30-х годах текущего столетия. Но нужно отметить что собиравшие

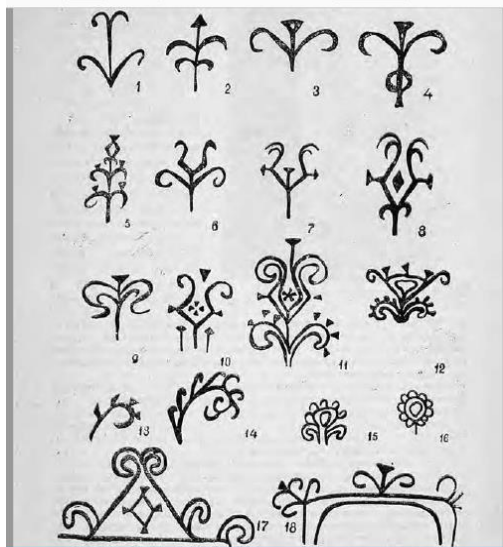
материалы по жилищу в начале 30-х годов В. В. Гинзбург [2] и Н. А. Кисляков [4], их не описывают: если они тогда и строились, то, очевидно, редко.

В Каратегине и в Дарвазе во время исследования А. К. Писарчик упомянут припамирский тип жилища, который состоит из одного большого помещения [9, С. 69]. Именно этот тип жилища Каратегина и Дарваза был описан предыдущими исследователями. В трудах И. И. Зарубина отмечается, что такой тип постройки принадлежит к припамирскому типу и указано, что он «един на всем пространстве от Каратегина до Канджута» [10, С.70]. Эту же характеристику дает в своих исследованиях и В. Л. Воронина [10, С. 70]. Н. А. Кисляков же характеризует жилища Каратегина, Дарваза и Припамирья, как единый тип горного жилища [4, С. 158]. В этих домах встречались узоры на стенах и на двери. Эти узоры: различной формы и названия завитки – кушқорак - рога барана, товус - павлин, қош – брови, часто украшенные по наружному краю треугольниками - туморча или более мелкими завитками, круги, ромбы, называемые лухтак - кукла, имитирующие по форме лицо куклы.

Но интересны эти узоры с точки зрения смыслового значения и их роли как оберега. Одним из таких узоров можно привести пример кадбача, который разнообразен по форме фигуры и объединенные по общим названием. Как пишет этнограф И. Мухиддинов, этимология этого узора неясна и предполагает, что он может быть взят из слова кад - стан, фигура человека и бача - ребенок, детеныш. Также, в своих исследованиях им было зафиксированы наиболее простые варианты,

которые состоят из схематического изображения прямого ствола с отходящими от него в обе стороны из одной точки парных ветвей [5, С. 24-29].

«Ствол» часто завершается треугольником, обращенным вершиной вниз и по записям И. Мухиддинова, это саллача—чалма, хотя треугольник завершает изображения не только мужчин, но и женщин, а иногда и ромбом. Встречаются кадбача и более сложные в виде ромбообразной фигуры на ножке, с отходящими в бок завитками и ромбом или треугольником внутри фигуры или над ней [5, С. 28].

Настенные узоры в жилых домах, к. Егид (Дарваз):

1-12 - варианты узора; кадбача;

13-18- различные узоры, наносимые на стены вокруг ниш, окон и пр.

В 1958-1959 гг. И. М. Мухиддинов, работавший стационарно в к. Ёгиде, пишет, что виды кадбача изображали: наиболее крупный - главу дома, меньший - его

жену, маленькие - детей. Такие же фигуры, нарисованные на внутренней поверхности стены дома, у входа считались изображением странника - мусофир, место которого обычно было у входа в дом. К такой фигуре пририсовывали вертикальную черту - посох. Лицо изображалось в форме ромба, как лицо куклы [6, С. 110].

По данным А. К. Писарчик, среди узоров встречаются изображения деревьев (чинара). Кроме растительных узоров, встречались многочисленные изображения солнца, луны, горных козлов, иногда в сочетании с изображением охотника и даже охотничьей собаки или каких-либо предметов [10, С. 35]. Также она отмечает, что нередко вместо целого животного изображены только его рога или один рог в виде завитка, называемого кучкор или кучкорак. В горных жилищах также встречаются изображение барана. Овца, как известно, — самое почитаемое домашнее животное у таджиков [1, С. 127]. Рога баранов и горных козлов являются неизменным атрибутом местных святынь — мазор. Так как по преданию их считают одно из самых «чистых» животных; в народных представлениях он связан с пери — пари. Рога горных козлов прибавляли в качестве оберега на видном месте снаружи дома — на колонне веранды, вешают на перекладине у входа и т. п. [1, С. 196].

Также в жилищах горных таджиков этнографами был зафиксирован отпечаток руки с раздвинутыми пальцами и отпечаток детской ступни. По мнению И. М. Мухиддинова (к. Ёгид), Н. Х. Нурджановым (в нижнем Каратегине), это изображение как магическое средство, способствует многодетности.

Изучение традиционного жилища таджиков, проведенное по этнографическим данным, позволило восстановить основные этапы развития архитектуры и декора в достаточно полном объеме. А также региональные различия в жилищной культуре таджиков в конце XIX - XX вв., обязанные, прежде всего, укладам жизни равнинных и горных таджиков.

Из этнографических данных можно прийти к выводу, что в XX веке в домах художественное оформление в традиционном стиле постепенно исчезало. А в наше время его почти не осталось и только в горных районах частично остались некоторые традиции.

Литература

1. Андреев М. С. Таджики долины Хуф. Вып.1. -Сталинабад, 1958. – С. 521
2. Гинзбург В. В. Кишлаки восточных районов Таджикской ССР и жилища горных таджиков // СЭ. 1936. № 3. С. 59-77
3. Кармышева Б. Х., Пещерева Е. М. Материалы этнографического обследования таджиков Нуратинского хребта//Советская этнография-1964 -№ 1. С. 6-21.
4. Кисляков Н. А. Жилища горных таджиков бассейна р. Хингоу//Советская этнография. Вып.2. 1939. С. 149-170.

5. Мухитдинов И. М. Обычаи и обряды, связанные со строительством жилища у припамирских народностей в XIX нач. XX вв. // Этнография Таджикистана-Душанбе: Дониш, 1985. С.24-29.

6. Мухитдинов И. М. Традиционное жилище таджиков среднего течения р. Вахш в зоне затопления Нурекским водохранилищем//Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука,1982/ С. 210-225.

7. Наливкин В. и Наливкина М. Очерк быта женщин оседлого туземного населения Ферганы.Казань, 1886.С.72-84.

8. Пещерева Е. М. Некоторые сведения о таджикском жилище Привахшских районов// Этнография Таджикистана. Душанбе: Дониш,1985.С. 4-

9. Пещерева Е. М., Кисляков Н. А., Ершова Н. Н., Русаякина С. П. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства//Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклуха-Маклая – Изд. Академии наук СССР. – Москва, 1954.

10. Писарчик А. К. Жилище//Таджики Каратегина и Дарваза. -Душанбе: Дониш,1970. Т 2 /С. 19-115.

11. Хамиджанова М. А. Жилище таджиков Ягноба. // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1982 С. 226-239.

12. Шишов А. Таджики: этнографическое и антропологическое исследование: Этнография. 4.1, Жилище. М.: 1910. С. 99-112.

KLUCZEWSKA KAROLINA
Ghent

REPRESENTATIONS OF GENDER AND LABOUR IN SOVIET TAJIK MOSAICS

This essay analyses artistic interpretations of what it meant to be simultaneously Soviet and Tajik in the late Soviet period. It explores gender and labour representations, which can be found in three mosaics, looking at what normative and economic roles and responsibilities their creators attributed to Tajik men and women. Mosaics, a genre of visual monumental art, became particularly popular in Soviet Tajikistan in the 1970s and 1980s, as they allowed the visualisation of state policies in public spaces and in this way popularised them among people. While the artists worked under the strict socialist realism doctrine, their artworks reveal that they were not deprived of agency and they

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ГЕНДЕРА И ТРУДА В СОВЕТСКИХ МОЗАИКАХ ТАДЖИКИСТАНА

Каролина Ключевска

Данная статья анализирует художественные интерпретации того, что значило быть одновременно советским гражданином и таджиком в позднесоветский период. На примере трех мозаик статья исследует гендерные и трудовые репрезентации, смотря на то какие нормативные и экономические роли и обязанности их авторы приписывали таджикским мужчинам и женщинам. Являясь одним из видов

монументального искусства, мозаики стали особенно популярными в советском Таджикистане в 1970-х и 1980-х годах, так как позволяли визуализировать государственную политику в общественных местах и тем самым популяризировать ее среди населения. В то время как художники работали строго в рамках доктрины соцреализма, их работы показывают, что они не были лишены некой свободы действий и активно придавали новые и неожиданные значения официальной идеологии.

ТАССАВУРОТИ ГЕНДЕР ВА МЕҲНАТ ДАР МОЗАИКАҲОИ ТОҶИКИСТОНИ ШҶУРАВӢ

Каролина Клучевска

Дар ин мақола тафсири бадеии ҷӣ маъно доштани, шаҳрванди шӯравӣ ва ҳам тоҷик будан дар замони шӯравӣ, таҳлил шудааст. Дар мисоли се мозаика, мақола тасвири гендери ва меҳнатро, бо инобат гирифтани кадом нақшҳои меъёрӣ, иқтисодӣ ва масъулиятро муаллиф ба мардҳо ва занҳо тавсиф кардаанд, таҳқиқи мекунад. Мозаика яке аз намудҳои санъати монументалӣ буда, дар солҳои 70—80-ум дар Тоҷикистони шӯравӣ диққати махсус пайдо кард, зеро имкони ба нақш даровардани сиёсати давлатиро дар ҷойҳои ҷамъиятӣ ва таблиғи онро меод. Дар сурате, ки рассомон қатъиян дар доираи дастурҳои воқеияти сотсиалистӣ фаъолият карда, эҷодиёти онҳо бо он таъкид карда мешуд, ки онҳо бо озодии муайяне маҳрум набуда, ба идеологияи расмӣ фаъолона мазмунҳои наву ғайриҷашмдошт мебахшиданд.

This essay reflects on artistic visions of what it meant to be simultaneously Soviet and Tajik in the late Soviet period. It explores how gender roles and labour force participation were presented in visual monumental art, and in particular in mosaics which in the 1970s became a popular genre in Soviet Tajikistan. Unlike other contributions in this collection, which analyse the role of Soviet ethnographers in the development of ethnography in Tajikistan, this essay focuses on representations made not by scholars but by artists, who used visuals instead of words. There are, however, many parallels between ethnographers and artists. Firstly, science is never objective or neutral [6], and neither is art. Knowledge, just like artistic representations, is always situated. It is embedded in particular structural conditions, such as dominant political and economic systems, with their distinctive norms, power relations and political economies of knowledge production. The positionality of authors, and artists, also plays a significant role because personal factors such as their ethnicity, gender, religion, customs and life experiences influence the choice of subjects and ways of representing them. Secondly, due to the nature of politics in the specific context of the Soviet Union, research and art were always closely interlinked. Ethnographers recounted the changing cultures of the many populations living in the vast Soviet state, and these descriptions were supposed to inform policymakers and foster Soviet modernisation policies. Once these policies were in place, artists were in turn tasked with visualising them and bringing them to the masses, to shape people's behaviour. If scholars were *describing* for policymakers, artists were *prescribing* on their behalf.

Artists in the Soviet Union, as engineers of souls, worked under the strict socialist realism doctrine. This artistic style combined the task of naturalist depiction with the objective of ideological transformation of the people. At the same time, artists were not deprived of agency. While working in a highly ideological environment, they also attributed their own meaning to the official ideology.

By analysing three mosaics, this essay explores various artistic representations of the population of Soviet Tajikistan, looking at how structural features interplayed with the agency of artists. The essay describes the artists' understanding of Tajik people as gender actors, namely what social roles and values the various artists attributed to local man and woman, and how they saw the effects of Soviet social modernisation on Tajik people. It also examines the representations of Tajik people as economic actors, that is how the artists saw local men and women's contribution to Soviet industrial modernisation. Methodologically, the analysis relies on visual analysis of selected artworks and multiple interviews with monumental artists who were active on the Tajik artistic scene in the 1970s and 1980s.

Gender and labour in the Soviet modernisation project. Both gender and labour were crucial for Soviet modernisation. The underlying idea of building the Soviet Union as a socialist and industrialised state required high degrees of social engineering, in addition to ambitious infrastructure development.

Social modernisation envisaged creating new types of citizens, Soviet people. It had a strong gender component, especially in the initial decades of Soviet statehood. Gender refers to characteristics attributed to the sexes, men and women, which define the feminine and masculine roles in society. Being a social construct, gender norms and roles in a given society are never fixed, but rather change over time in accordance with, for example, dominant cultural normativities, state ideology and the economic situation. Although the analytical category of gender was never deployed in Soviet times, reshaping of gender roles was, nevertheless, one of the priorities of Soviet policymakers. This was especially the case in peripheral, Muslim parts of the Soviet state in the early Soviet times. In Central Asia, for example, the secularisation campaign aiming at eradicating Muslim traditions also implied reshaping of local gender norms [12]. While this policy was mainly framed as a campaign to liberate and emancipate women, transformation of male gender roles was also on the agenda. One of the strategies to change local gender roles was through labour, by incentivising people's participation in collectivisation and in particular in industrialisation.

The concept of labour refers to human activity that contributes towards production of goods and services. Labour relations, like gender relations, are socially constructed. For example, throughout history, various types of labour were attributed different social statuses. Any division of labour implies imbalances in power, rights and privileges, in addition to various types of social prestige. In the Soviet Union, the principal economic task was to transform an agrarian state into an industrial one. This is because the imperative of economic growth envisaged labour-intensive, state-owned industrialisation. The growth of production capacity was glorified in Soviet-era historiography [10], and particular attention was given to sectors such as metallurgy and industrial construction. Agriculture was subordinated to industrialisation, in that this sector relied on resource extraction and

constituted a source of primary accumulation. Funds coming from agricultural production were later invested in industry, in accordance with the principle of redistribution. These economic priorities explain the high importance attributed to factory workers and engineers. Despite some industrialisation efforts in Central Asia [8], however, the Soviet economy in this region was mainly based on agriculture, in that it relied on cotton and cash crops production [13].

Thus, in practice, in Central Asia the two priorities of social and industrial modernisation, were not necessarily going hand in hand. Moreover, often the implementation of gender and labour ideology in this region ended up reinforcing different types of power asymmetries, for example reinstating political hierarchies between Moscow and peripheral republics, cultural hierarchies between urban and rural population, as well as ethnic hierarchies between people of Slavic and other non-European origins [3].

Soviet Tajik art reflected these complexities of Soviet modernisation, with its inconsistencies and contradictions. The mosaics provide very different interpretations of gender and labour relations in Soviet Tajikistan. As the next section shows, while in some artworks both local men and women undergo a cultural transformation, which is symbolised through their attire, in others women remain tied to the domestic sphere and safeguard local customs and religion. Similarly, some artworks depict both Tajik women and men as active participants of industrialisation, and others clearly connect women's labour to agriculture and men's labour to industry. These ambiguous artworks were not anti-Soviet because the artists did not aim to subvert the official ideological line. Rather, these representations suggest that the artists took Soviet gender and labour ideals as general signifiers, and filled them with their own interpretations of what Soviet modernisation meant, could mean or should mean in the specific context of Tajikistan.

Three artistic representations of gender and labourThe origin of the mosaic panel which decorates the front wall of the fat and oil factory (Figure 1) is unknown, which gives us a broad space for interpretation. This factory is located in the Jabbor Rasulov Avenue in the western part of Dushanbe, between today's Bozori Farovon and the dairy factory Shiri Dushanbe. Niso Hojjeva, who investigated the history of this mosaic, writes that the plant itself was built in the mid-1950s, but the mosaic made of colourful pieces of smalti appeared on it only in 1978 [7]. In Soviet times, the factory used to produce a broad range of cotton products, including cottonseed oil, mayonnaise and margarine. This was a model factory, in that it covered the consumption needs of the Tajik Soviet Socialist Republic and, moreover, its products were displayed at various production expos in other Soviet Socialist Republics. The mosaic was thus located in a strategic place and was exposed to a broad range of viewers, including factory workers (mostly women), production managers and also politicians who visited it frequently.

Fig 1: Mosaic on the fat and oil factory, artist unknown. Photograph by A.Isaev.

In the bottom right corner of the mosaic, the initials of the artists, E.Z. and N.N., can be found, but their names are unknown. Most probably, two artists were commissioned to undertake this artwork who were not related to the local art scene. This is because, as Hojjeva writes, Tajik art critics and cultural producers cannot recognise the initials and are also unable to recognise the style of any local artist in this mosaic [7]. Commissioning orders from outsiders was a common practice in late Soviet times because visual monumental art orders were prestigious and well paid, which attracted interest from both the local artists and those from other Soviet Socialist Republics, mostly Russia. Given that most probably the two artists were outsiders, the artwork on the fat and oil factory can be seen as an external artistic interpretation of the interplay of gender and labour in the Tajik Soviet Socialist Republic.

Fat and oil factory The mosaic portrays Tajik women participating in the cotton processing process. As for the gender dimension, the representation of local women reflects common Soviet orientalist portrayals of women of the East. The five female figures have oval and flat faces, thick hair and eyebrows, as well as pronounced face features, which recall images from Egyptian mythology. This type of representation of local women can also be found on other artworks which were created by artists of Slavic origin who used to come to Soviet Tajikistan for short periods of time only to implement specific orders and who were not well familiar with the local context [9, 380]. Orientalising tendencies are also visible in the women's attire. Their hair is covered with a headscarf and their bodies with long tunics. This type of headscarf, however, was never worn by women in this cultural area, and the tunics are also too tight and transparent for local standards. This type of representation sexualises women from Central Asia, which again points to stereotypical Western (including Soviet Russian) imagination of the East. A similar tendency can also be

found in other cultural products of that era, such as the 1970 Mosfilm film titled *White Sun of the Desert*, which portrays Turkmen women.

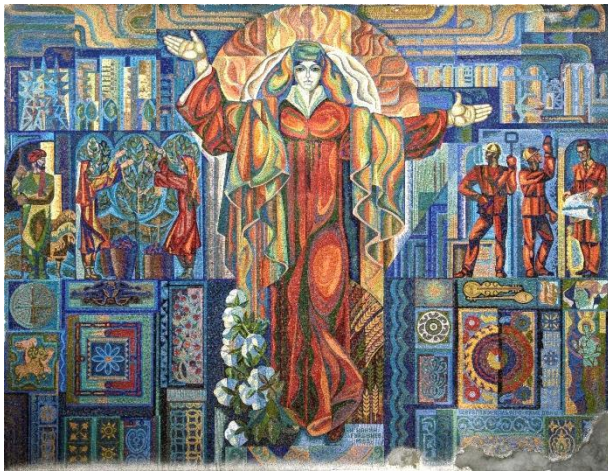
The gender dimension of this artwork seems to be inconsistent with its labour dimension. This is because, from the labour perspective, the women are portrayed as active participants of economic modernisation. These women are presented as strong and skilled workers, both physically and metaphorically. In Hojieva's words, they look like "athletic [creatures] with strong arms and shoulders, (...) [and are] located against the backdrop of the bright sun, and seem to rise above the horizon together with it" [7]. Cotton was one of the central sectors of the Tajik Soviet Socialist Republic and the mosaic shows women participating in the cotton industry along the entire production process. The kneeling figure at the forefront protects the cotton seedling with her palm, which points to the important role that local women played in cotton cultivation. The other four women, in turn, hold white cotton flowers in their hands, which indicates women's participation in picking cotton in the fields. Moreover, several attributes of industrial production, such as pipes, barrels with oil and the smoke rising from chimneys, denote the women's labour in the cotton processing industry. The hands of the five women are big and hardened, like the hands of hardworking labourers. The importance of physical labour is also expressed in these figures through the large size of their hands, which is disproportionate in comparison to the other parts of their bodies.

Overall, in this work we see women who are not modernised culturally, but are hyper-modernised economically. This is a rather contradictory representation, in which local women are shown both as stereotypically oriental and sexualised, but at the same time as skilled and dedicated workers. It seems that the artists combined two important aspects of Soviet modernisation, gender and labour, without reflecting in depth on their interlink. It is a pity that the mosaic does not include any male figure, which would allow for a comparison of male and female representations.

Living house at the turn to the airport The mosaic on one of the living houses at the turn towards the airport (Figure 2), offered a very different view of gender and labour in Soviet Tajikistan. The buildings in that area were demolished in 2017 in the process of the ongoing city reconstruction. This particular smalti mosaic panel was part of a diptych located on two sides of the road, at the crossroads of today's Ayni Street and Ahmadi Donish Street, and was visible to all people arriving at Dushanbe airport and driving towards the city. The mosaic was created by Nikolay Khanin and Leon Gurdzhiev, who worked on it between 1988 and 1990, just before the Soviet collapse. The mosaic is thus a late-Soviet interpretation of societal dynamics in the Tajik Soviet Socialist Republic coming from two artists who were not ethnically Tajik, but who lived in Tajikistan for most of their lives.

Little is known about Khanin's early years, apart from the fact that he was born in the Russian Soviet Socialist Republic in 1933, and that he studied in Leningrad in Vera Mukhina Higher School of Art and Design together with Zukhur Habibullaev – his close friend who later became one of the most prominent Tajik artists of the 20th century. It was Habibullaev who encouraged Khanin to move to Dushanbe after graduation [5]. Khanin settled down in Tajikistan and became an active member of the local art scene. He

integrated into the first generation of local monumental artists trained in Moscow and Leningrad, who came back home in the 1960s with new ideas and techniques [2, 9; 4, 47]. Khanin, for example, was one of the first artists in Soviet Tajikistan who started making

mosaics with smalti, rather than using natural stones. As for the second artist of the mosaic, Gurdzhiev was born in the same year as Khanin, but he was born in Dushanbe into a mixed Cossack-Armenian family [11]. He later graduated from the Dushanbe Art School and spent several decades creating mosaic panels. Like many other artists, both Khanin and Gurdzhiev left the country after independence, during the tragic civil war.

Fig. 2. Mosaic by Ni. Khanin and Leon Gurdzhiev. Photograph by A.Isaev.

Khanin's and Gurdzhiev's proximity to Soviet Tajikistan society, especially its urban part, is visible in the specific gender lens which they adopted in their artwork. Unlike in the first mosaic on the fat and oil plant, in this artwork we do not see an orientalisising tendency in their portrayal of the local population, and especially of the women. At the same time, the artists offered a traditional representation of a Tajik woman from rural areas. The main female figure, who is in the centre of the mosaic, welcomes the guests arriving in Dushanbe. She recalls Christian paintings of the Virgin Mary, which can be explained by the cultural background of both artists, who were Orthodox Christian. She is depicted in a traditional, loose Tajik dress which covers her arms and legs. The upper part of this dress and in particular the collar, resemble a typical local dress from late Soviet times. The hair of the main figure is covered with an artistic headscarf, which points to Muslimness. This is a classical artistic representation of a wise and respectable Tajik woman from a rural area, and thus unaffected by urbanisation and city lifestyles, which can also be found in other mosaics from that period [9, 385]. The two other women on the left side of the mosaic, are similarly presented in a traditional way. As noted by Zevar Gulova, who researched the history of this mosaic, "in this fragment, women do not reject the traditional Tajik attire" [5]. The outfit has a symbolic function. The fact that female figures do not wear more open, so-called European clothes, which were introduced in Tajikistan with the arrival of the Soviet Union and which became symbols of societal liberalisation, denotes their resistance to norms and values promoted from outside. Instead, in Khanin's and Gurdzhiev's interpretation, Tajik women are tasked with safeguarding religion and traditional culture. This is different in the case of men, for whom two different options are foreseen. On the left, there is a traditional Tajik man, wearing a *joma*-style coat and a turban and, on the right, there are modernised

Tajik men, wearing either worker suits and helmets or a suit, tie and jacket. Unlike women who are tied to the local culture, Tajik men can be subjects of cultural mobility. Unlike women, who in this mosaic panel are excluded from social modernisation, men can either remain traditional or become active participants of Soviet lifestyles. They can even become intellectual leaders of modernisation, as the figure of the man with glasses seems to suggest.

These gender representations correspond to the labour lens adopted in the mosaic. In this respect, agriculture is shown as the domain of women. The female figures in this artwork are surrounded by symbols of cotton and wheat, and some are shown as picking apples. The men, once again, have more options. They can breed cattle, work in factories, and also become engineers. The type of labour that men perform influences the degree of their modernisation. Men who work in agriculture remain traditional, while the ones participating in industrialisation and doing intellectual work modernise, becoming a new type of Soviet Tajik citizen. It is also remarkable that the mosaic presents nature, with its plants and animals, as a realm of Tajik culture and traditions, whereas urbanisation and industrialisation reflect the Soviet vision of progress.

In this artwork, the interlink of gender and labour is much more consistent than in the first mosaic – as one might expect from artists with more knowledge of the local context. Yet, perhaps precisely for this reason, the scene depicted by Khanin and Gurdzhiev provides a rather pessimistic, highly gendered account on the potential of the Soviet modernisation project. In their interpretation, Tajik women were not actors of cultural and economic modernisation, even under mature socialism in the last years of the Soviet Union.

Machine factory The last artwork (Figure 3) is the earliest of the three, but it offers the most progressive interpretation of gender and labour relations. It was created between 1971 and 1972 by Murivat Beknazarov, a Tajik artist born in 1943 in Vanj in the Pamiri mountains. The huge mosaic panel can still be seen today at the machine factory in Fayzobod, 50 km east of Dushanbe, where it covers one entire wall of the production hall. Back then, the factory produced household appliances and machine tools, and it was of military importance. The artist used only natural stones to construct this mosaic panel. As Beknazarov told me in an interview in April 2019, he collected them himself together with a group of masters when travelling around Tajikistan for this purpose. The white marble used in this artwork came from Varzob, the yellow and brown stones from Shahritus, and the green and black ones from Norak.

The mosaic was Beknazarov's first monumental work after his graduation and return home from the prestigious Estonian Art Institute in Tallinn. He recalls that initially the Tajik Art Fund (*Khudfond*), the body that administered orders, was reluctant to give him the commission to create the factory mosaic because, as a young person and newcomer, he was still unknown and ideologically unpredictable. Beknazarov, however, proved to be up to the task. Moreover, over time he became one of the most prominent representatives of the second generation of Tajik monumental artists. These masters, educated in the best art schools all across the Soviet Union (in Tashkent, Tallinn and Vilnius, not only in Moscow and Leningrad) did not fear to experiment with the socialist realism doctrine in their own, unique ways [4, 51]. Indeed, about the same time when the factory mosaic was created,

Lutfiya Ayni wrote of Beknazarov's artworks saying that "thanks to Tallinn, two streams of cultures, Eastern and European, seem to unite harmonically, complementing each other" [1, 100].

Looking at the gender dimension, the artwork lacks orientalising tendencies in representing Tajik women. The mosaic also does not juxtapose Sovietness and Tajikness. Unlike in the two previous mosaics, the women here are not defined through one specific type of clothing. The female characters are very diverse and combine effortlessly different cultural influences. For example, the woman at the centre

***Fig. 3. Mosaic by M. Beknazarov.
Photograph by Karolina Kluczevska.***

wears a Europeanised, knee-length version of the traditional Tajik dress and has long, loose hair, whereas the woman on the right wears a European dress with short sleeves together with a headscarf. Moreover, male and female characters in this mosaic are presented in physical proximity while interacting with each other, without being black boxed into two separate, male and female social worlds. In Beknazarov's interpretation, Soviet social modernisation did not imply a renouncement of local culture. Different cultural backgrounds and values could coexist and enrich each other.

As for the labour dimension, the mosaic focuses specifically on industrial production and portrays manufacturing as a domain of both men and women. As usual in Beknazarov's artworks, rather than being static, the composition has its own plot. If the previous mosaics presented the achievements of different economic sectors, here we see industrialisation in the making. In various parts of the panel, men and women carry metal appliances and operate the machines. By depicting simple, everyday work scenes from the machine factory in a lyrical way, the mosaic attributes specific faces to economic achievements of the Soviet Union. The implication is that it glorifies workers, not the impersonal Soviet industry.

Overall, it is remarkable that in this artwork Tajik men and women exist side by side and work hand in hand. In comparison to the previous two mosaics, this panel offers the most progressive and coherent interpretation of gender and labour relations in Soviet Tajikistan, albeit perhaps the most idealistic one. This might seem unexpected, given that unlike the other artists who came to Dushanbe from Soviet Russia or were distant from Tajik culture due to the social milieu in which they grew up and lived, Beknazarov is of Tajik origin. And yet, as the mosaic shows, his artistic agency escapes the national label.

While the other artworks reveal a dialectical opposition between Tajikness and Sovietness, Beknazarov's panel skilfully mixes them.

The three artistic representations explored in this essay reveal heterogenous understandings of Sovietness. In each case, the artists infused the official Soviet labour and gender and labour ideals with their own reading of how suitable these ideals were for Tajikistan. Such multiplicity of interpretations reflects the multiplicity of lifestyles and qualities of life that coexisted in Soviet Tajikistan, and the many realities of Soviet modernisation. In everyday life, systemic features used to interplay in various ways with people's aspirations and values. Similarly, in the artworks we see several types of coexistence of the socialist realism doctrine with the positionality and agency of artists.

References

1. Айни, Л. На пути к неизведанному // Памир, № 1972/1, 1972, 96-101.
2. Айни, Л. Силуэты. Заметки о живописи и скульптуре 60-х годов // Айни, Л. Очерки о художниках Таджикистана. Душанбе, 1975, 5-49.
3. Bahovadinova, M. The 'mobile proletariat': the production of proletariat labor on a Soviet construction site // *Labor History*. № 59/3, 2018, 277–294.
4. Бойназаров, Б. Таърихи санъати тасвирии тоҷикон (солҳои 20-80-уми асри XX). Душанбе, 2018.
5. Гулова, З. Щедрость и мир // *Mapping Mosaics in Dushanbe: Bactria Cultural Centre*. <http://mosaics.tj/portfolio-item.щедрость-и-мир/>
6. Naraway, D. Situated knowledges: the science question in feminism and the privilege of partial perspective // *Feminist Studies*. № 14/3, 1988, 575-599.
7. Ходжиева, Н. Женщина и хлопок // *Mapping Mosaics in Dushanbe: Bactria Cultural Centre*. <http://mosaics.tj/portfolio-item/dreams-creation/>
8. Kalinovsky, A. *Laboratory of socialist development: Cold War politics and decolonization in Soviet Tajikistan*. Ithaca, 2018.
9. Kluczewska, K., Hojjeva, N. Socialist in form, 'national' in content? Art and ideology in Soviet Tajikistan // *Nationalities Papers*. № 50/2, 2022, 372-394.
10. Лельчук, В.С. *Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы*. Москва, 1984.
11. Мичуринская правда. След на пару тысяч лет. 2 November 2013. <https://michpravda.ru/articles/society/2013-11-02/sled-na-paru-tysyach-let-30587>
12. Northrop, D. *Veiled empire: gender and power in Stalinist Central Asia*. New York, 2004.
13. Scarborough, I. *Central Asia in the Soviet command economy* // *Oxford Research Encyclopaedia of Asian History*, 2021.

ВЫДАЮЩИЙСЯ ЭТНОЛОГ Н.Н. ЕРШОВ О РЕМЕСЛАХ КАРАТАГА И ЕГО ПОСЛЕДНИЙ МАСТЕР БОБОРАХИМ САИДОВ

В статье приведена ранее неизвестная информация о мастере ткани алоча Боборахим Саидове в контексте исследований ремесленного производства Каратага выдающегося этнолога Н.Н. Ершова. Материалы, предоставленные сыном ремесленника, касаются жизненного пути его отца, профессиональная деятельность которого началась в период расцвета города на рубеже XIX-XX веков и закончилась в связи с кризисом ткацкого промысла в середине 30-гг. XX века.

ЭТНОЛОГИ БАРЧАСТА Н. Н. ЕРШОВ ДАР БОРАИ ХУНАРҲОИ КАРОТОҒ ВА УСТОДИ ОХИРИН БОБОРАХИМ САИДОВ

Дар мақола маълумоти қаблан номаълум дар бораи устои матоъ алоча Боборахим Саидов дар заминаи таҳқиқоти истеҳсолоти хунармандии Каротоғ этнологи барчаста Н.Н. Ершов оварда шудааст. Маводҳое, ки писари хунарманд пешниҳод кардааст, ба роҳи ҳаёти падари ӯ дахл доранд, ки фаъолияти касбии ӯ дар давраи шукуфоии шаҳр дар марзи асрҳои XIX-XX оғоз ёфта, дар робита бо бӯҳрони хунарҳои бофандагӣ дар миенаи солҳои 30-уми асри XX ба анҷом расидааст.

OUTSTANDING ETHNOLOGIST N.N. ERSHOV ON THE QARATAG CRAFTS AND ITS LAST MASTER BOBORAKHIM SAIDOV LARISA DODKHUOEVA

The article provides previously unknown information about the fabric master alocha Boborakhim Saidov in the context of the research Karatag handicraft production by outstanding ethnologist N.N. Ershov. The materials presents by the artisan's son relate to the life of his father, whose professional activity began during the prosperity of the city at the turn of the 19th -20th centuries and ended due to the crisis of the weaving industry in the mid-30s. of the 20th century.

Городу Каратагу (тадж. Кароток) посвящено немало научных исследований. По мнению известного местного краеведа Р. Джурабоева, название *Кароток* можно интерпретировать как понятие, состоящее из двух слов *Карияи таг*, что означает «объединенный, единый город». [11,32] Изделия этого важного центра ремесел не только Гиссара, но всей Центральной Азии, славились своей добротностью, дизайном и высоким качеством в XIX-первой половине XX века.

Выдающийся этнолог Н.Н. Ершов в своей монографии «Каратаг и его ремесла» достаточно широко отразил развитие ткачества в этом городе, зафиксировал имена отдельных ремесленников, с которыми встречался и у которых брал интервью. [6] Однако подробных деталей о судьбе того или иного ткача не сохранилось.

Сам Н.Н. Ершов глубоко сожалел, что работа по сбору полевого материала « была начата слишком поздно — к началу ее в Каратаге продолжали существовать лишь некоторые, немногие виды ремесел этого когда-то широко известного

***Н.Н.Ершов в таджикском
костюме.1960г.***

ремесленного центра» [6, 9], имевшего славу *кони касабаро*[14,140](*профессиональный центр*, в переносном смысле *центр ремесел*).

В силу этих обстоятельств информация о мастере Боборахиме Саидове (1878-1980), которую предоставил нам его сын, известный таджикский историк и востоковед, профессор Абдукахор Саидов, представляется чрезвычайно важной. К сожалению, не сохранилось ни одной фотографии мастера. В настоящее время единственный образец ткани прославленного народного умельца

хранится в музее этнографии им. М.С. Андреева Национальной академии наук Таджикистана (инв.№. 958/1)

Сведения профессора А. Саидова касаются жизненного пути отца, профессиональная деятельность которого началась в период расцвета ремесла на рубеже XIX-XXвеков и закончилась в связи с его кризисом, который, по мнению Н.Н. Ершова, наступил в середине 30-гг. XX века. В годы Великой Отечественной войны промысел на некоторое время вновь возродился, а после ее окончания он полностью закончил свое существование, так как фабричная промышленность стала предлагать более разнообразный ассортимент тканей, не требующих длительного производства. В организованной ткацкой артели «Навобод» в поселке Шахринау некоторое время работали каратагские ткачи, другие переехали в Душанбе. Во время полевых работ Н.Н. Ершова в Каратаге (1965-1967,1968) он встретил лишь несколько ткачей, которые выпускали уже только хлопчатобумажные ткани *алоча*. [6,32] Информант Р. Джурабоев, с которым встретилась этнографическая экспедиция Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана в 2013г., утверждал, что последний мастер по текстилю умер в 70-х гг. XXв. [11,41]

В этот же период исчезло ткачество Каратага как таковое. От той поры остался отдельный цех, который в 1989г. посетили члены Гиссарской этнографической экспедиции (нач. экспедиции Мухиддинов И., члены Мардонова А., Широкова З.А.), который ныне не существует. К тому времени у населения даже не сохранилось ни одного ткацкого станка в доме. Отдельные его образцы сейчас можно увидеть лишь в музеях. В настоящее время все попытки возродить традиционное ткачество, являвшееся гордостью селения, оказываются тщетными. [11,45]

Судьба же мастера усто Боборахима Саидова (род. 1878г.) удивительным

образом отражает всю историю ткачества в Каратаге, эпоху его процветания и кризиса. Семья мастера, как и основателя самого города суфия ордена Накшбандия, ишана Махмад-Ризо-Ходжа и его сподвижников мюридов (начало ХУІІ века), была выходцами из селения Дахбид близ Самарканда. Оттуда до Каратага вела выючная тропа, которая шла сначала по реке Зарафшан, а затем через перевал Мура в Гиссарском хребте в ущелье реки Каратаг. [15,8]

Сам мастер Боборахим Саидов родился за два года до присоединения города к Бухарскому ханству(1870г.). Каратагом, в котором проживало 12 тысяч человек (сейчас население составляет 20 тысяч), управляла родовая знать. До землетрясения 1907г. , по описанию автора, опубликовавшего свои заметки под инициалами Б.Л., поселение представляло собой “жизнерадостный, красивый, утопающий в садах городок.” [1,18] Это был типичный среднеазиатский город, с цитаделью на горе, площадью *чорсу* с базаром вокруг нее и девятнадцатью кварталами *гузарами*, которые имели названия согласно специализации живущих в них ремесленников. Среди таджиков, которые составляли большую часть населения города и его окрестностей, проживало несколько семей евреев, индийцев, афганцев и узбеков.

В Каратаге было много мазаров, 23 мечети, школы *мактабы*, духовные училища *медресе*, приюты для дервишей- странников *ханако*, а также славившийся по всей Гиссарской долине базар, проходивший здесь два раза в неделю. В Каратаге в конце ХІХ в. даже существовали московские мануфактуры, которые конкурировали с местной продукцией. [6,60]

Почти все жители города занимались ремесленным производством, а небольшая их часть- сельским хозяйством, другие и тем и другим, а потому они назывались *косим дехкон*. Всего в Каратаге существовало около тридцати видов ремесел. Гончарами(*кулолгарами*), ремесленниками по металлу(*охангар, рехтагар, мехчангар, кордсоз*),литейщиками(*дегрезы, мисгары, заргары*),деревообделочниками(*чубтароши, харрот, дуредгар*),кожевенниками (*чармгар*) пекарями, кондитерами в Каратаге были исключительно мужчины. Промыслы и ремесла в городе были развиты неравномерно: некоторые из них (ткачество и гончарство) представляли собой мануфактурное производство, поставлявшее на рынок продукцию в товарных масштабах. Другие мастера только часть своих работ выносили на рынок, а другую меняли на продукты и товар. Однако большей частью это было простое домашнее производство силами одной семьи, особенно это касалось прядения, обработки шёлка-сырца, шитья тюбетеек и одежды, а также вышивания и плетения узорных тесемок. [6,42-48]

В Каратаге, как и в других городах Гиссара, изготавливали шелковые, полушелковые, хлопчатобумажные ткани, шерстяные кошмы и сумки *хурджин*, несколько сортов сукна. Вплоть до конца 1920-х гг. здесь ткачеством преимущественно занимались мужчины *абрбоф*, которые выделяли шелковую *алочу*, полосатую и с рисунком *абр* (*абр* —тадж. «облако»), а также *корбоф*, мастера хлопчатобумажных тканей с примесью шелка. В текстильном производстве были задействованы сновальщики *кортан*, заправщики основы *гульбардор*, лоцильщики

кудунгар, красильщики *рангрес*, *кукчи*, *кабутгар*, набойщики *читгар*. Среди набойщиков были известны такие *читгары*, как Бобокалон, Усто Нур, Тагой Мурод, Нозир. Красильщики использовали горячий и холодный способ окраски, и пользовались исключительно краской индиго, доставляемой из Индии. Прославленным мастером в области художественного оформления тканей был мастер Рузи-таёр. [6,76]

Уделом женщин оставалось прядение, правда, редко и они занимались ткачеством на ручных станках. Шелкомотание *пиллакаши*, размотка шелковой нити с запаренным коконом в Каратаге не производили, т.к. здесь червей не разводили. Шелк поступал из Кобадияна, Самарканда, Ходжента и Ферганы. Местные женщины *ашатоугар* отваривали его в растворе поташа, ложили, а потом отдавали в окраску. [6,52]

Российский исследователь Н.А. Маев каратагскую алочу считал «изделием, которым славился весь Гиссар». [10,191] О высоком качестве алачи свидетельствовала и ее высокая цена. [3,99] Другие русские путешественники, указывая на известность гиссарской алочи, отмечали, что она самая плотная из всех шелковых тканей, которыми Бухара снабжает весь Восток. Гиссарскую шелковую алачу свивали рулоном *лула* (длина 12,65 аршин), из которого выходили один мужской халат и одно женское платье. [9,82] Различные ее типы различались между собой фактурой и характером своего оформления (цвет, полосатость, особые узоры и др.). [5,282; 7,124]

Шелковая алоча была двух видов: одноцветная и полосатая *хосаги*. Если первые сорта алочи изготавливались издавна, то тканье алочи с абровым рисунком *аурмони* стали производить позже. Одни считают, что ее изготовлением занялся кокандский мастер Мулло Хошим, прозванный Ходжи Уроком, другие полагают, что первым изготовителем абровой алочи был местный ткач Одина-бойбача. Его искусство перевязки основы перед крашением переняли каратагские ткачи. [6,60]

Важно, что в Каратаге не только изготавливали традиционный текстиль, но и занимались дизайном тканей, что позволило начинающему ткачу приобрести самобытные, привлекательные своей новизной черты. Местные мастера черпали свое вдохновение из окружающей природы и творчески перерабатывали орнаментальные мотивы, среди которых были *абр* (облако), *мортоб* (извивающаяся змея), *дойрагул* (круглый цветок), *мехроб* (михраб), *кушмехроб* (двойная арка), *чорхшит* (пятерня.) и др. [6,60, рис 10;4,58]

Каратагский горизонтальный ножной станок *дукони бофандаги* отличался своей массивностью, солидной конструкцией от станков Дарваза и Каратегина. Ткач сидел на доске *илихта*, положенной на землю, спустив ноги в яму *чахчаи дукон*,

Ткацкий станок Каратага. Душанбе, Этнографический музей

в которой помещены педали *пошвол*, поднимающие и опускающие ремизы.

Мастер Боборахим Саидов был свидетелем как расцвета ткацкого искусства в Каратаге, так и его заката. Он родился 1-мая 1878 г. в семье ремесленника Мирзосаида, которого называли *Мирзосаиди абрбанд*, т.к. он обрел славу, благодаря своим изделиям с рисунком облака *абр*. Известно, что в Каратаге до советского времени насчитывалось до 3000 станков. Отдельные предприниматели *устокоры* имели до 60-станков, на которых работали наемные рабочие *халифа*.

Скорее всего отец Боборахима Саидова был одним из *устокоров* Каратага, так как владел многими ткацкими станками. Его продукция имела большой спрос не только в Гиссарской долине и его окрестностях, но и в Самарканде, Бухаре. Богатые люди, даже беки Гиссара покупали его ткани на протяжении многих десятилетий и шили себе праздничную и дорожную одежду. В то время в Каратаге было 200 торговых рядов, один из которых назывался «ряд абрбандов», где специально продавали ткани с рисунком *абр*.

Местный рисунок облака *абр* имел мужские и женские типы в зависимости от дизайна. Выделяли в Каратаге в основном чисто шелковые (с серебряной нитью или без нее), полушелковые, материи, сырье для которых поставляли из Кабодианского бекства на юге, а также хлопчатобумажные ткани. Шелковой алоче (с рисунком *абр* или полосатой *хосаги*), не было равных по плотности и добротности среди всех шелковых тканей Бухары, и именно ею она снабжала весь Восток. Интересно замечание известного исследователя О. А. Сухаревой о том, что хлопчатобумажная, полушелковая и шелковая *алоча* («пестрая») была широко распространена и имела множество видов дизайна. В Самарканде «производство ее

находилось в руках таджиков, и было распространено всюду, где проживало таджикское население...» [12,60]

Абровые ткани орнаментировались таким образом, что узор наносился на нити перед тканьем путем последовательного резервирования и окраски фрагментов узора. Эти стилизованные растительные и зооморфные мотивы, геометрические традиционно рассматривались как обереги, пожелания счастья и благополучия. Такие ткани не только получили массовое распространение в одежде и предметах быта народов Центральной Азии, но и стали одним из узнаваемых символов и трансляторов образа региона во внешний мир. (Емельяненко, 2018. С. 58) В тканях *абра* Худжанда преобладают красные тона, в палитре красок Самарканда - жёлтый тон, по которому нанесены чёрные, красные и зелёные узоры, а в тканях Каратага - бордовые, зелёные, фиолетовые и синие тона, тогда, как в Бухаре, использовали три основных цвета: бордовый, жёлтый, розовый. [16,204]

Когда мастер Боборахим Саидов приступил к изготовлению текстиля, в Каратаге уже сформировалась технология изготовления узорчатой алочи, и он в своей работе следовал местным сложившимся текстильным традициям. К этому времени он прошел традиционное обучение по системе *усто-иогирд* (учитель-ученик), которая являлась основой обучения в таджикском ремесленном производстве. В свое время его отец отдал сына в качестве подмастерья к *усто*, который занимался плетением ткани с рисунком *абр*. Именно у него юный Боборахим научился всем тонкостям своей будущей профессии. К 16-17 годам он стал настоящим мастером и возил свою продукцию с дизайном *абр* вместе с другими купцами в Самарканд и Бухару.

После свержения Бухарского эмирата в стране началось басмаческое движение, которое охватило большую территорию. 21 февраля 1921 г. Каратаг был освобождён от басмачей. Город стал одним из административных центров Восточной Бухары. Многие жители, в том числе и Боборахим Саидов, вступили в члены новых организаций Советского Союза. В архиве музея Каратагского кишлачного совета, среди документов заместителя председателя местного революционного комитета Хикматуллоха Максудова (1903- 1967) имеется акт от 15 мая 1925 года, где в числе «добровольцев Красных солдат» указано и имя Саидова Боборахима. Таким образом, будучи уже зрелым человеком, он стал активным участником борьбы против басмачества.

В 1931 г. Боборахим Саидов по заданию правительства отправляется в Файзабадский, а затем в Рапшский (Гармский) районы, где активно участвует в борьбе против басмачества за установление Советской власти. В 1933 г., согласно решению Советской Социалистической Республики Таджикистан о переселение горцев в Вахшскую долину, Боборахим переезжает на юг страны в Хатлонскую область, где продолжал трудиться уже в области развития орошения в регионе.

Скоро начался кризис в ткацком производстве Каратага, но в конце 50-х-начале 60-х гг. XX века в СССР были предприняты попытки вновь возродить народное творчество. В результате реорганизации художественные промыслы были

преобразованы в артели и стали подчиняться разным ведомствам. В древнем городе образовали артель «Навобод», работники которой уже утратили интерес к традиционному ремеслу, т.к. у них изъяли станки, а сами они были уличены в частном производстве текстиля, который якобы шел на продажу в личных целях. В эту эпоху кустарный промысел уже не мог мастерам обеспечить необходимого заработка, поскольку широкий ассортимент фабричной продукции стал весьма доступным для местного населения.

Интерес к алоче Каратага вновь возник во время официального визита короля Афганистана Мухаммада Захиршаха в Таджикистан в 1957г. Власти республики пожелали преподнести этому высокому гостю ценный сувенир, созданный таджикскими мастерами. Выбор пал на Саидова Боборахима. Его командировали в Каратаг, чтобы он изготовил несколько отрезов подобной ткани. В течении двух-

Образец алочи Боборахима Саидова. Душанбе, Этнографический музей

трёх месяцев он неустанно трудился и выполнил поручение Правительства, но уже не из шелка, которого не было, а из хлопчатобумажного материала. Один отрез своей алочи он оставил себе.

В 1989 году Отдел этнографии

Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша организовал экспедицию в Вахшскую долину. Ее сотрудники, узнав о мастере Саидове Боборахиме, побывали у него дома и расспросили о технологии изготовления традиционной таджикской ткани. В ходе беседы Б. Саидов рассказал им о поручении Правительства Таджикистана и показал отрез хлопчатобумажной абровой ткани, который находился у него дома. Члены экспедиции предложили мастеру представить этот редкий экземпляр в экспозиции музея этнографии им. М.С. Андреева Национальной академии наук Таджикистана. В результате переговоров

было достигнуто соглашение, согласно которому усто отдал свою абровую ткань для экспозиции в музее, получив взамен два отреза шелкового *иката* (атласа), который в тот период был в дефиците. Так один из образцов ткачества мастера оказался в Этнографическом музее им. М.С. Андреева Национальной академии наук Таджикистана.

Ткань Боборахима Саидова по своему дизайну и колориту весьма интересна. Для своего изделия усто использовал и розовый цвет, который был больше характерен для старинных тканей *абра* и традиционной вышивки таджиков. Такая

колористика в советское время уже утратила своё прежнее значение, но она сыграла большую роль в сложении народного искусства. [17,82]

В системе древних религиозных представлений может быть трактована и символика древа жизни, воспроизведенного Боборахимом Саидовым, в облаке *абре*. Растения, как одно из творений Ахурамазды, почитались иранскими народами наравне с другими его священными творениями. Дерево в зороастризме воспринималось как живое существо, наделенное душой. Оно выступало в качестве тотема, рассматривалось как носитель оплодотворяющей силы природы. Согласно положениям зороастризма, в дереве находилось божество огня Агни (Атар), «словно зародыш, прекрасно помещенный в беременных женах». [8,106]

К одним из лучших изображений древа жизни в текстильном искусстве Таджикистана принадлежит именно этот орнамент абровой ткани, выполненный мастером Боборахимом Саидовым из Каратага в середине XX века. В этом красочном образце прослеживается отказ от точного изображения дерева, но на его основе воспроизведен рисунок семантического значения, который становится образом космической мощи, оплодотворяющих сил природы. О символе божества Агни, укрытом среди стволов в пышной кроне, в изделии мастера словно напоминают светящиеся внутри дерева огненные вспышки и исходящие от него красочные блики,

Таким образом, Боборахим Саидов во многом сохранил образно-выразительные средства, возможности традиционного художественного языка, колорита, композиции, линейного и ритмического строя ткацкого производства Каратага. Одновременно мастер преобразил канонические основы богатейшего источника художественных образов и форм таджикской этнокультуры, каким являлось ткачество этого славного города мастеров.

Литература

1.Б.Л. Очерки Гиссарского края. Течение р. Варзоб // Туркестанские ведомости.1910,№223.С.18-30.

2.Додхудоева Л. Наследие Тахти-Сангина и современная культура Таджикистана. /Ред Н.К.Убайдулло. -Душанбе :Дониш, 2023.

3.Грум-Гржимайло Г.Е. Очерк При-Памирских стран.// "Изв. Имп. рус. геогр. общ." XXII, 1886. С. 98-124.

4.Емельяненко, Т.Г. Абровые ткани как визуальный символ этнической идентичности народов Средней Азии: история и современность // Орнаментальные ритмы Евразии. Знаки. Символы. Смыслы. М., 2018. С. 56-60.

5.Ершов Н.Н. Гиссарская алача. Памяти А.А. Семенова.Душанбе:Дониш,1980.С.277-286.

6.Ершов Н.Н.Каратаг и его ремесла(Историко-этнографический очерк)/Отв. ред. А.К. Писарчик. Душанбе: Дониш.1984.

7.Иброхимов М.Ф. Текстильные промыслы таджикского народа в конце XIX-начале XXвв.Душанбе: Дониш, 2013.

8.Литвинский Б. А. *Семантика древних верований и обрядов памирцев*// Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. (История и культура). М.: Наука, 1981. С.90-121.

9.Логофет Д.Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. –СПб, 1911. Т.2.

10.Маев Н.А. Очерки Гиссарского края// Материалы для статистики Туркестанского края: Ежегодник.СПб, 1879.-Вып.5. С.188-191.

11.Ремесленное производство Таджикистана(по материалам полевых исследований 2013-2017гг.)/Общ. Ред. Н.К. Убайдуллоев, ред Л. Додхудоева. Авторы- составители: Л.Додхудоева, З. Юсуфбекова, М. Шовалиева.Душанбе: Дониш, 2019.

12.Сухарева, О.А. О ткацких ремеслах в Самарканде //История и этнография народов Средней Азии: сб. статей. Душанбе: Дониш, 1981. С.25-37.

13. Таджикистан. Полевые этнографические исследования 2013г./Ред. Л. Додхудоева. Авторы-составители: Л. Додхудоева,З. Юсуфбекова, М.Шовалиева, Н. Васитова.-Душанбе:Дониш, 2014.

14. Терлецкий Н.С. За строкою Н.Н.Ершова: святые места Каратага / Радловский сборник : Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2013 г. / РАН. МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера)/ Отв. ред. Ю.К. Чистов. СПб. : МАЭ РАН, 2014. - С. 140-148.

15. Успенская Л. В. Говоры таджиков Гиссарского района// Труды АН Таджикской ССР. Институт языка и литературы. Том 15. Душанбе: Дониш, 1962.

16.Хакимова Н.А. Цветовая гамма тканей абра Худжанда XIX-XX веков// Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. 2014, №3 (59).С.198-204.

17.Юнусова Н.З. Художественные ткани// Белинская Н.А., Рузиев М.А., Юнусова Н.З. По законам красоты: (Очерки декор, искусства Таджикистана) / АН Тадж. ССР. Ин-т истории им. А.Дониша./ Отв. ред. Н.Х.Нурджанов. Душанбе: Дониш, 1981.

Шафоат Хошимова

Худжанд

ВКЛАД ЖЕНЩИН-РЕМЕСЛЕННИЦ В ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ТАДЖИКИСТАНА В 70-80-Е ГГ. XXВЕКА

Роль женщин Таджикистана в развитии народных промыслов имеет огромное значение для сохранения культурного наследия и развития экономики страны. Свой важный вклад в развитие народной культуры таджиков внесли женщины-ремесленницы, которые трудились в 70-80-е гг. XXвека. Одним из заметных достижений женщин в развитии народных промыслов в этот период было создание коллективных производственных объединений и кооперативов. Женщины

объединялись, чтобы совместно работать, обмениваться опытом и ресурсами, а также повышать свою экономическую самостоятельность. Это позволило им укрепить свои позиции на рынке и получить доступ к новым возможностям и поддержке со стороны государства. Ремесленницы вместе разрабатывали планы деятельности, обменивались опытом и ресурсами, а также принимали участие в принятии важных решений. Такие объединения предоставляли им дополнительную поддержку и возможность укрепить свое экономическое положение. Вместе с этим существовала практика надомного труда.

В 70-80-е годы XX века мастерицы *чевар*, *хунарзан* не только активно участвовали в производстве народных промыслов, но и играли роль в организации и распространении произведенных ими изделий. Они были вовлечены в маркетинг и продвижение продукции на рынке, участвовали в ярмарках, выставках и специализированных событиях. Они также играли важную социальную роль, способствуя укреплению семейных ценностей, передаче культурных традиций и созданию сообщества, объединенного общими интересами и целями. Многие изделия, созданные женщинами того времени, стали национальными сокровищами и предметами гордости Таджикистана. Они олицетворяют богатство и красоту национальной культуры и продолжают быть востребованными как внутри страны, так и за ее пределами.

САҲМИ ЗАНОНИ ҲУНАРМАНД ДАР ИҚТИСОДИЕТ ВА РУШДИ ИЧТИМОИЮ ФАРҲАНГИИ ТОҶИКИСТОН ДАР СОЛҲОИ 70-80-УМИ АСРИ XX

Нақши занони Тоҷикистон дар рушди хунарҳои мардумӣ барои хифзи мероси фарҳангӣ ва рушди иқтисоди кишвар аҳамияти бузург дорад. Дар рушди фарҳанги мардумии тоҷик занони хунарманд, ки солҳои 70-80 уми асри XX қор қарда буданд, саҳми муҳим гузоштаанд. Яке аз қомеъҳои барҷастаи занон дар инкишофи хунарҳои халқӣ дар ин давра ташкил ёфтани иттиҳодияҳои истеҳсолии коллективӣ ва кооперативӣ мебошад. Занҳо барои яқоя қор қардан, мубодилаи таҷриба ва захираҳо, баланд бардоштани ҳосилнокии иқтисодии худ чамъ омаданд. Ин ба онҳо имкон дод, ки мавқеи худро дар бозор мустақам намуда, ба имконоти нав ва дастгирии давлат дастрасӣ пайдо кунанд. Хунармандон яқоя қор қарда, нақшаҳои чорабинӣ тартиб дода, таҷриба ва захираҳоро мубодила қарданд ва дар қабули қарорҳои муҳим низ иштирок қарданд. Чунин иттиҳодиядо ба онҳо мадади иловагӣ дода, барои мустақам намудани мавқеи иқтисодии худ имконият медидаанд. Дар қорбарии ин амалияи қори хонагӣ қорӣ қардид.

Дар солҳои 70-80-уми асри XX хунарманди чевар, хунарзан на танҳо дар истеҳсоли хунарҳои мардумӣ фаъолона иштирок доштанд, балки дар ташкил ва паҳн намудани маҳсулоти онҳо низ саҳм гузоштаанд. Онҳо ба маркетинг ва пешбурди маҳсулот дар бозор машғул буданд, дар ярмаркаҳо, намоишгоҳҳо ва чорабиниҳои маҳсус ширкат меварзиданд. Онҳо инчунин нақши муҳими иҷтимоӣ бозиданд, дар таҳкими арзишҳои оилавӣ, интиқоли анъанаҳои фарҳангӣ ва эҷоди қомеа, ки бо

манфиатҳо ва ҳадафҳои умумӣ муттаҳид шудаанд, сахм гузоштанд. Маҳсулоти зиёди эҷодкардаи занони он замон сарвати миллий ва ифтихори Тоҷикистон гаштааст. Онҳо сарвату зебоии фарҳанги миллиро таҷассум намуда, ҳам дар дохил ва хориҷи кишвар серталаб мебошанд.

THE CONTRIBUTION OF WOMEN ARTISANS TO THE ECONOMIC AND SOCIO-CULTURAL DEVELOPMENT OF TAJIKISTAN IN THE 70S AND 80S OF THE 20TH CENTURY

SHAFOAT KHOSHIMOVA

The role of women in Tajikistan in the development of folk crafts is of great importance for the preservation of cultural heritage and the development of the country's economy. An important contribution to the development of the Tajik folk culture was made by women artisans who worked in the 70-80s of XX century. One of the notable achievements of women in the development of folk crafts during this period was the creation of collective production associations and cooperatives. Women came together to work together, share experiences and resources, and increase their economic self-sufficiency. This allowed them to strengthen their positions in the market and gain access to new opportunities and support from the state. The artisans worked together to develop action plans, exchange experience and resources, and also took part in important decision-making. Such associations provided them with additional support and the opportunity to strengthen their economic position. Along with this, there was the practice of home work.

In the 70-80s of the 20th century, craftswomen *chevar*, *hunarzan* not only actively participated in the production of folk crafts, but also played a role in the organization and distribution of their products. They were involved in marketing and promotion of products on the market, participated in fairs, exhibitions and specialized events. They also played an important social role, helping to strengthen family values, transmit cultural traditions and create a community united by common interests and goals. Many products created by women of that time have become national treasures and pride of Tajikistan. They personify the richness and beauty of the national culture and continue to be in demand both within the country and abroad.

В Таджикистане в 70-80-е годы XX века мастерицы активно участвовали в развитии народных промыслов. Они внесли значительный вклад в их развитие, сохранение традиций и художественного наследия. Ремесленницы *чевар*, *хунарзан* не только выполняли роль работников в народных промыслах, но также играли важную роль в организации и управлении производственными объединениями и кооперативами. Они участвовали в принятии решений, планировании производства, распределении ресурсов и продвижении продукции на рынке.[2.43.]

Многие женщины Таджикистана получали специальное образование и обучение в области народных промыслов. Они осваивали техники вышивки, плетения, ткачества и других ремесел, что позволяло им создавать высококачественные изделия с уникальным дизайном и орнаментом. По своим функциональным и художественным качествам, например, выделяется керамика

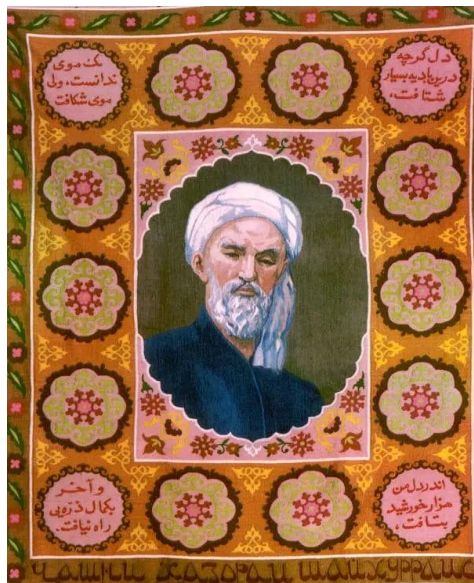
долины рек Оби - Ноу, Ях-су, Дастиджума и Файзабада. В Каратегине производят посуду с налепами (*часпон*) красного и тёмно-бурого цвета с бусинами вокруг горда, на широких плоских ручках - обереги. В Гумбулаке, недалеко от столицы Душанбе, предпочитают тёмно-вишневую и белую раскраску. В этот период стали известны имена таких гончарниц лепной керамики, как Досаковой Сатторы из Куляба, Еровой Раджибо и Холиковой Сафарбеги из Дашти-Джума, Сулаймоновой Гадобеги из деха Усто-Шамс Файзабадского района, Сулаймоновой Галатмо из Гумбулака и многих других. Керамика на редкость удачно представлена традиционной гумбулакской утварью З.Рахимовой, , душанбинки М. Кадыровой и многих других таджикских мастеров. [5, 82]

Женщины занимались производством текстильных изделий, ковров, керамики, вышивки и других народных промыслов, которые не только удовлетворяли потребности местного населения, но и продавались на рынках городов и экспортировались в другие регионы. Их участие в развитии народных промыслов в сельских районах способствовало повышению уровня занятости, созданию дополнительных источников дохода и сокращению миграции населения в города. Это было особенно значимо в контексте тех времен, когда сельское хозяйство играло важную роль в экономике Таджикистана. Необходимо вспомнить изделия золотые *зардузи* тюбетейки, камзолы, халаты мастерицы Ахроровой Бахшиды из Душанбе, джурабы Заирова Мохон из Бадахшана.

Мастерицы имели возможность не только быть исполнителями, но и становиться активными участниками всего процессе развития народных промыслов. Развитие народных промыслов способствовало созданию новых рабочих мест для женщин и повышению их социального статуса. Женщины стали получать возможность заработка и финансовой независимости, а также проявлять свои таланты и креативность в процессе производства. [4,13] Это имело положительное влияние на их самооценку и общественное признание. Кроме того, развитие народных промыслов способствовало сохранению традиционных ремесленных технологий и культурного наследия Таджикистана. Женщины передавали свои навыки и знания из поколения в поколение, сохраняя уникальные традиции и мастерство.

В 70-80-е годы XX века мастерицы *чевар*, *хунарзан* не только активно участвовали в производстве народных промыслов, но и играли роль в организации и распространении произведенных ими изделий. Они были вовлечены в маркетинг и продвижение продукции на рынке, участвовали в ярмарках, выставках и специализированных событиях. Благодаря их усилиям, изделия народных промыслов Таджикистана стали более доступными для широкой аудитории, как внутри страны, так и за ее пределами. Женщины также играли важную роль в передаче навыков и знаний молодому поколению. [1.34.] Они были культурными наставниками, обучали своих дочерей и других женщин ремесленным техникам и

традициям. Это помогло сохранить и продолжить уникальное мастерство и культурное наследие Таджикистана на протяжении поколений.

3. Бахриддинова. Портрет Саади Ширази

Одним из заметных достижений женщин в развитии народных промыслов в этот период было создание коллективных производственных объединений и кооперативов. Женщины объединялись, чтобы совместно работать, обмениваться опытом и ресурсами, а также повышать свою экономическую самостоятельность. Это позволило им укрепить свои позиции на рынке и получить доступ к новым возможностям и поддержке со стороны государства. Ремесленницы вместе разрабатывали планы деятельности, обменивались опытом и ресурсами, а также принимали участие в принятии важных решений. Такие объединения предоставляли им дополнительную поддержку и возможность укрепить свое экономическое положение. Вместе с этим существовала

практика надомного труда.

Следует отметить, что роль женщин в развитии народных промыслов не ограничивалась только их экономическим вкладом. Они также играли важную социальную роль, способствуя укреплению семейных ценностей, передаче культурных традиций и созданию сообщества, объединенного общими интересами и целями. Многие изделия, созданные женщинами того времени, стали национальными сокровищами и предметами гордости Таджикистана. Они олицетворяют богатство и красоту национальной культуры и продолжают быть

востребованными как внутри страны, так и за ее пределами.

Важную роль в развитии ремесел сыграла Народный художник Таджикистана Бахритдинова Зульфия из Худжанда. Она одна из первых стала вышивать сузан

Зульфия Бахриддинова за вышиванием портрета Рудаки

ственную школу, где по традиционной системе *устод-шогирд* обучала молодых девушек особой технике вышивки.

Зульфия Бахриддинова, одна из самых известных мастериц рукоделия и, декоративные панно с портретными изображениями. Вышивальщица организовала соб в Худжанде, прославившаяся в мире, эта искусная таджикская рукодельница выразила все свои чувства, печали, мечты и мнения о природе и роли рукоделия, несмотря на все это она умела создавать очень замечательные картины в своих удивительно богатых картинах и декорациях о человеческой жизни. Основу таджикского декора составляют живые фигуры, в основном людей и животных: журавль, птичья лапа, ворона, воробей и др. [7, 34]

3. Бахриддинова. Вышивка. Панно ученицы З. Бахриддиновой Мафтуны Полотовой

Развитие народных промыслов способствовало привлечению туристов и популяризации культурного наследия Таджикистана на международном уровне. Активное участие мастериц в экономическом развитии страны содействовало увеличению дохода семей, укреплению общественных связей, созданию новых рабочих мест, увеличению доходов и улучшению качества жизни в регионах. Женщины также активно участвовали в организации местных ярмарок, выставок и фестивалей, где продукция народных промыслов демонстрировалась и продавалась. Это позволяло не только расширить рынок сбыта, но и привлечь внимание культурных и туристических организаций, что способствовало привлечению инвестиций и развитию этой отрасли.[3.14.]

Важно отметить, что эти достижения были возможны благодаря совместным усилиям женщин и поддержке государственных и общественных организаций. Государство внедряло программы поддержки, предоставляло финансирование и

создавало условия для развития народных промыслов, а также обеспечивало доступ к образованию и профессиональной подготовке.

Таким образом, в период с 70-х по 80-е годы XX века женщины Таджикистана сыграли важную роль в развитии народных промыслов. Их активное участие в различных аспектах народных промыслов, включая производство, организацию, распространение и сохранение культурного наследия, сделало их неотъемлемой частью этой сферы.

Женщины-ремесленницы в то время сталкивались с рядом вызовов и ограничений, связанных с социальными нормами и гендерными ролями, а также доступом к ресурсам и возможностям развития. Тогда все еще существовали определенные социальные и культурные ограничения для женщин. Они сталкивались с дополнительными трудностями, такими как балансирование между семейной жизнью и работой, ограниченный доступ к образованию и возможностям карьерного роста. Достаточно вспомнить, что среди членов союза художников Таджикистана больше было мужчин-ремесленников, чем мастериц.[6] Несмотря на эти сложности, ремесленницы смогли преодолеть препятствия и внести значительный вклад в развитие народных промыслов. Это свидетельствует об их решимости, настойчивости и таланте.

Сегодня женщины продолжают играть важную роль в развитии народных промыслов Таджикистана. Они активно участвуют в создании уникальных изделий, используя традиционные техники и материалы, а также применяя современные инновации. Женщины-ремесленницы организуются в кооперативы, объединения и ассоциации, где они совместно разрабатывают новые дизайны, улучшают качество продукции и привлекают новые рынки сбыта.

Государство и общественные организации продолжают поддерживать женщин-ремесленниц, предоставляя финансирование, обучение и консультации. Это позволяет им развивать свое мастерство, повышать уровень квалификации и расширять свои возможности в сфере народных промыслов. Уникальность и оригинальность ремесленных изделий привлекают внимание и вызывают интерес как коллекционеров, так и людей, ценящих уникальность и ручную работу. Кроме того, существуют программы и проекты, которые способствуют развитию навыков и знаний женщин в области народных промыслов. Организации и образовательные учреждения предлагают тренинги, мастер-классы и курсы по ремеслам, что помогает укрепить профессиональные навыки и повысить качество продукции.

Следует отметить, что женщины-ремесленницы сталкиваются с рядом вызовов и препятствий, таких как ограниченный доступ к финансированию, организационным ресурсам и рынкам сбыта. Поэтому поддержка правительства, местных органов власти и международных организаций является важной составляющей успешного развития народных промыслов и эмансипации женщин в этой сфере. Промыслов имеет не только экономическое и культурное значение, но и социальное значение. Однако, несмотря на достигнутые успехи, еще остается много работы для улучшения условий работы и развития женщин-ремесленниц.

Необходимо обеспечить им доступ к образованию, профессиональному обучению и финансовым ресурсам, чтобы они могли расширить свои навыки и возможности, а также улучшить маркетинговые и предпринимательские навыки. Также важно проводить информационные кампании и мероприятия, направленные на популяризацию народных промыслов и повышение осведомленности о роли женщин в этой сфере. Это поможет создать больше возможностей для продвижения продукции и привлечения новых рынков сбыта.

Прежде всего, важно создать благоприятную и поддерживающую среду для женщин-ремесленниц, предоставляя им доступ к финансированию, кредитам и грантам, которые помогут им расширить и модернизировать свое производство. Это также включает обеспечение доступа к современным технологиям, обучению и консультациям по управлению бизнесом, маркетингу и продвижению продукции. Другим важным аспектом является создание сетей и платформ для обмена опытом и знаниями между женщинами-ремесленницами, а также сотрудничества с дизайнерами, брендами и международными партнерами. Это поможет им расширить свои рынки сбыта и привлечь новых клиентов.

Совместные проекты и коллаборации также способствуют инновациям и созданию новых продуктов, которые будут привлекательны для современного рынка. Более широкая государственная поддержка и регулятивные меры также необходимы для защиты прав и интересов женщин-ремесленниц. Это может включать создание специальных правовых и финансовых механизмов, которые обеспечат им защиту от недобросовестной конкуренции, поддержку в области патентов и авторских прав, а также доступ к социальным программам и услугам.

Важно также повышать осведомленность и признание общественности о важности и ценности народных промыслов и вкладе женщин в эту сферу. Это может быть достигнуто через организацию выставок, ярмарок и культурных мероприятий, а также путем включения народных промыслов в туристические маршруты и программы.

Роль женщин Таджикистана в развитии народных промыслов имеет огромное значение для сохранения культурного наследия и развития экономики страны. Свой важный вклад в развитие народной культуры таджиков внесли женщины-ремесленницы, которые трудились в 70-80-е гг. XX века.

Литература

1. Мирзоева, Дж. Традиционные промыслы Таджикистана. Душанбе: Издательство "Дониш", 1990. (Mirzoeva, Dzh. Traditsionnye promysly Tadjikistana. Dushanbe: Izdatel'stvo "Donish", 1990)
2. Исмаилов, Р. Традиционные народные промыслы Таджикистана. Душанбе: Таджикгосиздат, 1985. (Ismailov, R. Traditsionnye narodnye promysly Tadjikistana. Dushanbe: Tajikgosizdat, 1985.)

3. Содиков, А. Мастера жегшинь Таджикистана. Душанбе: Издательство "Ирфон", 1988. (Sodikov, A. Mastera zhegshin' Tadjhikistana. Dushanbe: Izdatel'stvo "Irfon", 1988.)

4. Абдуллоева, Г. Керамика Таджикистана. Душанбе: Таджикгосиздат, 1983. (Abdulloeva, G. Keramika

5. Народное искусство Таджикистана. Таджикистана (Традиционные ремесла и промыслы)/ Рук. проекта Р.М. Масов, ред. Л. Додхудоева Составители: Р. Масов, Н. Юнусова, Л. Додхудоева. Душанбе, 2011

6. Додхудоева, Л.Н. Семейные династии ремесленников Таджикистана в контексте модернизации и сохранения традиционных ценностей// «Антропология семьи: исторические социально - экономические и биологические аспекты исследований»: Материалы Международной конференции, (Минск, 2 6-30 июня 2017 г.). – Минск, 2018.

7. Широкова З.А. Декоративные вышивки таджиков верховьев Зеравшана// История и этнография народов Средней Азии(сборник статей). – Душанбе: Дониш, 1981.- С.129.

Шухрат Шарифзода
Кӯлоб

ВАЗЫ ОСОРХОНАҲОИ МИНТАҚАИ КҶҶЛОБИ ВИЛОЯТИ ХАТЛОН ДАР ЗАМОНИ ИСТИҚЛОЛ

Дар мақолаи зерин ҷараёни инкишофи осорхонаҳои минтақаи Кӯлоби вилояти Хатлон давра ба давра дарҷ гардидааст. Дар он бо мисолҳои мушахас оиди ташаккулёбии осорхонаҳо дар замони шӯравӣ ва рушди минбаъдаи онҳо дар давраи истиқлолият дар миқёси минтақа инъикос ёфтааст. Ҳамчунин бо мақсади беҳтар кардани фаъолияти ин муассисаҳо пешниҳоду тавсияҳо дода шудааст.

СОСТОЯНИЕ МУЗЕЕВ КУЛЯБСКОГО РАЙОНА ХАТЛОНСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД НЕЗАВИСИМОСТИ

В данной статье поэтапно освещается динамика развития музеев Кулябского региона Хатлонской области. На конкретных примерах отражено развитие музейной сети в советском эпоху и ее дальнейшее развитие в период обретения страной суверенитета. Также приведены конкретные примеры и существенные рекомендации, с целью улучшения работы данной области.

THE MUSEUMS OF THE KULYAB DISTRICT OF THE KHATLON REGION DURING THE PERIOD OF INDEPENDENCE

In the article presents the process of the development museums of Kulob territory of Khatlon Region periodically The development the museum network in Soviet Period and its subsequent progress in period of Independence in Region's area reflected with concrete

examples on it. For making better the activities of these establishments were given some suggestions and the recommendations.

Дар замони ҷаҳонишавӣ ҳар як миллате, ки агар афроди он дар рӯҳияи худшиносӣ тарбия ёфта ба осори таърихӣ-фарҳангии ниёгони худ арҷ мегузорад, он миллат хувияти хешро поянда дошта метавонад. Осорхонаҳо дар ин ҷода, ҳамчун муассисаҳои илмӣ-фарҳангӣ саҳми муҳим мебозанд.

Дар ҳар як давлати соҳибистиклолу мутаракқӣ бо назардошти аҳамияти осорхонаҳо дар ҳаёти сиёсӣ иҷтимоӣ ва фарҳангӣ, баҳри ташкилу тақомули онҳо таваҷҷуҳи хоса дода мешаванд. Таҳқиқи таърихи осорхонаҳо барои муайян намудани самтҳои асосии фаъолияти онҳо аҳамияти калон дорад. Аз ҷониби дигар, омӯзиши таърихи ташкилӣ ва рушди осорхонаҳо яке аз масъалаҳои ҳалталаби таърихнигории муосири тоҷик буда, пажӯҳиши ин мавзӯ пеш аз ҳама авроқи норавшани таърихро бароямон равшан менамояд. Албатта ташкилшавии осорхонаҳо ба мавҷудияти осори таърихӣ фарҳангии давраҳои гуногун ва бо мақсаду низомии муайян ҷамъоварӣ намудани онҳо ҳамбастагии зиҷ дорад.

Осорхона - муассисаи ғайритиҷоратӣест, ки бо мақсади дарёфт, нигоҳдорӣ, мукамалсозӣ, ҳуҷҷатгузорӣ, бақайдгириӣ, коллексиясозӣ, тадқиқот ва тарғиботи мероси таърихӣ фарҳангӣ таъсис дода мешавад. Нигораҳои осорхонаҳо ва коллексияҳои осорхонаҳо, ки ба таркиби Фонди осорхонаҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон ворид карда шудаанд, ҷузъи ҷудонашавандаи мероси таърихӣ фарҳангии халқҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон ба ҳисоб мераванд. [1,688]

Осорхонаро дар тамоми шаклҳои мавҷудияташ (таъриху кишваршиносӣ, этнографӣ, адабӣ, мероси хаттӣ) метавон рамзи ҷустуҷӯҳои инсонҳо, ишорае ба гузашта, раҳнамое барои оянда ё худ халқпайванди давраи замонавӣ тамаддунҳо номид.

Аввалин осорхонаҳои таъриху кишваршиносӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон соли 1931 дар шаҳри Хучанд ва соли 1934 дар Душанбе толори намоишгоҳҳои худро барои бинандагон боз намуданд. [2,1]

Таъсисёбии осорхонаҳо дар марказҳои вилоятҳо аз нимаи аввали солҳои 50 – уми асри XX оғоз меёбад. Дар ин солҳо барои созон додани осорхонаҳои мардумшиносӣ дар минтақаҳои ҷумҳурӣ далелҳои таърихӣ пайдо мешаванд. Дар нагиҷаи омӯзиши маводҳои илмӣ бойгонӣ маълум гардид, ки дар соли 1948 корманди илмӣ Тоҷикистон, номзади илмҳои таърих, Антонина Константиновна Писарчик, якҷанд маротиба ба шаҳру деҳоти водии Кӯлоб сафар намуда, дар як муддати кӯтоҳ зиёда аз 598 номгӯи ашёҳои заруриро ба даст овард. [3,4]

Бо ташаббус ва кӯшишҳои ҷунин шахсиятҳои баруманди илми тоҷик ба монанди А. К. Писарчик, А. А. Ершов, З. Шокиров. М. Ҳомидҷонов аввалин нигораҳои осорхонаи этнографии Донишқадаи таърихи Академияи илмҳои Тоҷикистон, аллакай дар солҳои 40 -50 –ум аз минтақаи шаҳру навоҳии Кӯлоб ҷамъоварӣ гардиданд. [4, 90-94]

1 августи соли 1968 дар шаҳри Кӯлоб осорхонаи вилоятии таъриху кишваршиносии дар заминаи Осорхонаи ҷумҳуриявии ба номи Камолиддин Беҳзод бо 300 бозёфт ва як шӯба ташкил дода шуда буд, ки ин аввалин осорхона дар минтақаи Кӯлоб ба ҳисоб мерафт. Бинои осорхона дар паҳлӯи мақбараи муттафакири бузург, Мир Сайид Алии Ҳамадонӣ қарор дошт, бинобар ин аксарияти эътиқодмандон дар баробари зиёрати бузургвор аз нигораҳои осорхона دیدан менамуданд.

Соли 1974 бо дастгирии Вазорати фарҳанги ҷумҳурии осорхонаи вилоятии таъриху кишваршиносии шаҳри Кӯлоб мақоми мустақилро соҳиб гашт. Осорхона дар он давра аз 4 шӯба иборат буд: давраи тоинқилобӣ, давраи шӯравӣ, табиат, санъати тасвирӣ. Дар ин давра нигораҳо ҷавобгӯи меъёрҳои муқарраргардида буда, давраҳои ташаккули таърихӣ ва ҳунарҳои мардумиро зина ба зина инъикос менамуданд. [5,370-371]

Бӯҳрони сиёсӣ ва иқтисодӣ, ки аввали солҳои 90 – ум дар Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳукмфармо буд, бевосита таъсири манфии худро ба шабакаи осорхонаҳои ҷумҳурии расонид. Дар натиҷаи норасоии маблағҳои бучавӣ ва суғуртагардидани базаи моддӣ – техникӣ фаъолияти осорхона дар ин давра ғайриқаноатбахш ҳисобида мешуд.

Дар даҳсолаи аввали соҳибистиклолӣ вазъу ҳолати осорхонаҳои минтақаи Кӯлоб дар ҳолати ногувор қарор доштанд, ки ин пеш аз ҳама ба вазъи ноороми сиёсӣ ва иқтисодии ҷумҳурии алоқаманд буд. Соли 1999 осорхонаҳои минтақаи Кӯлоби вилояти Хатлон ба ҳама мушкilotҳову камбудихо нигоҳ накарда, баҳри хуб пешвот гирифтани 1100 - солагии ташкилҳои давлати Сомониён камари ҷимнат баста ба муваффақиятҳои назаррас ноил гаштанд. Дар ин давра дар осорхонаҳои минтақаи Кӯлоб беш аз 14000 нигораҳои гуногун ба маърази тамошо гузошта шуда буданд. Аз ин миқдор қариб 7000 нигораҳо дар осорхонаи Мир Сайид Алии Ҳамадонӣ нигоҳ дошта мешавад.

Осорхонаи вилоятии таъриху кишваршиносии шаҳри Кӯлоб соли 1992 бо қарори Ҳукумати иҷроияи шаҳри Кӯлоб ба номи Мир Сайид Алии Ҳамадонӣ номгузорӣ шуд. Дар ин давра ба қарордод ва ходимони илмӣ осорхона мушкilotҳои зиёд дучор гардиданд. Чунки бо номгузорӣ гардидани осорхонаи таъриху кишваршиносии шаҳри Кӯлоб, ҳама нигораҳои осорхона иваз карда шуданд. Он нигора ва экспонатҳое, ки дар замони Шӯравӣ дар осорхона ба маърази тамошо гузошта шуда буданд, дар ин давра моҳияти осорхонавии худро гум карда буданд, зеро, ки он нигораҳо аз таърихи давраи тоинқилобӣ то замони шӯравиро тачассум менамуданд. Акнун осорхона пурра ба ҳаёту фаъолият ва паҳлуҳои гуногуни зиндагиномаи олимони бузурги фалсафа, илоҳиёт, адиби ширинкаломи форсу тоҷик аллома Мир Сайид Алии Ҳамадониро дар бар мегирад. Осорхонаи мазкур аз ҷаҳор тоҷик «Пирони кӯҳистони Хатлон», «Ганҷинаи Ҳазрати Амирҷон», «Аз таърихи бунёди мақбара ва «Шӯҳрати ҷаҳонии Алии Ҳамадонӣ» иборат мешавад.

Осорхонаи ба номи Мир Сайид Алии Ҳамадонӣ яке аз осорхонаҳои калонтарини вилоят буда, масоҳати он яқоя бо филиалаш зиёда аз 4 га ташкил карда, масоҳати тоҷикҳои намоиши 730 метри мураббаъро ташкил медиҳад.

Имрӯзҳо ба ҳамагон маълум аст, ки оромгоҳи Мир Сайид Алии Ҳамадонӣ ва осорхонаи файласуф яке аз ҷойҳои тамошобоби ҷумҳури пазируфта шудааст. Аз ҷумла аз сафоратхонаҳои Ҷумҳуриҳои Ҳиндустон, Эрон, Хитой, Россия, Амрико, Туркия ва дигар шахсиятҳои расмӣ корпушҳои дипломатии муқимии Тоҷикистон аз осорхона ва оромгоҳи Мир Сайид Алии Ҳамадонӣ тамошо намуда, хотироти рангини хешро ба дафтари осорхона сабт намуданд.

Боиси тазаккур аст, ки маҳз дар солҳои истиқлолияти давлатӣ муассар гашт, ки дар Ҷумҳурии Тоҷикистон ба ташкили осорхонаҳо - ҳамчун маҳзани ҳифзи ёдгориҳои таърихӣ ва фарҳангии ниёгон ва ба намоиш гузоштани онҳо бештар тавачҷуҳ зоҳир намоянд. Дар ин раванд дар минтақаи Кӯлоби вилояти Хатлон бунёди «Осорхона-мамнӯъгоҳи ҷумҳуриявии Данғара» муассисаҳои давлатии осорхонаи «Хунармандон» - и шаҳри Кӯлоб, Мамнӯъгоҳи таърихӣ-фарҳангии «Хулбук», «Мучтамаи ҷумҳуриявии осорхонаҳои Кӯлоб» ва «Осорхона – мамнӯъгоҳи ҷумҳуриявии ба номи Восеъ» гувоҳи ин ҳарфхост.

Қобили зикр аст, ки таъсисёбии чунин муассисаҳои илмӣ - маърифатӣ дар минтақаи Кӯлоб аз зумраи он падидаҳои фарҳангие буд, ки дар арафаи ҷашни пуршукӯҳи 2700-солагии шаҳри бостонии Кӯлоб фаъолияти худро оғоз намуданд.

«Осорхона-мамнӯъгоҳи ҷумҳуриявии Данғара» бо қарори Раиси ҳукумати ноҳияи Данғара, 11 сентябри соли 2001 таъсис ёфтааст. [6,2] ***Осорхонаи мазкур аз шуъбаҳои*** табиат, бостоншиносӣ, мардумшиносӣ, таърихи давраи қадим ва асрҳои миёна, таърихи замонӣ шӯравӣ ва давраи истиқлолият иборат мебошад. Дар ***осорхонаи ҷумҳуриявии Данғара*** осори давраи асри санг (мезолит, неолит) ва асри биринҷ маҳфуз аст, ки солҳои 1953 - 1956 ва 70-уми асри ХХ аз ҷониби бостоншиносон дар деҳаҳои Тутқавул, Сайёд, Тегузак, Булён, Пушинг ва ғайра дарёфт шудаанд.

Осорхонаи «Хунармандон» -и шаҳри Кӯлоб 1 феввали соли 2002 таъсис ёфтааст. Сарвари осорхонаро Арбоби Хунари Тоҷикистон Ҷонибек Асозода ба ӯҳда дорад. Осорхонаи мазкур дар миқёси ҷумҳури ягона осорхонаест, ки танҳо ҳаёт ва фаъолияти аҳли хунаро дар бар мегирад. Осорхона аз бахшҳои хунармандон, хунармандони зиндаёд, хунароҳои мардумӣ, театрӣ ва минҷтурӣ иборат аст. [7,5]

Яке аз воситаҳои асосии ҳифзи осори гузашта ин таъсиси мамнӯъгоҳҳои таърихӣ ва фарҳангӣ мебошанд. Мамнӯъгоҳи таърихӣ-фарҳангии «Хулбук бо қарори Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 4 июли соли 2002 дар асоси димнаи Хулбук-пойтахти асримиёнагии Хатлонзамин таъсис дода шуд.

Ин як дастоварди муҳиме буд дар соҳаи ҳифзу омӯзиш ва истифодаи мероси фарҳангии ниёгон. Аз рӯзи аввали кашфи ёдгорӣ, соли 1953 (Б. А Литвинский, Е. А Давидович) то соли 1991 дар ин ҷо бо сардории бостоншиноси шинохта Эркиной Ғуломова корҳои таҳқиқотӣ идома доштанд, ки бо иштирок дар онҳо аксари бостоншиносони тоҷик аввалин сабақи соҳавию касбӣ гирифтанд. Дар ҳамин радиф дахҳо толору ҳучраҳои Қасри шохони Хатлони асрҳои IX - XI кушода гардида, ҳазорҳо бозёфтҳо кашф шуданд, ки шохиди бевоситаи санъати баланди хунармандони Хатлонзамин мебошанд. [8,1] Вале бо баҳонаи набудани макони

нигаҳдорӣ (осорхона) ва ҳамчун адабиёти динӣ нест кардан ва ба Ёзбекистону Федератсияи Россия бурдани ҳазорҳо нусха китоб, ҳуччатҳои дастнавис ва ниғораҳои тиллоӣ, нуқраву биринҷӣ ва аз ҳисоби аҳолии таҳҷой тарбия накардани мутахассисони осорхонашинос ҷиддитарин камбудихои ҳукуматдорон ва Вазорати маданияти онвақтаи Тоҷикистон мебошад.

Мутаасифона, то ҳанӯз ин бозёфтҳои нодир гарчанде дар осорхонаҳои собиқ Иттиҳоди Шӯравӣ ва мамлакатҳои Аврупо ба маърази ҳазорҳо тамошобинон гузошта шуда бошанд, ҳам соҳиби осорхонаи хеш набуданд.

Бо шарофати истиқлолияти кишвар ва сиёсати пешгирифтаи фарҳангии Асосгузори сулҳу ваҳдат – Пешвои миллат, Президенти кишвар Эмомалӣ Раҳмон ва Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон ба баланд гаштани ҳисси ифтихори миллӣ ва ҳудогоҳии мардум сабаб гардиданд, имкон шуд то ба таърих ва мероси ниёгон рӯй оварда, нисбати ҳифзу эҳёи онҳо чораҳои зарурӣ андешида шаванд.

Боиси тазаққур аст, ки маҳз дар солҳои истиқлолияти давлатӣ муяссар гашт, ки дар Ҷумҳурии Тоҷикистон самтҳои асосии фаъолияти осорхонаҳо муайян гардида, нақш ва мақоми онҳо ҳамчун марказҳои иҷтимоии ниғодорӣ, таҳқиқ ва таблиғи арзишҳои фарҳангӣ дар Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи осорхонаҳо ва фонди осорхонаҳо» (с. 2004, бо таҳрири нав соли 2012) ба таври мушаххас баён гардидаанд. Дар ин давра ба ташкили осорхонаҳо - ҳамчун маҳзани ҳифзи ёдгориҳои таърихӣ ва фарҳангии ниёгон ва ба намоиш гузоштани онҳо бештар тавачҷуҳ зоҳир менамоянд.[9,3]

Қонуни номбурда ба он мероси таърихӣ фарҳангӣ дахл дошт, ки дар осорхонаҳои ҷумҳурӣ қарор доранд. Дар натиҷа, низоми қори осорхонаҳои ҷумҳурӣ ба ҷаҳорҷӯбаи қонун ворид гардида, қонуншиканиҳо ва ҳодисаҳои номатлуби гумшавии экспонатҳо ба қадри имкон пешгирӣ карда шуданд.

Муассисаи давлатии «Мучтамаи ҷумҳуриявии осорхонаҳои Кӯлоб» дар асоси қарорҳои Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 7 сентябри соли 2006, таҳти № 412, 28 декабри соли 2006 таҳти № 604, қарори ҳайати мушовараи Вазорати фарҳанги Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 19 декабри соли 2006 дар заминаи осорхонаи таърихӣ кишваршиносии ба номи Мир Сайид Али Ҳамадонӣ шаҳри Кӯлоб бунёд ёфт.

Мутобиқи нишондоди Оинномаи Муассисаи давлатии «Мучтамаи ҷумҳуриявии осорхонаҳои Кӯлоб», 3 осорхона ва 5 иншооти намоишӣ, шомили Мучтама мебошанд: Осорхонаи таърихӣ кишваромӯзии 2700 солагии Кӯлоб, Осорхонаи мероси адабӣ ва осори хаттӣ ба номи Мир Сайид Али Ҳамадонӣ, Хона - музейи шоир ва ҳофизи халқ Сайдалӣ Вализода, макбараи Мир Сайид Али Ҳамадонӣ, санги сипосномаи назди макбара, сағонаи шахси номаълум, хумдони даврони давлатдорӣ Ҳахоманишиҳо ва Мучассамаи 2700 - солагии Кӯлоб.[10,4]

Осорхонаи таърихӣ кишваромӯзии 2700-солагии Кӯлоб дар арафаи ҷашни 2700-солагии Кӯлоб сохта шуда, баъди ташрифи Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ – Пешвои миллат, Президенти ҷумҳурӣ, Эмомалӣ Раҳмон 7 – уми сентябри соли 2007 дари худро ба рӯи тамошобинон боз намуд. Дар осорхона зиёда аз 3 ҳазор ниғора мутаалиқ ба даврони гуногун ба намоиш гузошта шуданд. Осорхонаи таърихӣ

кишваромӯзии 2700-солагии Кӯлоб шӯбаҳои таърих ва бостоншиносӣ, мардумшиносӣ, **санъати тасвирӣ**, табиат, истиқлолият ва шӯҳрати ҷангири дар бар мегирад.

Яке аз самтҳои фаъолияти Мучтамаи ҷумҳуриявии осорхонаҳои Кӯлоб, ҷамъоварӣ ва хариди бозёфтҳои нав мебошад. Дар натиҷаи корҳои табиғотӣ ва фаҳмондадихӣ дар байни аҳолии шаҳри навоҳии Кӯлоб дар зарфи 5 сол ба комиссияи хариди нигораҳо беш аз 650 адад нигораҳо пешниҳод гардидаанд. Мувофиқи тавсияи мутахассисон ва салоҳдиди комиссия аз шумораи зикргардида беш аз 502 адади он ба маблағи қариб 200644 сомонӣ харидорӣ гардиданд.

Дар соли 2007 директори генералии Мучтамаи ҷумҳуриявии осорхонаҳои Кӯлоб Ҳотам Асоев дар ҷамъомади байналмилалӣ бахшида ба 800 - солагии Мавлонои Рум дар шаҳри Истанбул ва Куниаи Ҷумҳурии Туркия (аз 8 - то 14 майи 2007) ва дар ҷамъомади байналхалқӣ, ки моҳи июни 2007 дар шаҳри Қазони Федератсияи Россия баргузор гардиданд, иштирок намуд. Ин сафарҳо ба таҷдиди мусбати кори осорхонаҳои Мучтамаъ мусоидат намуд. [11,5]

Мучтамаи ҷумҳуриявии осорхонаҳои Кӯлоб вобаста ба ҷалби тамошобин ба осорхонаҳо баъд аз Осорхонаи миллии Тоҷикистон дар яке аз мақомҳои аввалин қарор дошта, дар соли 2015 шумораи тамошобинон ба 40000 нафар расид. Айни ҳол теъдоди нигораҳои осорхона 6000 адад мебошанд.

Бо назардошти арҷгузорӣ ба хизматҳои арзандаи фарзандони фарзонаи халқи тоҷик бо Қарори Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 25 сентябри соли 2015, таҳти №571 дар пойгоҳи боғ – осорхонаи шӯриши Восеъ воқеъ дар мавзеи таърихӣ - табиӣ Дараи Мухтор «Осорхона-мамнуъгоҳи ҷумҳуриявии ба номи Восеъ» таъсис дода шуд. Муассисаи мазкур аз осорхонаи таърихӣ - фарҳангӣ, ҷувозхона, боқимондаҳои хонаи Восеъ, чинорҳои чандинасра, дастниҳоли Восеи қаҳрамон-дарахти садда, ҷашмаи мусаффои Чирак ва мавзеи нотақрори табиӣ иборат мебошад.

Муттаасифона дар фаъолияти аксари осорхонаҳои минтақаи Кӯлоб камбудихӣ чиддӣ ба назар мерасанд. Кормандони аксар осорхонаҳо бо мактабу муассисаҳо алоқаи қавӣ надоранд, гӯшаю намоишҳои ҷолиб, намоишҳои сайёр хело кам созон мегарданд. Мутахассисони касбӣ, ки тавонанд дар боби беҳдошти фаъолияти осорхонаҳо саҳмгузор бошанд намерасанд. Бозёфтҳои нав, хариди нигораҳо, пурра намудани осорхонаҳо бо нигораҳои нав мувофиқи мақсад нест, зеро дар ин самт маблағ ҷудо намегардад.

Бо мақсади беҳбуд бахшидан ва ба талаботи замони нав ба роҳ мондани фаъолияти осорхонаҳо яқинд тавсияҳо пешниҳод менамоем:

- таъмин намудани осорхонаҳои минтақа бо мутахассисони баландхаттисос ва роҳбалрадҳои забондон; созон додани эспедитсияҳои бостоншиносӣ баҳри тақмили хазинаи осорхонаҳо;

- гузоштани нигораҳои нав дар толорҳои намоишӣ ва ташвиқу тарғиби онҳо ба воситаи ВАО;

- ташкили намоишҳои мавзӯӣ, баргузориҳои конфронсҳои илмӣ ва намоишҳои сайёр дар мактабҳои таҳсилоти миёнаи умумӣ ва дигар муассисаҳо;

- гузоштани нигораҳои аслии таърихӣ ва ташаккул додани қобилияти эҷодии тамошобинон;
- ҷустуҷӯи роҳу усулҳои муосири экскурсионӣ;
- ташкили намоишҳои осорхонавӣ дар мавзӯҳои хоси тамошобинон;
- ороиши илмию бадеии толорҳои намоишӣ;
- таълиқи осори ниёгон ба воситаи мониторингҳои кӯчаҳои марказӣ ва дар шакли тақвим чоп намудани ашёҳои қиммати таърихӣ-фарҳангии осорхонаҳо;
- нашри мақолаҳои илмӣ ва тарғиботӣ дар хусуси таърихи нигораҳои осорхонаҳо;
- нашри ҷузъа (буклет)-ҳо бо тасвири нигораҳои беҳтарини осорхонаҳо.

Адабиёт

1. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи осорхонаҳо ва фонди осорхонаҳо» аз 3 июли соли 2012, таҳти № 838 // Паёми Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон. – 2012. – №7. – Ст. 688.
2. Абдували Шарипов. Осорхона ва осорхонашиносии Тоҷикистон. //Ахбороти осорхонаи миллӣ. 2004.-С1.
3. Сабиров К. Музей этнографии.//Маориф ва маданият» - 1976 г. – 5 окт. –С4.
4. Шарифов Шухратджон. Историко-краеведческий музей г. Куляба имени Хамадони. Вестник Таджикского национального университета.(научный журнал) – Душанбе. Сино, 2017, №3/3, - С. 90-94.
5. Энциклопедияи Кӯлоб, - Душанбе, 2006, С. 370-371.
6. БҶ БФМКВХ. (Бойгонии ҷорӣ бахши фарҳанги минтақаи Кӯлоби вилояти Хатлон) Маълумотномаи Осорхона- мамнӯғҳои ҷумҳуриявии Данғара. (25. 06. 2015).-С 2.
7. БҶ БФМКВХ. (Бойгонии ҷорӣ бахши фарҳанги минтақаи Кӯлоби вилояти Хатлон) Маълумотномаи осорхонаи «Хунармандон» - и шаҳри Кӯлоб.-С 5.
8. Музаффар Азизов. Ногузирии таъсиси осорхонаи Хулбук. //Ахбороти осорхонаи миллӣ. 2004.-С1.
9. Иброҳимов З. Осорхона муаррифукунандаи шукуҳи давлатдорӣ.// Ахбороти осорхонаи миллӣ, соли 2014. –С3.
10. БҶ БФМКВХ. (Бойгонии ҷорӣ бахши фарҳанги минтақаи Кӯлоби вилояти Хатлон) Ҳисоботи хаттии «Мучтамаи ҷумҳуриявии осорхонаҳои Кӯлоб». 2006.-С4.
11. БҶ БФМКВХ. (Бойгонии ҷорӣ бахши фарҳанги минтақаи Кӯлоби вилояти Хатлон) Ҳисоботи хаттии «Мучтамаи ҷумҳуриявии осорхонаҳои Кӯлоб».

Тутинисо Ашурмадова, Лариса Додхудоева,
Душанбе

РОГУНСКАЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 2023 ГОДА

В 2023 г. сотрудниками Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана были проведены полевые

исследования в районах затопления Рогунской ГЭС. Как показало этнографическое исследование, материальную и духовную культуру таджиков Нурободского района можно рассматривать как часть единой национальной системы. Однако, при этом существуют локальные особенности в каждом регионе.

ЭКСПЕДИТСИЯИ МАРДУМШИНОСИ ДАР РОГУН СОЛИ 2023

Соли 2023 кормандони Институти таърих, археология ва этнографияи ба номи А. Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон дар минтақаҳои обхезии нуругоҳи Барқи Обии Рогун тадқиқоти саҳроӣ гузаронида шуд. Таърихи тадқиқоти этнографӣ нишон дод, фарҳанги моддӣ ва маънавии тоҷикони ноҳияи Нурободро метавон ҳамчун як қисми низоми ягонаи миллии баррасӣ кард. Аммо, дар айни замон, дар ҳар як минтақа хусусиятҳои маҳаллӣ мавҷуданд.

ROGUN ETHNOGRAPHIC EXPEDITION IN 2023

In 2023, the staff of the A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Tajikistan National Academy of Sciences conducted field research in the areas of flooding of the Rogun HPP. Ethnographic research has shown that the material and spiritual culture of the Tajiks of the Nurobod district can be considered as part of a unified national system. However, there are local peculiarities in each region.

Этнографической экспедицией в составе сотрудников Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана в составе Т.А. Ашурмадовой (заведующей Этнографическим музеем им. М.С. Андреева, руководитель), доктора исторических наук Л. Додхудоевой (заведующей отделом этнологии и исторической антропологии), Джавхар Шоназар, Бибиаслии Сафоевой и Сураёи Давлатмурод были проведены краткие разведочные исследования в зоне затопления ложа водохранилища Рогунской ГЭС с 13июня по 20июня 2023г. Экспедиция провела изыскания в деха Хокими поён, Хокими боло и Оби Борики Боло по следующим темам: общая характеристика района, народное жилище, хозяйство, семья, образование, гендерный баланс, ремесло, пища и одежда.

Почти все обследованные этнографической экспедицией деха Нурободского района, в которых проживает исключительно таджикское население, появились в советское время. Предки современных жителей региона являются в основном выходцами из Хатлонской области Таджикистана.

Местное население готовится к переезду в другие районы страны. Если молодежь с восторгом ждет отъезда, то старшее поколение, которое выросло в, замечательных живописных местах, думает с сожалением о переезде, хотя понимает необходимость этой акции и свою ответственность перед страной.

Только в архитектуре государственных учреждений прослеживается влияние строительных приемов XX века. Как правило, они сделаны уже из жженого кирпича и имеют двускатные крыши на стропилах, покрытые шифером. Их внутренние и наружные стены побелены. Это так называемый равнинный тип жилища, который,

как отмечали советские этнографы, являлся «прогрессирующим» в 60-70гг. XXв. в селениях Рашта (Каратегина).

В своей планировке и архитектуре местные жилища сохраняют традиционные черты, характерные для горных территорий. В основном все деха имеют свободный усадебный характер, который свойственен всем селениям, расположенным на широких речных орошаемых террасах и склонах гор в долинах.

Жилые дома имеют небольшие террасы *дулоны*, которые в северных регионах Таджикистана носят название *айван*. Потолок *дулона* составлен из балок в виде отшлифованных палок, а между ними проложены горбыльки *васса*. Это типичный прием строительства в Раште(Каратегине), в жилых домах которого издревле пространство между балками потолка заполнялось горбыльками, обращенными гладкой стороной к комнате. Стены внутри жилища побелены.

Навес шипанг и терраса дулон в деха Хокими поён

В основном хозяйственные постройки, дувалы *сангдевол* дворов построены из камня. Все хозяйства имеют навесы *шипанги*, в которых хранится сено для скота. Огороженный двор *хавли,санх* имеет огород *сабзикори* ,*хота* , *хотакори* который отделен от открытой части двора *руи хавлин* изгородью, а также сад *бог*, иногда виноградник на деревянных опорах *катаки ток*. Широко продолжают использоваться и плетеные изгороди *шиг* из тонких стоек *ноя*, переплетающей их лозы *шапа*, *химча* и ветвей различных дикорастущих кустарников. Во дворы ведут калитки *дар* , *дардари хавлин* или же приобретенные на базарах разного цвета железные ворота *дарвоза*.

подавляющее большинство жителей исследованных деха привязано к земле и значительное внимание уделяет хозяйственной деятельности. Главные производственные сферы всех деха — это скотоводство, огородничество и садоводство. Но в основном жители занимаются разведением скота, иногда пчел. Пасеки находятся прямо во дворах местного населения. За год собирают от двух до четырех фляг меда (10- 20 кг). Встречаются хозяйства, которые выращивают

куропаток. Вся производимая продукция идет на семейные нужды и редко продается. Каждая семья имеет корову, иногда несколько козлов, баранов. Пшеницу *гандум* выращивают редко и только для собственных нужд. Те продукты, которых нет в районе, закупают в Душанбе или же у местных торговцев *савдогаров*.

Клетки с куропатками и домашняя пчелка в деха Хокими поён

Во всех деха имеется вода и свет. Практически все население владеет мобильными телефонами и пользуется в основном услугами операторов мобильной связи Тоджиктелеком, Тоджик мобайл, Мегафон, Вавилон, Индиго. Клубы и кинотеатры в деха отсутствуют. Главным источником информации для жителей остается телевидение, радио, информация в телефонах.

В советское время в регионе было широко развито шелководство, поскольку все деха богаты многочисленными тузовыми деревьями (шелковицей). Сейчас производством шелка никто не занимается. Многие жители старшего поколения вспоминают насколько был сложен процесс изготовления шелковых нитей, который требовал от них и их родителей неустанного внимания и большого труда.

В каждом саду много ореховых деревьев, растут абрикосы, яблоки. Изобилие шелковицы *тута* в деха позволяет населению широко использовать ее в пище, как в свежем, так и в сухом виде, продавать на рынке. Одним из замечательных и весьма целебных продуктов является *ширини*, сироп, изготовленный из тута, который здесь произрастает повсеместно в большом количестве. Население его использует как средство против простуды, для укрепления иммунитета и просто как вид национальных сладостей. *Ширини* в большом количестве продают на остановках и в столовых *ошхона* у главной трассы.

В регионе произрастают лечебные травы, многие из которых жители собирают в горах. Местное население употребляет горные растения в сушеном и свежем виде также в пищу, особенно в весенний период. Среди них наиболее популярны мята *пудина ичаг-чаг*, ревен *чукри*, корень одуванчика, щавель, укроп *шибит* (*Labagonia fragrantissima*), горный лук *камч*, *пиези кӯхи*, *ансур*, *модел*, *самчит*, *киравк*, тмин *зира*, черная смородина *қарақот*, *галачи*; барбарис *зирк* (*Berberis*); *сумбул* (*Filis fragilis*); *чигак* (*Taraxacum*); *испанок* (*Solenaut*); *ширешак*; вид эремуруса. Считалось, что

употребление в пищу этих трав, якобы, помогает очищать кровь человека от различного рода шлаков, «освежая» её. Готовили пищу и из грибов :сморчков *дили бара* («сердце ягненка»), «шапочки тюркской женщины» *телтаки зани турк* .

В рационе ритуальной и повседневной пищи у жителей по-прежнему главными остаются хлеб *нон* и мучные блюда. В долине пекут лепешки из простого кислого пшеничного теста *нони туй* по-праздникам, во время же семейных торжеств, а *лочура* - для поминальных трапез.

В прошлом в селениях были широко распространены лепешки из ячменной муки *ноничави*, что было связано, как и в других горных регионах Таджикистана, с неустойчивостью пшеницы к условиям сурового местного климата. Считалось, что ячменные лепешки из пресного, так и кислого теста, часто замешенного с размолотыми корнями торуна и ревеня, относятся к холодной пище. Их старались соответственно готовить только в жаркое время года, а в холодное по возможности пекли изделия из пшеничной муки. Раньше здесь не существовало практики приготовления блюд из теста, мяса и лука (пирожки, пельмени, манты и т.п.). Сейчас же новые кулинарные рецепты уже не являются редкими в горных регионах.

Население в основном потребляет мясо-молочную пищу *гушту шир*: различного рода кисломолочные продукты, готовит жареное мясо *гушти бурьён*, суп *идурпо*, плов *ош*, блюда из кусочков хлеба, масла, овощей *курутоб*, *фатирмаска*. Из мучных изделий популярны такие виды, как *фатир*, *кулча*, *кулчай чои* и другие традиционные виды . Широко распространены и сладости фабричного производства: конфеты, печенье, кексы.

Жители готовят из домашнего молока масло и напиток из сыворотки *дуг*. В пищу употребляют йогурт *чурготи хонаги*, кислое молоко *чакка*, сухой сыр *курут*, сливочное и топленое масло, отдавая предпочтение последнему. Молоко прежде взбивали в керамическом сосуде *чархдеги сафалин*, позже появились бронзовые сосуды, деревянные *согу*. Ныне используют сепаратор.

Несмотря на то, что в быту широко уже распространена новая техника (плитки, обогреватели, водонагреватели) традиционный очаг *чалак*, врытый в землю, остается главным объектом хозяйственной жизни семьи. Традиционно хлеб *нон* выпекают и в наземной печи-жаровне *тонуре*, что свидетельствует о том, что в регионе продолжает существовать традиционная и весьма разнообразная по форме и своим функциям система очагов. Повсеместно отмечены три их разновидности: два - для приготовления пищи, и один для кипячения воды. Чаще очаги *чахдон*, *чалак*, *дегдон* хозяйка делает сама из глины, в которой имеются мелкие камушки *рег*. Иногда их покупают готовыми, некоторые из которых изготовлены из бетона.

Подземный чалак и традиционный очаг для приготовления пищи дегдон

В сельской местности Нурободского района преимущественно сохранились ценности традиционной соционормативной культуры: взаимопомощь *хашиар*, взаимообмен, соблюдение социального ранга (уважение к родителям и старшим, почтительное отношение к незнакомым, забота о младших), подчинение устоям авлода. В общинах ярко выделены межличностные отношения, половая и гендерная идентификация, отражающая стереотипы мужского и женского поведения, присущих этносу, а также права и обязанности каждого в системе государства и национальных обычаев, традиций, обрядов и верований.

Семьи в указанном регионе большие и имеют до 14 детей. Мужчина-глава семейства и распоряжается всеми финансовыми средствами по своему усмотрению. Однако во время проведения различных церемоний (свадебных, похоронно-поминальных, рождение ребенка, прием гостей и т.п.) женщины играют более важную роль в процессе соблюдения ритуальных действий, так как именно они сохраняют и передают из поколения в поколение по женской линии их традиции.

Местное мужское население работает в различных учреждениях по строительству Рогунской ГЭС, управлению дорог, их ремонта, коммунальной сфере. Основной доход сельчане получают за счет сезонного отходничества мужского населения в Россию, где работают в основном в Якутии. Мужчины увлекаются охотой на горного козла, перепелок. Все женское население деха занято исключительно домашним хозяйством.

Раньше брачные отношения в селениях строились на родственных связях, а потому здесь в основном существовали кузенные и кросскузенные браки. В соответствии с этим девушки выходили замуж за двоюродных братьев как по материнской линии, так и по отцовской, что позволяло сохранить имущество *авлода* и не требовало больших расходов на свадьбу.

В настоящее время в стране принят Закон об упорядочивании традиции, торжеств и обрядов с учётом потребностей развития общества.

Время церемонии смотрин новобрачной *рубинон*, ее приобщения к хозяйству *руганрезон*, которые прежде справляли на следующий день после свадьбы и были связаны с приглашением гостей и расходами, теперь сокращено. Ныне все обряды

проводятся сразу же после того, как молодая переступила порог дома мужа за свадебным навесом *чодар*. В связи с этим свадебные торжества и ритуальные действия ныне включены в процесс первого посещения молодой дома своего мужа и происходят в течение одного дня.

Свадебная церемония и свадебная занавесь чодар в деха Оби Борики Боло

В каждом деха располагаются начальные школы, для завершения среднего образования ученикам необходимо выезжать в другие центры, где есть школы с 11-летним обучением. Юноши могут обучаться в университетах, которые расположены в городах. Девушки деха не выезжают за его пределы. Как правило, все они оканчивают средние школы, но мало кто из них едет учиться в вузы, так как родственники отрицательно относятся к подобным намерениям. Замуж девушки выходят в 18 лет, после чего занимаются в основном хозяйством и семьей. Центра по поддержке женских инициатив ни в одном из деха не существует.

Прежде в регионе процветали различные ремесла, но в настоящее время их значение в хозяйственной и культурной жизни района значительно сократилось. В селениях мало ремесленников, поскольку местные рынки предлагают многие виды пластмассовых и текстильных изделий. Р. Никаких объединений надомного труда или артели здесь не существуют. Девушки занимаются шитьем и рукоделием только для себя. Женщины чаще занимаются вязанием, изготавливают в основном теплые вещи : носки *джурабы*, джемперы, свитера и т.п. Распространены изделия лоскутного шитья *гулбури*, тесьма *шероз* для шалвар *пойджома*. Женское население украшает в основном небольшой вышивкой *гулдузи* платья *курта*, и мужские поясные платки *локи(камарбанд)*. Однако больших изделий в виде традиционного покрывала *сузани* они уже не делают. Шерсти здесь получают много, но ее обработкой мало кто занимается, иногда ее просто выбрасывают за ненадобностью. В силу этих причин женщины все свои станки *дукон*, так же как веретено *дук* и прядки *чарх* хранят только как семейные реликвии.

В некоторых домах сохранились такие образцы вышивания, как *сузани*, различные дорожки, молитвенные коврики *чойнамоз*, навешенные подушек *пеши болшиит*. Многие из них были изготовлены в XX веке и сохранились только в некоторых домах как экспонаты. Так, в одной из семей деха Хокими поён хранят

свадебное сузани хиссарской мастерицы *чевар* Хурсандгул Асаевой, орнаментика которого полностью основана на образе тюльпана. Современные народные мастера изготавливают из дерева музыкальные инструменты, домашнюю утварь.

Конкуренции с фабричной продукцией изделия местных ремесленников не выдерживают, уникальные образцы их труда, которые могли бы закупаться художественными салонами, они не производят. В связи с этим здесь чаще встречаются посредственные экземпляры, большей частью функциональные, необходимые населению в быту, в повседневной жизни. В основном они удовлетворяют спрос своих конкретных местных потребителей, для которых важна невысокая цена выпускаемой продукции, нахождение ремесленных и центров в шаговой доступности.

Сузани Хурсандгул Асаевой XXв.

Изделия мастеров чубтарошей Нурободского района XXIв.

Вследствие финансовой непривлекательности ремесленничества под угрозой исчезновения оказались многие старинные виды промыслов, произошло «старение» профессии, так как мастерам некому передать свои знания. Молодое же поколение не заинтересовано в сохранении традиций семейного дела, поскольку не видят в ремесле источника дохода. Отечественные мастера не имеют необходимых навыков для ведения бизнеса в современных условиях и вследствие этого не могут наладить сбыт своей продукции. Все это ведет к снижению качества продукции, исчезновению лучших традиций творчества. Ныне ремесленники мало задумываются о качестве изделий, не уделяют должного внимания вопросам дизайна и разнообразия ассортимента. Для возрождения местных промыслов необходимы помимо больших финансовых средств и мастера, ряды которых с каждым годом редеют.

Костюм жителей в соответствии со временем и модой, развитием мирового текстиля достаточно традиционен, хотя нельзя не заметить некоего смешения стилей

различных регионов и стран. Традиционных платьев туникообразного покроя *курта* женщины деха не одевают. Они в основном носят современную выкроенную одежду советского дизайна из различных тканей, которые считают национальной одеждой. На голову женщины девушки повязывают небольшие платки *румол*. Взрослые женщины нередко носят большие, чаще белые, платки, которые иногда закрывают их плечи. Некоторые жительницы региона носят и марлевые повязки на манер хатлонских женщин, один конец которых проходит под подбородком и крепится на затылке.

**Одно из платьев
современного
свадебного комплекта**

При выходе из дома жительницы селений предпочитают носить платья из дорогих импортных тканей с бархатной текстурой, а поверх маленького платка *пеймонибанд* повязывают большой платок, который частично прикрывает фигуру. Шалвары и платья шьются из тканей разных сортов и различной расцветки, главным образом, новых, синтетических, так как они удобны в быту: не мнутся, легко стираются и не требуют глажения. Дома же женщины одевают *курта* из хлопчатобумажных тканей (поплина и ситца), которые недороги, удобны для работы по хозяйству. Национальные платья из *иката-атласа* или *адраса*- в повседневной жизни встречаются редко. Они составляют праздничный гардероб женского населения.

Почти у всех женщин есть комплект золотых изделий (серьги, цепочка, кольца) турецкого или китайского производства, которые в изобилии представлены на рынках страны.

Девушки предпочитают повязывать небольшие цветные платки, открывающие их лицо и шею. Редко встречаются молодые на выданье жительницы, которые повязывают головной платок с цветным принтом на манер *самра* или носят *хиджаб*, скорее всего для того, чтобы подчеркнуть свое благочестие.

Одежда девочек подобна одежде взрослых женщин. Чаще всего они носят ситцевые платья на кокетке или европейскую одежду. Иногда волосы заплетают в мелкие косички, которые украшают наконечниками *тилкак* с бисером или яркими обручами китайского производства. Распространена одежда из джинсовой ткани в силу своей практичности, особенно джинсовые жилеты, которые заменяют традиционные *камзолча*.

Мужчины носят в основном европейскую одежду: рубашку *курта*, брюки *шим*, куртки. Пожилые жители одевают иногда поверх них разрозненные элементы традиционного национального костюма, например, серый легкий халат *чагман*. Мужское население редко покрывает голову тюрбетейками *токи*, чалмой *салла*, а

предпочитают носить бейсболку. Традиционный таджикский головной убор *чусту* в этом контексте выступает только как частный случай.

Как показало этнографическое исследование деха Хокими поён, Хокими боло и Оби Борики Боло, материальную и духовную культуру таджиков Нурободского района можно рассматривать как часть единой национальной системы. Однако, при этом существуют локальные особенности в каждом регионе, что можно объяснить как ландшафтной расчленённостью территории в прошлом и неразрывно связанной с ней изолированностью отдельных поселений. Уникальные этнографические сведения, добытые в ходе кратких полевых этнографических исследований, будут подвергнуты дальнейшему специальному детальному изучению и анализу.

Нодира Афсахова

Душанбе

ГАЗЕТА «ТУРКЕСТАНСКИЕ ВЕДОМОСТИ» - КАК ИСТОЧНИК ОСВЕЩЕНИЯ СОБЫТИЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ, КУЛЬТУРНОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ

Газета «Туркестанские ведомости» является первой российской еженедельной газетой в Средней Азии на русском языке, которая издавалась при канцелярии Туркестанского губернатора в Ташкенте с 1870 года по декабрь 1917 года. Указанная газета является источником освещения политической, социально-экономической и культурной жизни таджикского народа в конце XIX-начале XX вв. В ней затрагиваются вопросы административного деления края, Памирское разделение 1895 года, походы генерала Абрамова в Зеравшанскую долину и присоединение этих территорий, вопрос народонаселения края, в частности вопрос сартов, ягнобцев, вопросы образования того периода, приводятся много этнографических материалов о жизни и быте таджиков, одежде, пище, религии и т.п.

РЎЗНОМАИ “ТУРКЕСТАНСКИЕ ВЕДОМОСТИ” - ҲАМЧУН МАНБАИ МАЪЛУМОТ ОИД БА ҲАЁТИ СИЁСӢ, ФАРҲАНГӢ ВА ИҚТИСОДИИ ТУРКИСТОН

Рӯзномаи «Туркестанские Ведомости» аввалин ҳафтаномаи русӣ дар Осиёи Миёна ба забони русӣ мебошад, ки аз соли 1870 то декабри 1917 аз ҷониби Губернатори Туркистон дар Тошканд ба нашр шурӯъ кард. Ин рӯзнома манбаи маълумот дар бораи ҳаёти сиёсӣ, иҷтимоӣ, иқтисодӣ ва фарҳангии халқи тоҷик дар охири асри XIX - ибтидои асри XX мебошад. Дар он ба масъалаҳои тақсимоии маъмурии вилоят, тақсимоии Помир дар соли 1895, юришҳои генерал Абрамов дар водии Зарафшон ва ба тасарруфи ин сарзаминҳо инъикос ёфта, ба масъалаи аҳолии вилоят, бахусус, масъалаи сартҳо, ягнобиҳо, маорифи он давра, оид ба рӯзгор ва рӯзгордориҳои тоҷикон, либос, хӯрок, дин ва ғайра маводи зиёди этнографӣ медиҳад.

THE NEWSPAPER "TURKESTAN VEDOMOSTI" AS A SOURCE OF COVERAGE OF THE EVENTS OF THE POLITICAL, CULTURAL AND ECONOMIC LIFE OF THE TURKESTAN TERRITORY

N. AFSAKHOVA

The newspaper "Turkestan Vedomosti" is the first Russian weekly newspaper in Central Asia in the Russian language, which began to be published at the office of the Governor of Turkestan in Tashkent from 1870 to December 1917. This newspaper is a source of the political, socio-economic and cultural life of the Tajik people in the late 19th - early 20th century. It touches upon the issues of the administrative division of the region, the Pamir division of 1895, the campaigns of General Abramov in the Zeravshan Valley and the annexation of these territories, touches upon the question of the population of the region, in particular, the issue of the Sarts, Yaghnobs, touches upon the issues of education of that period, provides a lot of ethnographic materials on the life and everyday life of the Tajiks, clothing, food, religion, etc.

Газета «Туркестанские ведомости» является первой российской еженедельной газетой в Средней Азии на русском языке, которая начала издаваться при канцелярии Туркестанского губернатора в Ташкенте с 1870 года по декабрь 1917 года. Указанная газета является источником освещения политической, социально-экономической и культурной жизни таджикского народа в конце XIX-начале XX вв. В ней затрагиваются вопросы административного деления края, Памирское разделение 1895 года, походов генерала Абрамова в Зеравшанскую долину и присоединение этих территорий, затрагивается вопрос народонаселения края, в частности вопрос сартов, ягнобцев, затрагиваются вопросы образования того периода, приводится много этнографических материалов по жизни и быту таджиков, одежде, пище, религии и т.п..

Газета «Туркестанские ведомости» является первой российской еженедельной газетой в Средней Азии на русском языке, которая начала издаваться при канцелярии Туркестанского губернатора в Ташкенте с 1870 года по декабрь 1917 года. Указанная газета является источником освещения политической, социально-экономической и культурной жизни таджикского народа в конце XIX-начале XX вв. В ней затрагиваются вопросы административного деления края, Памирское разделение 1895 года, походов генерала Абрамова в Зеравшанскую долину и присоединение этих территорий, затрагивается вопрос народонаселения края, в частности вопрос сартов, ягнобцев, затрагиваются вопросы образования того периода, приводится много этнографических материалов по жизни и быту таджиков, одежде, пище, религии и т.п..

Как уже отмечалось выше, первый выпуск газеты вышел 28 апреля 1870 года в Ташкенте. Редактором являлся М.Грулёв. До 1893 года эта газета выходила еженедельно, после 1873 года – два раза в неделю (по воскресеньям и четвергам), с декабря 1903 года выходила 3 раза в неделю, с марта 1904г. – 4 раза в неделю, а с июля 1907г. – ежедневно. Цена газеты была 8руб.80коп. в год и она пересылалась во все города Российской империи, за исключением жителей Ташкента, для которых

взималась плата в 3 рубля с доставкой. Платой за год для иногородних подписчиков была 7 руб.80коп., за 6 месяцев – 4руб.40коп., на три месяца – 2 руб.80 коп., на один месяц – 1 руб. 30 коп. Отдельные номера продавались по 4 копейки. Подписка принималась в г.Ташкенте в конторе редакции, которая помещалась в доме Золотова, пр. Обуха. Газета прекратила своё существование в конце 1917 года.

Газета «Туркестанские ведомости» подразделялась на следующие разделы или подзаголовки:

1)Официальный отдел, куда входили Решения Государственного Совета: Приказы по краю и учебному ведомству, Циркуляр Министерства внутренних дел по департаменту общих дел и т.п.

Например, согласно рубрики «Официальный отдел» в №4 от 16 (28) января 1894г. «Туркестанских ведомостей» опубликовано Решение Государственного Совета, на котором рассмотрено представление Военного Министра о дополнении ст.262 (Св.Зак.,Т.11, изд. 1892г.) постановило, что «приобретение земель и вообще недвижимых имуществ в Туркестанском крае разрешалось таким только товариществам на паях и акционерным обществам... которые на основании их уставов должны состоять из русских подданных христианских исповеданий, нехристианского туземного происхождения или уроженцев сопредельных с Туркестанским краем среднеазиатских государств.... с согласованием с Генерал – Губернатором, Военным Министром, Министром Финансов, что было утверждено 29 ноября 1892 года[1].

Далее дается сообщение о том, что Император Российский согласно представления Общего Собрания Госсовета «О перемещении местопребывания» Мирового судьи(должность которого была утверждена 9 мая 1889г.) из г. Нового Чарджуя в г.Бухару от 29 ноября 1898г.

В другом приказе №4 от 11 января 1894г. г.Ташкент, говорится, что титулярный советник Министерства Юстиции некий Карцов с целью усиления личного состава Главного Управления Туркестанского края откомандирован в распоряжение военного губернатора Сыр-Дарьинской области с освобождением от должности...И далее подписал документ Генерал-Губернатор, Генерал-лейтенант Барон Вревский.

2)Неофициальный отдел – такие как литературная конвенция, телеграф в Восточном Туркестане, известия иностранные, внутренние, местные,различные отчёты, метеобюллетень, справки, указы.

Одним из примеров этой рубрики является следующий.В разделе «Внутренние и разные известия»(телеграммы «Св.тел.агентства») от 12 января под рубрикой «Петербург» говорится, что «ожные хлеботорговцы ходатайствуют о понижении привозной платы на зерно по железным дорогам через Петровск, Баку,Батуми в Туркестанское и Степное Генерал-Губернаторства. Из таких сообщений становится ясным, что зерно в Туркестанское Генерал-Губернаторство завозилось через Россию, и за это платились большие налоги.

3)Фельетоны, часто статьи, в частности в данной газете статьи о земских начальниках в Туркестане и др.

К примеру, в статье Ю.Ю.Жакова «К вопросу о земских начальниках в Туркестане[2]» говорится о несоответствии судебной системы Туркестанского края с судебной системой России. В частности отмечается, что в Туркестанской судебной системе нет апелляции, не принимаются жалобы. Все решается народными судами окончательно по законам шариата или адата, без какой-либо апелляции. И приводится пример киргизского суда, но в то же время говорится здесь и о сартах. Далее в статье отмечается, что у киргизов, как и у всех мусульман, воспитанных в духе ислама, нельзя применить российского порядка судебной системы, так как он не отвечает требованиям, понятиям и традициям мусульман, у которых казий никогда не был одновременно и судьёй, и аксакалом-администратором. И далее приводится мнение автора, что в интересах Туркестанского Генерал-Губернаторства соединение обоих в одном лице удобно существующей власти, так как выражает её интересы.

Далее отмечается, что сарты решают спорные вопросы согласно шариата, который является их законом.

Таким образом, вопрос о применении к Туркестанскому краю положения о земских начальниках и соответствующих изменениях и дополнениях в действующее ныне Положение был поднят ещё 12 лет назад К.Ф.Кауфманом, но его материалы затерялись. Автор статьи Ю. Ю.Жаков утверждает, что следует изменить здесь судебную систему, основанную на шариате.

И такие статьи по политическому («Памирский вопрос»разграничения 1895г.), социально-экономическому положению края, её судебной системы, государственного устройства, обычаев и обрядов, религии, национального состава и т.д. наблюдаются почти во всех номерах газет «Туркестанские ведомости», начиная от момента её основания в 1870году.

4) Объявления : казённые (официальные) и частные

Печатное слово необходимо было прежде всего властям генерал-губернаторства для проведения и распространения своей политики на местах, для распространения грамотности и просвещения, необходимость которых диктовалась экономическим и политическим развитием региона. Стоит отметить, что газета имела очень важное отличие от других губернских и областных периодических изданий – «Туркестанские ведомости» находились под руководством военных, которые подчинялись приказам туркестанского генерал-губернатора. Газета имела небольшой тираж – к концу XIXвека он был немногим более тысячи экземпляров.

Собственных корреспондентов за границей «Туркестанские ведомости» также не имели, но, кроме перепечатки известий из столичных и зарубежных газет, пользовались часто сведениями, поступавшими в штаб Туркестанского военного округа от русских военных атташе в Европе и Азии[3].

В газете в указанное время сотрудничали В.В.Бартольд, Л.С.Берг,К.Глинка-Янчевский, И.В.Мушкетов, В.Ф.Ошанин, Н.А.Северцов, А.П.Федченко. Тираж газеты составлял 1000-2500 экземпляров.

Редакторами Туркестанских ведомостей являлись в разные времена Михаил Владимирович Грулёв, Аполлоний Павлович Романович (ред. В 1892-1899г.); Николай Гурьевич Маллицкий (1901-1906гг.); Иван Дионисьевич Ягелло – и.о.ред.газеты «Туркестанские ведомости» в 1913г.[4],

Следует заметить, что все авторы, которые освещали события политической, культурной и экономической жизни Туркестанского края, являлись, как уже отмечалось выше, военными, которые были так или иначе заинтересованы в изучении обычаев и обрядов, нравов населения Туркестанского края, то есть многие работы и статьи в газете носили не только исторический, экономический, но и несколько этнографический характер. В частности, исследователь края Бендерский Н.А. описывал в своей работе социально-экономическое положение бекства в начале XXв., его население[5]; Логофет Д.И. дал сведения по Кулябскому бекству и его населению, в частности, этнический состав, его занятия, некоторые стороны семейного и общественного быта[6]; Снесарев А.Е. описывает характер, одежду, ткани, религию, семью и семейные отношения, смерть и похоронные обряды горцев Памира[7]; этнограф М.С.Андреев даёт материал об образе жизни населения, в частности показывает состязания в стрельбе из лука, называемые здесь «мерган» или «камонаки», которые устраивались на торжествах по случаю рождения ребенка, игру «подшовазир», устраиваемую на свадьбах в основном среди молодёжи и т.п.[8.]; он же в статье «Блины в Припамирских странах» рассматривая памирские языки и диалекты, как этнограф подчеркивает, что «В верховьях Аму-Дарьи, в глухих, замкнутых высокогорных долинах, сдавленных Гиндукушем и Памиром, ввиду их труднодоступности и изолированности сохранились остатки древней культуры и быта-сокровищницы для науки, для понимания жизни далёкого прошлого, функционировавшего когда-то на равнинах Средней Азии»[9] и их следует быстро фиксировать, а также и другие статьи о жизни и быте таджиков.

Так, вопросы празднования различных древних праздников земледельцев, в частности Навруза населением края также интересовали исследователей. Исследователь Вяткин В.Л. приводит свои заметки о праздновании Навруза в Самарканде[10]. Автор пишет об обрядах разжигания огня на празднике, крашения яиц, их битья, питья заговорённой воды, восхождения на высокие места, хождения с огнём на арык Оби Рахмат, купание в этом арыке, предсказания, употребление в пищу преимущественно птичьего мяса, взаимное дарение яиц, хождение с визитами, гуляния за городом, скачки с козлом, борьба и пр., что мы наблюдаем в праздновании Навруза и по сегодняшний день.

В частности военные, приводя рекогносцировку какой –либо территории Туркестанского края, одновременно приводят и этнографический материал по таджикам, описывая их быт, семью, занятия и т.п. Например, Серебренников А.В., приводя вопрос рекогносцировки Шугнана в 1894 году, одновременно уделяет внимание семье, отмечая, что здесь она моногамная, говорит о существовании на Памире больших патриархальных семей, и о том, что авлоды(род) жили отдельно в хуторах. И далее отмечает, что экономической основой большой патриархальной

семьи являлась собственность на землю, рабочий скот и орудия труда, которые считались собственностью главы дома, отца семьи. Также автор приводит материал существовавшие здесь подати, говорит о существовании здесь натурального оброка, барщины по каждому отдельному дому, говорит о нежелательности раздела молодых семей и т.п.[11] Капитан Александрович в Сообщениях корпуса военных топографов 3 декабря 1894 года в Ташкентском военном собрании, наряду с другими вопросами, затрагивает вопросы одежды и обуви таджиков Шугнана, говоря, что по снегу они ходят в чапарах, на ноги надевают мягкие чупяки без калош и т.п.[12] То есть вопросам жизни и быта таджиков, их одежды, устройства семьи и др. уделялось особое значение.

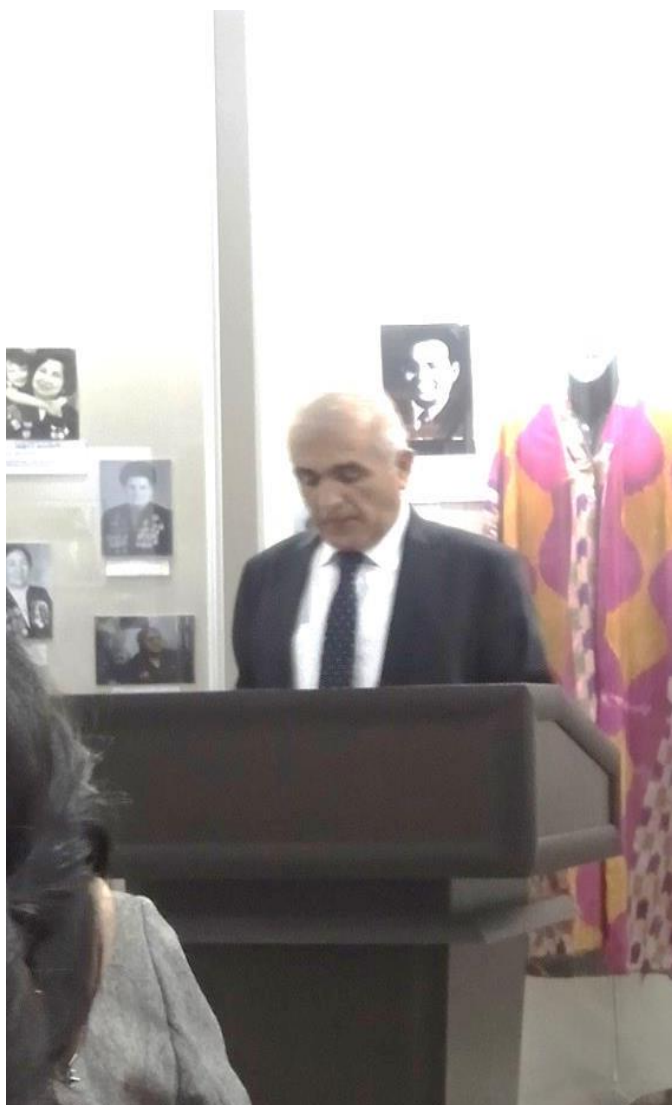
Другие вопросы, в частности «Весы и меры в Средней Азии» приводятся в этой же газете в сообщении неизвестного автора «Н.П-в»[13]. Так, отмечает автор, на Памире существовали общепринятые меры веса и длины – тюбетейка (*токи*). Так, 4 тюбетейки равнялись одному *табаку* (деревянной чаше) и один *кауш* равнялся одному пуду: *бток* равнялись одному *сэру или 20 футов*. В то же время, материал – *матю* измерялся кусками. Так, *саман* (рубленая солома) измерялась *копами* (мешками). Расстояние между пунктами – «если выедешь утром, доедешь после обеда» и т.д., что являлось непривычным, и в то же время, очень полезным для путешественников, посетивших этот край в то время, а также в торговле в нём.

Таким образом, на основе данных только некоторых нескольких статей из газеты «Туркестанские ведомости», освещавшей события политической жизни в Туркестанском крае, отмечается наличие большого количества этнографических материалов, в частности повседневной жизни таджиков различных регионов. Все они имеют весьма ценный характер и раскрывают вопросы жизни и быта таджиков в конце XIX-начале XXв.

Литература

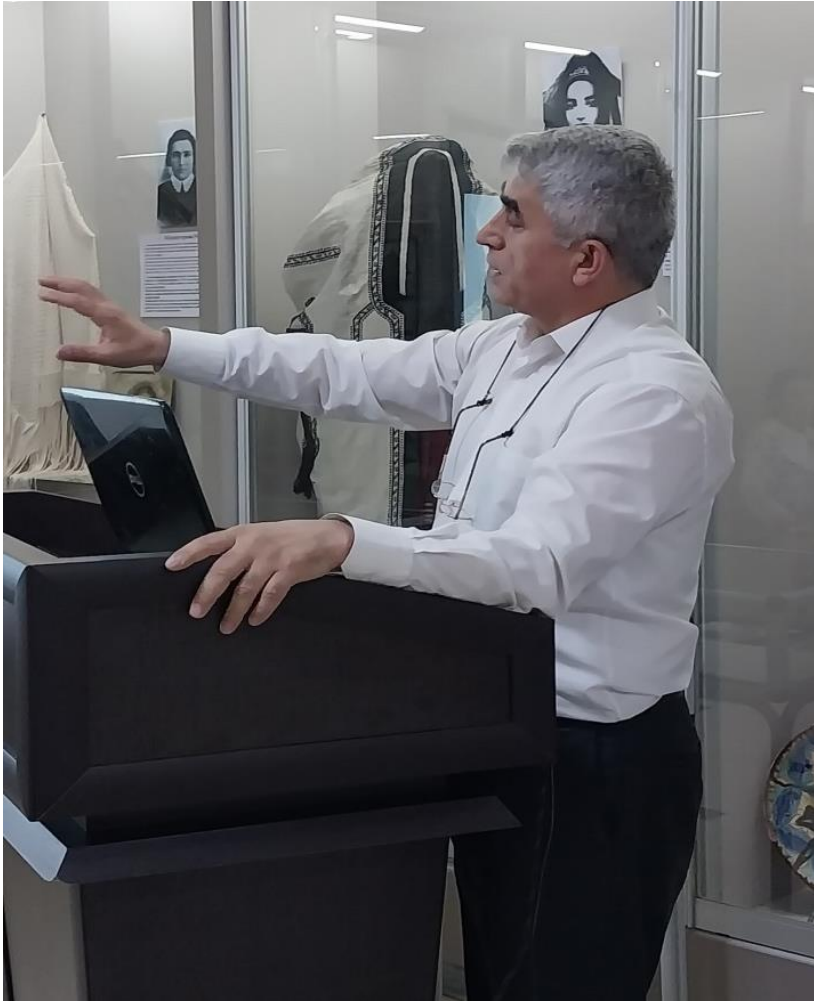
- 1.«Туркестанские ведомости», №4 от 16 (28) января 1894г.
- 2.«Туркестанские ведомости». №1242 от 16 (28) января 1894г. №4.-С.2.
- 3.Рыженков М.Р. Газета «Туркестанские ведомости»:1870-1917гг. //Вопросы истории. 1986.№10. С.178-183;И.В.Макаров. «Большая игра» в 1880-1890-х гг. в отражении газеты «Туркестанские ведомости» //Вопросы истории, археологии, политических наук и регионоведения (Сб. маг-лов ХУ Всероссийской (с международным участием) научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых учёных (Томск, 29-30апреля 2019 г.) Вып.15. -Томск,2019.-С.31-35.
- 4.Туркестанские ведомости //Энциклопедический словарь Брокгаузена и Ефрона:в 86г. (82г. и 4 доп.).-СПб.,1890-1907.; Басханов М.К. «У ворот английского могущества»; А.Е.Снесарев в Туркестане, 1899-1904гг. СПб., Нестор-История,2015.-328с. с илл.,карты.; копии «Туркестанских ведомостей» в путеводителе РНБ «Газеты в сети и вне её».
- 5.Бендерский Н.А. Гиссарское бекство:социально-экономическое положение бекства, его население. Туркестанские ведомости, 1905, №42.
- 6.Логофет Д.И. Кулябское бекство и его население.-Туркестанские ведомости, 1904,№111.
- 7.Снесарев А.Е. Религия и обычаи горцев Западного Памира.- Туркестанские ведомости, 1904,№89-90.

8. Андреев М. С. Вахиё. – Туркестанские ведомости, 1899, №93.
9. Андреев М.С. Блины в Припамирских странах.-Туркестанские ведомости, 1905, №32.
10. Вяткин В.Л. Навруз в Самарканде. – Туркестанские ведомости, 1897, №394.
11. Серебrenников А. Рекогносцировка Шугнана в 1894 году (Странички из истории Памирского вопроса).-Туркестанские ведомости, 1896г., №61.
12. Краткий очерк Шугнана по данным рекогносцировки 1894 года (Собрание корпуса военных топографов капитана Александровича 3 декабря 1894 года в Ташкентском военном собрании)- Туркестанские ведомости, 1895, №12.
13. Н.П.-в. Весы и меры в Средней Азии. –Туркестанские ведомости, 1874., №33

Ба матбаа супорида шуд 01.06.2024
Барои нашр имзо шуд 02.06.2024
Чопи офсетӣ. Ҷузъи чопӣ 26. Андоза 70x100^{1/16}.
Адади нашр 100 нусха. Супориши №84.

МН «Дониш»

Муассисаи нашриявӣ «Дониш»-и АМИТ
ш.Душанбе, 734063, кӯчаи Айни, 299/2.

